

АРТУР КОНАН
ДОЙЛ

Подвиги бригадира Жерара
Приключения бригадира Жерара

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

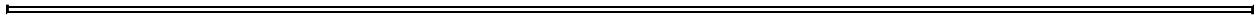
Annotation

Кавалерийский офицер Жерар – авантюрист и искатель приключений, каких действительно было немало в победоносно шествовавшей по Европе армии императора Наполеона Бонапарта. Он легкомыслен, но благороден, любит женщин и любим ими, равно готов рисковать жизнью ради Франции, ради очередной дамы сердца – или просто ради острых ощущений.

Вместе с этим обаятельным французом читателю предстоит пережить множество головокружительных приключений – иногда забавных, а иногда и смертельно опасных...

- [Артур Конан Дойл](#)
 -
 - [Подвиги Бригадира Жерара](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Приключения бригадира Жерара](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

Артур Конан Дойл

Подвиги бригадира Жерара. Приключения бригадира Жерара (сборник)

Перевод с английского С. Першиной («Подвиги бригадира Жерара»),
В. А. Хинкиса («Приключения бригадира Жерара»)

Школа перевода В. Баканова, 2012

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Подвиги Бригадира Жерара

Глава I

Как бригадир попал в темный замок

Вы молодцы, друзья, что относитесь ко мне с почтением. Уважая меня, вы уважаете Францию и свой народ. Знайте, перед вами не просто седоусый офицер, который ест омлет или попивает вино, а часть истории. Мало осталось нас, тех славных людей, что стали ветеранами в юности, научились держать саблю раньше, чем бритву, и в сотне сражений ни разу не показали неприятелю, какого цвета у них ранцы. Двадцать лет мы учили Европу воевать, а когда она усвоила урок, победить Великую армию ей удалось лишь термометром, но уж никак не штыком. В конюшнях Берлина, Неаполя, Вены, Мадрида, Лиссабона, Москвы – всюду стояли наши кони. Да, мои друзья, вы молодцы, что посылаете ко мне своих детей с цветами, ибо эти самые уши слышали, как поют трубы Франции, эти самые глаза видели ее знамена в таких краях, где их, может статься, и не увидят больше.

До сих пор, стоит задремать в кресле, мне чудится, что мимо течет доблестное воинство – егеря в зеленых мундирах, рослые кирасиры, уланы Понятовского, драгуны в белых плащах, конные гренадеры в высоких медвежьих шапках. Рассыпается барабанная дробь, сквозь клубы дыма и пыли проступают ряды киверов и обветренные лица, среди леса штыков колышутся красные султаны. Вот скачут рыжеволосый Ней, Лефевр с бульдожьей челюстью и горделивый гасконец Ланн; горит на солнце медь, развеваются перья, и тут я вижу его – человека с холодной улыбкой, покатыми плечами и взглядом, устремленным вдаль. Я кричу ему надтреснутым голосом, вскакиваю, протянув дрожащую руку... но тут сон мой обрывается, и мадам Тито вновь хохочет над стариком, что живет в окружении призраков.

Когда походы наши завершились, я командовал бригадой и ждал повышения в чин дивизионного генерала, однако, рассказывая о победах и тяготах солдатской жизни, я хочу обратиться к более ранним дням. Офицер, под началом у которого множество солдат и лошадей, помыслить ни о чем не может, кроме рекрутов, конского пополнения, фуража, кузнецов и квартир. Даже в часы отдыха ему не до шуток. А вот если он простой лейтенант или капитан и на его плечах нет ноши тяжелее эполетов, то он звенит шпорами и взмахивает ментиком, пьет вино, целует красавиц и думает лишь о том, как показать свою удаль. Тогда-то он и попадает во

всякие приключения, а потому в историях своих я поведу речь именно об этой поре. Сегодня вечером я расскажу о том, как побывал в Темном замке, о загадочном деле младшего лейтенанта Дюрока и ужасной встрече с тем, кто раньше носил имя Жана Карабена, а потом стал зваться бароном Штраубенталем.

В феврале 1807 года, сразу после взятия Данцига, нам с майором Лежандром поручили доставить из Пруссии на восток Польши четыре сотни конского пополнения. Суровая зима и великая битва при Эйлау погубили столько лошадей, что наш отважный гусарский полк едва не превратился в батальон легкой пехоты. Мы с майором знали, что нас очень ждут на передовой позиции. Продвигались мы, однако, не слишком быстро, поскольку снег лежал глубокий, дороги были отвратительные, а помогало нам всего-то двадцать солдат, догонявших свои части. Кроме того, лошадей мы кормили чем Бог послал, а в иные дни и вовсе не могли раздобыть фуража, так что они еле плелись. В книгах кавалерия всегда проносится мимо бешеным галопом, я же после двенадцати кампаний рад был и тому, что моя бригада на марше едет шагом, а в присутствии врага – рысцой. Заметьте, я рассуждаю сейчас о гусарах и егерях, что уж говорить о кирасирах и драгунах.

Сам я очень люблю лошадей, и когда под моим началом оказалось четыре сотни, все – разных лет, мастей и норовов, я с большим удовольствием о них заботился. В основном они были из Померании, некоторые – из Нормандии и Эльзаса, и нас немало позабавило наблюдение, что лошади различаются характерами, так же, как жители этих мест. Кроме того, мы заметили и позже я не раз в этом убедился, что натуру коня можно угадать по его масти: красавец буланый – капризный неженка, гнедой – смельчак, чалый послушен, а караковый любит упрямитесь. Все это никакого отношения не имеет к нашей истории, но разве может кавалерист продолжить рассказ, если в самом начале ему попадается четыреста скакунов? Таков уж мой обычай – говорить о том, что меня волнует. Надеюсь, это будет интересно и вам.

Мы переправились через Вислу напротив Мариенвердера и остановились в Ризенбурге. На почтовой станции майор Лежандр вошел ко мне в комнату с бумагой.

– Вы нас покидаете! – в отчаянии воскликнул он.

Известие меня несколько не огорчило. С вашего позволения, Лежандр был едва ли достоин такого подчиненного. Тем не менее я отдал честь, не сказав ни слова.

– Приказ Лассалья, – продолжал майор. – Немедленно поезжайте в

Рёссель, в штаб полка.

Услышав это, я несказанно обрадовался. Старшие офицеры меня ценили. Очевидно, полк вскорости ожидала серьезная работенка, и Лассаль понял, как трудно придется моему эскадрону без меня. По правде говоря, приказ доставили рановато, ведь у станционного смотрителя была дочь – белолицая, черноволосая польская красавица, с которой я рассчитывал свести знакомство поближе. Однако пешке не пристало спорить, когда ее двигают на другую клетку. Я спустился во двор, оседлал своего вороного Ратаплана и немедленно отправился в путь.

Клянусь, для бедных поляков и евреев, в чьей унылой жизни так мало радостей, мое появление стало настоящим праздником! Длинные черные ноги и дивные изгибы боков Ратаплана так и блестели, так и переливались в морозном воздухе. У меня до сих пор загорается кровь, стоит вспомнить, как стучат по дороге копыта и при каждом взмахе гордой головы звенят удила. Вы, наверное, хотите представить, каков был в двадцать пять лет я, Этьен Жерар, лучший наездник и самый лихой рубака в десяти гусарских полках? Цветом нашего, Десятого, был голубой – доломан цвета неба и такой же ментик с алыми шнурами на груди. В армии говорили, что при виде нас все бегут: женщины – к нам, а мужчины – прочь. Глаза, сиявшие тем утром в окнах Ризенбурга, казалось, умоляли меня остаться, но что мог поделать солдат, кроме как послать воздушный поцелуй и тряхнуть поводьями, проезжая мимо?

Зима меньше всего подходит для путешествий по беднейшей и самой унылой стране Европы, однако над головой моей раскинулось чистое небо, а снег на полях сверкал под холодным солнцем. Дыхание клубилось в морозном воздухе, из ноздрей Ратаплана вылетали султаны пара, а на краях его мундштука висели сосульки. Чтобы согреть коня, я пустил его рысцой, а сам задумался и почти не замечал холода. К северу и югу тянулись бескрайние равнины, усеянные темными крапинами ельников и более светлыми заплатками лиственниц. Тут и там стояли крестьянские домики; впрочем, Великая армия проходила здесь всего три месяца назад, а вы понимаете, что это значит для сельских жителей. Нет, поляков мы не трогали, но из сотни тысяч наших солдат фургонами с провиантом располагала только гвардия, остальные обходились, как могли. Меня совсем не удивило, что нигде не видно ни скота, ни дыма из труб. Великая армия опустошила эти земли. Говорили, после солдат императора нечем поживиться даже крысам.

К полудню я был в деревне Саальфельд, но поскольку ехал в сторону Остероде, где зимовал император и стояли семь пехотных дивизий, тракт

заполонили повозки и экипажи. Глядя на ящики со снарядами, фургоны, курьеров, бесконечный поток новобранцев и отставших солдат, я понял, что не скоро еще присоединюсь к своим товарищам. В полях снега навалило по грудь, так что мне оставалось лишь тащиться вместе со всеми. Как же я обрадовался, обнаружив еще одну дорогу, которая отходила от главной и вела через ельник на север! На перекрестке был трактирчик, во дворе как раз садился по коням разъезд Конфланского полка – того самого Третьего гусарского, в котором я потом служил полковником. На крыльце стоял их командир, стройный белолицый юноша, похожий больше на семинариста, чем на предводителя этих чертяк.

– Добрый день, месье, – сказал он, когда я натянул поводья.

– Добрый день. Лейтенант Десятого полка Этьен Жерар к вашим услугам.

По лицу видно было, что он обо мне наслышан. Да и кто не слышал про меня после поединка с шестью учителями фехтования? Однако держался я запросто, и вскоре молодой человек перестал смущаться.

– Младший лейтенант Дюрюк из Третьего, – представился он.

– Недавно на службе?

– С прошлой недели.

Так я и подумал, увидев, какая бледная у него кожа и как вольно держатся в седле гусары. Правда, я и сам не так давно узнал, каково мальчишке приказывать ветеранам. Помнится, я краснел, покрикивая на солдат, у которых за плечами больше сражений, чем у меня – лет. Мне все время казалось, что приличнее сказать им: «Не изволите ли построиться в шеренгу?» или «Если вы не возражаете, пустимся рысью». Потому я не стал винить лейтенанта в том, что люди не очень-то его слушают, а только бросил на них суровый взгляд. Голубчики сразу выпрямили спины.

– Скажите, месье, куда вы направляетесь по этой дороге? – спросил я.

– Мне поручено разведать обстановку до Аренсдорфа.

– Тогда я, с вашего позволения, присоединюсь к вам. Очевидно, что окольный путь намного быстрее.

Так оно и вышло. Дорога уводила в глубь местности, где хозяйничали казаки и мародеры, и была в отличие от главного тракта совершенно пуста. Мы с лейтенантом ехали впереди, за нами скакали шестеро гусаров. Дюрюк оказался славным малым, но голова у него была забита чепухой, которой учат в Сен-Сире. Он больше знал об Александре и Помпее, чем о том, как смешать фураж и ухаживать за копытами лошади. И все же, повторюсь, он был славный малый, еще не испорченный бивацкой жизнью. Я с удовольствием слушал его рассказы о сестре Мари и матери, что остались в

Амьене. Наконец мы въехали в деревеньку под названием Хайенау. Дюрок остановил коня у почтовой станции и кликнул смотрителя.

– Скажите, – обратился к нему юноша, – не живет ли в этих местах человек, называющий себя бароном Штраубенталем?

Тот покачал головой, и мы продолжили путь. Я не придавал этому никакого значения, однако в следующей деревне мой спутник повторил вопрос и снова не получил ответа. Тут я не выдержал и поинтересовался, кто же такой барон Штраубенталь.

– Это господин, – сказал Дюрок, и его нежное лицо залилось румянцем, – которому я должен передать кое-что важное.

Любопытства моего это ничуть не умерило, однако я заметил, что лейтенант не склонен со мной откровенничать. Больше я не сказал ни слова, а Дюрок продолжал спрашивать о бароне Штраубентале у каждого крестьянина.

Я же, как и полагается офицеру легкой кавалерии, осматривал местность, подмечая, в какую сторону текут реки и где их можно перейти вброд. Мы все больше удалялись от лагеря, вдоль флангов которого ехали. Далеко на юге в морозном воздухе султанами клубился дымок – то были наши аванпосты. А вот к северу ничто не отделяло нас от зимних квартир русской армии. Дважды вдали сверкнула сталь, и я обратил на вспышки внимание своего товарища. С такого расстояния мы не видели, что там происходит, однако не сомневались – это блещут на солнце копыта мародерствующих казаков.

На закате мы выехали на вершину пологого холма. Справа была небольшая деревня, а слева над верхушками сосен чернели башни какого-то замка. Навстречу нам шел крестьянин с телегой – косматый, сгорбленный, в овечьем тулупе.

– Что это за деревня? – спросил у него Дюрок.

– Аренсдорф, – ответил немец на своем варварском наречии.

– Вот где мы должны заночевать, – сказал мой товарищ.

Он снова повернулся к крестьянину и задал неизменный вопрос:

– Не подскажешь, как найти барона Штраубенталья?

– Так ведь он – хозяин Темного замка, – ответил мужчина, указав на башенки, темневшие над лесом.

Дюрок закричал, точно охотник, поднявший зверя. Поначалу я решил, что бедняга тронулся умом – глаза его засверкали, а лицо побелело как полотно. Он так оскалился, что поселянин отпрянул. До сих пор я вижу эту картину: юноша на гнедом коне подался вперед, не сводя пылающего взгляда с огромной черной башни.

– Почему ты назвал замок Темным? – спросил я.

– Все в округе так его кличут, – ответил крестьянин. – Говорят, недобрые дела в нем творятся. Недаром же там четырнадцать лет живет злодей, хуже которого во всей Польше не сыскать.

– Хозяин – польский дворянин?

– Нет, в нашей земле такие не рождаются.

– Значит, француз? – оживился Дюрок.

– Да, вроде бы, из Франции.

– Рыжий?

– Как лис.

– Да! Это он! – воскликнул мой товарищ, дрожа от нетерпения. – Сама судьба указала мне путь сюда, есть в мире справедливость!.. Скорее, месье Жерар. Сначала я должен расквартировать своих людей.

Он дал коню шпоры, и десять минут спустя мы были у дверей гостиницы Аренсдорфа, где солдаты расположились на ночь.

Я, человек посторонний, и представить не мог, что все это значит. Рёссель был далеко, но я решил проехать еще немного и попытать счастья – вдруг попадется у дороги какой-нибудь амбар, где мы с Ратапланом сможем найти пристанище. Одним глотком осушив бокал вина, я вскочил в седло, но тут на улицу выбежал Дюрок и положил руку мне на колено.

– Месье Жерар, – выдохнул он, – молю, не бросайте меня!

– Дорогой мой друг, – ответил я, – тогда вам придется рассказать, в чем дело и чего вы от меня хотите.

– Помощи! – воскликнул он. – Судя по тому, что я слышал о вас, лучшего союзника не найти.

– Вы забываете, что я должен ехать в свой полк.

– Сегодня в Рёссель вам никак не поспеть. Приедете завтра. Я буду перед вами в неоплатном долгу, если вы останетесь. Речь идет о моем добром имени, о чести моей семьи. Правда, не скрою, дело рискованное.

Он знал, как меня зацепить. Конечно, я спешил и приказал конюху отвести Ратаплана в стойло.

– Давайте вернемся в дом, – предложил я, – и вы объясните, что я должен сделать.

В общей комнате Дюрок запер дверь, чтобы нам никто не мешал. Лампа осветила его честное лицо и серебристо-серый мундир, который невероятно ему шел.

Я взглянул на этого стройного юношу, и сердце мое оттаяло. Не скажу, чтобы он держался лучше, чем я в его годы, но сходства было достаточно, и я проникся к нему сочувствием.

– Никакой особенной тайны тут нет, – начал он. – Ваше любопытство было вполне естественным, и если я до сих пор отмалчивался, то лишь потому, что мне и вспомнить больно о своей горе. Однако я не могу просить вас о помощи, ничего не рассказав.

Мой отец, Кристоф Дюрок, известный банкир, погиб во время Сентябрьских убийств. Как вы знаете, толпа врывается в тюрьмы, назначала трех так называемых судей, те выносили несчастным аристократам приговор, а потом бросали их в лапы кровожадной черни. Мой отец всю жизнь помогал беднякам, и за него просили многие. Его принесли в жару, полумертвого, на одеяле. Двое судей хотели помиловать несчастного; третий, молодой якобинец, которого этот сброд уважал за огромный рост и жестокость, стащил больного с носилок, долго пинал его тяжелыми сапогами, а затем вышвырнул на улицу. Отца растерзали. Я не в силах вам описать, в каких мучениях он умер. Как видите, даже по меркам негодяев это было убийство, поскольку двое из них высказались в пользу подсудимого.

Когда в стране вновь установился порядок, мой старший брат навел справки об этом злодее. Я, тогда еще мальчишка, слышал, что говорят родные. Подлеца звали Карабен. Он служил в гвардии Сантера и слыл отчаянным бретером. Когда якобинцы схватили некую баронессу Штраубенталь, он освободил ее, но заставил пообещать, что она, со всем своим богатством в придачу, достанется ему. Так Карабен женился, взял ее фамилию и титул, а когда Робеспьеру пришел конец, бежал из Франции. Мы потеряли его след.

На первый взгляд найти мерзавца было проще простого, ведь мы знали его новое имя. Однако после революции семья наша обеднела, а вести поиски без денег весьма затруднительно. Когда настало время Империи, нам пришлось еще тяжелее. Наполеон, как известно, решил, что восемнадцатого брюмера по всем счетам заплачено и больше вспоминать о прошлом не стоит. Но мы ничего не забыли.

Мой брат вступил в армию и прошел с ней весь юг Европы, расспрашивая о бароне Штраубентале. В прошлом октябре он погиб под Йеной, так и не отомстив за отца. Настала моя очередь. Мне повезло – чуть ли не в первой польской деревушке за две недели до отправки в полк я услышал про своего врага. А затем повезло еще больше – я встретил того, о ком в армии отзываются как о храбрейшем и благороднейшем человеке.

Все это было прекрасно, я слушал Дюрока с живейшим интересом, однако по-прежнему не понимал, чего он от меня хочет.

– Как же вам помочь?

- Пойдемте со мной.
- В замок?
- Именно.
- Когда?
- Тотчас же.
- Что вы собираетесь делать?
- Пока не знаю, но все же лучше, чтобы рядом были вы.

Что ж, от приключений я никогда не отказывался, а кроме того, всем сердцем сочувствовал юноше. Прощать врагов – хорошее дело, однако пусть им тоже будет что нам простить. Я протянул ему руку.

– Наутро я выезжаю в Рёссель, а сейчас – к вашим услугам.

Мы оставили гусар в теплых комнатах, а сами отправились в замок. До него было всего километра полтора, а потому лошадей мы не взяли.

По правде говоря, тяжело смотреть на кавалериста, идущего пешком. В седле он первый на свете щеголь, но нет зрелища смешнее, когда он приподнимает саблю и ташку и ступает, разводя пятки, чтобы колесики шпор не зацепились друг за друга. Однако мы с Дюроком были в том возрасте, когда в любых обстоятельствах выглядишь удалцом. Смею поклясться, ни одна дама не сморщила бы носик при виде двух молодых гусаров, которые вышли той ночью с почтовой станции Аренсдорфа. Оба мы вооружились саблями, а я вдобавок вытащил из седельной кобуры пистолет и спрятал его под ментиком, поскольку меня одолевало предчувствие, что работенка ждет непростая.

Дорога петляла по ельнику. Темно было хоть глаз коли, только над головой сверкала звездами рваная заплатка неба. Наконец деревья расступились, и перед нами встала огромная мрачная твердыня. От нее так и веяло седой древностью, по углам торчали башенки, а с той стороны, что ближе к нам, высился квадратный донжон. Свет горел лишь в одном окошке, кругом царила мертвая тишина. Было в этой безмолвной громаде что-то зловещее – недаром же замок прозвали Темным. Мой товарищ решительно зашагал по неухоженной дороге к воротам, и я последовал за ним.

На огромной двери не оказалось ни колокольчика, ни молотка. Пришлось дубасить в нее рукоятями сабель, чтобы привлечь внимание. Наконец нам отворил тощий человек с крючковатым носом и окладистой бородой. В одной руке он сжимал фонарь, другой придерживал на цепи громадного черного пса. Незнакомец был в ярости, но едва увидел наши мундиры и лица, сник и сдержанно нахмурился.

– Барон Штраубенталь не принимает в такой поздний час, – сообщил

он по-французски без всякого акцента.

– Доложите барону Штраубенталю, что ради встречи с ним я проделал немалый путь и пока не увижу его, с места не двинусь, – отчеканил мой товарищ.

Даже я не мог бы ответить лучше.

Человек покосился на нас и в сомнении погладил черную бороду.

– Правду сказать, господа, барон обычно выпивает по вечерам бокал другой вина. Возвращайтесь утром, и вы встретите в нем куда более приятного собеседника.

Он приоткрыл дверь, и в свете лампы я увидел, что в зале стоят трое молодчиков, держа на цепи еще одного чудовищного пса. Дюрок наверняка их заметил, однако нисколько не смутился.

– Довольно, – заявил юноша, оттолкнув бородача. – Говорить я буду с твоим хозяином.

Люди расступились. Вот какую власть имеет человек над противниками, если он в себе уверен, а те – сомневаются. Мой товарищ хлопнул одного из головорезов по плечу, точно слугу.

– Веди меня к барону.

Тот пожал плечами и ответил что-то на польском. Видимо, по-французски говорил только бородач, который тем временем запер на засов дверь.

– Будь по-вашему, – сказал он, зловеще ухмыляясь. – Ступайте к барону. Очень скоро вы пожалеете, что не послушали моего совета.

Вслед за ним мы пересекли огромный зал. Пол в нем был вымощен каменными плитами, тут и там валялись шкуры, а со стен глядели на нас головы диких зверей. Дойдя до конца, человек толкнул дверь, и мы вошли.

В маленькой, почти пустой комнате, как и всюду, царили грязь и разруха. Стену закрывал выцветший гобелен; один его угол повис, обнажив грубую кладку. Напротив была еще одна дверь, занавешенная портьерой. Перед ней стоял длинный стол с грязными блюдами, объедками и винными бутылками, а во главе, лицом к нам, сидел великан – истинный лев с копной огненно-рыжих волос и свалявшейся, жесткой, точно лошадиная грива, бородачицей. На своем веку я видел немало странных лиц, но еще не встречал такой зверской физиономии. Голубые глазки сверкали злобой, бледные щеки ввалились и сморщились, а из чудовищной бороды торчала толстая губа. Барон качнул головой и вперил в нас мутный взгляд. Штраубенталь хоть и был пьян, все же заметил, какие на нас мундиры.

– Ну, brave солдатики, – сказал он, икнув, – что новенького в Париже? Вы, говорят, хотите освободить Польшу, а сами стали рабами –

рабами аристократишки в серой шинели и двууголке. Я слышал, и граждан больше нет, кругом одни месье и мадам. Сдается мне, однажды утром в корзину полетят новые головы.

Дюрок подошел к негодяю.

– Жан Карабен!

Барон вздрогнул, и глаза его немного прояснились.

– Жан Карабен, – повторил юноша.

Барон выпрямился, сжав подлокотники кресла.

– Что вы этим хотите сказать, молодой человек? – спросил он.

– Жан Карабен, я долго вас искал.

– Допустим, когда-то меня так звали, но в то время ты был еще мальчишкой. Какое тебе до этого дело?

– Мое имя Дюрок.

– Не сын ли...

– Сын человека, убитого вами.

Хотя барон выдавил из себя усмешку, в его глазах затаился ужас.

– Что было, то прошло! – крикнул подлец. – В те дни выбирать не приходилось, если ты хотел остаться в живых. Или аристократы, или народ. Либо мы перебьем их, либо они – нас. Твой отец был жирондист. Он пал, а я поднялся на вершину. Большинство же моих соратников плохо кончили. Превратности войны. Забудем их и познакомимся поближе.

Он протянул юноше дрожащую красную руку.

– Довольно, – сказал Дюрок. – Мне бы сейчас проткнуть вас прямо в кресле, вот это было бы правильно. Скрестить с вами саблю – бесчестье для моего клинка. И все же вы – француз, мы с вами служили под одним знаменем. Вставайте и защищайтесь!

– Какие глупости! – вскричал барон. – Это все хорошо для вас, молодых...

Дюрок не вытерпел и ударил его наотмашь, прямо в середину рыжей бороды. Я увидел губу, покрытую кровью, а выше – сверкающие от ярости глаза.

– Ты заплатишь за это жизнью!

– Так-то лучше, – сказал юноша.

– Саблю! – воскликнул барон. – Я скоро вернусь!

Он выскочил из комнаты.

Я уже говорил, что в комнате была вторая дверь. Едва барон скрылся, из-за портьеры выбежала прелестная девушка. Она так быстро порхнула к нам, что мы не успели и глазом моргнуть, лишь колыхание занавеси указывало, откуда она появилась.

– Я все видела! – воскликнула красавица. – О, месье, вы герой!

Она схватила руку моего товарища и целовала ее до тех пор, пока тот не сумел высвободиться.

– Стойте, мадам! Почему вы целуете мне руку?

– Потому что она ударила его по гнусным лживым губам. Потому что, может статься, она отомстит за смерть моей матушки. Я – падчерица этого негодяя, дочь женщины, чье сердце он разбил. Я ненавижу его и боюсь. Шаги! Это он!

Девушка исчезла так же внезапно, как появилась. Вошли барон с саблей наголо и человек, что привел нас.

– Мой секретарь, – сказал Штраубенталь. – Он будет секундантом. Однако нам нужно другое помещение. Надеюсь, вы не откажетесь пройти со мной.

Бесспорно, драться в комнате, занятой огромным столом, было невозможно. Мы вышли в сумрачный зал. Вдалеке за открытой дверью горел огонек.

– То, что надо, – сказал чернобородый.

В просторной комнате без мебели вдоль стен стояли ряды бочонков и ящичков, на полке в углу ярко горел фонарь, пол был твердый и ровный. Чего еще желать фехтовальщику? Дюрок выхватил из ножен саблю и влетел внутрь. Барон с поклоном отступил, пропуская меня. Я шагнул через порог, и вдруг тяжелая дверь с грохотом захлопнулась, лязгнул ключ. Ловушка!

На миг мы остолбенели – такая низость просто в голове не укладывалась, – но вскоре поняли свою ошибку. Разве можно было хоть в чем-то довериться такому негодяю? Как же мы разозлились! Мы кляли его за подлость, а себя – за глупость. Мы бросились к двери, колотили в нее, пинали тяжелыми сапогами. Наверное, гром ударов и брань разносились по всему замку. Мы называли барона такими словами, что пробрало бы самого закоренелого мерзавца. Однако дверь была прочной, как и положено двери средневекового замка, ее сделали из толстенных досок, скрепленных железными полосами. Разбить ее оказалось не проще, чем каре Старой гвардии. Напрасно мы кричали и барабанили, только эхо гулко отзывалось из-под высокого потолка. Послужив в армии, быстро привыкаешь мириться с неизбежным. Потому я первым взял себя в руки и убедил Дюрока вместе осмотреть место, ставшее нам темницей.

Здесь было всего одно окошко без стекла, такое узкое, что и головы не высунуть. Располагалось оно высоко, и Дюроку пришлось встать на бочку, чтобы взглянуть в него.

– Что там? – спросил я.

– Ельник и дорога. А это еще кто? – вдруг воскликнул он.

Я тоже вскочил на бочку. Как и сказал юноша, внизу лежала заснеженная дорога. По ней, нахлестывая коня, бешеным галопом скакал всадник. Фигурка становилась все меньше и меньше, пока наконец не растаяла в лесной темноте.

– Что это значит? – спросил мой друг.

– Для нас – ничего хорошего. Наверное, он поехал за какими-нибудь разбойниками, чтобы те перерезали нам глотки. Давайте посмотрим, не получится ли сбежать из мышеловки, пока не явился кот.

С чем нам повезло, так это с лампой. Она была почти полной, масла хватило бы до утра, так что в темноте шарить не пришлось. Мы стали осматривать тюки и ящики. В некоторых местах их сложили в ряд, а в одном углу нагромодили почти до самого потолка. Похоже, мы оказались в кладовой замка. Чего только здесь не было: и сыры, и всевозможные овощи, и корзины сушеных фруктов, и строй бочек с вином. В одной из них я заметил кран и, поскольку сильно проголодался, с удовольствием перекусил за стаканчиком кларета. Что касается Дюрока, тот на еду смотреть не мог и все ходил взад-вперед по кладовой, сгорая от гнева и нетерпения.

– погоди, мерзавец! – то и дело восклицал он. – Я до тебя еще доберусь!

Все бы ничего, но пока я ужинал, сидя на огромном сырном колесе, мне не давала покоя мысль, что юноша больше волнуется о чести семьи, чем о том, в какую переделку я угодил по его милости. В конце концов, отец Дюрока уж четырнадцать лет как лежит в могиле, и горю ничем не помочь, а между тем Этьену Жерару, самому bravому солдату Великой армии, грозит опасность погибнуть в самом начале блестящей карьеры. Никто не узнает, каких вершин я мог бы достичь, если меня прикончат из-за участия в темном дельце, которое не имеет отношения ни к Франции, ни к императору. Я все думал, какой же я дурак, ведь меня ждали великие сражения и все, чего душа пожелает, а я ввязался в безрассудную авантюру. Мало мне четверти миллиона русских!..

– Хорошо, – сказал я, когда Дюрок пробормотал очередную угрозу. – Когда выберетесь отсюда, можете делать с бароном что хотите. Пока же вопрос скорее в том, что сделает с нами он.

– Мне все равно! – воскликнул мальчишка. – У меня долг перед отцом.

– Ну что за безрассудство, – ответил я. – У вас долг перед отцом, а у меня – перед матушкой, и он в том, чтобы выбраться из этой передраги

целым и невредимым.

Мое замечание охладило его пыл.

– Я совсем забыл о вас! – воскликнул Дюрок. – Простите, месье Жерар. Говорите, что я должен сделать!

– Ладно, – сказал я, – вряд ли нас тут заперли, чтобы угостить сыром. Нет сомнений, нас хотят прикончить. Мерзавцы надеются, что никто не знает, где мы, и если мы не вернемся, искать нас тут не станут. Вы предупредили своих гусар, куда отправились?

– Нет.

– Хм. Смерть от голода нам явно не грозит. Подлецы решили нас убить, но для начала им придется сюда войти. Если мы соорудим баррикаду из бочек, то пятерым злодеям с нами не справиться. Вот почему они послали за подмогой.

– Нужно что-то предпринять, пока гонец не вернулся.

– Именно. Медлить нельзя.

– Поджечь дверь?

– Нет ничего проще. В углу стоят бочонки с маслом. Только вот мы и сами подкоптимся, как две устрицы.

– Как же нам быть? – в отчаянии воскликнул юноша. – Пойдите! Что это?

За окном послышался шорох, звездное небо заслонила тень. Показалась белая ручка, и в ее пальцах что-то блеснуло.

– Скорее! Сюда! – позвал женский голос.

Мы вскочили на бочки.

– Они послали за казаками. Вашей жизни грозит опасность... Ах! Я пропала! Пропала!

Мы услышали топот, хриплое проклятие, удар, и в окне вновь остались только мерцающие звезды. Мы беспомощно стояли на бочках, похолодев от ужаса. Полминуты спустя до нас долетел приглушенный крик. Где-то в ночном безмолвии грохнула дверь.

– Мерзавцы ее убьют! – крикнул я.

Дюрок спрыгнул на пол, рыча, как безумный, и стал колотить в дверь с таким остервенением, что каждый удар оставлял на досках кровавое пятно.

– Смотрите! – воскликнул я, подняв с пола ключ. – Наверняка это девушка бросила его, когда ее схватили.

Мой товарищ с радостным воплем выхватил у меня ключ, но вскоре отшвырнул его. Он оказался таким крошечным, что утонул в огромной замочной скважине. Дюрок опустил на ящик, сжав голову руками, и всхлипнул. Мне тоже захотелось плакать при мысли о бедняжке. Спасти ее

мы были не в силах.

Однако Этьена Жерара так легко с толку не собьешь. Девушка принесла этот ключ неспроста. Раздобыть для нас тот, что отпирал дверь, у красавицы не вышло – наверняка кровожадный отчим носил его в кармане. Если маленький ключик бесполезен, стала бы она рисковать из-за него жизнью? Так неужели мы настолько глупы и не найдем, к чему он подходит?

Я принялся расчищать пространство у стены. Моя решимость вселила в Дюрока надежду, и он тоже с превеликим рвением взялся за дело. Нам пришлось как следует потрудиться, ведь здесь было много больших и тяжелых ящиков. Мы работали как одержимые, сваливая бочки, сыры и коробки в кучу посреди комнаты. Наконец в углу осталась лишь огромная бочка с водкой. Выкатив ее оттуда, мы увидели в деревянной обшивке стены низенькую дверцу. Ключ подошел, и, к нашей великой радости, дверца отворилась. Я с лампой в руке протиснулся внутрь, Дюрок последовал за мной.

Мы оказались в погребе с грубыми каменными стенами. Это был пороховой склад. Кругом стояли бочонки, один, с проломленным верхом, валялся на боку. Порох из него высыпался и лежал на полу черной кучкой. Дальше виднелась еще одна дверь, но она была заперта.

– Положение ничуть не лучше, – простонал Дюрок. – Ключа-то нет.

– Нет? Да их у нас целая дюжина! – воскликнул я.

– Где?

Я показал на ряд пороховых бочек.

– Вы хотите взорвать эту дверь?

– Конечно.

– Но тогда взорвется и погреб.

Он был прав, однако смекалка меня не подвела.

– Тогда взорвем дверь кладовой! – воскликнул я.

Я бросился назад и схватил жестяную банку со свечами. Величиной она была примерно с мой кивер, и в нее вошло бы несколько фунтов пороха. Я срезал конец свечи, а Дюрок насыпал в банку порох. Полковник инженерных войск, и тот не смог бы сделать лучшей петарды. Я положил друг на друга три сырных колеса и поставил ее сверху, прислонив к замку. Мы подожгли фитиль, бросились в укрытие и захлопнули за собой дверь.

Шутка ли, друзья мои, – сидеть рядом с такой горой пороха? Если пламя взрыва проникнет через тонкую дверцу, наши обугленные руки и ноги взлетят выше главной башни. Кто бы поверил, что коротенькая свечка может гореть так долго? Я все прислушивался, не стучат ли по дороге

копыта, не скачут ли на расправу с нами казаки. Я уже решил, что фитилек свечи погас, как вдруг дверь склада со страшным грохотом разлетелась, и нас осыпало кусками сыра, репой, яблоками и щепками. Мы выскочили в кладовую. Все кругом заволокло густым дымом, пол устилали обломки и всевозможный мусор, а на месте двери светился пролом. Петарда сделала свое дело.

Сказать по чести, мы и надеяться не смели, что взрыв нам так поможет – он сокрушил не только тюрьму, но и тюремщиков. У самого входа на спине лежал человек с мясницким топором, во лбу подлеца зияла рана. Рядом извивался в агонии огромный пес. Он привстал, и я заметил, что две лапы у него сломаны и болтаются, точно цепи молотила. В тот же миг раздался вопль Дюрока – другая собака вцепилась ему в горло, прижав к стене. Юноша отталкивал ее, отбивался саблей, но тщетно. Лишь когда я выстрелил в голову этого чудовища, оно разжало свои железные челюсти, и его злобные, налитые кровью глаза остекленели.

Медлить было нельзя. Впереди раздался женский крик, исполненный смертельного ужаса, и мы поняли: еще секунда, и будет поздно. В зале оказалось еще двое головорезов, но они тут же шарахнулись в сторону, едва взглянули на наши сабли и гневные лица. С шеи Дюрока на серую опушку ментика лилась кровь. Однако юноша впал в неистовство, он рванулся вперед, обогнав меня, и только из-за его плеча я увидел, что происходит в комнате, где мы впервые встретили хозяина Темного замка.

Посреди нее стоял барон, его спутанная грива топорщилась во все стороны, точно у разъяренного льва. Как я уже говорил, он был рослый, широкоплечий. Глядя на этого великана с багровым лицом и саблей в руке, я не удержался от мысли, что он хоть и страшный злодей, а все же сгодился бы в гренадеры. Позади него в кресле съежилась девушка. На ее белой ручке краснел рубец, а на полу валялся хлыст для собак. Еще чуть-чуть, и мы не успели бы спасти ее от мучителя. Когда мы ворвались в комнату, барон взвыл как волк и бросился на нас, изрыгая проклятия и размахивая саблей.

Я упоминал раньше, что комната была слишком тесна для поединка. Мой друг стоял в узком проходе между столом и стеной, так что я ничем не мог ему помочь. Юноша недурно управлялся с оружием, бился яростно и проворно, точно дикий кот, однако в тесноте его могучий, грузный противник обладал преимуществом. Кроме того, фехтовальщик он был отменный. Барон парировал и наносил ответные удары с быстротой молнии. Его клинок дважды задел плечо Дюрока. Тот сделал выпад, оступился, и Штраубенталь взмахнул саблей, намереваясь прикончить

врага, прежде чем он твердо встанет на ноги. Однако я оказался быстрее и подставил под удар навершие эфеса.

– Прошу прощения, вас еще ждет Этьен Жерар!

Барон отступил и привалился спиной к гобелену, часто и хрипло дыша – порочная жизнь не пошла ему на пользу.

– Отдохните, – сказал я. – Не стану вас торопить.

– Вам-то зачем со мной драться? – пропыхтел он.

– Надо же уделить вам немного внимания за то, что вы заперли меня в кладовой. А кроме того, мне хватит и причины, которую я вижу на руке этой дамы.

– Будь по-твоему! – прорычал он и ринулся на меня, как безумный.

Некоторое время я видел только сверкающие голубые глаза и окровавленное острие, что со свистом пронзало воздух то слева, то справа, но постоянно возвращалось, целя мне в горло и в грудь. Кто бы мог подумать, что в дни революции в Париже так искусно фехтовали. За всю жизнь я не встречал и шестерых противников, которые умели владеть саблей лучше. И все же злодей понял, что обречен. В моих глазах он прочел свой приговор. Лицо барона побледнело, он задыхался, но даже мой смертельный удар его не остановил. Он все размахивал саблей, осыпая меня грязной руганью, а его бороду заливала кровь. На мою долю выпало столько битв, что и не упомнить, и я немало повидал ужасных картин. Однако ничто не заставляет меня содрогаться так, как мысль о багровом пятне, расплывавшемся по огненно-рыжим космам, из которых я вытащил клинок.

Конечно, тогда рассуждать об этом мне было некогда. Едва барон рухнул, девушка, сидевшая в уголке, с радостным криком вскочила и захлопала в ладоши. Дама, ликующая при виде крови, вызвала у меня отвращение. Я и не подумал, какие страдания довелось ей вынести, если она утратила женскую слабость, и уже хотел ее отчитать, как вдруг почувствовал странный удушливый запах. Желтый свет выхватил из сумрака фигуры на выцветшем гобелене.

– Дюрок! Дюрок! – закричал я, тряся товарища за плечо. – В замке пожар!

Обессилев от ран, молодой человек лишился сознания. Я выбежал в зал посмотреть, откуда надвигается опасность. После взрыва сухое дерево дверной рамы вспыхнуло, в кладовой уже загорелись коробки. Я заглянул в пролом, и кровь застыла у меня в жилах – в глубине виднелись пороховые бочки, а перед ними темнела кучка пороха. Не пройдет и нескольких минут, как туда доберется огонь. Друзья мои, до самой смерти я буду видеть, как

ручейки пламени бегут к этой черной горке!

Что случилось потом, я припоминаю лишь смутно. Я ворвался в комнату, схватил безвольную руку Дюрока и потащил его за собой, а девушка тянула за другую. Мы выбежали из ворот на снежную дорогу и не останавливались, пока не достигли опушки леса. За спиной послышался треск, я обернулся и увидел, как в зимнее небо взлетел огромный огненный столб. Раздался оглушительный грохот, деревья и звезды закружились у меня перед глазами, и я без чувств рухнул на тело своего товарища.

Прошло много дней, прежде чем я пришел в себя на почтовой станции Аренсдорфа, и еще больше, прежде чем узнал, что произошло. Поведал мне обо всем не кто иной, как Дюрок, который уже готов был вернуться к службе и пришел меня навестить. Это он рассказал, что обломок бревна угодил мне в голову и чуть живого уложил на землю. Польская девушка побежала в деревню, подняла наших гусар, и те едва успели спасти нас от казаков, которых привел чернобородый секретарь – тот самый, кто на наших глазах унесся галопом по снежной дороге. Что до смелой девушки, дважды спасшей нам жизнь, в тот день я больше ничего о ней не услышал. Но два года спустя, когда нам с Дюроком довелось повстречаться в Париже после Ваграмской битвы, я не слишком-то удивился, обнаружив, что знаком с его невестой и что по странной прихоти фортуны он сам, если того захочет, мог пользоваться именем и титулом барона Штраубенталя и стал владельцем обгорелых руин Темного замка.

Глава II

Как бригадир сразил братьев из Аяччо

Когда императору требовался верный человек, он с большой охотой вспоминал Этьена Жерара, хотя частенько забывал это имя, раздавая награды. И все же в двадцать восемь лет я был полковником, а в тридцать один – бригадиром, мне грех жаловаться на судьбу. Продлись война еще два-три года, я, может статься, взял бы в руки маршальский жезл, а там недалеко было и до трона. Сменил же Мюрат гусарский кивер на королевский венец. Так почему бы таких вершин не достичь другому кавалеристу? Все мои мечты развеяла битва при Ватерлоо, но пусть я и не вписал свое имя в историю, тем, кто участвовал в великих войнах Империи, оно хорошо знакомо.

Сегодня вечером я хочу рассказать вам об особенном приключении, которое стало причиной моего стремительного взлета и благодаря которому между императором и мной завязалась тайная дружба.

Однако для начала нужно предупредить вас кое о чем. Не забывайте, перед вами участник этих событий. Я говорю о том, чему сам был свидетелем, а потому не пытайтесь опровергнуть мои слова, цитируя мнение студента или какого-нибудь литератора, написавшего исторический труд или мемуары. Эти люди мало что знают, и много есть такого, что навеки останется для мира тайной. У меня самого найдется в запасе несколько удивительных секретов, и я непременно открыл бы их вам, когда бы имел на то право. При жизни императора я и словом не обмолвился бы о приключении, которое мне сегодня вспомнилось. Я дал ему клятву молчать, но теперь, полагаю, не будет вреда, если я расскажу о той примечательной роли, которую сыграл.

Надо сказать, когда подписали Тильзитский мир, я, простой лейтенант Десятого гусарского, не располагал ни особыми деньгами, ни долей в каком-нибудь предприятии. Правда, мой облик и отвага сослужили мне хорошую службу, и я успел уже снискать в армии славу превосходного фехтовальщика, но чтобы выделиться среди множества смельчаков, окружавших императора, нужно было что-то побольше этого. Однако я верил в свою звезду, хоть и представить не мог, в каком невероятном обличье придет ко мне удача.

В 1807 году, после заключения мирного договора, Наполеон возвратился в Париж и много времени проводил с императрицей и двором

в Фонтенбло. То были дни его триумфа. После трех победоносных кампаний Австрия уgomонилась, Пруссия встала на колени, а русские благодарили Господа, что успели сбежать за Неман. Старый бульдог по ту сторону Ла-Манша еще рычал, но не мог далеко отойти от своей конуры. Если бы тогда с войной покончили, Франция поднялась бы так высоко, как не поднимался еще ни один народ после римлян. Так говорили мудрые люди, правда, сам я в то время думал совсем о другом. Армия возвратилась из долгих походов, и все девушки были нам рады. Уверяю вас, я получил свою долю благосклонности. Вы поймете, как меня любили, если я скажу, что даже сейчас, на шестидесятом году... впрочем, стоит ли распространяться о том, что и так уже достаточно известно?

Наш гусарский полк и конные егеря Гвардии квартировали в Фонтенбло. Как вы знаете, это небольшое местечко, скрытое в сердце леса, и весьма странно было видеть там толпу великих герцогов, курфюрстов и князей, что теснились в те дни вокруг Наполеона, словно щенки вокруг хозяина в надежде, что им перепадет косточка. На улицах куда чаще французской слышалась речь немецкая, ибо союзники Франции в последней войне приехали просить награды, а враги – милости.

Каждое утро наш маленький капрал с бледным лицом и холодными серыми глазами отправлялся на охоту. Он скакал, погруженный в глубокие раздумья, а все эти люди следовали за ним, ожидая, не обронит ли он хоть слово. Если ему заблагорассудится, он мог подарить одному человеку огромные земли, а у другого отнять владения, увеличить королевство, проложив границу вдоль реки, или разделить его по горному хребту. Вот как вел дела этот артиллерист, которому наши сабли и штыки проложили дорогу к трону. Он всегда нас жаловал, понимая, кому обязан властью, и мы это знали тоже, а потому держали головы высоко. Конечно, для нас он был лучшим полководцем на свете, однако мы помнили, что под началом у него – лучшие в мире солдаты.

Так вот, однажды мы с юным Моратом из конно-егерского играли в карты у себя на квартире. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел Лассаль. Вы знаете, каким он слыл удалцом и щеголем, а уж в небесно-голубой форме Десятого от него и вовсе глаз было не отвести. Мы, желторотики, так его любили, что бранились, играли в кости, пили и строили из себя дьяволов, лишь бы походить на своего полковника! Мы не понимали, что Наполеон решил отдать под его начало легкую кавалерию вовсе не за пристрастие к выпивке и азартным играм, а потому, что во всей армии никто не умел так верно оценить местность или силу колонны, выбрать лучший момент для атаки на пехотное каре и заметить, где

остались без прикрытия пушки. Нам, юнцам, это было невдомек, а потому мы вощили усы, щелкали шпорами и носили сабли пониже, стирая ножны о мостовую, в надежде, что станем Лассальями. Когда он, позвякивая шпорами, вошел в комнату, мы с Моратом вскочили.

– Мальчик мой, – сказал полковник, хлопнув меня по плечу, – в четыре тебя ждет император.

Все завертелось у меня перед глазами, и мне пришлось опереться на карточный стол.

– Что?! – воскликнул я. – Император?

– Именно, – ответил полковник, с улыбкой глядя на мое растерянное лицо.

– Но император даже не знает, что я существую. Как же он мог за мной послать?

– Это и меня удивило, – отвечал Лассаль, покручивая ус. – Если ему понадобилась верная сабля, зачем искать ее среди лейтенантов, когда у него есть я? Однако, – добавил он и снова добродушно хлопнул меня по плечу, – каждому светит счастливая звезда. Не иначе как я свою уже поймал, ведь я – полковник Десятого гусарского. Теперь пришла твоя очередь. Вперед, мой мальчик. Пусть это станет первым шагом вверх по лестнице, в конце которой ты сменишь кивер на двууголку.

Было только два часа, и Лассаль ушел, пообещав вернуться и проводить меня во дворец. Боже милосердный, что я за это время пережил, сколько предположений строил, гадая, что нужно от меня императору!.. Снедаемый волнением, я расхаживал взад-вперед по своей комнатке. Может, он узнал о пушках, которые мы захватили под Аустерлицем? Но пушки под Аустерлицем захватили многие, и с той битвы прошло уже два года. Или он хочет наградить меня за тот случай с адъютантом русского императора? Но тут я начинал думать, что меня вызывали из-за какой-то провинности, и сердце мое холодело. Было две-три дуэли, которые могли ему не понравиться, да и в Париже после заключения мира я успел немного покуролесить.

Нет! Я вспомнил, что сказал полковник о верной сабле, которая нужна императору.

Очевидно, Лассаль о чем-то догадывался. Не стал бы он меня поздравлять, если бы мне грозили неприятности. Я приободрился и сел писать своей матушке, что в эту самую минуту меня ждет император – хочет узнать мое мнение по одному важному вопросу. Я невольно улыбнулся, подумав, что это удивительное событие для нее станет лишь подтверждением того, что Наполеон – человек здравомыслящий.

В половине третьего я услышал, как по ступеням деревянной лестницы гремит сабля. Вошел Лассаль, а за ним – хромой господин в рубаше с элегантным жабо и манжетами и черном костюме. Мы, вояки, мало водили знакомство с гражданскими, но, клянусь, от этого человека отмахнуться было нельзя! Одного взгляда на блестящие глаза, смешной вздернутый нос и прямой, резко очерченный рот хватило мне, чтобы понять – передо мной персоне, с которой считается сам император.

– Месье Талейран, разрешите представить вам Этьена Жерара, – сказал полковник.

Я отдал честь, и государственный муж смерил меня от султана до шпор взглядом, который был остр, как рапира.

– Вы рассказали месье Жерару, при каких обстоятельствах его потребовал к себе император? – спросил он сухим и скрипучим голосом.

Я не знал, на ком остановить взгляд, до того разными были эти двое: черный проныра-политик и плечистый великан в голубой форме, что стоял, уперев одну руку в бок, а другую положив на рукоять сабли. Оба сели, Талейран – бесшумно, Лассаль – звякнув шпорами, точно боевой конь – сбруей.

– Дело вот в чем, сынок, – начал полковник с обычной своей прямоотой. – Сегодня утром, когда я был в кабинете императора, ему принесли записку. Развернув ее, он так вздрогнул, что она выпала у него из рук. Я подал ему бумажку, но император смотрел перед собой, точно ему призрак явился. «Fratelli dell' Ajaccio, – прошептал он и повторил: – Fratelli dell' Ajaccio». Итальянский за две кампании не выучишь, и я ничего не понял. У меня промелькнула мысль, что он сошел с ума. Вы бы и сами так решили, месье де Талейран, если бы видели его глаза. Он прочел записку и полчаса сидел, точно изваяние.

– А вы? – спросил Талейран.

– Я стоял, не зная, что делать. Наконец император пришел в себя. «Полагаю, Лассаль, – сказал он, – у вас, в Десятом, найдутся удалыцы?» «Они все такие, ваше величество», – ответил я. «Есть ли среди них тот, кто хорош в действии, а думать слишком много не любит? Если вы понимаете, о чем я».

Ему требовался верный человек, который не станет задавать лишних вопросов.

«Да, есть один. Истинный гусар от усов до шпор, и на уме у него – только дамы и лошади». «Такой-то мне и нужен, – сказал Наполеон. – Пусть в четыре пополудни явится в мой кабинет». «Так что, сынок, я сразу отправился прямиком к тебе. Смотри же, не урони чести Десятого

гусарского.

Соображения, по которым полковник склонился к своему выбору, ни в малейшей степени мне не льстили. Должно быть, своих чувств я скрыть не сумел, потому что полковник захохотал, а Талейран усмехнулся.

– Напоследок позвольте дать вам совет, месье Жерар, – сказал он. – Вам предстоит плавание в опасных водах, а штурман вы не такой искусный, как я. Между нами говоря, для нас, людей, от которых зависят судьбы Франции, необычайно важна осведомленность, однако никто из нас троих не знает, в чем дело. Вы меня понимаете?

Я представления не имел, к чему он клонит, но кивнул с таким видом, будто мне все ясно.

– Действуйте очень осторожно и никому ни слова, – продолжил Талейран. – Лучше, чтобы нас не видели вместе. Мы с полковником подождем здесь, а когда вы нам все расскажете, поможем вам советом. Ступайте. Его величество не прощает опозданий.

Во дворец я отправился пешком, поскольку до него было рукой подать. В приемной среди множества посетителей сновал Дюрок в новехоньком красном мундире с золотой вышивкой. Я слышал, как мой друг шепнул месье де Коленкуру, что половина этих людей – немецкие герцоги, которые скоро станут королями, а другая половина – герцоги, которые скоро станут нищими. Услышав мое имя, Дюрок сразу проводил меня в кабинет, и я предстал перед императором.

Разумеется, в походах я видел его сотню раз, а вот лицом к лицу – впервые. Уверен, повстречайся вы с ним, не зная, кто он такой, вы только и сказали бы, что это низенький человек с лицом землистого цвета, высоким лбом и точеными икрами. Да, ноги его превосходно выглядели в кюлотах из белого кашемира и белых же чулках. Но даже того, кто незнаком с императором, поразил бы необыкновенный взгляд – в его глазах временами появлялось такое выражение, увидев которое струхнул бы даже гренадер. Говорят, когда Наполеон был всего лишь простым солдатом, сам бесстрашный Ожеро дрожал под его пристальным взором. Однако на меня император посмотрел милостиво и жестом приказал остаться у дверей. Он диктовал что-то де Меневалю, который в паузах после каждой фразы вскидывал на него грустные, как у спаниеля, глаза.

– Довольно, ступайте, – вдруг сказал Наполеон.

Когда секретарь покинул комнату, император заложил руки за спину, быстро подошел и смерил меня взглядом. Сам невысокого роста, он любил окружать себя статными молодцами, так что, думаю, вид мой был ему приятен. Я, в свою очередь, вскинул руку, чтобы отдать ему честь, другую

положил на эфес и смотрел прямо перед собой, как и полагается солдату.

– Что ж, месье Жерар, – наконец молвил император, постучав пальцем по золотому шнуру на моем ментике, – о вас отзываются как о весьма достойном молодом офицере. Ваш полковник очень вас хвалит.

Мне хотелось отчеканить что-нибудь этакое, особенное, но в голову лезли только слова Лассалья о том, что я – настоящий гусар, а потому я молчал. Император, должно быть, заметил борьбу чувств на моем лице и, не получив ответа, нисколько не рассердился.

– Думаю, вы тот, кто мне нужен. Смелых и умных людей в моем окружении предостаточно, а вот храбреца, который...

Он не закончил. Я совершенно не понял, что он имел в виду, и просто заверил его в преданности до гробовой доски.

– Вы, кажется, хорошо фехтуете? – спросил император.

– Сносно, ваше величество.

– И ваш полк выдвинул вас на поединок с лучшим рубакой Шамборанских гусар?

Нельзя сказать, чтобы я расстроился, узнав, что он наслышан о моих подвигах.

– Да, государь, мои товарищи оказали мне эту честь.

– Чтобы поупражняться, за неделю до боя вы оскорбили шестерых учителей фехтования.

– Я дрался семь раз за столько же дней, ваше величество.

– И не получили ни единой царапины?

– Мастер из Двадцать третьего полка легкой пехоты задел мой локоть, ваше величество.

– Чтобы я больше не слышал о подобном ребячестве! – крикнул император, внезапно придя в ту самую холодную ярость, которой все страшились. – Разве я назначаю на эти должности ветеранов, чтобы вы совершенствовались с их помощью кватры и терсы? Как мне завоевать Европу, если мои солдаты обращают оружие друг на друга? Если мне еще раз доложат, что вы кого-то вызвали на дуэль, я вас раздавлю!

Наполеон поднял пухлые белые руки к моему лицу. Он уже не говорил, а шипел и рычал. Клянусь, меня прошиб холодный пот, и я охотно поменялся бы местами с солдатом штурмовой колонны, которому предстоит первым лезть по самому крутому склону в самый узкий пролом.

Император шагнул к столу, выпил чашку кофе, а когда снова повернулся ко мне, от его гнева не осталось и следа. Он улыбался той особенной улыбкой, которая трогала губы, но никогда не отражалась в глазах.

– Мне требуется ваша помощь, месье Жерар. С верной саблей рядом я буду чувствовать себя поспокойнее, и у меня есть причины выбрать именно вашу. Но для начала поклянитесь, что сохраните все в тайне. Пока я жив, о том, что произойдет сегодня, не должна узнать ни одна живая душа.

Я вспомнил о Талейране и Лассале, однако слово дал.

– Во-вторых, мне неинтересны ни ваше мнение, ни ваши домыслы. Просто делайте, что вам скажут.

Я поклонился.

– Мне нужна ваша рука, а не голова. Думать буду я. Понятно?

– Да, ваше величество.

– В лесу есть Роща канцлера.

Я поклонился.

– Там растет старая ель с двумя стволами, под ней во вторник собрались гончие.

Если б он только знал, что у меня там свидания три раза на неделе!.. Я снова поклонился.

– Прекрасно. Встретимся там сегодня вечером в десять.

К той минуте я уже потерял способность удивляться. Попроси он меня занять его место на троне, я бы и то лишь султаном махнул.

– Затем мы вместе отправимся в лес, – продолжал император. – Не берите с собой пистолеты, пусть из оружия при вас будет лишь сабля. Я не скажу вам ни слова, и вы не заговаривайте со мной, мы должны идти молча. Ясно?

– Да, государь.

– Через некоторое время под деревом мы увидим человека или скорее всего двух. Подойдем к ним вместе. На всякий случай держите саблю наготове. Если я заговорю с этими людьми, ничего не предпринимайте. Если же придется вступить в бой, ни один не должен уйти живым. Я вам помогу.

– Государь! – воскликнул я. – С двумя противниками я справлюсь, но не лучше ли мне взять с собой товарища, чем вам участвовать в таком поединке?

– Ерунда, – сказал Наполеон. – Прежде чем стать императором, я был солдатом. Уж не думаете ли вы, что артиллеристы не носят сабель, как вы, гусары? Да и кто разрешил вам спорить? Сделаете как велено. Помните, если дойдет до схватки, надо прикончить обоих.

– Слушаюсь, государь.

– Вот и славно. Это все, можете идти.

Я развернулся, но тут в голову мне пришла одна мысль.

– Ваше величество, я вот подумал... – начал я.

Император бросился ко мне, точно разъяренный тигр. Я был уверен, что сейчас он меня ударит.

– Подумал! – закричал Наполеон. – Ты! Разве я выбрал тебя, потому что ты можешь думать? Чтобы я больше такого не слышал! Ты – единственный солдат, который... Нет, довольно. В десять под елью.

Клянусь, я рад был убраться. Я на своем месте, когда сижу верхом на добром коне, а по стремени позвякивает сабля. Я отлично разбираюсь во всем, что касается зеленого или сухого фуража, ячменя, овса, ржи или командования эскадроном на марше. Но когда я встречаю камергера или гофмаршала, когда мне приходится подбирать слова в беседе с императором, когда все ходят вокруг да около вместо того, чтобы прямо сказать, в чем дело, я чувствую себя точно боевой конь, которого запрягли в дамский экипаж. Притворяться и шаркать ножкой – не для меня. Я человек воспитанный, но не придворный. А потому я был счастлив оказаться на свободе и побежал к себе на квартиру, точно школяр, только что удравший от наставника.

Однако же, распахнув дверь, я увидел длинные ноги в голубых лосинах и сапогах, а рядом – короткие в черных панталонах и ботинках с пряжками. Мои гости вскочили.

– Ну, что?! – воскликнули они в один голос.

– Ничего, – ответил я.

– Император не пожелал вас видеть?

– Нет, мы встретились.

– И что он сказал?

– Господин де Талейран, – произнес я, – к сожалению, ответить на ваш вопрос я не могу. Я дал слово его величеству.

– Ах, мой юный друг! – воскликнул он и подался ко мне, словно кот, что хочет потереться о вас бочком. – Вы же понимаете, все останется между нами. Кроме того, когда император говорит «никому ни слова», он не имеет в виду меня.

– Дворец отсюда в минуте ходьбы, месье де Талейран. Если вас не затруднит, принесите мне письменное уверение императора, что он не имел вас в виду, и я с радостью все вам открою.

Старый лис оскалился.

– Ага, месье Жерар задрал нос! Он еще слишком молод и не видит истинного положения вещей. Со временем он поймет, что иногда младший чин кавалерии поступает не слишком благоразумно, проявляя такую несговорчивость.

Я совсем растерялся, однако Лассаль пришел мне на помощь со свойственной ему прямоотой.

– Мальчик прав. Когда бы я знал, что он дал слово, я не стал бы ни о чем и спрашивать. Он ответит вам, месье де Талейран, вы усмехнетесь про себя и забудете о нем, как я – о бутылке, в которой не осталось бургундского. Что до меня, клянусь, если он выдаст тайну императора, в Десятом полку для этого юноши не останется места, и мы лишимся лучшего рубаки.

Увидев, что мой полковник меня поддерживает, Талейран разозлился еще больше.

– Я слышал, господин Лассаль, – начал он с ледяным высокомерием, – вы большой знаток легкой кавалерии. Если мне понадобится узнать что-то касательно этого рода войск, я с радостью приду к вам за советом. Однако сейчас речь идет о вопросе дипломатическом. Позвольте же мне составить о нем собственное мнение. Пока забота о благе Франции и безопасности его величества вверена мне, я буду делать все, что в моих силах, пусть даже это противоречит минутным желаниям императора. До встречи, полковник Лассаль!

Талейран бросил на меня недобрый взгляд, развернулся и вышел быстрыми, бесшумными шажками.

Судя по лицу полковника, тот был совсем не рад, что разозлил всемогущего министра. Лассаль выругался, подхватил саблю и кивер и, звеня шпорами, сбежал вниз по лестнице. Я выглянул из окна и увидел, как они шагают по улице вместе – великан в голубой форме и хромой человечек в черном. Талейран шел, держа спину так прямо, будто шест проглотил, полковник объяснял что-то, размахивая руками, – наверное, оправдывался.

Император приказал не думать, и я прилагал к тому все усилия. Морат оставил на столике карты. Я попробовал сыграть сам с собой в экарте, но забыл, какая масть была в козырях, и с досадой швырнул их под стол. Потом вытащил из ножен саблю и делал колющие удары, пока не устал. Все зря. В голову упрямо лезли мысли. В десять в лесу я должен встретить императора. Да разве мог я представить такое, встав с постели сегодня утром? И ответственность, ужасная ответственность! Все зависело от меня, больше надеяться было не на кого. Я похолодел. На поле боя мне столько раз доводилось смотреть в лицо смерти, но лишь в тот день я узнал, что такое настоящий страх. Однако затем я рассудил: мне, человеку смелому и благородному, остается только в точности исполнить распоряжения. Если все пройдет хорошо, это дело наверняка положит начало моей карьере. Так,

в страхах и надеждах, я провел долгий-предолгий вечер, и вот настало время отправиться в лес.

Не зная, надолго ли уйду, я надел шинель, а уж на нее – португезию. Чтобы ногам было легче, я сменил гусарские ботинки на башмаки с гетрами. Наконец я выскользнул из дома и зашагал по улице. В голове сразу прояснилось – когда нужно не размышлять, а действовать, я всегда на высоте.

Я миновал казармы гвардейских егерей, прошел мимо кофейни, битком набитых военными. Среди темных спин пехотинцев и светло-зеленой формы гидов^[1] мелькали голубые с золотом мундиры моих товарищей. Те попивали вино и дымили сигарами, не подозревая, какая миссия на меня возложена. Один из них, командир моего эскадрона, увидел меня в свете фонаря, выбежал и окликнул. Однако я притворился, что не слышу, и он, обругав мою глухоту, вернулся к своей бутылке.

В Фонтенбло до леса рукой подать. Тут и там деревья прокрадываются прямо на улицы, как тиральеры, идущие впереди колонны. Я свернул на тропу, что вела к опушке, а затем быстро зашагал к старой ели. У меня, как я уже намекал, были свои причины хорошо узнать это место, и я благодарил судьбу, что сегодня не встречаюсь там с Леони. Бедняжка умерла бы от страха, увидев императора, а он мог отнестись к ней слишком сурово или, того хуже, слишком благосклонно.

Светил месяц. Я пришел в условленное место и увидел, что явился на встречу не первым. Император ходил взад-вперед, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. На нем была шинель с пелериной, которую он накинул на голову. В похожей одежде я видел Наполеона зимой, во время Польской кампании. Говорили, он носит ее, потому что под капюшоном удобно прятать лицо. В Париже или на биваке он любил прогуляться ночью и послушать, о чем беседуют в кабаках или у костров. Однако фигура и походка Наполеона были всем хорошо знакомы, а потому его всегда узнавали и начинали говорить то, что ему приятно слышать.

Я уже испугался, что император отчитает меня за опоздание, когда большие часы на церкви Фонтенбло пробили десять раз и стало ясно, что это не я задержался, а он пришел слишком рано. Я вспомнил, что мне приказали молчать, а потому встал шагах в четырех от императора, щелкнул шпорами, опустил саблю и отдал честь. Он взглянул на меня, развернулся и, не говоря ни слова, неторопливо зашагал вперед. Я пошел следом. Император настороженно посматривал кругом, словно опасался, что за нами следят. Я тоже огляделся, но, хотя глаза у меня острейшие, увидел только рваные заплатки лунного света между огромными черными

теньями деревьев. Мой слух ничуть не уступает зрению, и раз или два мне почудился хруст сломанной ветки, однако в ночном лесу много разных звуков, и трудно определить, откуда они доносятся.

Хотя идти пришлось километра два, я понял, куда мы направляемся, гораздо раньше, чем мы добрались до цели. Посреди одной поляны стоит высокий расколотый пенёк, бывший когда-то громадным деревом. Его называют Буком Настоятеля, и об этом месте ходит столько ужасных слухов, что не многие храбрецы согласились бы постоять там на часах. Однако нам с императором не было дела до этих глупостей. Мы пересекли поляну и подошли к древнему стволу. Рядом с ним ждали двое.

Сначала они стояли за пнем, будто прячась, затем, когда мы приблизились, вышли навстречу. Император оглянулся и немного замедлил шаг. Будьте уверены, я подвинул саблю, чтобы выхватить ее в любой момент, и не сводил глаз с тех, кто к нам направляется.

Один был очень высокий и тощий, другой – слишком низенький, он ступал быстро и решительно. Оба кутались в черные плащи, перекинув их через плечо, так что с одной стороны они свисали, как у драгун Мюрата. На головах незнакомцев чернели шляпы с низкими тульями, позже я встречал такие в Испании. Лица неизвестных скрывала темнота, но я все же заметил, как посверкивают их глаза. Луна светила им в спину, и впереди по земле ползли длинные тени – именно такие фигуры и ожидаешь увидеть ночью возле Бука Настоятеля. Помню, они двигались бесшумно, и лунный свет образовал два белых ромба между их ногами и ногами теней.

Император остановился, незнакомцы замерли в двух шагах от нас. Я подошел к своему спутнику, и мы четверо встали лицом к лицу. Мое внимание особенно привлек долговязый: я заметил, что он сам не свой от волнения. Его трясло, я слышал, как он часто дышит, словно усталый пес. Вдруг коротышка цыкнул, подавая товарищу знак. Долговязый присел, будто ныряльщик перед прыжком, однако я выхватил саблю и выскочил ему навстречу. В тот же миг малыш рванулся вперед и ударил длинным кинжалом прямо императору в сердце.

Боже праведный! Я похолодел от ужаса и только чудом не рухнул замертво сам. Будто в кошмарном сне я смотрел, как серая шинель дернулась, и в лунном свете между лопатками блеснуло залитое кровью острие. Наполеон с предсмертным хрипом упал в траву, а убийца, даже не вытащив оружия из тела жертвы, вскинул руки и торжествующе закричал. Я вонзил саблю в его солнечное сплетение с такой яростью, что от удара гарды в ребра он отлетел на шесть шагов и уж тогда упал. Я развернулся к другому подлецу в кровожадном исступлении, которого не испытывал ни

до той ночи, ни после. Перед глазами сверкнул кинжал, я почувствовал нашее прохладное дуновение, и запястье негодяя скользнуло по моему плечу. Я сделал выпад, но он отпрянул, бросился наутек и в несколько скачков, словно олень, пересек залитую луной поляну.

Кинжал сделал свое дело. Несмотря на молодость, я повидал уже немало битв и знал, что удар смертелен. Я замешкался на секунду, чтобы коснуться холодной руки.

– Государь! Государь! – в отчаянии крикнул я.

Он не ответил, не шевельнулся. Вокруг тела в лунном свете расплзлось темное пятно, и я понял – надежды нет. Я вскочил, сорвал с себя шинель и во весь дух понесся за вторым подлецом.

Как хорошо, что мне хватило ума прийти в башмаках и гетрах! И как хорошо, что я сбросил шинель. Негодяй не сумел избавиться от своей накидки, а может, от страха и думать о ней забыл. Я быстро его настигал. Он, должно быть, совсем потерял голову, потому что даже не пробовал скрыться в тени, а неся от поляны к поляне, пока не выскочил на пустошь, за которой лежала огромная каменоломня. Я видел злодея как на ладони и знал, теперь деваться ему некуда. Что правда, то правда, бежал он очень быстро – как трус бежит от смертельной опасности. Однако я гнался за ним по пятам, будто неумолимый рок. С каждой секундой расстояние между нами уменьшалось. Он шатался, едва не падал, я уже слышал его хриплое, свистящее дыхание. И вот впереди разверзлась пропасть, мерзавец оглянулся на меня, заскулил и вдруг пропал из виду.

Представьте себе, пропал без следа! Я подбежал к месту, где он только что стоял, и вгляделся в черную бездну. Неужели он прыгнул? Я почти уже решил, что так и есть, когда услышал во тьме едва различимое пыхтение. Этот звук подсказал мне: подлец спрятался в сарае.

Внизу был уступ, а на нем – деревянная постройка для рабочих. Вероятно, этот болван подумал, что в темноте я не отважусь туда за ним последовать. Плохо же он знал Этьена Жерара! Я спрыгнул, ворвался в лачугу и, услышав шорох в углу, налетел на мерзавца.

Он отбивался, точно дикий кот, но куда было его кинжалу против сабли. Кажется, я проткнул врага сразу, потому что, как ни старался он меня прикончить, удары его слабели. Наконец кинжал звякнул об пол. Убедившись, что подлец мертв, я вскарабкался по склону и, точно в кошмарном сне, побрел через пустошь.

В ушах шумела кровь. Все еще сжимая в руке обнаженную саблю, я шел куда глаза глядят, пока не заметил впереди, на поляне, узловатый пенёк, который теперь навсегда был связан с ужаснейшей минутой в моей жизни.

Я сел на упавший ствол, положив на колени оружие, сжал виски и постарался осознать происходящее.

Император доверился мне. Император убит. Эти мысли звенели у меня в голове, заглушая все остальные. Он пришел со мной и погиб. Пусть я исполнил его приказания, пусть отомстил за смерть, что с того? Весь мир обвинит в случившемся меня. Возможно, люди даже решат, что я – убийца. Что я смогу доказать? Есть у меня свидетели? Разве не мог я быть сообщником этих подлецов? Вечное бесчестье – вот мой удел, во всей Франции не найдется столь презренного человека. Значит, конец моим честолубивым мечтам и надеждам матушки. При этой мысли я горько рассмеялся. Что делать? Вернуться в Фонтенбло, поднять на ноги дворец и рассказать, как на моих глазах закололи императора? Так поступить я не мог. Нет, не мог! Для благородного человека, который по воле рока попал в такое положение, остается лишь один выход. Я должен броситься на свою опозоренную саблю и разделить участь императора, от которой не смог его уберечь. Я встал, твердо намерившись исполнить скорбный долг, поднял глаза, да так и ахнул. Передо мной стоял Наполеон!

Он был шагах в десяти от меня, его спокойное бледное лицо освещала луна. Пелерину он откинул на плечи, а шинель расстегнул, под ней виднелись белые кюлоты и зеленый мундир гида. Император, как всегда, заложил руки за спину и чуть опустил голову.

– Ну, – произнес он самым резким и суровым голосом, – и что это вы собрались делать?

Наверное, постой он молча еще немного, я бы рехнулся. Строгий армейский тон был тут как нельзя кстати, он-то и привел меня в чувство. Живой или мертвый, император был здесь, он задал мне вопрос. Я вытянулся в струнку и отдал честь.

– Одного вы прикончили, как я вижу. – Наполеон кивнул в сторону пня.

– Да, государь.

– Второй скрылся?

– Нет, государь, его я тоже убил.

– Что? – воскликнул он, шагнул ко мне, и луна осветила его белозубую улыбку. – Я не ослышался, мертвы оба?

– Этот лежит здесь, ваше величество, – ответил я. – А другой – в сарае каменоломни.

– Значит, братьев из Аяччо нет! – воскликнул Наполеон и добавил вполголоса, будто говорил сам с собой: – Тень больше не вернется.

Он положил руку мне на плечо.

– Вы сослужили хорошую службу, мой юный друг, и оправдали оказанное вам доверие.

Так, значит, он был из плоти и крови, мой император! Я чувствовал прикосновение маленькой пухлой руки, но все никак не мог забыть то, что видел своими глазами. Я таращился на императора в такой растерянности, что он снова улыбнулся.

– Нет-нет, месье Жерар, я не призрак, и меня никто не убивал. Взгляните сюда и сами все поймете. – С этими словами он развернулся и зашагал к огромному стволу.

Над распростертыми телами стояли двое. Приблизившись, я по тюрбанам узнал Рустама и Мустафу, телохранителей-мамлюков. Наполеон подошел к трупам в серой шинели, откинул капюшон, и я увидел человека, совсем непохожего на императора.

– Здесь лежит верный слуга, отдавший жизнь за своего повелителя. А согласитесь, месье де Гюден напоминал меня сложением и манерой держаться.

Какое счастье захлестнуло меня, когда все объяснилось! Я готов был заключить императора в объятия! Тот улыбнулся, но отступил, угадав, что я хочу сделать.

– Вы не ранены?

– Нет, государь. Правда, я с горя собирался...

– Ладно, ладно вам! – перебил он. – Вы отлично справились. Гюден сам виноват, ему следовало быть осторожней. Ведь я все видел.

– Но как, государь?

– Значит, вы не слышали, как я шел за вами по лесу? С тех самых пор, как вы покинули квартиру, и до того момента, когда погиб несчастный де Гюден, я ни на миг не упускал вас из виду. Поддельный император шел впереди вас, а настоящий – сзади. Теперь нам пора, проводите меня во дворец.

Он шепнул что-то мамлюкам, те молча отдали честь и остались на поляне. Я следовал за императором, и доломан мой распирало от гордости. Я и раньше держался настоящим гусаром, но, клянусь честью, в ту ночь сам Лассаль не мог бы шагать и взмахивать ментиком с такой удалью. Кому еще было щелкать шпорами и греметь ножнами по мостовой, как не мне, Этьену Жерару, наперснику императора и лучшему фехтовальщику во всей легкой кавалерии, юноше, который сразил негодяев, задумавших убить Наполеона? Однако император заметил мое ликование и тут же напустился на меня.

– Значит, вот как вы себя ведете, когда на вас возложена тайная

миссия? – прошипел он, глядя на меня своим особенным ледяным взглядом. – Так ваши товарищи ничего не заподозрят? Прекратите, месье, или окажетесь в саперах, а там и служба не сахар, и султаны поскромнее.

Вот каков был наш император. Стоило ему заметить, что кто-то претендует на дружбу с ним, он быстро ставил этого человека на место. Я отдал честь и не сказал ни слова, но, признаюсь, после того, что мы вместе пережили, такое обращение меня ранило. Император провел меня во дворец через боковой вход, и мы направились в кабинет. У лестницы на часах стояли два гренадера. Слово даю, у них глаза чуть не вылезли из-под меховых шапок при виде молодого гусарского лейтенанта, который в полночь поднимается в императорские покои! Как и днем, я остался у дверей, а Наполеон сел в кресло и молчал так долго, что я уже начал опасаться, не забыл ли он про меня. Наконец я отважился напомнить о себе и тихонько кашлянул.

– А, месье Жерар, – промолвил император, – вам, конечно же, любопытно узнать, что все это значит?

– Я нисколько не обижусь, если ваше величество решит оставить меня в неведении.

– Бросьте, – нетерпеливо сказал он. – Это на словах вы такой, а едва шагнете за порог, сразу начнете расспрашивать каждого встречного. Через два дня об этом случае узнают ваши товарищи-офицеры, через три – весь Фонтенбло, а на четвертый – Париж. Если я удовлетворю ваше любопытство, у меня еще будет надежда, что вы сохраните тайну.

Император очень во мне ошибался, однако я не смел ему возразить и лишь склонил голову.

– Все очень просто, – быстро заговорил он, встав и меряя шагами кабинет. – Те двое – корсиканцы. В юности я знал их, мы принадлежали к одному обществу. Братья из Аяччо, вот как мы себя называли. Этот союз основали давно, еще при Паоли, в нем соблюдались особые правила, и никто не мог нарушить их безнаказанно.

Наполеон помрачнел, и мне показалось, будто все, что было в нем французского, исчезло. Передо мной стоял корсиканец – страстный и мстительный. Он погрузился в воспоминания о днях своей молодости и минут пять быстрыми шажками ходил взад-вперед по кабинету, точно маленький тигр. Затем наконец досадливо махнул рукой.

– Этот кодекс, – продолжил Наполеон, – хорош для простого человека. Раньше я свято его чтил, но обстоятельства меняются. Живи я по старым правилам, это не пошло бы на пользу ни мне, ни Франции. Братья решили призвать меня к ответу. Те двое были главами нашего ордена; они прибыли

сюда с Корсики и написали, что ждут меня в условленном месте. Я понимал, *что* означает подобный вызов: с таких встреч еще никто не возвращался. С другой стороны, отказаться было нельзя, иначе они сделали бы что-то ужасное. Не забывайте, я сам – член братства и хорошо знаю их обычаи.

В глазах императора снова блеснула сталь, и он сжал губы.

– Вот перед каким выбором я оказался, месье Жерар. Как бы вы поступили на моем месте?

– Рассказал бы все ребятам из Десятого, – с жаром ответил я. – Мы прочесали бы лес и швырнули подлецов к вашим ногам.

Он с улыбкой покачал головой:

– У меня были веские причины не брать их живыми. Вы же понимаете, что язык убийцы не менее опасен, чем его кинжал. Не стану скрывать, я хотел избежать огласки любой ценой. Вот почему я приказал вам явиться без пистолетов. Мамлюки уничтожат все следы этого происшествия, и о нем никто не узнает. Я долго думал, как поступить, и уверен, что выбрал наилучший способ. Отправь я с де Гюденом большую охрану, братья к нему и не подошли бы, а вот один солдат не мог их испугать. Когда я получил послание, рядом оказался полковник Лассаль. Это и навело меня на мысль поискать надежного человека среди гусар. Я выбрал вас, месье. Мне нужен был тот, кто прекрасно владеет саблей и не станет задавать много вопросов. Храбрость и мастерство вы уже доказали, а теперь, надеюсь, оправдаете и мое доверие.

– Государь, – ответил я, – не сомневайтесь в этом.

– Пока я жив, никому ни слова о том, что произошло.

– Ваше величество, я выброшу все из головы. Забуду начисто. Обещаю, что выйду отсюда таким же, каким вошел в четыре часа.

– Не получится, – заметил император с улыбкой. – Тогда вы были лейтенантом. А теперь желаю вам спокойной ночи, капитан.

Глава III

Как бригадиру в руки попал король

На лацкане моего пиджака есть лента, но саму награду я храню дома, в кожаном мешочке. Я вынимаю ее, только если в наш городок занесет кого-нибудь из теперешних генералов, которые и пороху-то не нюхали, или какого-нибудь важного иностранца, и он решит воспользоваться случаем и выразить почтение знаменитому бригадиру Жерару. Тогда я надеваю медаль и закручиваю свои седые усы а-ля Маренго, так что кончики достают до самых глаз. И все же, боюсь, ни мои гости, ни вы, друзья, и представить не сможете, каким я был в молодости. Вы знаете меня как человека гражданского, пусть с выправкой и манерами, но все же. А видели бы вы меня первого июля 1810 года в Аламо, на пороге гостиницы, тогда-то и поняли бы, что такое гусар.

Я проторчал в той проклятой деревушке целый месяц, а все из-за того, что получил пикой в лодыжку и не мог наступить на ногу. Сначала со мной было еще трое горемык: старый Буве из гусар Бершени, кирасир Жак Ренье и забавный маленький капитан вольтижеров, не помню, как его звали. Однако все они выздоровели и спешно отправились на передовую, бросив меня сидеть, кусать ногти и рвать от досады волосы. Сознаюсь, я даже плакал иногда при мысли о моих беднягах, конфланских гусарах, которые остались без полковника. Как вы понимаете, бригадой я тогда еще не командовал, хоть и держался уже как настоящий бригадир, зато стал самым юным полковником во всей армии, и полк был для меня все равно что жена и малые дети. У меня душа болела, когда я думал, каково им приходится без меня. Конечно, о них пекся майор Вилларе, отличный солдат, но все-таки даже среди лучших есть лучшие.

Что за счастливый был день, когда я впервые дохромал до двери и вышел на золотое испанское солнышко! Только прошлым вечером я получил вести от моих ребят. Они стояли по ту сторону гор, в Пасторесе, лицом к лицу с англичанами. От Аламо – километрах в шестидесяти, но как мне было туда попасть? Та самая пика, что вонзилась в мою лодыжку, прикончила моего коня. Я спросил совета у хозяина, Гомеса, и у старого священника, который провел в гостинице ночь, но те лишь развели руками – во всей округе не осталось и жеребенка.

Гомес и слышать не хотел о том, чтобы я отправился в горы один. Он заверил меня, что Эль Кучильо, главарь испанских ополченцев, укрывается

там со своей шайкой, а попасть к нему в лапы – значит погибнуть в страшных мучениях. Правда, старый священник заметил, что французского гусара это вряд ли остановит, и если до того у меня еще оставались какие-то сомнения, теперь они окончательно рассеялись.

Однако же лошадь! Где было ее взять? Я стоял в дверях, ломая над этим голову, как вдруг услышал стук подков. Подняв голову, я увидел, что ко мне подъезжает огромный бородач в синем плаще, застегнутом по-армейски. Он сидел на большой вороной лошади с белым «чулком» на передней левой ноге.

– Приветствую, дружище! – сказал я.

– День добрый! – отозвался тот.

– Я полковник Жерар. Месяц пролежал здесь раненый, а теперь готов отправиться к своим гусарам в Пасторесе.

– Меня зовут Видаль, я из интендантства. Еду в Пасторес и буду рад, если вы ко мне присоединитесь, полковник. Говорят, что в горах опасно.

– Увы, – ответил я. – У меня нет лошади. Но если вы продадите мне свою, обещаю прислать за вами своих гусар.

Он и слушать ничего не хотел. Напрасно Гомес рассказывал ему о злодействах Эль Кучильо, а я взывал к долгу перед армией и отечеством. Видаль даже спорить не стал и лишь потребовал вина. Я осторожно предложил ему спешиться и выпить со мной, но он, должно быть, заметил что-то в моих глазах и отказался, а когда я подошел поближе, думая схватить его за ногу, пришпорил коня и растаял за облаком пыли.

Боже милостивый! Я чуть с ума не сошел, глядя, как этот парень весело скачет к своим бочкам с говядиной и бренди, а тем временем пять сотен великолепных гусар страдают без полковника. Я с горечью смотрел на дорогу, когда за локоть меня тронул маленький священник.

– Я вам помогу, – сказал он. – Ведь я и сам направляюсь на юг.

Я обнял его с таким жаром, что нога моя подвернулась, и мы едва не упали.

– Возьмите меня в Пасторес, – вскричал я, – и получите в награду золотые четки!

Я позаимствовал их в монастыре Святого Духа. Вот как полезно во время кампании хватать все, что подвернется под руку, ведь никогда не знаешь, что тебе пригодится.

– Я возьму вас с собой, – ответил священник на прекрасном французском, – не ради выгоды. Мое правило – помогать ближнему, и потому мне всюду рады.

С этими словами он повел меня к коровнику, где стоял дряхлый

шарабан из тех, что в начале века ездили между отдаленными селениями, а рядом с ним – три стареньких мула. Всадника ни один из них не выдержал бы, но вместе они вполне могли тянуть экипаж. Их тощие бока и распухшие суставы привели меня в такой восторг, какого я не испытывал даже при виде двухсот двадцати гунтеров^[2] императора на конюшне Фонтенбло. Через десять минут хозяин уже запрягал мулов, правда, не слишком охотно, поскольку до смерти боялся ужасного Кучильо. Лишь когда я пообещал ему несметные сокровища на этом свете, а святой отец пригрозил карой на том, бедняга сел на козлы и взялся за вожжи. Он так боялся, что ночь застанет нас на горных тропах, так спешил, что я еле успел заверить в вечной любви дочку Гомеса. Расставаясь, мы плакали. Я уже позабыл ее имя, но помню, что она была чудо как хороша собой. Вы еще поймете, друзья мои, – когда человек сражался с мужчинами и целовал женщин в четырнадцать королевствах, его похвала что-нибудь да значит.

Святой отец помрачнел немного, когда мы с девушкой поцеловались, но вскоре я убедился, что лучшего попутчика и желать нельзя. Всю дорогу он развлекал меня историями о своем маленьком приходе в горах, а я, в свою очередь, пустился в рассказы о солдатской жизни. Богом клянусь, мне пришлось непросто, – стоило ввернуть крепкое словцо, как святой отец ерзал и морщился. Конечно, человек благородный должен придерживать язык в беседе с духовным лицом, но как ни старайся, а за всем не уследишь.

Священник мой ехал с севера в деревню Эстремадура, в гости к матери. Пока он рассказывал о ее крестьянском домишке и о том, как счастлива она будет увидеть сына, я так живо представил свою матушку, что прослезился. В простоте своей он показал мне подарки, которые приготовил ей, и был со мной так мил, что я охотно верил – ему и в самом деле всюду рады. Он разглядывал мою форму с любопытством ребенка, восхищался султаном на кивере, гладил соболиную опушку ментика, даже саблю мою вытащил из ножен. Когда я похвастался, сколько воинов ей сразил, и тронул зазубрину, которая осталась от ключицы адъютанта, служившего русскому императору, священник вздрогнул, спрятал клинок под кожаную подушку и заявил, что ему тошно даже смотреть на него.

Так мы и покачивались в карете, беседуя под скрип колес, а когда достигли предгорий, вдалеке справа послышался рокот пушечного выстрела. Я знал, что Массена держит в осаде Сьюдад-Родриго, и мне очень хотелось отправиться напрямик к нему. По слухам, в его жилах текла еврейская кровь; если так, то он был лучшим на свете евреем со времен Иисуса Навина. Уж если где видели его острый нос и черные глаза,

пылающие отвагой, значит, там и происходило самое интересное. Правда, во время осады в основном приходится работать лопатой и киркой, а меня куда больше соблазняла перспектива оказаться с моими гусарами напротив англичан. Стоило только представить скорую встречу со своими прекрасными лошадьми и бравыми ребятами, как мной овладела такая радость, что я начал кричать и петь, словно желторотый офицерик из Сен-Сира.

Дорога побежала в гору, на ней стало больше колдобин и кочек, а вокруг потянулись глухие места. Сначала мы изредка встречали погонщиков с мулами, затем окрестности словно вымерли. Оно и неудивительно, если вспомнить, что здесь успели похозяйничать французы, англичане и повстанцы-герильос. Мимо плыли бурые, изрезанные трещинами скалы, тропа сужалась. Вид был до того унылый, что я совсем перестал выглядывать из окна и сидел, думая о том о сем и вспоминая прекрасных дам и скакунов. От мечтаний меня отвлекло неожиданное затруднение моего попутчика. Вынув шило, тот старался проделать дырку в ремне, на котором висела фляга с водой. Ремешок выскользнул у него из пальцев, и деревянная бутылка упала к моим ногам. Я хотел поднять ее, наклонился, и вдруг священник прыгнул мне на плечи и вонзил шило прямо мне в глаз!

Я, как вам известно, друзья мои, не из пугливых. Но если ты прошел всю войну с первой битвы при Цюрихе до последнего рокового боя при Ватерлоо, да еще получил особую медаль – которая, к слову, лежит у меня дома в кожаном мешочке, – ты имеешь право признаться, что малость струхнул. Может, когда ваши собственные нервы сыграют с вами шутку, кого-то из вас утешит мысль, что сам бригадир Жерар познал однажды страх. А кроме ужаса и нестерпимой боли в глазу, я почувствовал омерзение сродни тому, которое испытываешь, когда тебя кусает мерзкий тарантул.

Я сбросил негодяя и придавил его к полу тяжелыми сапогами. Он выхватил из-за пазухи пистолет, но я пинком выбил оружие, а затем опять рухнул на святого отца, упираясь коленями ему в грудь. Тот страшно закричал, а я, наполовину слепой, стал шарить кругом в поисках сабли, которую он так хитро спрятал. Я уже нащупал ее, смахнул с лица кровь, готовясь проткнуть мерзавца, когда карета вдруг завалилась на бок, и рукоять выскользнула у меня из пальцев.

Не успел я прийти в себя, как дверца распахнулась, меня схватили за ноги и выдернули на дорогу. Упав на камни, я увидел десятка три головорезов, но до чего же я им обрадовался! Дело в том, что в драке

ментик съехал мне на голову, и теперь я смотрел на бандитов раненым глазом. По этой вот морщинке и шраму вы сами можете убедиться – шило прошло между глазницей и яблоком, но я-то понял, что не окривел, только когда меня вытащили. Несомненно, предатель хотел воткнуть иглу прямо мне в мозг. Он все-таки повредил внутреннюю кость головы, и позже эта рана беспокоила меня куда больше, чем остальные семнадцать.

Итак, головорезы с проклятиями вытащили меня из кареты и стали избивать. Прежде я часто замечал, что горцы обматывают ноги тряпками, но и подумать не мог, что буду настолько им за это благодарен. Мое лицо залила кровь, я не двигался, и они решили, что я потерял сознание, а между тем я старательно запоминал каждую гнусную рожу, чтобы при случае узнать и всех отправить на виселицу. На головах у бандитов были желтые платки, из-за широких красных кушаков торчали рукояти кинжалов и пистолеты. Оказалось, что крутой поворот дороги перегородили двумя валунами, из-за них колесо кареты сорвалось, и мы опрокинулись. Что до того мерзавца, который так хитро притворился священником и рассказывал мне о приходе и своей матушке, то он, конечно же, знал, где засада, и постарался одолеть меня, когда мы к ней подъехали.

Не могу вам описать, в какую ярость пришли разбойники, когда вытащили святошу из кареты и увидели, как я его отделал. Я, правда, не угостил его как следует, но по крайней мере оставил кое-что на память о встрече с Этьеном Жераром – ноги подлеца не слушались. Верхняя часть его тела тряслась от злости и боли, но когда его хотели поставить прямо, он так и осел на землю. Маленькие черные глазки священника, которые в карете лучились такой добротой и кротостью, теперь сверкали злобой, точно у побитого кота, и он все фыркал, все плевался в мою сторону. Боже милостивый! Когда меня подхватили под руки и поволокли в гору, я понял, что вскоре мне пригодятся все силы и мужество. Следом двое бандитов тащили моего врага, и пока мы поднимались по извилистой тропе, я то одним ухом, то другим слышал, как он шипит и проклиняет меня.

Мы шли примерно час. Я по сей день вздрагиваю, стоит вспомнить раненую лодыжку, боль в глазу и страх, что я теперь изуродован. Взбираться по крутым склонам – не мое призвание, а я к тому же еще и прихрамывал, но если слева и справа от тебя – отчаянные головорезы, а возле кончика усов – длинный кинжал, ты способен чудеса творить.

Наконец дорога скользнула через хребет и побежала по густому хвойному лесу в долину, что виднелась на юге. Несомненно, в мирное время все эти злодеи были контрабандистами и теперь вели меня тайным путем через португальскую границу. Среди множества следов, оставленных

мулами, я заметил в мягкой земле у ручья отпечатки лошадиных копыт. Все объяснилось, когда мы вышли на поляну. Возле упавшего дерева на привязи стоял конь. Я тут же узнал рослого вороного с белой ногой, которого выпрашивал утром.

Что же с месье Видалем? Неужели моя печальная судьба постигла еще одного француза?

Бандиты остановились, один из них по-особенному крикнул. Из кустов ежевики, что росли на краю поляны у подножия скалы, послышался ответный крик, и навстречу нам вышли еще с десятков разбойников. Две шайки приветствовали друг друга. Те, что появились из кустов, с горестными возгласами окружили моего любителя поработать шилом, а затем развернулись ко мне, рыча и размахивая кинжалами. Кровожадные убийцы так бесновались, что я уже решил прощаться с жизнью, но тут один из негодяев сказал что-то друзьям, и меня потащили в заросли ежевики.

Меж кустами бежала тропинка, ведущая в глубокую пещеру. Солнце садилось, и если бы не два факела, горевших на стенах слева и справа, в ней было бы очень темно. Посреди пещеры за грубым столом сидел человек весьма необычного вида. По тому, как уважительно обращались к нему остальные, я сразу понял – это главарь, тот самый, кто за свой жестокий нрав получил зловещее прозвище Эль Кучильо, или Кинжал.

Священника внесли и усадили на бочку, ноги его все так же беспомощно болтались, и он по-прежнему с ненавистью поглядывал на меня кошачьими глазами. Вожак заговорил с ним. Мне удалось разобрать, что святоша – его правая рука и не первый раз нарядился в сутану, чтобы елейными речами заманить путника в бандитское логово. Сколько же благородных офицеров погубил этот чудовищный лицемер! На сердце у меня потеплело при мысли о том, что я положил конец его гнусным деяниям. Правда, я боялся, как бы это не обернулось невосполнимой потерей для императора и армии.

Пока раненый, которого поддерживали под руки два товарища, рассказывал по-испански о своем злоключении, головорезы подтащили меня к столу, и я получил отличную возможность рассмотреть их предводителя. Мне еще не приходилось встречать человека, столь непохожего на бандита, в особенности – на бандита, который даже в краю, известном своими жестокими нравами, заслужил столь мрачное прозвище. С таким широким добродушным лицом, румяными щеками и пушистыми бакенбардами ему самое место было за прилавком бакалейной лавочки на улице Сент-Антуан. Главарь являл собой полную противоположность остальным разбойникам с их яркими кушаками и сверкающими

кинжалами – в куртке из добротного сукна он выглядел скорее как добропорядочный отец семейства. Выдавали его лишь коричневые лосины, а так никто и не догадался бы, что он живет в горах. Обстановка в пещере соответствовала его облику. На столе рядом с табакеркой лежал огромный фолиант в кожаном переплете, похожий на гроссбух. Между двумя пороховыми бочками, на доске, выстроились другие книги, и всюду были разбросаны листы, исписанные какими-то виршами. Пока я все это рассматривал, Кучильо, развалясь на стуле, слушал своего товарища, а когда тот закончил, приказал вынести калеку из пещеры. Я стоял в окружении трех бандитов и готовился к худшему.

Эль Кучильо взял перо, постучал деревянным кончиком по лбу и, поджав губы, искоса взглянул на свод пещеры.

– Полагаю, – наконец сказал он на чистейшем французском, – вы не поможете мне с рифмой к слову «Ковильян»^[3].

Я ответил, что мои познания в испанском для этого слишком скромны.

– Богатейший язык, – заметил он, – однако с рифмами в нем туговато. Не то что в немецком или английском. Вот почему наши лучшие произведения написаны белым стихом, с этой формой поэт способен достичь больших высот. Однако боюсь, такие материи гусарам не доступны.

Я хотел заметить, что если они хороши для бандита, то уж для кавалериста – тем более, но он уже склонился над своим незаконченным стихом. Наконец Эль Кучильо с довольным вздохом отбросил перо и прочел несколько строк. Трое негодаев, державших меня, восхищенно ахнули, и широкое лицо главаря зарделось, как у девушки, которая впервые услышала комплимент.

– Кажется, вышло неплохо, – сказал он. – Понимаете ли, долгими вечерами надо чем-то развлечься, вот мы и распеваем наши собственные песни. У меня есть кое-какие связи, и я не теряю надежды в скором времени увидеть скромные плоды своих трудов напечатанными, да не где-нибудь, а в Мадриде. Однако вернемся к делу. Как вас зовут?

– Этьен Жерар.

– Звание?

– Полковник.

– Корпус?

– Третий гусарский полк.

– Для полковника вы что-то молоды.

– Мне выпало немало возможностей отличиться.

– Что ж, тем печальнее, – заметил он с благодушной улыбкой.

Я высоко поднял голову, показывая, что ничего не боюсь.

– Кстати, похоже, нам попался кто-то из ваших, – сказал главарь, листая свой гроссбух. – Мы тут ведем журнал военных действий. Вот, двадцать четвертое июня. У вас ведь был молодой офицер по имени Субирон, стройный юнец с белокурыми волосами?

– Конечно.

– Двадцать четвертого его закопали.

– Боже! – вскричал я. – Как он погиб?

– Говорю же, мы его похоронили.

– Но что произошло?

– Вы меня не поняли, полковник. Когда его хоронили, он был жив.

– Его закопали живьем?

Эль Кучильо взирал на меня с невозмутимой улыбочкой. Я бросился вперед и непременно вырвал бы ему глотку, если бы три мерзавца меня не оттащили. Я отбивался, тяжело дыша, клял его на чем свет стоит, отбрасывал то одного злодея, то другого, извивался и выкручивался, но все зря. Наконец меня связали по рукам и ногам; ментик еле держался на плече, веревки до крови врезались в кожу.

– Гнусный пес! – крикнул я. – Только попадись, я покажу тебе, как трогать моих ребят! Ты еще узнаешь, зверь, у моего императора длинные руки. Сколько ни прячься в своей крысиной норе, настанет время, когда он выкурит тебя отсюда, и тебе с твоим отребьем придет конец.

Уж поверьте, браниться я мастак. За четырнадцать кампаний я выучил немало ругательств, и среди них не нашлось бы такого, которое я не бросил в лицо этому ублюдку. Однако тот сидел как ни в чем не бывало, постукивал себя по лбу пером и щурился, глядя в потолок, будто уже сочинял новый стих. Тут-то я и придумал, как до него добраться.

– Эй, пададь! – крикнул я. – Думаешь, ты здесь в безопасности? Да ты проживешь еще меньше, чем твои дурацкие вирши. Видит Бог, короче их века не придумаешь!

Видели бы вы, как он вскочил. У гнусного зверя, который отмерял пытки и смерть, как торговец взвешивает фиги, была ахиллесова пята, и я, к своей великой радости, ее задел. Лицо Эль Кучильо побагровело, а маленькие бакенбарды так и затряслись.

– Bravo, полковник! Вы своего добились, – крикнул он, задыхаясь от гнева. – Значит, сделали блестящую карьеру? Обещаю, конец у вас тоже будет примечательный. Гусарского полковника Этьена Жерара ждет особенная смерть.

– Об одном прошу, – ответил я, – не сочиняйте мне эпитафию.

На языке вертелась еще парочка колкостей, но Эль Кучильо злобно махнул рукой, и меня выволокли из пещеры.

Наша беседа, которую я постарался вспомнить во всех подробностях, заняла немало времени. Уже стемнело, ярко светила луна. Бандиты развели большой костер из еловых поленьев. Не ради тепла, конечно, ведь ночи стояли жаркие, а чтобы приготовить ужин. Над огнем висел огромный медный котел, вокруг в желтых отсветах пламени лежали злодеи, будто на одной из тех картин, которые вывез из Мадрида Жюно. Военные любят говорить, что искусство и все такое прочее мало их занимает, но меня всегда тянуло к возвышенному, такая вот изысканная у меня натура. Помнится, когда Лефевр продавал трофеи, захваченные в Данциге, мне досталась чудная картина «Удивленные нимфы в лесу». Так я возил ее с собой целых две кампании, пока мой конь по несчастливой случайности не проткнул ее копытом.

Однако все это я говорю лишь для того, чтобы вы поняли: я вовсе не какой-нибудь солдафон вроде Раппа или Нея. В лагере бандитов мне было не до того. Три подлеца бросили меня под деревом и уселись рядом, покуривая сигары. Что я мог поделаться? За всю свою службу я и десяти раз не попадал в такое безвыходное положение. «Не унывать! – приказал я себе. – Мужайся, смельчак! Ведь не за красивые глаза ты стал полковником в двадцать восемь. Ты лучший из лучших, Этьен, ты прошел множество испытаний, и это, конечно же, не последнее». Я стал нетерпеливо поглядывать по сторонам, обдумывая, как бы освободиться, и вдруг заметил нечто странное.

Как я уже говорил, посреди поляны горел костер. В свете пламени и луны все было видно, как днем. На другой стороне возвышалась ель с почерневшим стволом и нижними ветками – под ней недавно разводили огонь. Напротив дерева росли кусты, и я, к своему изумлению, заметил над ними пару отличных сапог для верховой езды, торчавших носами вверх. Сначала я решил, что они привязаны к дереву, но потом разглядел, что их прибили огромным гвоздем. И тут кровь застыла у меня в жилах – в сапогах были ноги! Скопив глаза вправо, я узнал, кому они принадлежат и зачем под елью разводили костер. Тяжело вспоминать об этих ужасах, друзья мои, и я совсем не хочу, чтобы кому-то из вас приснился сегодня кошмар, но как описать испанских герильос, не упоминая об их нравах и методах, которыми они вели войну? Одним словом, я понял, почему лошадь месье Видаля стояла в лесу без хозяина. Надеюсь, он встретил страшную гибель, смеясь, как и подобает истинному французу.

Можете представить, какое зрелище мне открылось. Когда Эль

Кучильо рассказал о жестокой смерти юного Субирона, одного из самых храбрых наших ребят, меня обуял такой гнев, что я забыл о собственном положении. Наверное, стоило поступить хитрее и говорить с бандитом любезнее, однако теперь уже ничего не вернуть. Откупорил бутылку – пей до дна. А кроме того, раз уж такая участь постигла безобидного Видаля, мог ли я на что-то рассчитывать, сломав одному из бандитов позвоночник? Нет, как ни крути, мне крышка. Пожалуй, осталось только не уронить достоинства. Я покажу этому зверю, что есть такой пленник, который перед ним не дрогнет. Этьен Жерар умрет, как жил. Так я лежал и думал о дорогой матушке, о том, как будут оплакивать меня красотки, и о том, какой потерей станет моя безвременная кончина для полка и нашего императора. Признаюсь вам без всякого стыда, я сам прослезился, представив общее горе.

И все-таки я не терял надежды на спасение. Не такой я человек, чтобы валяться, как умирающая лошадь в ожидании кузнеца с топором. Я попробовал ослабить путы на ногах, потом на запястьях, а сам тем временем стрелял глазами по сторонам. Кое-что я увидел сразу. Гусар без коня – гусар лишь наполовину, и вторая моя половина мирно паслась шагах в тридцати от меня. Потом я заметил еще одно: дорога, которой меня привели, была настолько крута, что ехать по ней верхом пришлось бы очень медленно, зато с другой стороны лежал открытый путь прямо в долину. Вот бы сейчас ноги в те стремяна и саблю в руку, я бы ветром унесся от этих горных крыс!

Я думал о побеге и пытался ослабить веревки, когда из пещеры вышел главарь. Он переговорил с помощником, который лежал, охая, у костра, оба кивнули и посмотрели на меня. Затем Эль Кучильо сказал что-то банде, негодяи расхохотались и захопали. Все это мне очень не понравилось. К счастью, узлы на запястьях наконец подались, и мне не стоило труда освободить руки. С ногами дело обстояло хуже – едва я попробовал шевельнуть ими, как лодыжку пронзила страшная боль, и я закусил кончик усов, чтобы не вскрикнуть. Наполовину связанный, я мог лишь беспомощно смотреть, какой оборот примут события.

Я не сразу догадался, что замышляют герильос. Один из них влез на высокую ель и привязал к ее макушке веревку, затем проделал то же самое с деревом на другом краю поляны. Веревки повисли, а я с любопытством и некоторым волнением ждал, что будет дальше. Разбойники притянули молодую, сильную ель к земле, обвинили веревку вокруг пня, потом согнули второе дерево. Теперь вершины оказались в шаге друг от друга, но, как вы понимаете, стоило их отвязать, и стволы тут же распрямились бы. К тому

времени я уже понял дьявольский план бандитов.

– Полагаю, вы сильный человек, полковник? – Эль Кучильо подошел ко мне с гнусной улыбкой.

– Если меня освободите, я покажу вам – насколько.

– Нам стало интересно, сумеете ли вы одолеть эти две елочки. Веревки мы привяжем к вашим ногам, а потом отпустим. Если вы сильнее деревьев, ничего вам не сделается, а если сильнее они... Что ж, полковник, тогда с каждой стороны нашей полянки останется от вас по сувениру.

Эль Кучильо рассмеялся, а следом захохотали все сорок его прихвостней. И по сей день, когда меня одолевает хандра или мучает старая польская лихорадка, мне в кошмарах снится круг жестоких смуглых лиц, хищные глаза и отсветы пламени на крепких белых зубах.

Удивительно – и я слышал это от многих, – до чего обостряются чувства в столь бедственном положении. Никогда человек не воспринимает все с такой ясностью, как за миг до страшной и предвиденной гибели. Я замечал все – запах смолы от поленьев, каждую травинку и шорох. А потому раньше чем кто бы то ни было, еще до того, как главарь обратился ко мне, я различил тихий однообразный звук. Он был далеко, но приближался с каждой секундой. Сначала до меня долетел просто неясный гул, но когда бандит замолчал, а его подручные стали развязывать мои ноги, чтобы отвести на место казни, сомнений не осталось – стучали копыта, звенели уздечки, сабли побрякивали по стремянам. Мог ли я, служивший в легкой кавалерии с тех пор, как у меня первый пушок над губой пробился, не понять, что к нам приближается отряд гусар?

– На помощь, друзья! На помощь! – Мне врезали кулаком по губам, поволокли, но я продолжал кричать: – На помощь, удалцы! Скорее, дети мои! Вашего полковника хотят убить!

От боли и отчаяния рассудок у меня помутился, и я решил, что сюда под гром литавр вот-вот примчится мой полк.

Однако появились на поляне совсем не те, кого я ждал. К нам галопом скакал всадник на великолепной чалой кобыле. Он был молод, хорош собой и держался в седле с чертовской удалью и благородством, почти как я. Его необычный красный мундир забрызгала грязь, однако на плечах лежали золотые погоны, а на голове сверкала каска со щегольским белым плюмажем из конского волоса, ниспадавшим с гребня. За молодым человеком следовали еще четверо в такой же форме, все – чисто выбритые, круглолицые и благообразные; они больше напоминали монахов, чем драгун. По приказу своего предводителя всадники остановились, ножны стукнули о стремяна, а командир подъехал к нам. Пламя ярко освещало его

разгневанное лицо и великолепную голову лошади. Увидев мундиры, я, конечно же, догадался: это англичане. Я встретил их впервые, но по горделивой осанке и уверенной манере сразу понял, что слухи – правда, и это в самом деле достойные противники.

– Стойте! – воскликнул молодой офицер по-французски с довольно сильным акцентом. – Что это вы тут затеяли? Кто звал на помощь и почему?

Как же я благословил время, когда потомок ирландских королей О’Брайен обучал меня английскому! Веревку на ногах развязали, и мне осталось только высвободить руки. Я рванулся, подхватил саблю, лежавшую возле костра, и одним прыжком взлетел на лошадь бедняги Видаля. Да-да, из-за раненой лодыжки я не поставил ногу в стремя, а именно что вскочил в седло. Я оторвал привязь от дерева и подскакал к офицеру прежде, чем разбойники успели выхватить пистолеты.

– Сдаюсь вам, сэр! – вскричал я, хотя, признаться, английский мой был не лучше его французского. – Взгляните вон на то дерево. Вот что сделали злодеи с благородным человеком, попавшим к ним в лапы!

Пламя костра взметнулось, осветив труп несчастного Видаля – зрелище, которое привидится только в кошмарном сне.

– Годам! – воскликнул офицер.

– Годам! – воскликнули остальные всадники, что по-нашему значит «Боже милостивый!».

Они выхватили сабли и сомкнули строй. Один, судя по шевронам – сержант, рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

– Пора шкурку спасать, лягушатник.

Ах, какое счастье было снова оказаться в седле и крепко сжать верную саблю! Я взмахнул клинком и закричал от радости, а главарь бандитов, мерзко улыбаясь, шагнул вперед.

– Видите ли, милорд, этот француз – наш пленник, – сказал он.

– Ты грабитель с большой дороги, – ответил англичанин, указывая на него саблей. – Такие союзники для нас – позор. Клянусь, если бы лорд Веллингтон придерживался моего мнения, всех вас повесили бы на первом суку.

– Но как быть с пленным? – спросил бандит сладким голосом.

– Он отправится с нами.

– Тогда позвольте мне хотя бы шепнуть кое-что вам на ухо.

Эль Кучильо подошел к молодому офицеру, вдруг развернулся и выстрелил прямо в меня. Пуля чиркнула по моим волосам и пробила кивер навылет. Увидев, что промазал, главарь хотел швырнуть в меня пистолет, но

едва замахнулся, как английский сержант одним ударом рассек ему шею, так что голова почти отделилась от туловища. Кровь бандита еще не хлынула на землю, последнее проклятие не стихло у него на губах, а вся шайка уже бросилась к нам, однако мы, раззя направо и налево, в несколько скачков пересекли поляну и галопом понеслись по извилистой тропе.

Лишь в полях, когда ущелье осталось далеко позади, мы решили остановить коней и посмотреть, нет ли пострадавших. Сам я был ранен и с ног валился от усталости, однако сердце мое переполняла гордость. Меня так и распирало при мысли о том, какую памятку я, Этьен Жерар, оставил о себе этим собакам. Теперь они хорошенько подумают, прежде чем тронуть кого-то из наших ребят. В восторге я даже произнес небольшую речь перед смелыми англичанами и объяснил им, кого они спасли. Я начал уже говорить о славе, о родстве отважных сердец, но молодой офицер меня перебил.

– Ладно, – сказал он. – Есть ранения, сержант?

– У лошади Джонса пуля задела бабку.

– Джонс поедет с нами. Сержант Халлидей с кавалеристами Харвеем и Смитом – направо, к немецкому посту.

Трое ускакали, солдат на раненой лошади приотстал, так что в лагерь англичан я направился в компании молодого офицера. Мы сразу понравились друг другу и очень скоро разговорились. Он был знатного рода, этот смельчак. Лорд Веллингтон поручил ему разведать, не появились ли в горах наши отряды. Одно из преимуществ походной жизни в том, что учишься всюду узнавать что-то новое. Тем и отличается бывалый путешественник от людей простых. Скажем, редкий француз сумеет без ошибки повторить английский титул. Если бы я не повидал мир, то сейчас и не вспомнил бы в точности, что молодого человека звали милорд достопочтенный сэръ Рассел, барт.^[4] Последнее – вежливое обращение, а потому я чаще называл его Бартом, это все равно что по-испански – дон.

Ночь была дивная, мы ехали под луной и беседовали, как родные братья. Представьте себе, он оказался моим ровесником, тоже служил в легкой кавалерии – в Шестнадцатом драгунском полку, – и мы оба мечтали о славе и подвигах. Ни с кем еще я не сходилась так быстро. Барт открыл мне имя любимой, с которой встречался в саду под названием Воксхолл, а я рассказал о маленькой Корали из оперы. Он достал из-за пазухи медальон с локоном, а я – подвязку. Потом мы едва не поссорились из-за гусар и драгун, потому что он ужасно гордился своими молодцами. Видели бы вы, как он усмехнулся и хлопнул по эфесу, когда я заявил, что лучше им не попадаться на пути моих ребят. Наконец Барт завел речь о том, что

англичане называют спортом, и рассказал мне, сколько денег потерял, стараясь угадать, какой из петухов побьет противника и какой здоровяк сильнее врежет другому. Я только диву давался. Заключать пари он был готов по любому поводу, и когда мне случилось заметить падающую звезду, немедленно заявил, что насчитает больше звезд, предложил ставку в двадцать пять франков за каждую и успокоился лишь после того, как я объяснил, что мой кошелек достался бандитам.

Так мы и болтали. Уже начало светать, когда впереди внезапно раздался оглушительный ружейный залп. Местность была неровная, скалистая, я ничего не видел, однако решил, что где-то началось большое сражение. Барт посмеялся над моей догадкой и объяснил, что звук доносится из лагеря: по утрам англичане разряжали оружие, чтобы ударный состав ^[5] наверняка был сухим.

– Скоро аванпосты, – сказал мой спутник.

Я посмотрел по сторонам. Увлеченные беседой, мы не заметили, как пустились рысцой, и драгун на раненой лошади остался далеко позади. Кругом, насколько хватало глаз, не было ни души, кроме меня и Барта, оба – если вы понимаете, о чем я – на прекрасных лошадях и при оружии. Тут-то я и спросил себя, а так ли мне нужно в английский лагерь?

Теперь, друзья мои, я должен вам кое-что объяснить. Не думайте, будто я поступил бесчестно или неблагодарно с человеком, который меня спас. Вспомните, что самая главная ответственность из всех – та, которую несет командир перед своими солдатами. А кроме того, не забывайте: война – игра со строгими правилами, и за их нарушение тебя немедленно призовут к ответу. Если бы, к примеру, я обязался не участвовать больше в сражениях, а затем решил бежать, то был бы последним негодяем. Однако этого от меня никто не потребовал. По самонадеянности, а еще – из-за того, что драгун приотстал, Барт позволил мне держаться с собой на равных. Окажись он моим пленником, я поступил бы с ним так же благородно, однако из уважения к его смелости непременно разоружил бы и позаботился, чтобы рядом был хоть один солдат. Я подъехал к Барту, сказал ему все это, а потом спросил, не сочтет ли он мой поступок бесчестным, если я его покину.

Он подумал и несколько раз повторил то слово, которое говорят англичане, когда подразумевают «Боже милостивый».

– Значит, вы хотите бежать? – спросил он.

– Если вы не против.

– Я против лишь потому, что при первой же попытке должен буду отсечь вам голову.

- В эту игру могут сыграть и двое, дорогой Барт, – сказал я.
- Так посмотрим, кто лучше! – воскликнул он и выхватил саблю.

Я вытащил из ножен свою, однако твердо решил не причинять вреда моему спасителю.

– Сами посудите, – сказал я. – Вы утверждаете, что я ваш пленник, но с тем же успехом и я могу назвать вас своим. Мы здесь одни, и хотя у меня нет никаких сомнений в том, что вы прекрасно фехтуете, вряд ли вы устоите против лучшей сабли в шести бригадах легкой кавалерии.

Вместо ответа он нанес удар, метя мне в голову. Я парировал и отсек ему половину белого плюмажа. Он сделал выпад, но я отвел острие клинка и срезал плюмаж начисто.

– Будь прокляты ваши хитрости! – вскричал Барт, когда я развернул лошадь, ускользнув от него.

- Зачем вы нападаете? – спросил я. – Видите же, что я вам не отвечаю.
- Вы должны отправиться со мной в лагерь.
- Ноги моей там не будет.
- А я держу пари, что будет! – крикнул он и ринулся на меня.

И тут мне в голову пришла мысль. Почему бы не решить спор без кровопролития? Барт вынуждал меня ранить его, иначе он непременно ранит меня. Я увернулся, и его сабля едва не оцарапала мне шею.

– Есть предложение, – крикнул я. – Бросим кости, кто выиграл – тот и пленный.

Он улыбнулся. Для такого заядлого игрока предложение было заманчивое.

- Давайте их сюда!
- У меня их нет.
- У меня тоже. Зато есть карты.
- Отлично, пусть карты.
- Во что сыграем?
- Выбирайте.
- В экарте, лучший результат из трех партий.

Я кивнул, не сдержав улыбки, – во всей Франции не набралось бы и трех человек, которые играют лучше меня. Так я и сказал Барту, когда мы спешили. Он тоже улыбнулся.

– Я лучший игрок у Ватье^[6], и даже если вам просто повезет, свобода будет заслуженной.

Итак, мы привязали лошадей, сели друг против друга у плоского камня, и Барт вытащил колоду. Уже по тому, как он тасовал, стало ясно, что противник у меня опытный. Мы вытянули карты, и сдавать выпало ему.

Клянусь, игра стоила свеч. Барт хотел после каждой партии повышать ставку на сотню золотых, но что значат деньги, когда на кону судьба Этьена Жерара? Мне представилось, будто все, кому важен исход – матушка, мои гусары, Шестой корпус армии, Ней, Массена и даже сам император, – собрались в этой пустынной долине и смотрят на нас. Каким ударом стало бы для них мое поражение!.. Однако я в себе не сомневался, ведь моя игра славилась не меньше, чем владение саблей, и, если не считать старика Буве из гусар Бершени, который выиграл у меня семьдесят шесть партий из ста пятидесяти, равных мне не было.

В первый раз я победил, хотя, должен признаться, карта пришла хорошая, и мой противник ничего не мог поделать. Во второй я играл, как никогда, перебил ему три взятки, но затем он сделал пять, вытянул короля и вышел на второй руке. Честное слово, мы так разгорячились, что он снял каску, а я – кивер.

– Ставлю свою чалую кобылу против вашего вороного, – сказал Барт.

– Идет! – ответил я.

– Саблю против сабли.

– Отлично!

– Седло, уздечку и шпоры! – воскликнул он.

– Согласен! – крикнул я.

Он заразил меня своим азартом. Я бы поставил своих гусар против его драгун, если бы они нам принадлежали.

А потом началась партия партий. О да, он играл, этот англичанин! Играл, как должно при такой ставке, но я, друзья мои, превзошел сам себя! Из пяти очков, которые нужны были для победы, три я получил еще на первой руке. Барт покусывал кончик усов и барабанил пальцами, а я уже видел себя во главе своих ненаглядных дьяволят. На второй руке я вытащил короля, однако потерял три взятки, и у меня стало четыре очка против его двух. Взглянув на следующую руку, я не удержался и вскрикнул от радости. Если уж это не победа, быть мне навеки в кандалах.

Дайте же карты, славный хозяин, я разложу их на столе.

Вот что мне пришло: валет и туз трэф, дама и валет бубен и червовый король. Заметьте, трэфы были козырями, а от свободы меня отделяло всего одно очко. Он понял, что дело плохо, и расстегнул мундир. Я снял ментик. Барт пошел с десятки пик. Я побил ее козырным тузом. Уже хорошо. Чтобы избавиться от козырей, я выложил валета, он – даму. Ничья. На его восьмерку пик я ответил дамой бубен. Он швырнул на камень семерку пик, и тут волосы мои встали дыбом. Под конец у нас обоих оказалось по королю. Барт получил два очка и, хотя карты ему пришли не самые лучшие,

одержал победу над моей великолепной рукой. С досады мне хотелось по земле кататься. Да, в тысяча восемьсот десятом у Ватье умели играть, и это говорю вам я, бригадир Жерар.

Каждый из нас набрал четыре очка. От исхода следующей игры зависела моя судьба. Барт развязал кушак, а я снял португую. Англичанин держался невозмутимо, и я призвал на помощь все свое хладнокровие, однако с меня градом лил пот. Раздавать выпало Барту. Признаюсь вам, друзья, руки у меня так дрожали, что я с трудом взял карты. Я поднял их – и что же? Угадайте, что я увидел? Короля! Короля! Козырного короля! Я уже хотел сказать об этом, но взглянул на своего товарища, и слова застряли у меня в горле.

Барт застыл с картами в руке и, открыв рот, смотрел мне через плечо взглядом, полным изумления и ужаса. Я развернулся и тоже остолбенел.

Неподалеку, метрах в пятнадцати, я увидел трех незнакомцев. В середине стоял господин высокого роста, но не долговязый – примерно как я. На нем была темная форма и маленькая двугруда с белым плюмажем. Однако поразила меня вовсе не одежда, а лицо. Резко очерченные скулы, нос с горбинкой, повелительный взгляд синих глаз, тонкие решительные губы – все говорило о том, что перед нами персона исключительная, каких на свете не много. Он сдвинул брови и так взглянул на Барта, что из помертвевших пальцев бедняги одна за другой выпали карты. Второй незнакомец с грубым загорелым лицом, словно вырезанным из древесины старого дуба, был в алом мундире, а третий, представительный мужчина с густыми бакенбардами, – в синем с золотой отделкой. Поодаль ординарцы держали трех лошадей, а сзади ждал драгунский эскорт.

– Эй, Кроуфорд! Какого черта вы делаете? – спросил худой человек.

– Вы слышали, сэр? – крикнул тот, кто был в красном. – Лорд Веллингтон хочет знать, что происходит!

Мой несчастный Барт пустился в объяснения, однако суровое лицо Веллингтона не смягчилось.

– Честью клянусь, это неслыханно, генерал Кроуфорд, – наконец сказал он. – Вы нарушили устав, сэр. Отправляйтесь на гауптвахту.

Я в ужасе смотрел, как Барт садится на лошадь и уезжает, понунив голову. У меня просто сердце разрывалось. Я упал на колени перед английским полководцем. Я умолял его пощадить моего друга. Рассказал, что я, полковник Жерар, свидетель тому, какой это brave молодой офицер. Мое красноречие растрогало бы даже камень; я сам себя довел до слез, но Веллингтон был непреклонен. Я осекся и замолчал.

– А сколько у вас, во французской армии, весит поклажа мула? –

спросил он.

Вот и все, что сказал этот невозмутимый англичанин в ответ на мою пламенную речь. Да француз на его месте зарыдал бы у меня на плече!

– Поклажа? – переспросил человек в красном мундире.

– Двести десять фунтов, – сказал я.

– Вы слишком их нагружаете, – заметил Веллингтон. – Уведите пленного.

Меня обступили драгуны. При мысли, что я победил и в эту самую минуту мог отправиться на все четыре стороны, я обезумел. Я показал Веллингтону карты.

– Стойте, месье! Я играл на свою свободу и выиграл. Посмотрите, в руках у меня король!

И тут, впервые за все время, его суровое лицо потеплело, а по губам скользнула улыбка.

– Отнюдь, – сказал Веллингтон, запрыгнув в седло. – Выиграл я. Как видите, это вы в руках у моего короля.

Глава IV

Как бригадир попал в руки короля

Мюрат, несомненно, был прекрасный кавалерист, но слишком гордый, а это сгубило немало хороших солдат. Или взять Лассаля – отважный воин, а пропал из-за вина и безрассудства. Я, Этьен Жерар, держал самолюбие в узде и всегда проявлял умеренность, кроме, разве что, случаев, когда в конце кампании мне доводилось встретить старого товарища. Потому, если бы не скромность, я, пожалуй, назвал бы себя лучшим офицером легкой кавалерии. Что верно, то верно, дослужился я всего лишь до бригадира; с другой стороны, все мы знаем, что на вершину поднялись лишь те, кому посчастливилось пройти с императором ранние кампании. Кроме Лассаля, Лобо и Друэ, я не припомню военачальников, которые не сделали бы карьеры до Египта. Даже я при всех своих достоинствах возглавил только бригаду и еще получил медаль за особые заслуги из рук самого императора. Она, к слову, лежит у меня дома, в кожаном мешочке.

И все же, хоть больших высот я не достиг, слава обо мне ходила не только в рядах французов, но и среди англичан. Когда я попал в плен – а как это случилось, я рассказывал вам прошлым вечером, – в Опрото ко мне приставили надежную охрану. Уж поверьте, они сделали все, чтобы такой матерый противник не смог ускользнуть. Десятого августа меня под конвоем доставили на судно, что направлялось в Англию, и вуаля – в конце месяца я сижу в Дартмурской тюрьме, построенной для нас.

«Французский отель с пансионом», вот как мы ее называли. Вы же понимаете, что там собрались отважные ребята, и даже в бедственном положении они не вешали нос.

В Дартмуре содержали только тех офицеров, которые не отказались участвовать в военных действиях, большинство же заключенных были матросами или простыми солдатами. Вы, наверное, спросите, почему я не подписал обязательство, ведь тогда я мог бы жить в лучших условиях вместе со своими товарищами. Что ж, на то у меня было две причины, и обе довольно серьезные.

Во-первых, я верил в себя и не сомневался, что рано или поздно совершу побег. Во-вторых, моя семья, хоть и пользовалась уважением, никогда не располагала большими средствами. И речи быть не могло, чтобы я взял даже самую пустячную сумму из скромных доходов матушки. К тому же такой человек, как я, никогда не смирился бы с тем, что его

затмили буржуа из английского захолустья, или с тем, что он не может оказать внимание дамам, которые к нему благосклонны. Потому я предпочел похоронить себя в ужасной темнице. А теперь я расскажу вам о своих приключениях в Англии и о том, как прав был милорд Веллингтон, когда сказал, что я – в руках его короля.

Если бы я пустился вспоминать о самой тюрьме и невероятнейших вещах, которые там происходили, мы с вами засиделись бы до утра. Дартмур был одним из самых странных мест на всем белом свете: посреди огромной пустоши собралось семь или восемь тысяч человек – воинов, а это, как вы понимаете, люди умудренные опытом и бесстрашные. Тюрьму окружала двойная стена и ров, повсюду стояли надзиратели и охрана, но Бог мой, разве можно остановить пленных, если их содержат, будто кроликов в клетке! От нас бежали по двое и десятками, и тогда слышался пушечный залп, на поиски посылали отряд, а мы, оставшиеся, хохотали и приплясывали, крича «Слава императору!», пока надзиратели не наставляли на нас ружья. А еще мы устраивали бунты. Тогда из Плимута являлись пехота и пушки, и мы опять вопили «Слава императору!» – да так, что нас, пожалуй, слышали в самом Париже. Весело было в Дартмуре, и мы старались, чтобы те, кто нас окружает, тоже не скучали.

Надо сказать, что у заключенных были свои суды, где разбирали дела и выносили приговоры. Наказание полагалось за кражу, драку, а особенно – за предательство. Когда я только попал в Дартмур, там сидел некий Менье из Реймса, сообщивший англичанам, что пленные уговорились бежать. Так вот, в ночь побега его из-за какой-то формальности не увели. Он вопил, плакал, катался по земле, но его так и оставили вместе с товарищами, которых он предал. В ту ночь ему вынесли приговор. Это был суд, где прокурор и адвокат говорили шепотом, обвиняемый сидел с кляпом во рту, а судью не видел никто. Утром, когда за Менье пришли с бумагами об освобождении, все, что от него осталось, вы уместили бы на кончике большого пальца. Они были находчивые ребята, эти заключенные, и знали, что делать.

Мы, офицеры, жили в другом крыле, и компания там собралась весьма примечательная. Одежду нашу не конфисковали, так что из всех корпусов, служивших под командованием Виктора, Массена или Нея, не нашлось бы такого, который не имел у нас представителя, а кое-кто сидел в заключении еще с тех пор, как Жюно разбили при Вимейру. Кого только я не встречал – и братьев-гусар, и егерей в зеленом, и драгун в синем, и улан в мундирах с белыми лацканами, вольтижеров и гренадеров, инженеров и артиллеристов. Однако больше всего было флотских, ведь на море англичане одержали над

нами верх. Я все в толк не мог взять, как такое возможно, пока не отправился в плавание из Опорто в Плимут. На судне я семь дней лежал пластом. Даже если бы у меня на глазах кто-то похитил полкового орла, я бы и то не шевельнулся. В такой вот разгул стихии Нельсон и одолел нас.

Ворота Дартмура едва за мной закрылись, а я уже начал думать, как выйти обратно, и поверьте, двенадцать лет военной службы научили меня таким хитростям, что план созрел очень быстро.

Прежде всего замечу, что у меня было огромное преимущество – я немного знал английский. Я выучился этому языку накануне осады Данцига у потомка королей, адъютанта О’Брайена из Ирландского легиона. Вскоре я заговорил с легкостью, ведь я все схватываю на лету. Через три месяца я мог не только объясниться, но и ввернуть крепкое словцо. Тот самый О’Брайен и научил меня божиться и поминать вместо черта Кромвеля. Я не раз видел, как англичане скалятся от удовольствия, стоит мне заговорить, как они.

Нас, офицеров, держали в камерах по двое, и это меня весьма огорчало, поскольку в соседи мне попался долговязый и молчаливый Бомон из летучей артиллерии, захваченный английскими кавалеристами в Асторге.

Я с легкостью завожу друзей, вы ведь знаете, каков мой характер. Однако сосед ни моим шуткам не улыбался, ни горю не сочувствовал, а лишь меланхолично глядел на меня. Видимо, за два года в плену он тронулся умом. Как же я мечтал, чтобы рядом сидел старик Буве или кто-то из товарищей-гусар, а не эта мумия! Однако и с ним нужно было поладить, ведь я не мог бежать, не заручившись его поддержкой – он видел каждый мой шаг. Я начал с намеков, мало-помалу заговорил откровеннее, и наконец мне показалось, что я его убедил.

Тогда я проверил на прочность стены, затем потолок и пол... Все зря – кладка оказалась прочнейшая. Дверь была железной, с пружинным замком и зарешеченным оконцем, в которое по ночам дважды заглядывал надзиратель. В камере стояли две койки, два табурета и два умывальника. Этого мне вполне хватало, ведь за двенадцать лет походной жизни и не к такому привыкнешь. Но как было отсюда выбраться? Ночь за ночью я думал о своих ребятах, мне снились кошмары: то у всего полка лошади оказывались неподкованными, то у них пухли животы от зеленого фуража, или они начинали хромать после марша по болотистой местности, а то я видел, что шесть эскадронов побиили прикладами на глазах у самого императора. Я вскакивал в холодном поту и вновь принимался ковырять и выстукивать стены, поскольку знал – нет такой трудности, которую не

смогут преодолеть пытливый ум и ловкие руки.

В нашей камере было окошко, такое маленькое, что в него не протиснулся бы и ребенок, да еще разделенное посредине толстым железным прутом. Особых надежд на такой путь к свободе я не питал, однако все больше убеждался, что прилагать усилия нам стоит именно в этом направлении. Главная беда заключалась в том, что окно выходило во дворик, окруженный двумя высокими стенами. И все же, как сказал я своему задумчивому соседу, о Висле думать надо, когда через Рейн переправишься. Я открутил от койки железную пластину и начал выскребать раствор вокруг основания прутьев. Так я трудился по три часа, прыгал в кровать, слышав шаги надзирателя, а потом работал еще три. Частенько я и после не отдыхал, поскольку этот Бомон оказался на удивление медлительным и неуклюжим, и рассчитывать я мог только на себя.

Временами я представлял, что под окошком ждут мои ребята из Третьего гусарского при всем параде – с литаврами, знаменами и чепраками из леопардовых шкур. Тогда я начинал скрести, как безумный, пока железка не покрывалась кровью, словно ржавчиной. Так, ночь за ночью, я вынимал кусочки окаменевшего раствора и прятал их в подушку, пока не настал тот час, когда железный прут начал шататься. Одним рывком я вытащил его, и это был первый шаг к свободе.

Вы, конечно, спросите, чего я достиг, ведь в окно не пролез бы и мальчишка. Сейчас объясню. Я добыл себе не только инструмент, но и оружие. Теперь я мог и вытащить боковой камень, и постоять за себя, когда вылезу. Я принялся за дело и долбил, долбил кладку заостренным прутом, пока не выбил из щелей известь. Вы, конечно же, понимаете, что днем я возвращал все на место, и надзиратель не видел на полу ни крошки. Через три недели я отделил камень от стены и с превеликим торжеством извлек его, оставив дыру, за которой сияло уже не четыре звезды, а целых десять. Все было готово, и я вставил камень обратно, замазав щели вокруг него жиром и копотью. Через три ночи наступало новолуние, лучшее время для побега.

Спуститься во двор не составило бы труда, но меня мучили серьезные опасения насчет того, смогу ли я выбраться оттуда. Слишком горько было бы после таких усилий опять вернуться в камеру или попасть в руки стражи за воротами и очутиться в сырой подземной темнице, в которую бросали тех, кто пытался бежать. Я начал обдумывать, как поступлю дальше. Вы знаете, что мне так и не представилось случая походить в генералах и показать свои способности. Хотя иногда, после бокала-другого,

в голову приходили такие комбинации, что, доверь мне Наполеон корпус армии, глядишь, и судьба императора сложилась бы по-другому. Так или иначе, в маленьких военных хитростях и быстроте ума, которые так необходимы офицеру легкой кавалерии, я заткнул бы за пояс любого. Теперь-то мне и понадобились все эти качества, и я был уверен, что они меня не подведут.

Внутренняя стена из кирпичей, окружавшая двор, была высотой три с половиной метра, причем по верху шел ряд железных шипов, расположенных в десяти сантиметрах друг от друга. Внешнюю стену я видел раза два, и то мельком, когда открывали ворота, но заметил, что она примерно такой же высоты и тоже с шипами. Стены отделяло друг от друга пространство шириной более шести метров, и я не без оснований полагал, что часовые там не ходят. Они охраняли только ворота, зато солдаты стояли снаружи. Такой вот орешек, друзья, мне предстояло расколоть без щипцов, голыми руками.

На что я рассчитывал, так это на рост моего товарища, Бомона. Я говорил уже, что он был очень высоким, по меньшей мере метр и восемьдесят сантиметров. Встав ему на плечи, я мог схватиться за железные шипы и легко перелезть через стену. Но как втащить за собой Бомона? Этот вопрос не давал мне покоя, ведь когда я действую заодно с товарищем, даже с таким, к которому не питаю приязни, я ни за что на свете его не брошу. Если бы я взобрался на стену, а он не смог за мной последовать, я вынужден был бы спуститься. Правда, самого Бомона это, похоже, не слишком волновало, и я решил, что он, наверное, уверен в своих силах.

Меня тревожил и другой вопрос – кто встанет на дежурство под моим окном в ночь побега? Для пущей бдительности стража менялась каждые два часа, но я внимательно следил за ней из окна и знал, что солдаты очень разные. Мимо одних и крыса не проскочила бы, другие пеклись лишь о собственном благе и крепко спали, опираясь на ружье, словно дома на пуховой перине. Среди них я особо приметил грузного парня, который уходил в тень стены и все два часа мирно похрапывал, не ведя ухом, даже когда я бросал ему под ноги кусочки извести. Счастье мне улыбнулось. В полночь, когда пришло время осуществить наш план, на пост заступил толстяк.

В последний день я был сам не свой от волнения и метался по камере, точно мышь. Мне все представлялось, как надзиратель обнаружит, что прут расшатался, или заметит, что между камнями нет извести, ведь я не мог замазать щели снаружи, как сделал внутри. Сообщник мой понуро сидел на

койке, искоса поглядывая на меня, и в глубокой задумчивости грыз ногти.

– Мужайтесь, друг мой! – воскликнул я, хлопнув его по плечу. – Не пройдет и месяца, как вы снова увидите свои пушки.

– Все это очень хорошо, – ответил он. – Но куда вы хотите бежать потом, когда выберетесь отсюда?

– На побережье. Смелчаку нет преград, я отправлюсь прямо в свой полк.

– Скорее уж – в подвальные камеры или в одну из портсмутских плавучих тюрем.

– Солдат не должен опускать руки, – заметил я. – Лишь трус всегда ожидает худшего.

При этих словах его землистые щеки порозовели, и я обрадовался, впервые за все время увидев, что дух его еще не окончательно сломлен. Бомон протянул руку к кувшину, будто хотел швырнуть его в меня, затем пожал плечами и снова принялся грызть ногти, хмуро глядя себе под ноги. В голову невольно пришло, что я, наверное, окажу летучей артиллерии плохую услугу, если верну его в строй.

Еще никогда в жизни вечер не тянулся так медленно. К ночи поднялся ветер, тьма сгущалась, а он дул все сильнее и сильнее, пока над болотами не завыл страшный ураган. Я посмотрел в окно и не увидел ни единой звезды, лишь черные тучи неслись по небу. Лил дождь. Шум разгулявшейся стихии заглушал шаги часовых. «А если я не слышу их, – подумал я, – значит, и они меня не услышат». Я в нетерпении ждал, пока надзиратель, совершая еженощный обход, не заглянет в нашу камеру. Наконец я вгляделся во мрак: солдата под окном не было; он, конечно, укрылся где-то от ливня. Время пришло. Я вынул прут, вытащил камень и поманил своего товарища.

– Вы первый, полковник, – сказал он.

– А вы?

– За вами.

– Ладно. Только никакого шума, если вам жизнь дорога.

В темноте я слышал, как стучат у парня зубы. Наверное, никому еще в столь отчаянном предприятии не попадался такой сообщник. Схватив железный прут, я встал на табуретку, высунул в окно голову и плечи, но как только протиснулся до пояса, Бомон схватил меня за ноги и заорал что есть мочи: «На помощь! На помощь! У нас побег!»

Ах, друзья мои, чего я только не пережил в тот момент! Конечно, я сразу понял коварный план негодяя. Зачем ему взбираться на стену, рискуя своей шкурой, если англичане и так освободят его за то, что он помешал

сбежать более важному пленнику? Я сразу распознал в Бомоне труса и предателя, однако не представлял, на какую низость он способен. Если всю жизнь провел с благородными, честными людьми, и не подумаешь, что такое может случиться. Тупице не приходило в голову, что теперь он обречен. В темноте я протиснулся обратно, схватил его за горло и дважды ударил железным прутом. От первого удара Бомон взвизгнул, словно щенок, которому наступили на лапу. После второго – со стоном рухнул. Я сел на койку и стал покорно ждать наказания.

Однако прошла минута, за ней другая, а до меня не доносилось ни звука, если не считать хриплого, тяжелого дыхания подлеца, лежавшего на полу без чувств. Неужели за ревом бури никто не услышал его воплей? Сначала в моем сердце теплилась робкая надежда, потом она стала предположением, и наконец – уверенностью. В коридоре и во дворе стояла тишина. Я вытер со лба холодный пот и спросил себя, как быть дальше.

Одно я знал наверняка. Человек на полу должен умереть. Если я оставлю его в живых, рано или поздно он поднимет тревогу. Я боялся зажечь свет и шарил в темноте, пока не нащупал что-то влажное – голову этого мерзавца. Я занес железный прут, но, друзья мои, что-то меня остановило. В пылу сражения от моей руки пало много людей, и людей достойных, тех, кто не причинил мне никакого зла. Сейчас передо мной лежал предатель, который не заслужил пощады и готовил мне гибель, а я не мог раскроить ему череп. Такие поступки хороши для испанских бандитов или санкюлотов с улицы Фобур-Сент-Антуан, но не для благородного воина.

Бомон еле дышал, и я надеялся, что в себя он придет еще не скоро. Я заткнул ему рот и привязал негодя к койке лоскутами одеяла, чтобы он не сумел освободиться до следующего обхода. Однако у меня появилась новая беда, ведь я рассчитывал, что Бомон поможет мне перебраться через стену. Я чуть не расплакался, и только мысли о матушке и нашем императоре не дали мне упасть духом. «Выше голову! – сказал я себе. – Кто-то, может, и раскис бы, только не Этьен Жерар. Этого молодого человека так просто не возьмешь».

Я принялся за дело – порвал наши с Бомоном простыни, сплел из них отличную веревку и надежно привязал ее к середине железного прута, который был длиной сантиметров тридцать. Затем я спустился во двор. Дождь лил как из ведра, ураган завывал еще громче. Я прильнул к стене тюрьмы, правда, вокруг стояла непроглядная темень, и часовой ни за что не заметил бы меня, если бы только мы не столкнулись. Подкравшись к внутренней стене двора, я закинул на нее железный прут, и, к моей

великой радости, он сразу застрял между шипами. Я поднялся по веревке, втянул ее и спрыгнул на другую сторону. Точно так же я влез на вторую стену – она оказалась пониже, – сел между шипами, и тут внизу, во мраке, что-то блеснуло. Это был штык, и торчал он так близко, что я мог достать его рукой и отвинтить. Солдат зябко жался к стене и напевал себе под нос, не подозревая, что прямо над головой затаился отчаянный узник, готовый пронзить ему сердце. Я уже хотел спрыгнуть, когда парень вдруг чертыхнулся, вскинул ружье на плечо, и я услышал, как зачавкала грязь под его сапогами. Соскользнув по веревке, я оставил ее болтаться на стене и со всех ног бросился прочь.

Боже милостивый, как я летел! Ветер бил мне в лицо и щекотал ноздри, дождь заливал глаза и шумел в ушах. Я проваливался в ямы, падал, продирался сквозь колючие заросли. Шипы разорвали мою одежду, из ран сочилась кровь. Во рту пересохло, ноги как свинцом налились, сердце бухало, точно литавра, а я все бежал, не смея остановиться.

Однако головы я не потерял, друзья мои. Все было продумано до мелочей. Беглецы всегда спешили на побережье, но я решил направиться в глубь страны, тем более после того, как раскрыл свой план Бомону. Меня стали бы искать на юге, а я повернул на север. Вы, наверное, спросите: как я определил направление в такую ночь? По ветру. В тюрьме я заметил, откуда пришел ураган, и следил, чтобы ветер все время дул мне навстречу.

Таким вот образом я и пробирался по болотам, как вдруг заметил невдалеке два желтых огонька. Я остановился, не зная, что предпринять. Видите ли, на мне по-прежнему была гусарская форма, она выдавала бы меня, а значит, первым делом следовало раздобыть себе другое платье. Если свет горел в окнах дома, вполне вероятно, там я нашел бы все необходимое. Итак, я зашагал вперед, очень сожалея, что у меня нет с собой того железного прута, ведь я твердо решил биться за свободу до последней капли крови.

Очень скоро я обнаружил, что это вовсе не дом. Огоньки оказались фонарями экипажа, и в их свете я разглядел широкую дорогу. Притаившись за кустами, я увидел низенького фореитора, державшего под уздцы пару лошадей, рядом с ним лежало колесо. Я как сейчас вижу пар от животных, коренастого человечка и черную карету на трех колесах, блестящую от дождя. Оконце экипажа опустилось, и оттуда выглянула прелестнейшая головка в капоре.

– Как же быть? – воскликнула в отчаянии незнакомка. – Сэр Чарльз куда-то запропастился... Неужели мне придется ночевать на болотах!

– Может, я сумею что-то сделать для вас, мадам, – сказал я, вылезая из

кустов на свет.

Помочь женщине для меня – святое, а женщина к тому же оказалась прехорошенькой. Не забывайте, друзья мои, хоть я к тому времени и стал полковником, мне было всего двадцать восемь лет.

Бог мой, как она закричала, как вытаращился фореитор! Только вообразите себе мой вид и все поймете: кивер проломлен, лицо в грязи, форма вымазана болотной жижей и вся изорвана. Вряд ли кто захочет повстречаться с таким молодчиком среди безлюдных топей. И все-таки, успокоившись немного, женщина поняла, что перед ней – покорный слуга, и в ее прекрасных глазах я прочел свидетельство того, что моя выправка и манеры не остались без внимания.

– Простите, что испугал вас, мадам. Я случайно услышал ваши слова и не смог пройти мимо, – продолжал я с поклоном.

Вы же знаете, как я умею кланяться, и можете представить, какое впечатление это произвело на даму.

– Я была бы вам очень признательна, сэр, – ответила она. – Мы едем из Тавистока, и в дороге произошло столько неприятностей! В довершение бед у кареты слетело колесо, и вот мы торчим здесь, посреди трясины. Мой супруг, сэр Чарльз, отправился за помощью, но, боюсь, он заблудился.

Я уже хотел как-нибудь утешить бедняжку и тут заметил рядом с ней черное пальто, отделанное каракулем. Очевидно, оно принадлежало ее спутнику. Вот чего не хватало мне, чтобы скрыть от чужих глаз мундир! Признаюсь, я чувствовал себя разбойником с большой дороги, но что было делать? Нужда законов не ведает, а я находился на вражеской территории.

– Полагаю, мадам, это вещь вашего супруга. Надеюсь, вы меня простите, однако я вынужден...

С этими словами я протянул руку в окошко и вытащил пальто. Мне даже вспомнить больно, с каким изумлением, ужасом и брезгливостью женщина взглянула на меня.

– Напрасно я вам поверила! – воскликнула она. – Вы явились меня ограбить, а не помочь. Да вы бандит с манерами джентльмена!

– Мадам, – отвечал я. – Молю, не судите меня, пока не узнаете всей правды. Я просто вынужден так поступить, но если вы будете любезны сообщить мне, кто имеет счастье называть себя вашим мужем, я непременно верну ему пальто.

Она немного смягчилась, хотя по-прежнему старалась казаться суровой.

– Мой супруг – сэр Чарльз Мередит. Он едет в Дартмурскую тюрьму по важному государственному делу. Об одном прошу, сэр, идите своей

дорогой и не трогайте того, что принадлежит ему.

– Из всех его ценностей я жажду обладать лишь одной.

– И вы ее похитили!

– Нет, – ответил я. – Она по-прежнему в карете.

С присущей всем англичанам искренностью красавица рассмеялась.

– Вместо того чтобы делать мне комплименты, лучше верните пальто.

– Мадам, вы просите невозможного. Если вы позволите мне сесть рядом с вами, я объясню, сколь необходима мне эта вещь.

Один Господь знает, в какие безумства я мог бы пуститься, если бы в этот миг до нас не долетел чей-то далекий зов, на который откликнулся фореитор. Во тьме за пеленой дождя мелькнул огонек. Он был еще далеко, но приближался с каждой секундой.

– Простите, мадам, вынужден вас покинуть, – сказал я. – Прошу, заверьте своего супруга, что его пальто будет в целости и сохранности.

Я очень спешил, однако не отказал себе в удовольствии поцеловать ей ручку, и видели бы вы, с каким восхитительным притворством дама отдернула ее, показывая, будто оскорблена моей дерзостью. Огонек фонаря мерцал уже близко, фореитор, похоже, собрался помешать моему отступлению, а потому, сунув драгоценное пальто под мышку, я скрылся в ночи.

Теперь передо мной стояла задача убраться из этих мест подальше, ведь близился рассвет. Я снова повернул навстречу ветру и летел во всю прыть, пока не рухнул без сил. Несколько минут я переводил дух, лежа в зарослях вереска, затем поднялся и бежал, пока ноги снова не подкосились. Я тогда был молод и вынослив. Двенадцать лет сражений и бивацкой жизни закалили мое тело и сделали мускулы стальными. Потому меня хватило еще на три часа сумасшедшего бега, и я, как вы помните, все время держался лицом к ветру. Теперь меня отделяло от тюрьмы километров тридцать. Занимался рассвет. Я сел на вершине поросшего вереском холмика, которыми изобилует эта страна, и решил ждать ночи. К отдыху под дождем и ветром мне было не привыкать, а потому я завернулся в теплое пальто и вскоре задремал.

Спалось плохо. Меня терзали кошмары, в которых что-то вечно получалось не так. Под конец, помню, мне приснилось, что мы всего одним эскадроном, да еще на усталых лошадях, атакуем каре бесстрашных венгерских гренадеров, как оно и случилось однажды при Эльхингене. Привстав на стременах, я воскликнул: «За императора!» «За императора!» – взревели мои гусары. Тут я проснулся, вскочил со своего жесткого ложа, но слова все звенели у меня в ушах. Я протер глаза, подумав, что повредился

рассудком, и вдруг услышал, как пять тысяч голосов дружно грянули все тот же клич. Я выглянул из кустов ежевики и в свете утреннего солнца увидел то, чего уж никак не ждал.

В двух сотнях шагов от меня темнела мрачная и зловещая Дартмурская тюрьма! Если бы на рассвете я пробежал еще немного, то врезался бы кивером в ее стену. Зрелище настолько меня потрясло, что я в толк не мог взять, как же так получилось. И тут я в отчаянии ударил себя по лбу. Ну конечно! Ночью ветер поменялся, и я, двигаясь ему навстречу, пробежал пятнадцать километров прочь от Дартмура, а пятнадцать – обратно. Я летел, спотыкался, падал, и все – ради того, чтобы вернуться туда, откуда ушел! Стоило подумать об этом, как меня разобрал смех. Я повалился в заросли и хохотал, хохотал, пока бока не заболели. Потом я снова укутался в пальто и стал думать, как быть дальше.

Друзья мои, за годы странствий я усвоил один урок – никогда не вешай носа прежде времени. Как знать, может, в следующую минуту все изменится? Очень скоро я понял, что это недоразумение принесло мне гораздо больше пользы, чем любая хитрость. Стража напала на мой след там, где я позаимствовал пальто сэра Чарльза Мередита; из своего укрытия я видел, как они скачут по дороге к этому месту. Ни одному из них и в голову не пришло бы, что я вернулся, а потому я спокойненько полеживал в ямке, окруженной кустами. Заключенные, конечно же, прослышали о моем побеге, и весь день ликующие возгласы, такие же, как тот, что разбудил меня утром, летели над болотами, согревая мне сердце дружеским сочувствием. Разве могли мои несчастные товарищи представить, что на холме, который виден из окон, лежит тот, чей побег они празднуют? С вершины я наблюдал, как бедняги прохаживаются по большому двору или собираются в кучки и размахивают руками, радостно обсуждая мой успех. Один раз до меня донеслось презрительное улюлюканье, и два конвоира провели через двор Бомона с забинтованной головой. Описать не могу, какое облегчение я испытал, убедившись, что он жив и всем остальным открылась правда. Слишком хорошо они знали меня, чтобы поверить, будто я оставил его на произвол судьбы.

Весь тот долгий день я прятался за кустами, слушая, как внизу ежечасно бьет колокол.

В карманах у меня было полно сухарей, которые я откладывал из пайка, в пальто обнаружилась серебряная фляжка, полная отличнейшего бренди с водой, так что ни голод, ни жажда меня не мучили. Кроме фляжки, в карманах я нашел платок из алого шелка, черепаховую табакерку и голубой конверт с красной печатью, адресованный коменданту

Дартмурской тюрьмы.

Что до первых двух вещей, то я намеревался отправить их владельцу вместе с пальто. Конверт же меня смутил, ведь комендант всегда был со мной любезен, и мне никак не хотелось вмешиваться в его переписку. Сначала я собирался оставить послание под камнем у обочины на расстоянии ружейного выстрела от ворот. Однако это навело бы преследователей на мой след, так что, подумав как следует, я решил просто беречь конверт, пока не представится случай его отправить, и спрятал письмо во внутренний карман.

Солнце высушило мою одежду, и к ночи я был готов снова отправиться в путь. Можете не сомневаться, на этот раз я сделал все правильно: определил направление по звездам, как умеет каждый гусар, и махнул прочь от тюрьмы на добрых сорок километров. Теперь оставалось только позаимствовать у первого встречного платье, а затем пробираться на север, к морю. Там промышляло много контрабандистов и рыбаков, которые были не прочь подзаработать, ведь император обещал награду тем, кто переправляет беглых французов через Ла-Манш. Я снял с кивера султан, чтобы не слишком бросаться в глаза, но понимал, что даже с этим прекрасным пальто гусарская форма рано или поздно меня выдаст. Первым делом следовало переодеться.

Когда рассвело, справа показалась река, а слева – городок: над болотом поднимался голубоватый дым печных труб. Я бы с удовольствием понаблюдал за жизнью англичан, ведь их обычаи весьма своеобразны. Мне очень хотелось взглянуть, как они едят сырое мясо и продают жен, однако я понимал, что идти туда в мундире слишком опасно. Кивер, усы, произношение – все указывало, кто я такой. Потому я продолжил путь на север и все время оглядывался, не скажут ли за мной, однако погони так и не заметил.

В полдень я пришел в укромную долину, где стоял одинокий домишко – чистенький, со скромным крыльцом и садиком, по которому бродили петухи и куры. Все указывало на то, что здесь можно разжиться самым необходимым, а потому я залег в папоротнике и стал наблюдать. Хлеб кончился, после долгой дороги у меня разыгрался волчий аппетит. Я решил провести рекогносцировку, а затем подобраться к дому, потребовать его капитуляции и взять, что мне нужно. Уж по меньшей мере меня ждали курица и омлет. При мысли об этом у меня потекли слюнки.

Пока я лежал в засаде, гадая, кто мог бы поселиться в такой глуши, на крыльцо вышел деловитый коротышка, а за ним – другой человек, постарше. Он вынес две огромные булавы, передал их молодому, и тот

принялся с невероятной быстротой ими размахивать. Второй стоял рядом и внимательно наблюдал, время от времени давая советы. Затем коротышка взял веревку и запрыгал, словно девочка, а старший все так же мрачно взирал на него. Я, как вы, наверное, поняли, терялся в догадках и мог лишь предположить, что это больной и врач, который изобрел какой-то особый метод лечения.

Затем старший мужчина вынес из дома шинель, помог молодому ее надеть, и тот, к моему удивлению, застегнулся на все пуговицы, хотя день выдался жаркий. «Что ж, – подумал я, – по крайней мере упражнениям конец». Однако это было только начало. Незнакомец в тяжелой шинели побежал, и надо же такому случиться – прямо в мою сторону. Его товарищ ушел, так что все складывалось как нельзя лучше. Я вознамерился отобрать у коротышки одежду, а потом идти в ближайшую деревню за провиантом. Куры в саду определенно притягивали мой взор, однако в доме было по крайней мере двое мужчин, и я решил без оружия с ними не связываться.

Я затаился в папоротнике и вскоре услышал топот. Человек в огромной шинели подбежал совсем близко, с его лба градом лил пот. Сложения этот парень был крепкого, но роста до того низенького, что я испугался, как бы его одежда не оказалась мне мала. Когда я выпрыгнул навстречу, он замер и воззрился на меня с величайшим недоумением.

– Левый мне в челюсть!.. Ты кто такой? Из цирка, что ли?

Именно так он и выразился, хотя, не стану обманывать, я понятия не имел, что это значит.

– Простите, сэр, но я вынужден попросить у вас одежду, – сказал я.

– Чего? – удивился он.

– Одежду.

– Вот это новости! Да зачем тебе моя одежда?

– Она мне нужна.

– А мне, думаешь, нет?

– Кромвель вас подери! – воскликнул я. – Тогда я сам ее возьму!

Коротышка сунул руки в карманы, и на его чисто выбритом лице с мощной челюстью засияла насмешливая улыбка.

– Возьмешь? – переспросил он. – Ты ушлый парень, как я погляжу, но сегодня ты не ту свинью за ухо схватил. Я знаю, кто ты. Беглый лягушатник из местной тюрьмы, это сразу видать. А вот ты не знаешь, кто я, иначе и близко не подошел бы. Я Бристольский Бульдог, чемпион в полупулкем весе, а здесь я тренируюсь.

Он посмотрел на меня так, будто я от этих слов должен рухнуть замертво, однако я улыбнулся и смерил его взглядом, подкрутив ус.

– Вы, может, и смелый человек, сэр, но лучше отдайте мне одежду без долгих споров. Ведь я – гусарский полковник Этьен Жерар из Конфланского полка.

– Ты это мне брось, мосье! – воскликнул он. – Иначе схлопочешь.

– Вашу одежду. Немедленно! – крикнул я и шагнул к нему.

Вместо ответа он сбросил шинель, выставил одну руку, другую прижал к груди и, приняв эту странную позу, взглянул на меня с таинственной улыбкой. Я понятия не имел, как здесь дерутся, однако на коне или пешим, с оружием или без оногo я всегда готов к бою. Понимаете, временами солдату приходится использовать способы противника, а с волками жить – по-волчьи выть. Я с воинственным криком бросился на коротышку, подпрыгнул и ударил его обеими ногами. В тот же миг пятки мои подбросило, я увидел больше вспышек, чем под Аустерлицем, упал и приложился затылком о камень. Дальше ничего не помню.

Очнулся я на низенькой выдвижной кровати в комнате, где не было почти никакой мебели. Голова звенела, точно колокол, над глазом вздулась шишка величиной с грецкий орех. Ноздри щекотал какой-то едкий запах. Оказалось, кто-то положил мне на лоб кусочек бумаги, смоченной в уксусе. На другом конце комнаты сидел, закатав одну штанину, несносный коротышка. Он угрюмо слушал старшего товарища, а тот растирал ему ногу какой-то мазью и бранился, не переставая.

– Ну, где это видано!.. Целый месяц тебя гоняю, и вот, когда ты в наилучшей в форме, за два дня до важнейшего боя, ты ввязался в драку с иностранцем!

– Чего уж теперь, – буркнул молодой. – Ты хороший тренер, Джим. Молчал бы только побольше.

– Помолчишь тут. Если колено не заживет до среды, все решат, что ты не прочь смухлевать, и тогда попробуй найди, кто на тебя поставит.

– Смухлевать! – прорычал молодой. – Я в девятнадцати боях победил. Ни разу не слышал, чтобы кто-то при мне заикнулся про запрещенные удары. Что же делать, если этот бродяга хотел меня догола раздеть?

– Ты знал, что солдаты, которых за ним послали, в миле от нас. Мог бы пустить их по следу, и вещи тебе спокойненько вернули бы.

– Ну убей меня теперь! – не выдержал Бульдог. – Я редко срываюсь, но если меня захотел ободрать какой-то французишка, который и в масле кулаком вмятины не сделает, я терпеть не стану.

– Сдалось тебе это тряпье. Один только лорд Рафтон поставил на тебя пять тысяч фунтов. В среду, на ринге, тебе решать, кому они достанутся. Хорошенькое начало, если ты явишься с опухшим коленом и рассказом о

французике!

– Откуда я знал, что он начнет лягаться, – ответил Бульдог.

– А ты думал, он будет следовать правилам Браутона и Призового ринга? Балда, они там у себя и драться-то не умеют.

– Друзья мои, – сказал я и сел на кровати. – Я не совсем понимаю, о чем вы, но слышать не могу таких глупостей. Мы во Франции знаем о боях столько, что нанесли визит во все столицы Европы, а скоро побываем и в Лондоне. Но мы сражаемся как солдаты, а не как уличные мальчишки в сточной канаве: ты мне – тычка, я тебе – пинка. Это все детские игры. Дайте мне саблю, а сами возьмите другую, и тогда я покажу, как мы деремся.

Англичане сурово уставились на меня.

– Живой, значит, – наконец произнес старший. – Вот и славно. А то когда мы с Бульдогом тебя волокли, ты даже не трепыхался. У этого парня самый сильный удар во всем Бристоле, а твоя черепушка не такая крепкая, чтобы его выдержать.

– Он тоже хорош. Налетел на меня как петух, – сказал молодой, растирая колено. – Я применил свой старый хук слева, он и свалился как подкошенный. Не обижайся, мосье. Я сразу предупредил, что задам тебе трепку.

– Зато теперь можешь хвастать, что бился с лучшим боксером Англии в полулегком весе, – поздравил меня старший. – Да еще застал его в превосходной форме, после того как с ним поработал сам Джим Хантер.

– Мне к ударам не привыкать. – Я расстегнул доломан, показал им два пулевых ранения, затем – лодыжку и глаз, в который ткнул шилом испанский повстанец.

– Не зря свой хлеб жуешь, – кивнул Бульдог.

– А в среднем весе из него вышел бы толк, – заметил тренер. – Погонять бы месяцев шесть, то-то будет загляденье. Жаль, что его опять посадят.

Эти слова мне очень не понравились. Я застегнул пальто и встал.

– Я пойду своей дорогой и прошу вас, не надо мне препятствовать.

– Извини, мосье, ничем не могу помочь, – развел руками Хантер. – Не хочется мне сажать такого молодца обратно в тюрьму, но дело есть дело. За тебя обещали двадцать фунтов. Солдаты были здесь утром, искали тебя и наверняка вернутся.

Я похолодел.

– Не выдавайте меня! Я отошлю вам вдвое больше, как только вернусь на родину. Клянусь честью!

Они лишь головами покачали. Я умолял, доказывал, напоминал им об английском гостеприимстве, родстве отважных сердец... увы, с таким же успехом я мог бы распинаться перед огромными булавами, которые стояли передо мной на полу. На широких лицах англичан не отразилось ни капельки сочувствия.

– Дело есть дело, мосье, – повторил старший. – Кроме того, как мне в среду выставить Бульдога, если его засудят за помощь беглому арестанту, да еще и военному? Рисковать нельзя.

Так вот чем увенчались мои непомерные усилия. Выходит, меня отведут обратно в загон, словно бедную овечку. Плохо же они меня знали, если подумали, что я безропотно сдамся. Эти двое рассказали достаточно, я понял, где их слабое место, и показал, как страшен Этьен Жерар в минуту отчаяния. Одним прыжком я подскочил к булавам, схватил одну и взмахнул ей над головой Бульдога.

– Будь что будет, но в среду на ринг ты не выйдешь!

Коротышка зарычал, хотел кинуться на меня, но Джим обхватил его руками, пригвоздив к стулу.

– И думать не смей, Бульдог! – крикнул тренер. – Только через мой труп! Убирайся, лягушатник. Мы еще посмотрим, как тебя поведут обратно. Беги скорее! Беги, пока он не вырвался!

Я последовал совету и выскочил на крыльцо, но едва оказался на свежем воздухе, как голова у меня закружилась, и я прислонился к перилам, чтобы не упасть. Только представьте, что я пережил – как извелся накануне побега, как летел сломя голову под проливным дождем, выбивался из сил, и все зря; как лежал весь день в зарослях мокрого папоротника, ел одни сухари и пил воду; как шел всю ночь, а затем получил тумачков, когда попробовал отобрать у коротышки одежду. Разве удивительно, что после такого даже у меня не осталось ни капли сил?

Я стоял на крыльце в теплом пальто и потрепанном кивере, опустив голову и закрыв глаза. Я сделал все, что мог, я достиг предела.

Послышался стук копыт. Я поднял голову и увидел седоусого коменданта Дартмурской тюрьмы, а за ним – шестерых солдат!

– Ну что, полковник, – сказал он с горькой усмешкой, – вот мы вас и нашли.

Если благородный человек сделал все, что в его силах, и проиграл, он должен принять поражение достойно. Я вытащил конверт, шагнул вперед и вручил его коменданту со всей изысканностью, на которую был способен.

– К несчастью, сэр, я перехватил одно из ваших писем.

Комендант удивленно взглянул на меня, подал солдатам знак

арестовать пленного, а затем сломал печать. Он пробежал глазами строчки, и тут на лице его появилось какое-то странное выражение.

– Это же письмо, которое потерял сэр Чарльз...

– Оно лежало в кармане его пальто.

– Вы хранили его два дня?

– С позапрошлой ночи.

– И не заглянули в конверт?

Я расправил плечи и тем дал ему понять, что он поступает очень неосмотрительно, обращаясь ко мне с вопросом, который один джентльмен не должен задавать другому.

К моему изумлению, комендант захохотал.

– Полковник, – сказал он, утирая слезы, – ну и набегались мы из-за вас, а самое главное – напрасно.

Я вам сейчас прочту, послушайте-ка.

И вот что я услышал:

«По получении сего письма вам предписывается освободить Этьена Жерара, полковника Третьего гусарского полка, по обмену на полковника конной артиллерии Мейсона, пребывающего теперь в Вердене».

Прочитав это, комендант рассмеялся, а за ним рассмеялись и солдаты, и обитатели домика. И сам я, увидев это веселье и вспомнив о своих надеждах, страхах и злключениях, не смог ничего с собой поделать, прислонился к перилам и от души захохотал. Что еще оставалось bravому солдату? Да и кому, как не мне, было радоваться, если я отправлялся в родную Францию, к матушке, императору и своим удалцам, оставив позади мрачную тюрьму и тяжелую руку английского короля?

Глава V

Как бригадир сражался с маршалом де Комильфо

Массена был человек худой, низенький и вечно всем недовольный. После несчастного случая на охоте он лишился глаза, но когда смотрел из-под своей двууголки на поле боя, то и одним все прекрасно замечал. Иногда встанет перед батальоном, раз окинет его взглядом и тут же скажет, у кого пряжка не на месте или пуговица расстегнута. И офицеры, и простые вояки его не слишком любили, ведь он, как вы знаете, был скуповат, а солдаты ценят щедрость. Другое дело – работа, здесь он пользовался большим уважением. Ни к одному полководцу не шли с такой охотой, кроме самого императора, да еще разве что Ланна, когда тот был еще жив. Хватка у Массена была крепкая, и вы, наверное, помните, как однажды он вцепился в Цюрих и Геную. Он держался за позиции, точно за свою кубышку, и ослабить его железную руку мог только очень умный человек.

Когда Массена вызвал меня к себе, я с радостью отправился в штаб, ведь маршал был обо мне высокого мнения и всегда выделял среди прочих офицеров. Вот почему так хорошо служилось с полководцами того времени – опытные воины сразу видели, кто чего стоит. Массена сидел в палатке один, подперев голову кулаком, такой мрачный, будто его попросили сделать пожертвование. И все же, увидев меня, он улыбнулся:

- Здравствуйте, полковник Жерар.
- Добрый день, маршал.
- Как ваш Третий?
- Семь сотен превосходных гусар на семи сотнях горячих скакунов!
- А ваши раны? Зажили?
- Раны мои никогда не заживают, месье.
- Почему же?
- Все время появляются новые.

– Генералу Раппу надо приглядывать за своими лаврами, – рассмеялся Массена, и лицо его покрылось морщинками. – У нашего героя двадцать одно пулевое ранение и столько же шрамов от скальпелей и зондов Ларрея. Я знал, как вы пострадали, полковник, а потому старался вас не беспокоить.

- И это ранило меня больше всего.

– Ладно вам!.. С тех пор как англичане преодолели оборонительные линии Торрес-Ведраса, будь они неладны, мы сидели без дела. Вы ничего

не пропустили, пока сидели в Дартмуре. А вот теперь пришло время действовать.

– Наступление?

– Нет, мы отступаем.

Я помрачнел. Отступать перед этим псом Веллингтоном, который и слезинки не уронил, слушая мои просьбы, а потом отправил меня в свой болотный край? Подумав об этом, я чуть не всхлипнул.

– А вы бы как поступили? – вскричал Массена. – Когда тебе объявляют шах, время уводить короля.

– Вперед, – предложил я.

Он покачал сидящей головой:

– Линии нельзя форсировать. Генерал Сен-Круа погиб, и потери слишком велики. Вот уже почти полгода, как мы торчим здесь, в Сантареме. В деревнях не осталось ни муки, ни вина. Мы вынуждены отойти.

– Мука и вино есть в Лиссабоне, – возразил я.

– Нет. Вы так рассуждаете, будто армия может нагрянуть и тут же унести прочь, словно ваш гусарский полк. Если бы Сульт со своими тридцатью тысячами был здесь... Однако я послал за вами по другому поводу. Я намерен поручить вам очень важную и необычную миссию.

Как вы понимаете, я сразу наострил уши. Массена развернул на столе огромную карту и разгладил ее маленькими волосатыми руками.

– Вот Сантарем.

Я кивнул.

– А вот здесь, в сорока километрах восточнее, – городок Альмешиаль, знаменитый своими виноградниками и огромным аббатством.

Я снова кивнул, хотя представить не мог, к чему он клонит.

– Вы слышали когда-нибудь о маршале де Комильфо?

– Я служил под началом всех маршалов, но такого не знаю.

– Это всего лишь прозвище, которое дали ему солдаты, – сказал Массена. – Если бы вы не провели на чужбине несколько месяцев, сразу поняли бы, о ком я. Есть тут один англичанин с изысканными манерами. За них-то его и нарекли таким именем. Я хочу, чтобы вы отправились в Альмешиаль и навестили этого вежливого господина.

– Слушаюсь, маршал.

– Вздерните его на ближайшем дереве.

– Да, маршал.

Я развернулся на каблуках, однако Массена меня остановил:

– Минутку, полковник. Сначала я должен объяснить вам ситуацию.

Маршал де Комильфо, которого на самом деле зовут Алексис Морган, человек весьма находчивый и храбрый. Он был офицером английской Гвардии, но попался на шулерстве, оставил военную службу и ушел в горы, сколотив шайку из британских дезертиров. К ней присоединились французские и португальские бандиты, и вскоре под его началом оказалось пять сотен человек. С ними он захватил Альмешиальское аббатство, выгнал монахов, укрепил стены и начал грабить округу.

– За что его давно пора повесить, – подытожил я и снова направился к выходу.

– Еще секунду! – крикнул маршал, смеясь над моим нетерпением. – Вы не знаете главного. На прошлой неделе вдовая графиня Ла Ронда, самая богатая женщина Испании и придворная дама короля Жозефа, отправилась навестить своего внука, и грабители взяли ее в плен. Спасло ее лишь то...

– Что она бабушка, – предположил я.

– Что она может заплатить выкуп, – закончил Массена. – Таким образом, перед вами три задачи: спасти несчастную женщину, покарать злодея и, если получится, разорить бандитское гнездо. А в доказательство того, как высоко я ценю ваши способности, даю вам лишь половину эскадрона.

Я ушам своим не поверил! Для такого дела требовался по крайней мере полк.

– Я бы послал и больше, – сказал Массена, – однако сегодня мы начинаем отступление, а кавалерия Веллингтона так сильна, что каждый всадник сейчас на вес золота. Сделайте все, что можно, а потом возвращайтесь ко мне в Абрантес не позднее завтрашней ночи.

Мне очень льстило, что он так верит в меня, и все-таки я немного сомневался. Как освободить пожилую даму, повесить англичанина и разгромить пять сотен головорезов, если на все про все тебе дают пятьдесят человек? Правда, эти пятьдесят – конфланские гусары, а ведет их Этьен Жерар. Я вышел на теплое португальское солнышко, прибодрился и начал спрашивать себя, не ждет ли меня в той деревеньке давно заслуженная медаль?

Не сомневайтесь, людей для этого дела я отбирал не как попало. Все были старыми рубаками, испытанными в боях на германской земле, некоторые получили за выслугу по три шеврона, а большинство – по два. Командовать отрядом я назначил Удэна и Папилета, лучших офицеров нашего полка. Любо-дорого было смотреть, как мои ребята стоят шеренгами по четыре, каждый – в серебристо-сером мундире и кивере с маленьким красным султаном, на гнедой лошади под чепраком из

леопардовой шкуры. При виде их обветренных лиц и огромных усов сердце мое переполняла гордость. Между нами говоря, я уверен, что гусары мои чувствовали то же самое, глядя, как впереди скачет их молодой полковник на вороном жеребце.

Когда мы проехали бивак и переправились через Тахо, я выслал вперед авангард и фланговых, а сам остался во главе отряда. С вершины холма близ Сантарема виднелись темные ряды нашей армии; тут и там посверкивали сабли и штыки – Массена строил войска, готовя их к отступлению. К югу заплатками алели вражеские аванпосты. Лагерь Веллингтона окутала серая дымка, за ней горели костры, и нашим бедным изголодавшимся ребятам казалось, что ветер приносит аппетитные запахи бурлящих котлов. Далеко на западе синело море, усыпанное белыми точками английских кораблей.

Мы отправились на восток, прочь от обеих армий, однако в округе было полно и наших мародеров, и английских дозорных отрядов, так что я держал ухо востро. Весь день мы ехали среди холмов. От подножия вверх по ним взбирался молодой виноград, но ближе к вершине зелень уступала место серым плешинам, бугристым, словно хребет отоцалой лошади. Мы пересекали горные ручьи, что спешили на запад, к Тахо, а однажды путь нам преградила глубокая и бурная река. Она могла задержать нас, если бы я не нашел переправу, приметив место, где на берегах, друг напротив друга, стоят дома. Между ними, как известно, всегда есть брод. Спросить дорогу было не у кого, ведь кругом не попадалось ни единой живой души, и только огромные стаи ворон кружили в небе.

На закате мы въехали в долину, окаймленную дубравами. До Альмешиаля было рукой подать, и я решил ехать через рощи – весна наступила рано, листья уже распустились, и за деревьями никто не заметил бы нашего отряда. Мы скакали между огромными стволами, когда к нам примчался один из фланговых.

– Полковник, по ту сторону долины англичане! – крикнул он. – Я видел, как сверкают их каски, и слышал ржание лошадей.

Я приказал своим удалцам остановиться, а сам поспешил на опушку. В самом деле, параллельно и в том же направлении, что и мы, двигались английские кавалеристы. За деревьями мелькали красные мундиры, оружие пылало и посверкивало в солнечных лучах. Когда всадники проезжали небольшую прогалину, я понял, что их силы не превосходят наши – в отряде было пол-эскадрона, не больше.

Я, как вы знаете, принимаю решения быстро, а действую и того быстрее. Однако должен признаться, на этот раз меня одолели сомнения. С

одной стороны, неплохо задать неприятелям перцу, с другой – меня отправили в аббатство Альмешиаля, а бандиты, которые там засели, и так превосходят нас числом. Если в бою мы понесем потери, то не сможем выполнить свою задачу.

Подперев рукой подбородок, я смотрел на отблески, мелькавшие за деревьями, как вдруг из рощи выехал англичанин, показал на меня и заулюлюкал, точно я – какая-нибудь лиса. К нему подскакали еще трое. Один из них протрубил в горн, и вскоре в долине собрался весь отряд. Как я сразу и подумал, это был полуэскадрон. Англичане выстроились в две шеренги по двадцать пять всадников, а тот, кто заметил меня первым, встал во главе.

Я немедленно построил своих ребят в том же порядке, и вот гусары и драгуны оказались друг напротив друга, разделенные лишь зеленым полем шириной в две сотни шагов. Длинные сабли неприятеля сверкали на солнце. Да, они радовали взгляд, эти англичане в красных мундирах и серебряных касках с белыми плюмажами, но я уверен, и наши противники признали бы, что им еще не встречалось таких удалых кавалеристов, как гусары Конфлана. Конечно, у них и кони были потяжелее, и форму кое-кто счел бы более красивой, ведь по приказу Веллингтона английские солдаты в отличие от нас начищали металл до блеска. С другой стороны, как известно, их узкие мундиры стесняли движения, и это давало нам преимущество. Что до храбрости, всюду найдутся неопытные глупцы, считающие своих воинов самыми отважными. Нет такого народа, который не впадал бы в это заблуждение, но тот, кто повидал на своем веку столько же, сколько я, знает: солдаты каждой страны, хоть и сражаются по-разному, не уступают в смелости никому. Кроме разве что французов.

Как говорится, пришло время разлить вино по бокалам. Английский офицер поднял саблю, нацелил ее на меня, словно бросая вызов, и пустился в галоп. Нет на свете ничего прекраснее, чем доблестный воин на добром коне! Я глаз не мог отвести от этого всадника. Он держался в седле с небрежной удалью, саблю опустил на уровень лошадиного плеча, гордо поднял голову, и его белый султан летел по ветру – воплощенная молодость, сила, бесстрашие! Позади темнела роща, над ней раскинулось лиловое закатное небо. Однако любоваться было не время. Может, у Этьена Жерара и есть недостатки, но в бою за ним дело никогда не станет. Мой верный Ратаплан так хорошо меня чувствовал, что двинулся еще до того, как я успел тряхнуть поводьями.

Две вещи я запоминаю навсегда – лицо хорошенькой женщины и ноги прекрасного коня. И вот, пока мы с англичанином скакали навстречу друг

другу, я все время спрашивал себя, где же я видел эти мощные чалые плечи и такую дивную щетку? И тут я вспомнил, поднял взгляд и увидел глаза с искоркой и дерзкую улыбку. Ну конечно! Это был он – мой спаситель, тот самый, с кем я играл в карты на свободу. Не кто иной, как милорд достопочтенный сэр Рассел.

– Барт! – закричал я.

Он уже занес саблю, открывая мне для удара целых три части тела, ведь рубака он был не слишком опытный, и тут я отсалютовал ему. Англичанин опустил руку и вытаращил глаза:

– Кого я вижу! Жерар!

Вел он себя при этом так, будто мы заранее условились о встрече. Что же до меня, то я бросился бы ему на шею, если бы он подъехал чуть ближе.

– А я-то уж думал, повеселимся, – сказал Барт. – И представить не мог, что это вы.

Его огорчение меня раздосадовало. Вместо того чтобы радоваться другу, он сожалеет, что потерял врага!

– Я бы и сам охотно присоединился к веселью, дорогой мой Барт, – ответил я, – но, право слово, не могу поднять оружие на своего спасителя.

– Забудьте.

– Нет, невозможно. Я бы никогда себя не простил.

– Бросьте. Это сущий пустяк.

– Единственное желание моей матушки теперь – обнять вас. Если судьба приведет вас в Гасконь...

– Лорд Веллингтон отправляется туда с шестьюдесятью тысячами солдат.

– Что ж, некоторые выживут, – рассмеялся я. – Прошу, вложите саблю в ножны!

Наши кони стояли рядом, и Барт похлопал меня по колену.

– Вы славный малый, Жерар. Только вот родились не на том берегу Ла-Манша.

– Нет уж, как раз на том, – возразил я.

– Бедняга! – воскликнул он с таким искренним сожалением, что я опять рассмеялся. – Послушайте, друг мой, – продолжил Барт. – Все это прекрасно, однако так не годится. Не знаю, что скажет Массена, но Веллингтон выпрыгнет из сапог, увидев, как мы тут беседуем. Ведь наши отряды отправили сюда не на прогулку.

– Что же вы предлагаете?

– Помните, мы спорили, кто лучше – гусары или драгуны? Вот мои пятьдесят молодцов из Шестнадцатого полка, и они готовы пули грызть от

нетерпения. У вас за спиной – тоже полсотни бравых ребят, ерзающих в седлах. Если мы атакуем друг друга с правых флангов, то красоты мундиров не испортим, а небольшое кровопускание в этом климате пойдет лишь на пользу.

Предложение было заманчивое. Господин Алексис Морган, графиня Ла Ронда и аббатство Альмешиаля мигом вылетели у меня из головы. Теперь я беспокоился только о ровном дерне и предвкушал знатную потеху.

– По рукам, дорогой Барт. Лица ваших драгун мы видели, сейчас посмотрим на спины.

– Ставка? – спросил он.

– Честь конфланских гусар, не меньше.

– Тогда приступим! Если мы одержим верх – отлично, если вы – тем лучше для маршала де Комильфо.

Услышав это, я остолбенел.

– Что вы сказали?

– Так зовут негодяя, который устроил неподалеку логово. Лорд Веллингтон приказал его повесить.

– Боже милостивый! Да ведь я получил такой же приказ от Массена!

Мы рассмеялись, вложили сабли в ножны, и за спиной прошелестела сталь – отряды последовали нашему примеру.

– Значит, мы союзники! – воскликнул Барт.

– На день.

– Мы должны объединиться.

– Непременно.

Вместо того чтобы драться, мы развернули полуэскадроны и двумя колоннами поскакали вперед. Правда, кивера и каски то и дело поворачивались в сторону – гусары и драгуны рассматривали друг друга с ног до головы, точно старые бойцовые псы с порванными ушами, которые научились уважать клыки противника. По большей части ребята улыбались, однако нашлись и такие, кто поглядывал на неприятеля хмуро, с вызовом. В особенности английский сержант и мой Папилет. Эти двое были старой закалки и не могли так просто изменить своим принципам, а Папилет к тому же в бою при Буссако потерял единственного брата. Мы с молодым офицером ехали бок о бок во главе отряда и говорили обо всем, что случилось после той самой партии в экарте, о которой вы уже слышали.

Я завел речь о своих приключениях по ту сторону Ла-Манша. Станные они люди, англичане. Взять Барта. Я ведь рассказывал ему, что прошел двенадцать кампаний, однако, уверен, он стал уважать меня по-настоящему, лишь узнав о поединке с Бристольским Бульдогом. За игру в

карты с военнопленным Рассела отправили под трибунал. Так вот, полковник, который был там председателем, простил молодому офицеру нарушение дисциплины, однако чуть не разжаловал его за то, что он вовремя не избавился от козырей. Да, англичане – люди очень странные.

Дорога побежала вверх и снова нырнула в долину, более широкую, чем первая. На гребне холма мы встали, поскольку вдали, километрах в пяти от нас, показались невзрачные домишки, разбросанные у подножия горы. Над ними, на склоне, возвышалось громадное строение – то самое аббатство, где засела шайка негодяев. Только сейчас мы осознали, какая непосильная задача нам дана. Такая неприступная крепость кавалерии была не по зубам.

– Ну, это не про нашу честь, – сказал Барт. – Пусть Веллингтон и Массена сами тут разбираются.

– Не унывайте! – ответил я. – Пире с полсотней гусар взял Лейпциг.

– Будь у него драгуны, – рассмеялся Барт, – взял бы и Берлин. Вы старше по званию. Ведите нас, и посмотрим, кто первый струсит.

– Что ж, – ответил я, – медлить нельзя. К завтрашней ночи я должен явиться в Абрантес. Для начала надо разузнать все как следует. А вот и те, кто нам в этом поможет.

У дороги стоял беленый домик, судя по вывеске – придорожная таверна, где останавливались погонщики мулов. Над крыльцом горел фонарь, и в его свете я увидел двоих мужчин: капуцина в коричневой сутане и хозяина в переднике. Они так увлеклись разговором, что и не заметили, как мы подскакали. Трактирщик собрался улизнуть, но драгун крепко схватил его за волосы.

– Ради всего святого, пощадите! – взмолился хозяин таверны. – Мой дом ограбили французы и разорили англичане, а мне самому бандиты поджарили пятки. Клянусь Пресвятой Девой, у меня нет ни денег, ни еды. Святой отец тому свидетель. Видите, он едва на ногах держится от голода.

– Так и есть, господин, – сказал монах на чистейшем французском. – Этот достойный человек говорит истинную правду. Он, как и все мы, настрадался от этих страшных войн, хотя его потери – ничто по сравнению с моими. Отпустите бедолагу, – обратился святой отец к драгуну по-английски. – Он слишком слаб и никуда не убежит, даже если захочет.

При свете фонаря я мог хорошо рассмотреть монаха, и наружность его меня поразила. Перед нами стоял темноволосый бородатый мужчина с глазами ястреба, такой высокий, что кончик его капюшона поднимался вровень с ушами моего коня. Видно было, что на долю капуцина выпало немало тяжких испытаний, однако держался он с достоинством короля. По тому, как свободно он говорил с нами на двух языках, мы поняли, что это

человек весьма образованный.

– Не бойтесь, – успокоил я трактирщика, у которого зуб на зуб не попадал от страха. – Святой отец, если я не ошибаюсь, вы-то нам и нужны.

– Я к вашим услугам, сын мой. Однако, – прибавил он со слабой улыбкой, – в пост я всегда питаюсь очень скромно, а год выдался такой тяжелый, что я вынужден попросить у вас хоть корочку хлеба, чтобы подкрепить силы.

В ранцах у нас лежали пайки на два дня, так что вскоре он получил ту малость, в которой нуждался. Страшно и вспомнить, с какой волчьей жадностью монах выхватил у меня кусочек вяленой козлятины.

– Время не ждет, – начал я, – давайте к делу. Расскажите нам, что это за аббатство неподалеку отсюда, есть ли у него слабые места и каковы обычаи негодяев, которые там засели.

Он сложил руки, поднял к небу глаза и воскликнул что-то, кажется, на латыни.

– Много может молитва праведного, и все-таки я не ожидал, что мои слова будут услышаны так скоро. Перед вами несчастный настоятель этого самого аббатства. Нечестивцы, дезертиры трех армий вместе со своим главарем-еретиком, изгнали меня. Вы даже не представляете, чего я лишился. – Голос его дрогнул, и на ресницах повисла слеза.

– Не унывайте, сэр, – сказал Барт. – Ставлю девять против четырех, что завтра к вечеру мы вернем вам аббатство.

– Тревожусь я не о собственном благополучии, – сказал монах, – и даже не о несчастных моих сынах, что разбрелись по окрестностям. Дело в том, что нечестивцам достались святые мощи.

– Скорей всего про них и думать забыли. Только покажите нам, как проникнуть внутрь, и мы быстро выкинем оттуда негодяев.

В нескольких словах добрый аббат объяснил все, что мы хотели знать. Однако это смутило нас еще больше. Стены аббатства были высотой двенадцать метров; нижние окна забаррикадировали и всюду понаделали бойниц. Бандиты соблюдали строжайшую дисциплину, а часовых выставляли столько, что врасплох не застанешь. Теперь мы окончательно уверились: здесь нужен гренадерский батальон и парочка орудий. Я вскинул брови, Барт принялся насвистывать.

– Была не была, давайте попробуем, – предложил он.

Ребята уже спешили, напоили лошадей и теперь ужинали, а мы с английским офицером и аббатом вошли в дом, чтобы поговорить.

У меня с собой было немного коньяка, и я разделил его поровну – как раз хватило, чтобы смочить усы.

– Вряд ли негодяи знают, что мы близко, – сказал я. – Дозорных они, похоже, не выслали. Предлагаю спрятаться в каком-нибудь леске поблизости, а когда они откроют ворота, неожиданно атаковать.

Барт со мной согласился, но когда мы начали обсуждать подробности, аббат объяснил, что не все так просто:

– Если не считать городской окраины, в округе нет ни одного места, где можно спрятать отряд. Местным жителям доверять нельзя, а бандиты в крепости не смыкают глаз. Сын мой, боюсь, у вашего блестящего плана мало шансов на успех.

– Как же быть? – спросил я. – Конфланских гусар не так уж много, чтобы пол-эскадрона штурмовало неприступную крепость, в которой их ждет полсотни пехотинцев.

– Хотя я – человек мирный, пожалуй, могу вам кое-что посоветовать. Кому, как не мне, знать обычаи этих злодеев, ведь я провел в этом одиноком домике целый месяц, скорбно глядя на свое бывшее аббатство. Скажу, как я поступил бы на вашем месте.

– Говорите же, святой отец! – в один голос воскликнули мы с Бартом.

– В крепость постоянно стекаются дезертиры, и все они вооружены. Так, может, притвориться бандой?..

Простота замысла до того меня восхитила, что я заключил этого славного человека в объятия. Барт, однако же, моего восторга не разделял.

– Все бы хорошо, – сказал он, – но если эти ребята и в самом деле бдительны, вряд ли они пустят к себе в логово сотню вооруженных незнакомцев. Судя по тому, что я о нем слышал, господин Морган, или маршал де Комильфо, или как его там еще называют, далеко не глуп.

– Тогда пошлем пятьдесят человек, а на рассвете они откроют ворота для остальных пятидесяти! – воскликнул я.

Мы провели еще немало времени, обсуждая мельчайшие подробности нашего плана. Даже Массена с Веллингтоном, и те не смогли бы продумать все так хорошо! Наконец мы с Бартом уговорились, что один из нас пойдет в крепость с пятью десятками солдат, они притворятся дезертирами, ранним утром захватят ворота и откроют их остальным. Правда, аббат считал, что разделять силы слишком опасно, однако, заметив наше с Бартом единодушие, пожал плечами и сдался.

– Я лишь об одном хочу спросить, – сказал он. – Если вы доберетесь до этого нечестивого пса, маршала де Комильфо, какая судьба его ждет?

– Виселица, – ответил я.

– Нет уж, слишком легкая смерть! – воскликнул капуцин, и его темные глаза полыхнули жадной мщенья. – Я бы его... Ах, что за мысли приходят

в голову слуге Божьему!

Он сжал руками виски, словно от горя ум его помутился, и выбежал из таверны.

Осталось только решить, кому достанется честь первым войти в аббатство – французам или англичанам. Бог свидетель, Этьен Жерар ой как не хотел пропускать кого-то вперед. Однако несчастный Барт молил, уверял, что и сражений-то на своем веку не видел по сравнению с моими четырьмястами семьюдесятью, и под конец я уступил. Не успели мы пожать руки, как за окном раздались вопли и ругань. Выхватив оружие, мы стремглав бросились на крыльцо. Наверняка на отряд напали бандиты!

Можете себе вообразить, что мы почувствовали, когда в свете фонаря нам предстала куча-мала, в которой смешались красные мундиры и голубые, кивера и каски. Наши гусары и драгуны от всей души тузили друг дружку. Мы кинулись в самую гущу, упрашивали, грозили, тянули то за воротник, то за шпору, и так – пока не разняли всех. Раскрасневшиеся, в синяках и ссадинах, солдаты злобно поглядывали на противников и пыхтели, точно кони после долгой скачки. Каждый готов был вновь вцепиться неприятелю в глотку, их сдерживали только наши обнаженные клинки. Аббат стоял на крыльце и, ломая руки, молился всем святым.

Как выяснилось, он-то и стал невольной причиной драки. Бедняга совершенно не понимал военных и невзначай посочувствовал английскому сержанту: жаль, мол, что его ребята не так хороши, как французы. Не успел монах договорить, а драгун уже сбил с ног ближайшего гусара, и в следующий миг все бросились друг на друга, словно кровожадные тигры. После такого верить им было нельзя. Барт приказал своим людям остаться перед таверной, а я увел своих на задний двор. Англичане угрюмо помалкивали, мои гусары грозили им кулаками и бранились.

Пора было исполнять план, тем более что между ребятами вот-вот могла вспыхнуть новая ссора. Барт сорвал галуны с рукавов и воротника, снял пояс, чтобы сойти за простого солдата. Когда он объяснил своим удальцам, что от них требуется, они в отличие от моих гусар обошлись без воинственных криков и не потрясали оружием, однако их решительные, чисто выбритые лица вселяли уверенность. Притворяясь бандой дезертиров, которые о порядке и дисциплине и думать забыли, англичане расстегнули мундиры, ножны и каски вымазали грязью, а лошадей взнуздали как попало. Итак, утром, в шесть часов, драгуны должны были впустить нас в аббатство. Мы скрепили договор клятвой, и Барт со своими людьми ускакал. Папилет с двумя солдатами поехал за ними, а через полчаса вернулся и рассказал, что бандиты, переговорив с

новоприбывшими и посветив на них фонарями через решетку, выпустили отряд.

Покамест все шло неплохо. Погода нам благоприятствовала – небо затянули тучи, моросил дождь. В двух сотнях шагов с каждой стороны от лагеря я выставил кавалерийские посты, чтобы не вышло никаких неожиданностей, – вдруг в темноте на нас наткнется крестьянин и донесет бандитам. Удэн и Папилет по очереди дежурили, остальные вместе с лошадьми уютно расположились под крышей огромного амбара. Я произвел обход, убедился, что все в порядке, упал на кровать, которую выделил мне хозяин, и заснул беспробудным сном.

Вы, конечно же, слышали, что не только мои друзья и поклонники из числа наших горожан, но и старые офицеры, прошедшие те славные кампании, хвалят меня, называя лучшим из лучших. И все же я, как человек честный и скромный, признаюсь вам – это неправда. Недостатков у меня мало, однако в огромном войске нашего императора, возможно, и нашелся бы какой-нибудь солдат, не обладавший теми досадными чертами, которые стоят между мной и совершенством. О храбрости я не говорю, пусть о ней скажут те, кто видел меня на поле боя. Я часто слышал, как ребята, сидя вокруг костров, спорят, кто первый смельчак в нашей Великой армии. Одни говорили – Мюрат, другие – Лассаль, третьи – Ней, а я, когда мне задавали этот вопрос, лишь пожимал плечами и улыбался. Не мог же я признаться, что нет никого бесстрашнее Этьена Жерара! И все-таки факты есть факты, а человек знает себя лучше других. Главное, помимо храбрости есть и другие качества, которые необходимы солдату, и одно из них – чуткий сон, а я с детства и по сей день сплю так, что хоть из пушки пали. Это меня и погубило.

Было часа два ночи, когда я вдруг почувствовал, что задыхаюсь. Хотел крикнуть, но даже не пискнул, попробовал встать, но лишь забился, словно искалеченный конь. Меня связали по рукам и ногам, я только и мог, что водить глазами. А в ногах моей кровати в свете португальского фонаря стояли аббат и хозяин таверны!

Накануне мне показалось, что рыхлое, бледное лицо последнего не выражает ничего, кроме страха и глупости, но сейчас каждая его черточка дышала беспощадной злобой. Никогда еще я не встречал более жуткого мерзавца. В руке он сжимал длинный нож с потускневшим лезвием. Монах, напротив, ничуть не изменился и вел себя с прежним благородным достоинством. Его сутана, однако, была расстегнута, а под ней чернело пальто из тех, которые носят английские офицеры. Наши глаза встретились. Аббат перегнулся через деревянное изножье кровати и беззвучно

рассмеялся.

– Простите меня за это веселье, дорогой полковник, – сказал он. – Уж очень забавный у вас был вид, когда вы очнулись. Уверен, вы отличный солдат, однако не вам тягаться в хитрости с маршалом де Комильфо, как меня у вас называют. Вы недооценили врага, а это, уж простите, говорит о том, что вам не хватает сообразительности. В жизни не видел человека более неподходящего для такой миссии, если, конечно, не считать моего недалекого соотечественника, британского драгуна.

Можете представить себе, как я выглядел и что чувствовал, слушая эти гнусные речи, да еще произносимые в той цветистой и снисходительной манере, за которую негодяй и получил свое прозвище. Ответить я не мог, но мерзавцы, видимо, прочли угрозу в моих глазах. Трактирщик наклонился к маршалу и шепнул что-то ему на ухо.

– Нет, дорогой Шенье, гораздо лучше будет, если мы оставим его в живых, – сказал тот. – Кстати, полковник, вам очень повезло, что вы крепко спите. Мой друг церемоний не любит. Подними вы тревогу, он перерезал бы вам глотку. Не советую его злить, ведь господин Шенье, бывший сержант Седьмого полка императорской легкой пехоты, человек намного более опасный, чем капитан гвардейской пехоты его величества Алексис Морган.

Шенье оскалился и погрозил мне ножом, а я постарался вложить в свой взгляд все отвращение, которое чувствовал при мысли о том, что воин императора пал так низко.

– Вас, наверное, удивит, – продолжил маршал тихим бархатным голосом, – что мы следили за вашими отрядами с тех самых пор, как вы покинули биваки. Согласитесь, мы с Шенье сыграли отлично. В аббатстве все готово к вашему прибытию, правда, мы надеялись заполучить целый эскадрон, а не половину. Когда ворота закрылись, наши гости оказались в очаровательном средневековом дворе без выхода, под прицелом сотни ружей. Им предложили выбор – умереть или сдаться. Между нами говоря, я нисколько не сомневаюсь, что они выбрали последнее. Мы тут подумали, раз уж вы – сторона заинтересованная, может, поедете и сами во всем убедитесь, повидаете своего титулованного друга. Полагаю, настроение у него ничуть не лучше вашего.

Мерзавцы зашептались, обсуждая, как обойти мои посты.

– Пойду проверю, что за амбаром, – наконец сказал маршал. – А вы, любезный Шенье, присмотрите за пленником. Если он попробует что-то предпринять, вы знаете, как действовать.

И я остался вдвоем с гнусным предателем. В свете коптящей лампы он

сидел на краю моей постели и точил нож о голенище сапога. Не знаю, как я с ума не сошел от стыда и тревоги, пока беспомощно лежал на койке, не в силах ни слова молвить, ни пальцем пошевелить. В двух шагах от меня отдыхали мои пятьдесят красавцев, а я никак не мог сообщить им о своем бедственном положении. В плен я попадал не раз, но чтобы меня захватили такие ублюдки, чтобы меня ввели в аббатство под их издевательский хохот, чтобы меня одурачили их наглые главари – нет, этого стерпеть я был не в силах! Нож мясника, сидевшего рядом, и тот ранил бы мое сердце не столь глубоко.

Я тихонько покрутил запястьями, шевельнул ногами. Уж не знаю, кто из этих бандитов меня связал, но он постарался на славу – веревки держались крепко. Тогда я попробовал сдвинуть платок, что закрывал мне рот, однако Шенье поднял нож и так свирепо зарычал, что я оставил попытки. Я лежал, глядя на его бычью шею, и думал, посчастливится ли мне когда-нибудь накинуть на нее пеньковый галстук. Вдруг по коридору протопали сапоги, заскрипела лестница. Маршал возвращался, но с какими вестями? Если он понял, что увезти пленника не выйдет, меня, вероятно, прикончат на этой самой кровати. Впрочем, мне было уже все равно. Я смотрел на дверь с гордым презрением, которое так жаждал и не мог высказать. Только представьте, друзья мои, что я почувствовал, когда вместо высокой фигуры и злорадного лица мне предстали серый ментик и огромные усы моего славного маленького Папилета!

Французские солдаты в те годы повидали столько, что не терялись ни при каких обстоятельствах. Едва взглянув на меня и мерзкую физиономию рядом, сержант понял, в чем дело.

– Черт тебя дери! – зарычал Папилет, и в воздухе сверкнула его огромная сабля.

Шенье бросился на него с ножом, передумал, отскочил и со всего маху ударил меня, целясь в сердце. Я откатился и упал по другую сторону кровати. Клинок пронзил одеяло и простыню, но успел только чиркнуть мне по боку. Я услышал тяжелый, глухой стук рухнувшего тела, и почти в тот же миг что-то еще – более легкое и твердое – упало и закатилось под кровать. Не хочется мне описывать вам эти страшные подробности, друзья. Скажу только, что Папилет слыл у нас в полку одним из лучших рубак, а сабля у него была тяжелая и острая. Когда он перерезал веревки, она вымазала мне руки и ноги кровью.

Я сорвал со рта платок, первым делом расцеловал сержанта в обе щеки, покрытые шрамами, а затем спросил, что с нашими ребятами. Оказалось, те ни о чем не подозревают. Удэн только что заступил на

дежурство, и Папилет явился доложить мне обстановку. Встретил он капуцина? Нет, не встретил. Значит, нужно изловить святого отца, пока тот не ускользнул. Я собрался уже бежать в амбар, чтобы отдать приказания, но тут внизу скрипнула дверь и вверх по ступеням затопали неторопливые шаги.

Папилет быстро сообразил, что делать.

– Монаха брать живым, – прошептал я, толкнул его в тень с одной стороны двери, а сам притаился с другой.

Топ. Топ. Топ. Шаги звучали все ближе, и каждый отдавался в моем сердце. Едва у порога мелькнула пола коричневой сутаны, мы прыгнули на аббата, словно волки – на оленя, и сбили его с ног. Мерзавец сопротивлялся так яростно, что даже вдвоем утихомирить его стоило большого труда. Трижды он вставал, раскидав нас, и трижды мы наваливались на него снова. Наконец Папилет дал ему почувствовать острие своей сабли. Лишь тогда негодяй понял, что игры кончились, и пока я связывал его теми же веревками, которыми скрутили меня самого, лежал смирнехонько.

– Карты раздали по новой, дружок, – сказал я. – Теперь козыри у меня.

– Глупцам всегда везет, – ответил маршал. – Может, оно и к лучшему, иначе весь мир оказался бы во власти коварства. Я вижу, вы прикончили Шенье. Туда ему и дорога. Этот пес был слишком уж своеволен, да к тому же от него вечно разило чесноком. Могу я попросить вас об одолжении? Перенесите меня на кровать. Пол в таверне – не слишком хорошая постель для того, кто любит чистоту.

Нельзя было не восхититься хладнокровием этого человека. Даже когда удача от него отвернулась, он умел сохранить все тот же насмешливый и снисходительный тон. Я отправил Папилета за охраной, а сам встал над пленником, обнажив саблю и не сводя с него глаз, – должен признаться, я проникся уважением к его изобретательности и отваге.

– Надеюсь, ваши люди будут обращаться со мной как должно, – сказал он.

– Не сомневайтесь, мы воздадим вам по заслугам.

– О большем я и не прошу. Вы, может, и не знаете о моем высоком происхождении, но уверяю вас, оно таково, что назвать имя отца – государственная измена, а имя матери – скандал. И пусть я не претендую на королевские почести, оказывать их по доброй воле намного благороднее. Веревки впились мне в кожу. Не могли бы вы их чуточку ослабить?

– Вы меня недооцениваете, – заметил я, повторив его слова.

– Туше! – воскликнул он, словно фехтовальщик, получивший удар. – Однако я слышу, сюда идут ваши гусары, и теперь все это не имеет

никакого смысла.

Я приказал снять с него монашеское облачение и приставил к злодею надежную охрану. Близился рассвет, пришло время подумать, как нам быть дальше. Несчастный Барт и его драгуны пали жертвами коварного умысла, а ведь послушай мы хитрого советчика, в западню попал бы целый эскадрон. Если только не поздно, я должен их освободить, да еще позаботиться о старой графине Ла Ронда. Что до самого аббатства, то взять его мы не могли, ведь шайка узнала о нашем плане. Теперь все зависело от того, насколько они ценят своего главаря. Он стал моим козырем, и я расскажу вам, как дерзко и умело я разыграл эту карту.

Едва начало светать, горнист протрубил сбор, и мы рысцой пустились через долину. Пленника усадили на лошадь и окружили со всех сторон. На расстоянии ружейного выстрела от аббатства росло большое дерево. Рядом с ним мы и остановились. Если бы подлецы решили напасть и открыли ворота, мы поскакали бы в атаку, но, как я и ожидал, они только высыпали на стену, улюлюкая, хохоча и осыпая нас бранью. Послышалось несколько выстрелов, затем бандиты поняли, что не могут нас достать, и перестали тратить порох. Необычное зрелище представляла собой эта смесь французских, английских и португальских мундиров, кавалеристов, пехотинцев и бывших солдат артиллерии. Все они дружно грозили нам кулаками.

Однако гвалт быстро прекратился, когда мы разомкнули ряды и показали, кого с собой привезли. На стене воцарилась мертвая тишина, а вслед за ней раздался вой, полный отчаяния и ярости. Некоторые дезертиры тряслись и приплясывали, точно безумные. Да, наш пленник был человеком весьма незаурядным, если сумел заслужить преданность этого сброда.

В таверне я прихватил веревку, и мы перекинули ее через нижний сук дерева.

– Дозвольте расстегнуть вам воротник, месье, – сказал Папилет с шутовским почтением.

– А руки вы хорошо помыли? – спросил маршал, и мои гусары захохотали.

Со стены опять послышался вопль, но стоило нам затянуть петлю на шее маршала де Комильфо, как негодяи сразу притихли. Взвизгнул рожок, ворота аббатства распахнулись, оттуда выбежали трое бандитов и принялись размахивать обрывками белой ткани. Ах, как радостно забилося мое сердце! И все же я и шагу не сделал навстречу, притворяясь, будто мне от них ничего не нужно. Я только разрешил горнисту махнуть платком в ответ, и бандиты приблизились. Маршал по-прежнему сидел, связанный по

рукам и ногам, с петлей на шее, и улыбался краешком губ, как человек, который из вежливости не подает виду, что ему скучно. Скажу только, что я сам на его месте хотел бы держаться так, а уж это многое значит.

Посольство к нам отправили весьма примечательное: португальского стрелка-касадора в темной форме, французского егеря в светло-зеленой и здорового британского артиллериста в синем мундире с золотыми шнурами. Бандиты отдали честь, и француз начал переговоры:

– У нас в руках тридцать семь английских драгун, и если вы тронете нашего маршала, клянемся, что пять минут спустя мы повесим их всех на крепостной стене.

– Тридцать семь? – вскричал я. – К вам отправился пятьдесят один!

– Четырнадцать погибло в схватке.

– А их офицер?

– Бился до последней капли крови. Нашей вины тут нет, мы сохранили бы ему жизнь, если бы могли.

Увы, бедный мой друг! Мы встречались лишь дважды, но я успел полюбить его всем сердцем и с тех пор в память о нем всегда уважал англичан. В жизни не встречал более смелого человека и худшего фехтовальщика.

Как вы понимаете, я не поверил ни слову этих мерзавцев и отправил с одним из них Папилета. Вернувшись, он подтвердил страшную правду. Теперь надо было подумать о живых.

– Вы освободите драгун, если я отпущу вашего главаря?

– Отпустим десять.

– Вздерните его! – приказал я.

– Двадцать!

– Довольно болтовни.

– Всех! – крикнул егерь, когда веревка сдавила шею маршала.

– Верхом и с оружием?

Негодяи поняли, что со мной шутки плохи.

– Да, – буркнул егерь.

– А заодно и госпожу Ла Ронда, – добавил я.

Однако тут у нас не заладилось. Подлецы ни в какую не хотели отдавать графиню. Мы и веревку затягивали потуже, и лошадь отводили, только разве что не давали маршалу повиснуть. Сломайся у него шея, и драгунам конец. Я дорожил им не меньше, чем эти бандиты.

– Вы меня так простудите, – заметил де Комильфо. – И кстати, раз уж по этому пункту возникли разногласия, может, лучше спросить у дамы? Уверен, никто из нас не хочет ее к чему-либо принуждать.

Это решение меня вполне устраивало, и я тут же согласился. Через десять минут к нам вышла сама графиня – величавая дама в мантилье, из-под которой выбивались седые кудри. Лицо у женщины было такое желтое, будто на него падал отсвет бесчисленных дублонов из ее сокровищницы.

– Этот джентльмен, – сказал де Комильфо, – горит желанием увезти вас туда, где вы нас больше не увидите. Решайте, поехать с ним или остаться со мной.

Я и глазом не успел моргнуть, а она уже стояла рядом с маршалом.

– Мой милый Алексис! – воскликнула графиня. – Ничто не в силах нас разлучить!

Комильфо поднял на меня глаза и усмехнулся:

– Кстати, вы немного ошиблись, дорогой полковник. Нет никакой вдовой графини Ла Ронда. Эту даму так называют разве что из вежливости. Позвольте представить вам свою горячо любимую супругу, миссис Алексис Морган, или, если хотите, мадам де Комильфо.

И тут я понял, что имею дело с умнейшим и самым бессовестным человеком на свете. Я смотрел на бедную старую женщину, и сердце мое переполняли недоумение и гнев. Что до графини, то она взирала на этого подлеца с обожанием, словно молодой новобранец – на императора.

– Ладно, – сказал я наконец. – Освободите драгун, и на том простимся.

Англичан усадили на коней, отдали оружие и выпустили, а мы сняли с маршала веревку.

– До свидания, полковник, – сказал он. – Боюсь, вы разочаруете Массена... правда, насколько мне известно, когда вы до него доберетесь, ему будет совсем не до того. Признаюсь, не ожидал, что вам хватит ума выкрутиться. Могу я что-то сделать для вас?

– Да.

– Что же?

– Я хочу, чтобы английского офицера и его людей похоронили как должно.

– Клянусь в том честью.

– И еще одна просьба.

– Слушаю.

– Уделите мне пять минут верхом и с оружием в руке.

– Бросьте! Ведь мне тогда придется либо прервать вашу славную карьеру, либо проститься с любимой. Разве можно требовать такое от человека, который лишь начал познавать радости семейной жизни?

Мои гусары построились в колонну.

– До встречи! – воскликнул я, грозя ему саблей. – В следующий раз вы

так легко от меня не уйдете.

— До встречи, — ответил он. — Если вам когда-нибудь надоест император, знайте, что для вас всегда найдется работа у маршала де Комильфо.

Глава VI

Как бригадир пытался выиграть королевство

Иногда мне кажется, что некоторые из вас, послушав о моих маленьких подвигах, начинают думать, будто я сверх меры собой горжусь. Ничуть не бывало. Лучшим солдатам неведомо тщеславие. Да, временами я рисую себя отважным, временами – хитроумным, всегда – привлекательным, но если уж так оно и есть, кривить душой я не стану. К чему притворяться, что я не сделал блестящей карьеры? К тому же историю, которая мне сегодня вспомнилась, может рассказать лишь человек скромный. В конце концов, если кто-то достиг высот, как я, он имеет право поговорить о том, что люди заурядные предпочли бы скрыть.

После Русской кампании наша бедная армия квартировала на западном берегу Эльбы, где мы согревали замерзшую кровь и старались нарастить на костях немного жирка, попивая доброе немецкое пиво. Правда, вернуть нам было суждено далеко не все, ведь, отступая, солдаты растеряли столько пальцев, что они не поместились бы и в три огромных интендантских фургона. И все-таки даже мы, тощие калеки, благодарили судьбу, стоило подумать о павших товарищах и полях – жутких, жутких полях, укрытых снегом. По сей день, друзья мои, я не могу спокойно взглянуть на красное с белым. Даже алый ночной колпак на белом одеяле вызывает в памяти моей видения, в которых по тем кошмарным долинам бредет измученное войско, оставляя за собой кровавый след. Ни за какие блага я не стану рассказывать о том времени. Одной мысли о нем достаточно, чтобы превратить мое вино в уксус, а табак – в солому.

Из полумиллионного войска, что перешло через Эльбу осенью двенадцатого года, весной тринадцатого осталось лишь тысяч сорок пехотинцев, но это были страшные люди – люди из железа, что ели конину и спали в снегу; сердца их переполняла горечь и ненависть к русским. Вот этим солдатам и дали приказ удерживать реку и ждать, пока огромная армия, которую император собирал во Франции, не прибудет, чтобы снова переправиться на тот берег.

Кавалерия находилась в плачевном состоянии. Мои гусары квартировали в Борне, и я разрыдался, когда впервые провел им смотр. Мои удалыцы, мои великолепные лошади!.. Сердце кровью обливалось при виде того, что с ними стало. «Не унывать, – сказал себе я. – Они многое потеряли, зато у них остался полковник». Я взялся за работу и уже собрал

два приличных эскадрона, как вдруг всем полковникам кавалерии приказали отправиться во Францию, чтобы организовать рекрутов и конское пополнение для грядущей кампании.

Вы, конечно же, подумаете, что я как на крыльях летал от счастья, когда представилась возможность снова увидеть родной дом. Не стану отрицать, меня согревала мысль о встрече с матушкой, да к тому же я знал, что мой приезд весьма порадует некоторых красавиц. И все-таки многие в армии нуждались в отпуске сильнее меня. Я бы охотно поменялся с тем, у кого остались дома жена и дети, которых он, возможно, и не увидит больше. Однако если получаешь голубой конверт с красной печатью, спорам не место, и через час я отправился с берегов Эльбы в Вогезы. Наконец-то пришел черед пожить спокойно. Кобылка моя повернулась крупом к войне, а носом к миру. Так думал я, когда за спиной стихло пение горнов, а впереди легла белая дорога, что вилась по долинам, лесам и горам, уводя в голубую дымку, за которой ждала моя Франция.

Путешествовать в тылу интересно, но все же утомительно. Когда поспевают урожаи, наши солдаты обходятся без припасов, поскольку обучены собирать на полях зерно и молотить его на биваке. В это время года мы и совершали броски, приводившие в отчаяние всю Европу. Теперь же необходимо было поставить на ноги голодающих, и мне то и дело приходилось уступать дорогу стадам кобургских овец и баварских бычков, телегам с берлинским пивом и отличным французским коньяком. Иногда я слышал барабанную дробь и пронзительные трели флейт, – мимо проходили колонны славных пехотинцев в запыленных синих мундирах. То были старые солдаты из немецких гарнизонов, ведь пополнение из Франции начало прибывать только в мае.

Мне порядком надоело стоять и уворачиваться, а потому в Альтенбурге я нисколько не пожалел, увидев развилку. Я выбрал южную, тихую дорогу, на которой до самого Грайца почти не попадалось путников. Она бежала среди березовых и дубовых рощ, деревья качали ветками у меня над головой. Вы, наверное, удивитесь, что я, гусарский полковник, то и дело останавливал коня, чтобы полюбоваться молодыми зелеными листочками. Впрочем, если бы вы провели полгода среди русских ельников, вы бы меня поняли.

Правда, кое-что подпортило мне радость от созерцания прекрасных лесов, а именно – взгляды и слова, которыми встречали меня деревенские жители. Мы всегда были друзьями немцев, и за последние шесть лет я не замечал, чтобы они обижались на то, что мы немного похозяйничали в их стране. Мы оказывали мужчинам любезности и принимали их от женщин.

Милая, добрая Германия была для нас как дом родной. Однако теперь я этих людей не узнавал. Путники не отвечали на мои приветствия, лесники отворачивались, а народ в селениях собирался в кучки и провожал меня хмурыми взглядами. Женщины – и те мрачнели, а ведь я в те дни привык видеть в глазах красавиц только восторг.

Сильнее всего я почувствовал это в деревеньке Шмолин, всего в шестнадцати километрах от Альтенбурга. Я заехал на постоялый двор, чтобы смочить усы и напоить свою бедную Фиалку. Я привык благодарить служанок, что подают мне на стол, комплиментом, а то и поцелуем, однако на этот раз девушка не приняла ни того, ни другого, только пронзила меня взглядом, словно штыком. Когда я поднял стакан, желая доброго здоровья посетителям, которые попивали пиво у двери, те повернулись ко мне спинами, и лишь один воскликнул: «Тост! Вот вам тост, ребята! Пьем за Тэ!» Они дружно осушили кружки и расхохотались, но смех этот вышел совсем не добрым.

Покидая деревню, я все размышлял над словами того человека и вдруг увидел дерево, на стволе которого совсем недавно вырезали огромную букву «Т». Утром я замечал их не раз, однако до сих пор не придавал тому никакого значения. По случаю мимо проезжал какой-то прилично одетый господин.

– Не подскажете ли, месье, – обратился я к нему, – что это за буква?

Незнакомец бросил взгляд на дерево и очень странно посмотрел на меня.

– Молодой человек, «Т» – это не «Н», – ответил он и прежде, чем я успел еще что-нибудь спросить, пришпорил коня и галопом унесся прочь.

Поначалу я в толк не мог взять, что он имел в виду, но тут моя Фиалка повернула точеную головку, и на цепочке ее узды сверкнуло медное «Н». Символ императора! Получается, «Т» означает некую силу, которая противостоит ему. Пока нас не было, в Германии что-то произошло, спящий великан заворочался. Я вспомнил враждебные лица местных жителей. Если бы я мог заглянуть к ним в сердца, то привез бы во Францию весьма неожиданные вести. Мне еще больше захотелось набрать пополнение и под гром литавр повести за собой десяток отлично вооруженных эскадронов.

Рассуждая подобным образом, я ехал то рысцой, то шагом, как и полагается тому, у кого впереди долгий путь, а под седлом – слишком резвая лошадь. Я добрался до места, где лес начал редеть, и увидел на обочине огромную кучу валежника. Когда я поравнялся с ней, ветки затрещали, и среди них показалось красное лицо, какое бывает у человека в

минуты крайней тревоги и нервного возбуждения. Я пригляделся и узнал того самого незнакомца, с которым беседовал в деревне час назад.

– Сюда! – шепнул он. – Ближе! Теперь спрыгните на землю и притворитесь, будто подтягиваете стремя. Если шпионы заметят нас, мне крышка.

– Крышка? – тихонько повторил я. – Кто вам угрожает?

– Тугендбунд. Ночные всадники Лютцова^[7]. Вы, французы, живете на пороховом складе, и спичка, что его подожжет, уже чиркнула.

– Ничего не понимаю, – сказал я, по-прежнему теребя ремни. – Что еще за Тугендбунд?

– Тайный союз. Цель его – поднять народ и выдворить французов из Германии так же, как вас прогнали из России.

– И «Т» – его символ?

– Это условный знак. Я бы объяснил все это еще в деревне, только боялся, что кто-нибудь увидит, как я с вами разговариваю. Я поскакал рощами вам наперерез и спрятался тут вместе с лошастью.

– Я очень вам благодарен. Тем более что вы – единственный немец, который сегодня обошелся со мной по-человечески.

– Я заработал все, чем владею, на службе французам, – ответил он. – Ваш император был ко мне очень добр. А теперь, умоляю, поезжайте дальше. Только берегитесь ночных всадников!

– Они бандиты?

– Цвет нации. Но, ради Бога, скачите прочь. Предупреждая вас, я рисковую жизнью и добрым именем.

Если меня и раньше одолевали тяжелые мысли, представьте, что я почувствовал после странного разговора с незнакомцем, который прятался за кучей хвороста. Однако гораздо больше, чем слова, меня потряс его вид: лицо подергивалось, губы дрожали, он стрелял глазами по сторонам и тарасил их испуганно, стоило где-нибудь веточке треснуть. От ужаса человек был сам не свой, и, кажется, не без причины. Вскоре после того, как я с ним простился, где-то позади раздались выстрел и крик. Может, это какой-нибудь охотник подзывал собак, однако с тех пор я ничего не слышал о господине, который меня предупредил.

Теперь я держал ухо востро, на открытой местности пускался галопом, а там, где могли устроить засаду, ехал осторожнее. Тут уж было не до шуток, ведь впереди лежало добрых восемьсот километров германской земли. И все-таки я не слишком волновался. Местные жители всегда казались мне покладистыми и милыми людьми, которые охотнее возьмут в руки не меч, а трубку. Понятное дело, не из-за недостатка мужества –

просто это добрый и открытый народ, которому вражда не по душе. Тогда я не знал еще, что за гостеприимным видом немцев скрывается злобная натура, которая по силе не уступает, а упорством даже превосходит итальянскую или кастильскую.

Очень скоро я убедился, что в этих местах мне грозит кое-что посерьезнее грубых слов и угрюмых взглядов. Дорога побежала в горку, впереди показалась дубрава. На середине подъема я заметил, как в тени деревьев что-то блеснуло, и вскоре из рощи вышел человек в мундире, на котором было столько золотой отделки, что он огнем пылал на солнце. Незнакомец брел, спотыкаясь, точно пьяный, и прижимая к уху конец большого красного платка, который был повязан у него на шее.

Придержав Фиалку, я с некоторым отвращением смотрел на путника, недоумевая, как тот, кто имеет право носить столь роскошную форму, смел показаться в таком виде белым днем. Незнакомец шел медленно, время от времени останавливался, пошатываясь, и не сводил с меня глаз. Я подскакал поближе, а он вдруг вскрикнул, благодаря Господа, рванулся вперед и ничком рухнул на пыльную дорогу. То, что я принял за платок на шее, оказалось чудовищной раной, из которой тянулся кровавый сгусток, лежавший у него на плече, словно эполет.

– Боже милостивый! – вскричал я, бросаясь к нему. – А я-то думал, вы пьяны!

– Я умираю, – ответил человек. – Слава небесам, что я встретил французского офицера, пока могу еще говорить.

Я уложил несчастного среди вереска и дал ему глотнуть немного бренди. Кругом простиралась мирная, цветущая земля и не было ни единой души, кроме изувеченного человека рядом.

– Какие злодеи на вас напали? – спросил я. – И кто вы? Вы француз, но я никогда не видел такого мундира.

– Это новая форма императорской Почетной гвардии. Я маркиз Шато Сент-Арно, и я девятый в своем роду погибаю на службе Франции. За мной гнались ночные всадники Лютцова, это они ранили меня, однако я укрылся в подлеске, надеясь, что мимо проедет кто-то из соотечественников. Поначалу я не знал, можно ли вам довериться, но почувствовал, что смерть близка, и решил попытать счастья.

– Мужайтесь, друг. Видел я рану и похуже вашей, а тот человек потом ходил и хвастался ею.

– Нет, час мой настал, – прошептал он, тронув меня за руку. Кончики его пальцев уже начали синеть. – В кармане у меня бумаги, вы должны скорее доставить их в замок Хоф, князю Сакс-Фельштайнскому. Он еще

нам верен, а вот княгиня – злейший враг французов. Она заставляет его выступить против нас, и если это произойдет, остальные последуют его примеру, ведь он племянник прусского короля и кузен баварского. Если только еще не поздно, эти бумаги удержат его от рокового шага. Передайте их лично князю сегодня вечером и тогда, возможно, вы сохраните для императора всю Германию. Когда бы лошадь мою не подстрелили, я бы и сам, даже раненый...

Он задохнулся, холодная рука стиснула мое запястье так, что оно тоже помертвело. Человек захрипел, голова его откинулась, и с ним все было кончено.

Хорошенькое начало путешествия. Мне поручили дело, о котором я ничего не знал, которое вынуждало меня забыть о неотложных потребностях своих гусар и в то же время было настолько важным, что я никак не мог отказаться. Я расстегнул великолепный мундир, созданный по замыслу Наполеона, чтобы привлечь в полки новой Гвардии молодых аристократов. В кармане оказался небольшой пакет, перевязанный шелковой лентой и адресованный князю Сакс-Фельштайнскому. «Передать безотлагательно» – гласила надпись, сделанная в уголке размашистым и неаккуратным почерком. Я узнал руку императора. Для меня это был приказ, такой же, как если бы его произнесли те самые решительные губы, как если бы на меня смотрели те самые холодные серые глаза. Что ж, пусть рубаки мои ждут своих лошадей, а мертвый маркиз покоится там, где я уложил его. Если Фиалка и ее всадник останутся живы, сегодня вечером князь получит послание.

Ехать через дубраву я не боялся, поскольку еще в Испании узнал, что самое безопасное время для путешествий в краю повстанцев – после яростной схватки, а самое рискованное – в затишье. Однако, взглянув на карту, я обнаружил, что Хоф находится к югу, и быстрее всего добраться туда через топи. Я тронул поводья, однако не проехал и пятидесяти шагов, как в роще прогремели два пистолетных выстрела, и мимо, словно пчела, прожужжала пуля. Ночные всадники действовали куда решительнее испанских герильос. Отправься я по дороге, миссия моя кончилась бы там же, где началась.

Вот это, скажу я вам, была скачка! Я отпустил поводья и несясь, утопая в зарослях утесника и вереска, нырял в кусты, слетал вниз по склонам, отдав жизнь свою на волю ненаглядной Фиалочки, а она – легконогая, уверенная – не оступилась, не споткнулась ни разу, будто знала, что ее хозяин везет под ментиком судьбу Германии. Я давно слыл первым наездником в шести бригадах легкой кавалерии, но тогда превзошел сам

себя. Мой друг Барт рассказывал мне, как в Англии охотятся на лис, так вот, в тот день я поймал бы самую быструю. Дикая голуби в небе над нами, и те не выбрали бы дороги вернее, чем мы с моей кобылкой. Я, как офицер, всегда готов был пожертвовать собой ради товарищей, хоть император меня за это не похвалил бы: солдат ему служило много, но лишь один... Словом, в армии отличных кавалеристов – раз-два и обчелся.

Однако сейчас моя цель и в самом деле стоила такой жертвы. Я думал о своей жизни не больше, чем о комках земли, что летели из-под копыт моей любимой кобылки.

К вечеру мы опять выскочили на дорогу и галопом въехали в деревню Лобенштайн. Однако едва копыта Фиалки коснулись мостовой, как с одного слетела подкова. Пришлось идти к кузнецу. Тот уже закончил работу, угли в печи еле тлели, так что ждать нужно было никак не меньше часа. Проклиная все на свете, я отправился на постоянный двор и заказал себе холодную курицу и вина. До Хофа оставалось несколько километров, и я не терял надежды сегодня же ночью передать князю бумаги, а наутро отправиться во Францию с депешей для императора. А теперь послушайте, что случилось в трактире Лобенштайна.

Подали ужин; нетрудно представить, как я набросился на него после такой скачки. Вдруг в зале послышалась ругань и возня. Сначала я подумал, что ссорятся пьяные крестьяне, и сразу же забыл про них, но тут среди гула сердитых голосов раздался звук, от которого Этьен Жерар вскочил бы и со смертного одра, – крик плачущей женщины. Я бросил нож и вилку, а мгновение спустя уже протискивался сквозь толпу, что собралась у моих дверей.

Я увидел хозяина и его светловолосую жену, двух парней с конюшни, служанку и еще нескольких поселян с красными злыми лицами, а в середине людского круга стояла самая прелестная женщина, которую только можно себе представить. Щечки ее побледнели, в глазах застыл ужас, и все-таки она высоко держала свою прекрасную голову, глядя по сторонам хоть и робко, но с некоторым вызовом. Среди гнусных деревенщин она казалась существом другой расы. Только я вышел, как женщина бросилась мне навстречу, тронула меня за плечо, и ее голубые глаза радостно засияли.

– Французский офицер! Наконец-то спасение!

– Мадам, вы под моей защитой. – Я не удержался и взял ее за руку, чтобы приободрить. – Приказывайте, я все исполню.

И я поцеловал ей ручку в знак того, что говорю чистую правду.

– Я полька, – отвечала она, – графиня Палотта. Меня оскорбляют,

потому что я хорошо отношусь к французам. Даже не знаю, что сделали бы со мной эти грубияны, если бы Господь не послал мне вас.

Чтобы она не сомневалась в моих благородных намерениях, я снова поцеловал ей ручку, а затем развернулся и обвел честную компанию таким взглядом, что зал мигом опустел. Уж я-то умею это делать.

– Графиня, теперь вы в полной безопасности. Однако вы очень бледны. Выпейте вина, оно поможет восстановить силы.

Я предложил ей руку и увел в свою комнату. Графиня села за стол рядом со мной, взяла бокал.

Как она похорошела в моем обществе, как расцвела – словно бутончик, что открывает лепестки под лучами солнца! От ее красоты в комнате стало светлей. Я восхищенно смотрел на графиню, и мне казалось, что в глубине ее глаз рождается ответное чувство. Ах, друзья мои, в тридцать лет я был неотразим. Во всей легкой кавалерии не нашлось бы таких превосходных усов. Разве что Мюрат носил чуточку подлиннее, но ведь и самые придиричивые судьи соглашались, что его усы чуточку длинноваты. А мои манеры! Всякой даме нужен особый подход, так же, как при осаде крепости в ненастье требуются фашины и габионы^[8], а в погожий день – окопы. Мужчина дерзкий и кроткий, страстный и застенчивый, самоуверенный и галантный – вот кого должны бояться матери. Я чувствовал себя защитником этой одинокой женщины и, понимая, как опасен, старался не давать себе воли. Однако у защитника есть свои привилегии, и я ими не пренебрег.

Речи ее были так же милы, как личико. В нескольких словах красавица объяснила, что направляется в Польшу, а брат, который сопровождал ее, дорогой заболел. Бедняжка не скрывала своей приязни к французам и порядком натерпелась за это от местных жителей. Потом она стала расспрашивать меня об армии, а там разговор коснулся меня и моих подвигов. Графиня призналась, что наслышана о них от офицеров Понятовского, однако непременно хотела, чтобы я рассказал все сам. Никогда еще у меня не бывало столь приятной беседы. Большинство женщин совершают одну ошибку – они слишком много говорят о себе, но графиня слушала одну историю за другой с таким же вниманием, как вы сейчас, и просила все новых и новых. Я и не заметил, как промелькнуло время, и когда деревенские часы пробили одиннадцать, пришел в неописуемый ужас – ведь я позабыл о приказе императора на целых четыре часа.

– Простите меня, дорогая, – крикнул я, вскакивая, – но я должен сию же минуту отправиться в замок Хоф.

Она побледнела и тоже встала, с упреком глядя на меня.

– А как же я? Что станет со мной?

– Это дело необычайной важности. Я и так слишком задержался. Долг зовет, и я обязан идти.

– Обязаны? И вы оставите меня одну с этими варварами? О, зачем я повстречала вас! Зачем вы уверили меня в своей преданности! – И графиня в слезах бросилась мне на грудь.

Скажу вам, это была трудная минута для защитника! Вот когда ему пришлось бдительно следить за пылким молодым офицером. Однако я справился. Я гладил ее по густым каштановым волосам, шептал на ушко все слова утешения, какие только мог придумать. Да, я приобнял ее, но лишь из страха, что бедняжка упадет в обморок.

– Воды, – чуть слышно попросила она, подняв заплаканное лицо. – Бога ради, воды!

Я увидел, что дама вот-вот потеряет сознание. Я уложил ее на диван, выскочил из комнаты и заметался в поисках графина. Прошла не одна минута, прежде чем я нашел его и вернулся. Каково же было мое изумление, когда я увидел, что красотки и след простыл!

Исчезла не только она сама, пропал и капор, и отделанный серебром хлыст, который лежал на столе. Я бросился вон и кликнул хозяина. Тот знать ничего не знал, женщину видел впервые и видеть больше не хотел. Может, крестьяне заметили, как она уехала? Нет, ничего подобного. Я искал повсюду, пока случайно не оказался перед зеркалом, да там и застыл, вытаращив глаза и разинув рот, насколько позволил ремешок кивера.

Четыре пуговицы моего доломана были расстегнуты, и я, даже не сунув руки за пазуху, понял, что драгоценные бумаги пропали. О женское коварство! Плутовка вытащила их, прильнув ко мне. Пока я гладил ее и шептал на ухо ласковые слова, она шарила у меня под ментиком. До цели оставался шаг, а я не в силах был закончить дело, из-за которого один славный человек лишился жизни, а другой, вполне вероятно, скоро лишится репутации. Как отнесется император к тому, что я потерял его депешу? Поверят ли солдаты, что такое могло случиться с Этьеном Жераром? А уж когда они узнают, что меня обвела вокруг пальца женщина, то-то будет смеху за обеденным столом и вокруг костров! С горя мне хотелось по земле кататься.

В одном я был уверен – всю эту суматоху с так называемой графиней подстроили. Наверняка злодей-трактирщик с ней в сговоре. Он знает, кто она такая и куда подевались бумаги. Я схватил саблю и бросился его искать, однако негодяй все предвидел и подготовился как следует. Я нашел

его в углу двора с мушкетеном в руках. Рядом сын держал на привязи мастифа, слева и справа от хозяина стояли конюхи с вилами, а за спиной у него жена поднимала повыше огромный фонарь, чтобы этот негодяй лучше видел цель.

– Езжайте прочь, господин, езжайте! – крикнул он дрожащим голосом. – Лошадь ваша у дверей, задерживать вас никто не станет, а если решите напасть, знайте, что вы один против трех смельчаков.

Опасался я только собаки, поскольку мушкетон и вилы дрожали, как веточки в ураган. Я задумался. Если приставить саблю к горлу жирного поддльца, тот, возможно, и ответит, но как узнать, правда ли это? Игра не стоила свеч. Я смерил крестьян взглядом, отчего те затряслись еще больше, вскочил в седло и ускакал под визгливый смех женщины.

Я уже решил, что делать. Хоть бумаги у меня и стащили, я хорошо представлял себе их содержание и намерился пересказать его князю Сакс-Фельштайнскому, будто император так и просил. План дерзкий и опасный, но если дело пойдет слишком далеко, от меня, в конце концов, можно и откреститься. Иного выхода не было. Сейчас от моей отваги зависела судьба всей Германии.

Я добрался до городка в полночь, однако в каждом окне горел свет. В такой дремотной стране уже один этот факт показывал, как накалились страсти. Улицы заполнил народ, вслед мне летели насмешки и улюлюканье, а один раз над ухом просвистел камень, и все же я продолжал свой путь, не торопясь и не сбавляя скорости до самого замка. Там повсюду сияли огни, в желтых окнах мелькали беспокойные тени. У ворот я отдал поводья конюху, вошел и голосом, какой приличествует послу, потребовал немедленной аудиенции у князя по делу первостепенной важности.

В прихожей было темно, где-то неподалеку шумели голоса, но стоило мне заявить о цели своего визита, все разом стихло. Здесь, очевидно, собралось великое множество людей, и чутье подсказало мне, что сейчас они решают тот самый вопрос войны и мира. Так, может, еще не поздно склонить чашу весов на сторону императора и Франции? Мажордом наградил меня неприветливым взглядом, отвел в небольшую комнатку, а минутой позже явился и сообщил, что князь занят, и меня готова принять княгиня.

Княгиня! Зачем она мне? Разве не предостерегали меня, что эта дама – немка до мозга костей, которая хочет восстановить против нас и мужа, и свою страну?

– Я должен видеть князя, – ответил я.

– А повидаете княгиню. – В комнату вошла женщина. – Фон Розен,

останьтесь. А теперь, месье, говорите. Какие вести вы привезли в Сакс-Фельштайн?

Услышав ее голос, я вскочил. Увидев ее, задрожал от гнева. Я тут же узнал и благородную осанку, и гордо поднятую голову, и глаза – голубые, как Гаронна, и такие же холодные, как ее вода зимой.

– Время не ждет, месье! – сказала княгиня, нетерпеливо топнув ножкой. – Что вы должны мне передать?

– Вам? – вскричал я. – Лишь одно: вы навсегда отучили меня верить женщинам. Из-за вас меня ждут наказание и бесчестье.

Княгиня посмотрела на мажордома, вскинув брови.

– По-моему, он бредит. Надеюсь, болезнь не слишком серьезная? Может, небольшое кровоупускание...

– О, вы прекрасная актриса! Это я уже понял.

– Да разве мы встречались раньше?

– Два часа назад вы меня ограбили.

– Ну, это уж слишком! – воскликнула княгиня, искусно притворяясь разгневанной. – Хотя вы, как я понимаю, посланник, привилегии дипломатов не безграничны.

– Вы прекрасно играете, – сказал я. – Однако вашему высочеству не удастся обмануть меня дважды за одну ночь.

Я бросился вперед и схватил ее за подол.

– Лучше бы переоделись после такой долгой скачки.

Ее щечки запылали, как снежные вершины в лучах зари.

– Наглец! – воскликнула княгиня. – Позовите лесничих, пусть выкинут его вон.

– Сначала я повидаяю князя.

– Вам никогда... Ах! Держите его, фон Розен, держите!

Она позабыла, с кем имеет дело. Стал бы я ждать, пока сюда прибегут ее подручные! Нет уж, княгиня поторопилась, раскрыв мне карты. Она хотела встать между мной и мужем, я – переговорить с ним любой ценой. Одним прыжком я выскочил из комнаты, другим пересек прихожую и ворвался в зал, откуда слышались голоса. У дальней стены, в кресле на возвышении сидел человек, перед ним стояли в ряд сановники, а слева и справа собралось целое море лиц. Я взял кивер под мышку, вышел на середину зала, постукивая саблей, и объявил во всеуслышание:

– Послание князю Сакс-Фельштайнскому от его императорского величества.

Человек на троне поднял голову. Лицо у него было исхудавшее, бледное, он сутулился, будто на плечи ему давила тяжкая ноша.

– Кто вы, месье? – спросил он.

– Полковник Третьего гусарского полка Этьен Жерар.

Все лица обратились ко мне, я услышал шорох множества воротников, встретил множество взглядов и среди них – ни одного дружелюбного. Княгиня проскользнула мимо и зашептала что-то на ухо мужу, кивая и всплескивая руками. Я расправил плечи, подкрутил усы и с любезным видом оглядел присутствующих. Тут собрались одни мужчины – профессора, студенты, военные, дворяне, ремесленники. Все – молчаливые и серьезные. В углу сидело несколько человек, одетых в черное, плечи каждого укрывал плащ для верховой езды. Неизвестные перешептывались, и каждый раз, стоило кому-то из них шевельнуться, я слышал стук сабель и щелканье шпор.

– Император писал, что депешу мне везет маркиз Шато Сент-Арно, – сказал князь.

– Маркиз предательски убит, – ответил я, и по залу пронесся возмущенный ропот.

Я заметил, что многие смотрят на людей в черном.

– Где же бумаги? – спросил князь.

– Их нет.

Все загомонили.

– Шпион! – кричали в толпе. – Он лжет!

– Повесить его! – пророкотал в углу чей-то бас.

Вытащив платок, я обмахнул пыль с опушки ментика. Князь поднял худые руки, и шум стих.

– Где же ваши верительные грамоты, и какое послание вы мне привезли?

– Моя верительная грамота – моя форма, а послание я должен передать вам с глаза на глаз.

Он устало провел рукой по лбу, как человек, пребывающий в полной растерянности. Княгиня, которая стояла рядом, положив руку на спинку трона, снова принялась нашептывать мужу.

– Сегодня мы с моими поданными собрались на совет, – сказал тот. – У меня нет от них секретов, и какое бы сообщение ни передал мне император в такое время, оно касается их точно так же, как меня.

В зале раздался гром аплодисментов, и все снова обернулись ко мне. Боже, как неловко я себя чувствовал. Одно дело обратиться к восьми сотням гусар, и совсем другое – говорить перед таким собранием. Однако я пристально уставился на князя и выпалил все, что хотел сказать наедине, крича при этом так, словно командовал полком на параде.

– Вы часто уверяли императора в своей дружбе. Настало время ее испытать. Если вы останетесь ему верны, Наполеон вознаградит вас так, как может он один. Ему легко сделать князя королем, а провинцию – государством. Он смотрит на вас. Против него вы бессильны, а вот себя можете погубить. В это самое время он переправляется через Рейн с двумястами тысячами воинов. Все ваши крепости в его руках. Он будет здесь через неделю, и если вы его предали, помощи Бог вам и вашим людям. Вы думаете, что он слаб, потому что некоторые из нас обморозились прошлой зимой. Обернитесь! – Я указал на большую звезду, что мерцала в окне над головой князя. – Это звезда императора. Он уйдет не раньше, чем погаснет она.

Окажись вы там, друзья мои, вы бы мной гордились. Я гремел саблей и взмахивал ментиком так, будто во дворе стоял мой полк. Все молчали, однако спина князя горбилась все больше и больше, словно груз на плечах стал для него слишком тяжел. Наконец он обвел глазами собрание.

– Мы послушали, как француз говорит в пользу Франции. А теперь пусть немец выскажется в пользу Германии.

Люди переглядывались, шептались. Моя речь, похоже, произвела впечатление, и никто не хотел компрометировать себя в глазах императора. Княгиня обвела всех негодующим взглядом, и ее звонкий голос нарушил тишину.

– Неужели отвечать придется женщине? – воскликнула она. – Неужели среди ночных всадников Лютцова не найдется того, кто владел бы красноречием так же, как саблей?

Один из столов с грохотом отъехал в сторону, и на стул вскочил какой-то юноша со спутанными волосами и ястребиным взором. Его бледное лицо сияло вдохновением. На поясе висела сабля, а сапоги покрывала грязь.

– Кернер! – закричали в толпе. – Молодой Кернер, поэт! Сейчас он будет петь.

И юноша запел! Сперва негромко, нежно. Он пел о старой Германии, матери народов, ее плодородных теплых долинах и древних городах, о славе павших героев. О Германии новых дней, захваченной врасплох и сломленной, Германии, которая поднимается с колен, срывая оковы с могучих рук. Что такое жизнь, чтобы ее беречь? Что такое славная смерть, чтобы ее бояться? Великая мать ждет. Ее вздох – в ночном ветре. Она взывает к детям своим о помощи. Придут ли они? Придут ли? Придут?

Ах, эта несносная песня, вдохновенное лицо и звонкий голос! Все позабыли меня, императора и Францию. Люди не закричали, они взревели,

повскакивали на столы и стулья. Они бредили, всхлипывали, обливаясь слезами. Кернер спрыгнул, и его окружили товарищи, воздев сабли.

Бледное лицо князя разрумянилось. Он встал.

– Полковник Жерар, вы только что услышали наш ответ. Жребий брошен, дети мои. Ваш князь победит или падет вместе с вами.

Он поклонился, давая понять, что встреча окончена, и шумная толпа хлынула в двери, распространяя новость по всему городу. Я поступил как человек мужественный и сделал все, что мог, а потому без всякого сожаления отдался на волю этого потока. Зачем было мне задерживаться в замке? Я больше не хотел видеть Хоф до тех пор, пока не въеду в его ворота во главе авангарда. Я выбрался из толпы и понуро зашагал туда, где стояла моя Фиалка.

У конюшни было темно. Я огляделся в поисках грума, как вдруг меня схватили сзади за плечи. Чьи-то руки сжали мои запястья, сдавили шею, под ухо ткнулось холодное дуло пистолета.

– И пикнуть не смей, французишка, – яростно прошептал кто-то. – Мы его поймали, капитан.

– Где уздечка?

– Тут.

В шею мне врезался холодный ремень. Конюх вышел и наблюдал за происходящим. В тусклом свете его фонаря я разглядел суровые лица, черные шляпы и плащи ночных всадников.

– Что будем делать, капитан? – громко спросил один.

– Повесим лягушатника на воротах замка.

– Но ведь он посол.

– Посол без грамот.

– А князь?

– Брось! Если мы это сделаем, Сакс-Фельштайн от нас уже никуда не денется. Император ни за что его не простит. А сейчас нет никакой уверенности, что завтра князь не переметнется на сторону французов, как раньше. Слова легко взять обратно, а вот за мертвого гусара придется ответить.

– Нет, фон Штерлиц, так поступать нельзя, – возразил кто-то.

– Нельзя? Еще как можно!

Уздечку рванули, и я чуть не упал. В тот же миг сверкнула сабля и рассекла кожаный ремешок, едва не задев мне шею.

– Господи, Кернер, да ведь это мятеж! – вскричал капитан. – Остановись, иначе поплатишься!

– Я солдат, а не разбойник, – сказал поэт. – И если мой клинок

потемнеет, то лишь от крови, не от бесчестья. Друзья, неужели вы будете спокойно смотреть на подлое убийство?

Из ножен вылетела дюжина сабель. Защитников у меня набралось не меньше, чем врагов, однако на шум начали сбегаться горожане.

– Княгиня! – кричали они. – Княгиня идет!

Не успели голоса стихнуть, как из темноты возникло прекрасное лицо. Мне следовало бы ее ненавидеть, ведь эта женщина перехитрила меня, выставила болваном, и все-таки до сих пор по телу моему пробегает дрожь при мысли, что я сжимал ее в объятиях, вдыхал аромат ее волос. Не знаю, упокоилась ли она в немецкой земле или еще живет, поседевшая, в своем замке Хоф, но в сердце и памяти Этьена Жерара она всегда останется молодой и прекрасной.

– Позор! – воскликнула княгиня, шагнув ко мне, и своими руками сорвала петлю с моей шеи. – Вы хотите сражаться за дело Божье, а начинаете с такого дьявольского злодейства. Этот человек под моей защитой, и если хоть один волос упадет с его головы, вы будете иметь дело со мной.

Она взглянула на мужчин с таким презрением, что те были рады поскорее скрыться во тьме. Княгиня снова повернулась ко мне:

– Идемте, полковник Жерар. Мне нужно с вами поговорить.

Вслед за ней я вошел в ту самую комнату, куда проводили меня сначала. Княгиня закрыла дверь и взглянула на меня с лукавейшей искоркой в глазах.

– Вот мы и одни. Это ли не знак доверия с моей стороны? – спросила она. – Запомните, сейчас перед вами княгиня Сакс-Фельштайнская, а не бедняжка, польская графиня Палотта.

– Называйте себя как хотите, – отвечал я. – Я помог даме в беде, а та в благодарность похитила у меня бумаги и едва не украла честь.

– Полковник Жерар, мы играем в игру, где ставки огромны. Передав послание, которого у вас не было, вы доказали, что ради своей страны готовы на все. Ваше сердце принадлежит Франции, мое – Германии, и я тоже на все готова, даже на обман и воровство, если тем смогу помочь родине. Видите, я с вами откровенна.

– Вы признались лишь в том, что мне и так известно.

– Теперь игра кончена, и в ней есть победитель. Зачем же нам расставаться врагами? Послушайте, если бы я когда-нибудь оказалась в том бедственном положении, какое разыграла перед вами на постоялом дворе, я не могла бы пожелать себе лучшего защитника и рыцаря, чем полковник Этьен Жерар. Похитив бумаги, я и не думала, что буду так сочувствовать

французу.

– И все-таки вы их похитили.

– Они были нужны мне, нужны Германии. Я знала, что за доводы в них приводятся и какое действие они окажут на князя. Прочти он письмо, всему настал бы конец.

– Зачем же было вашему высочеству пускаться на такие уловки? Бандиты, которые хотели повесить меня на воротах, могли бы сделать работу за вас.

– Не бандиты, а благороднейшие люди моей страны, – пылко возразила она. – Да, они обошлись с вами грубо, но вспомните, какие унижения вытерпел каждый немец, начиная с королевы Пруссии. Что до засады на дороге, то я повсюду разослала свои отряды и ждала в Лобенштайне добрых вестей от них. Когда же вместо воинов туда прискакали вы, я пришла в отчаяние. Теперь между вами и князем стояла одна лишь слабая женщина. Вот какое безвыходное положение вынудило меня прибегнуть к оружию моего пола.

– Признаюсь, вы покорили меня, ваше высочество, и мне остается лишь уступить вам поле боя.

– Зато я верну вам похищенное. – С этими словами она протянула мне бумаги. – Князь перешел Рубикон, обратной дороги нет. Отдайте послание императору и скажите, что мы отказались его принять. Теперь никто не обвинит вас в том, что вы потеряли депешу. До свидания, полковник. И мой вам совет, не покидайте родину. Через год по эту сторону Рейна не останется ни одного француза.

Вот как я сразился с княгиней Сакс-Фельштайнской и проиграл ей Германию. Мне было о чем поразмыслить, пока бедная усталая Фиалка шагала по тракту, ведущему прочь от замка Хоф, но куда бы ни уносили меня раздумья, перед глазами все время стояло гордое прекрасное лицо немецкой женщины, а в ушах звучал голос воина-поэта. Что-то пугающее таила в себе эта могучая и терпеливая страна – мать народов, – и я вдруг понял: землю столь древнюю и любимую завоевать невозможно. Так я и ехал. Светало, а в небе на западе бледнела и гасла та самая звезда, на которую указывал я в окно замка.

Глава VII

Как бригадир получил медаль

Герцог Тарентский, или Макдональд, как называют его старые товарищи, был не в духе. Его мрачное лицо напоминало одну из тех гротескных морд, что держат кольца на дверях в квартале Фобур Сен-Жермен. Позже мы узнали, что причиной тому стало насмешливое замечание императора. Тот сказал герцогу, что, может, и отправил бы его на юг сразиться с Веллингтоном, только боится, как бы маршал не переметнулся к врагу, заслышав пение волюнок. Мы с майором Шарпантье сразу поняли, что Макдональд просто кипит от гнева.

– Бригадир Жерар, – обратился он ко мне, точно капрал к новобранцу.

Я отдал честь.

– Майор конных гренадеров Шарпантье.

Шарпантье тоже приветствовал командующего.

– Вас хочет видеть император.

Маршал без долгих предисловий распахнул дверь и доложил о нашем приходе.

Я привык видеть Наполеона в седле, а не пешком. Думаю, он поступает мудро, появляясь перед солдатами верхом, поскольку на лошади выглядит гораздо внушительней. Тогда же он оказался ниже всех нас на добрую ширину ладони, и это при том, что я сам отнюдь не высок, хотя сложение у меня для гусара достаточно крепкое. Кроме того, заметно стало, что ноги его коротковаты. С большой круглой головой, покатыми плечами и чисто выбритым лицом император походил скорее на профессора из Сорбонны, чем на первого воина Франции. Вкусы у всех разные, однако, на мой взгляд, бравые кавалерийские усы вроде моих собственных ему очень пошли бы. Зато у него волевой рот и совершенно особенные глаза. Однажды мне довелось встретить их гневный взгляд, и я лучше атакую пехотное каре на изнуренной лошади, чем соглашусь еще раз пережить такое, а ведь я не из пугливых.

Наполеон рассматривал огромную карту, висевшую на стене, а рядом стоял Бертье, напустив на себя умный вид. Когда мы вошли, император нетерпеливо схватил его саблю и указал на какую-то местность. Говорил он тихо и быстро, но я все-таки расслышал, как он упомянул долину Мааса и дважды повторил: «Берлин». Адъютант шагнул нам навстречу, однако Наполеон остановил его и поманил нас к себе.

– Вы еще не получили почетный крест, бригадир Жерар? – спросил он.
– Нет, – ответил я и хотел уже добавить, что причиной тому – не отсутствие заслуг, но он перебил меня в своей решительной манере:

– А вы, майор?

– Нет, государь.

– В таком случае вам скоро представится эта возможность.

Наполеон подвел нас к карте и приставил саблю к Реймсу.

– Буду по-дружески откровенен. Если не ошибаюсь, оба вы служите еще со времен битвы при Маренго? – Странная, но приятная улыбка осветила его бледное лицо, словно лучи холодного солнца. – Сегодня, четырнадцатого марта, мы в Реймсе. Очень хорошо. Вот здесь, в добрых ста двадцати километрах, Париж. Блюхер стоит к северу, Шварценберг – к югу.

Он ткнул острием клинка в карту.

– Чем дальше в глубь страны продвинутся враги, тем легче мне будет их раздавить. Они стремятся к столице. Вот и отлично. Там их встретит стотысячная армия моего брата, короля Испании. К нему-то я вас и посылаю – с письмом. Каждому из вас я вручу копию. Тут сказано, что через два дня я отправлюсь к нему на помощь со всем своим войском. Пусть люди передохнут сорок восемь часов, а затем – выступаем! Вам ясно, господа?

Ах, если бы я мог описать, какую гордость испытал от того, что этот великий человек мне доверяет! Когда он протянул мне письмо, я щелкнул шпорами, вытянулся в струнку, расплылся в улыбке и кивнул, показывая, что все понял. Император тоже улыбнулся и тронул меня за плечо. Я отдал бы половину жалованья за то, чтобы в тот миг меня увидела матушка.

– Вот каков будет ваш путь. – Он снова повернулся к карте. – До Базоша доберетесь вместе, а там один отправится в Париж через Ульши и Нейи, а другой возьмет севернее и поедет через Брен, Суассон и Санлис. Что скажете, бригадир?

Хотя я простой солдат, мысли и слова у меня найдутся. Я завел речь о славе Франции, об опасностях, что ей грозят, но император меня перебил:

– А вы, майор?

– Если дорога окажется небезопасной, позволено ли нам выбрать другую?

– Солдаты не выбирают, они повинуются. – Наполеон кивнул, давая понять, что мы свободны, и повернулся к Бертье.

Уж не знаю, что он ему такого сказал, но оба рассмеялись.

Как вы понимаете, много времени на сборы нам не потребовалось.

Минут тридцать спустя – часы на соборе как раз пробили полдень – мы уже ехали по главной улице Реймса. Я был верхом на своей маленькой серой Фиалке – помните, ее после Дрездена хотел купить Себастьяни? Это самая резвая лошадь в шести бригадах легкой кавалерии, уступает она разве что английскому скакуну герцога Ровиго. У Шарпантье же был конь, вполне подходящий для гренадера или кирасира – спина широкая, словно кровать, и ноги как тумбы. Майор и сам парень грузный, так что вместе они составляли неповторимую парочку. Тем не менее в своей безумной самоуверенности Шарпантье бросал полные обожания взгляды на девиц, что махали мне из окон платочками, и закручивал безобразные рыжие усы чуть ли не до самых глаз, будто красавицы провожали именно его.

Город остался позади, а дальше путь наш лежал через французский бивак и поле вчерашней битвы, все еще усеянное телами наших бедных товарищей и русских. Вид лагеря, однако, огорчил меня больше. Войско таяло. В Гвардии дела обстояли неплохо, хотя ее переполнили желторотые новобранцы. Артиллерия и тяжелая кавалерия тоже хорошо справлялись, жаль только, солдат в них не хватало. А вот рядовые пехотинцы перед своими унтер-офицерами выглядели точно школьники, да и резерва у нас не было. Между тем к северу стояли восемьдесят тысяч пруссаков, а к югу – сто пятьдесят тысяч русских с австрийцами. Тут и первый смельчак загоревал бы.

Не стану скрывать, я ронял слезы, пока не вспомнил о том, что император все еще с нами и в это самое утро положил руку мне на плечо, обещая награду. Я принялся напевать и прищипоривал Фиалочку, пока Шарпантье на своем огромном, фыркающем и пыхтящем верблюде не попросил пощады. Грязь на дороге взбили в кашу, артиллерия оставила колеи в полметра глубиной, и он правильно сказал, что сейчас не время для галопа.

Мы с Шарпантье никогда не были на дружеской ноге, и теперь за двадцать километров пути я так и не сумел вытянуть из него ни слова. Он ехал в глубокой задумчивости, хмурясь и опустив голову. Я, как человек более сообразительный, мог дать ему совет и все время спрашивал, что его тревожит. Майор отвечал, что размышляет о своем поручении, и это меня очень удивляло – я никогда не был высокого мнения о его умственных способностях и все-таки диву давался, как он не в силах понять такую простую и привычную для воина задачу.

Мы доехали до Базоша, откуда путь Шарпантье лежал по северной дороге, а мой – по южной. Уезжая, он обернулся в седле и взглянул на меня со странным любопытством.

- Что вы обо всем этом думаете, бригадир?
- О чем?
- О нашем задании.
- Так ведь оно совсем простое.
- Неужели? А зачем было императору посвящать нас в свои планы?
- Потому что он считает нас умными людьми.

Шарпантье неприятно рассмеялся.

– Скажите на милость, а что вы собираетесь делать, если в этих деревнях окажется полно пруссаков? – спросил он.

- Буду следовать приказу.
- Но вас убьют.
- Вполне вероятно.

Майор снова захохотал, да так оскорбительно, что я схватился за саблю. Однако прежде чем я успел объяснить, что думаю о его глупости и отвратительных манерах, Шарпантье развернул коня и двинулся прочь. Высокая меховая шапка скрылась за склоном холма, а я поехал своей дорогой, размышляя о поведении товарища. Время от времени я прижимал руку к груди и чувствовал, как похрустывает под пальцами бумага. Ах, мое письмо, скоро ты превратишься в долгожданную серебряную медаль!.. По пути из Брена в Сермуаз я только и представлял, что скажет матушка, увидев мою награду.

Неподалеку от Суассона, в придорожном трактире на склоне холма, я остановился, чтобы покормить Фиалку. Кругом росли старые дубы, а на них собралось столько ворон, что за карканьем я почти не слышал собственного голоса. Хозяин рассказал, что два дня назад Мармон отступил, и пруссаки перешли через Эну. Часом позже в сумерках я увидел справа на холме двух конных часовых, а когда сгустилась тьма, небеса на севере так и засияли от огней бивака.

Услышав, что Блюхер стоит здесь целых два дня, я очень удивился. Неужели император не знал, что мне придется везти его драгоценное послание через территорию, захваченную врагами? Однако я помнил, каким тоном он сказал Шарпантье, что солдаты не выбирают, а повинуются, и решил следовать намеченному пути, пока Фиалка способна шевельнуть хоть копытом, а я – пальцем. От Сермуаза до Суассона дорога бежит с горки на горку, петляя по еловым лесам. Я держал пистолет наготове и не ослаблял перевязь, прямые участки проезжал быстро, а повороты – медленно, как мы научились в Испании.

Справа показался крестьянский дом, тот самый, что стоит за деревянным мостом через Криз, неподалеку от большой статуи Богоматери.

Когда я проезжал мимо поля, женщина крикнула мне, что в городе – пруссаки. По ее словам, в полдень туда нагрянул небольшой отряд улан, а к полуночи ждали целую дивизию. Дальше я слушать не стал, пришпорил Фиалку и через пять минут галопом влетел в Суассон.

В начале главной улицы стояли на привязи три лошади, а их седоки сплетничали рядом, покуривая трубки, длинные, как моя сабля. В свете, что падал из открытой двери, я хорошо видел пруссаков, они же только и успели заметить что серый бок Фиалки да мой черный плащ. Из ворот навстречу выбежали другие. Кобылка моя на скаку опрокинула одного, я хотел проткнуть другого, но промахнулся. Вслед бахнули два выстрела, однако я уже свернул за угол и слышал только свист пуль. Ах, до чего хороши были мы с Фиалочкой! Она летела, словно заяц от гончих, только искры из-под копыт сыпались. Я привстал на стременах и поднял оружие. Кто-то подскочил, протягивая руку к моей уздечке, но я взмахнул саблей, и за спиной раздался вопль. Наперерез вылетели два всадника, первого я полоснул клинком, второго обогнал. Минуту спустя я уже несея по дороге, ведущей прочь из города, а слева и справа мелькали черные тополя. Топот копыт позади постепенно затихал, и наконец его совсем заглушили удары моего сердца. Я натянул поводья, прислушался – ни звука. Погоня отстала.

Перво-наперво я спешил и увел Фиалку в лесок, сквозь который бежал ручей. Там я напоил ее, обтер бока и скормил два кусочка сахара, смочив их в коньяке из фляги. После такой бешеной скачки бедняжка совсем устала, но что за удовольствие было взглянуть на нее, когда она отдохнула с полчаса. Я вскочил в седло и сразу понял – если мне и не суждено будет оказаться в Париже, то уж никак не по ее вине.

Я значительно продвинулся в глубь вражеской территории. В доме, что стоял у дороги, пруссаки орали одну из своих грубых застольных песен, и я поехал в обход, полями. В другой раз при свете луны (а ночь тогда была ясная) меня заметили двое, окликнули по-немецки, но я галопом проскакал мимо. Стрелять они не решились, ведь форма их гусар была как две капли воды похожа на мою. В таких случаях лучше не обращать ни на что внимания, и тебя попросту сочтут глухим.

В небе сияла красавица луна, деревья бросали на дорогу черные полосы теней. Я видел все как днем. Земля безмятежно спала, только на севере полыхало зарево огромного пожара. В ночной тиши, когда всюду поджидала опасность, вид этого далекого пламени наполнил мое сердце ужасом. Однако я столько пережил на своем веку, что сломить мой дух не так-то просто. Я принялся мурлыкать себе под нос песенку и думать о малышке Лизет, которую рассчитывал повстречать в Париже. Я совсем

замечтался и вдруг, проехав поворот дороги, увидел шестерых немецких драгун, которые сидели вокруг костра на обочине.

Я превосходный солдат и говорю так не из бахвальства, а лишь потому, что это – чистая правда. Я в мгновение ока способен оценить обстановку и принять решение с такой уверенностью, будто размышлял над ним целую неделю. Я тут же понял – как ни крути, а придется уходить от погони, да притом на лошади, которая проскакала с полсотни километров. Ночь ясная, кони у драгун хорошо отдохнули, и я все равно рискую головой, но лучше уж стремиться к Санлису, чем к Суассону.

Понятное дело, все это я сообразил в один миг, как нутром почувствовал. Едва увидев бороды и медные каски, я пришпорил Фиалку, и она птицей полетела вперед. Что за шум, гам и топот поднялись у меня за спиной! Грянули три выстрела, трое драгун вскочили на лошадей. Пуля хлопнула по моему седлу, точно палка по двери. Фиалка рванулась, и я уже подумал, что ее ранили, но заметил только царапину на левой передней ноге. Ах моя славная! Какая нежность переполнила меня, когда она пустилась легким, размашистым галопом, стуча копытцами, точно испанская танцовщица – кастаньетами. Я не мог больше себя сдерживать, развернулся и как безумный рывкнул: «Слава императору!» Я хохотал и вопил, слушая, как враги честят меня на все лады.

Однако мне по-прежнему грозила опасность. Если бы Фиалка хорошо передохнула, она вскоре ушла бы от преследователей, но теперь моя ласточка опережала их лишь самую малость. Меня быстро догонял молодой офицер. В двух сотнях шагов за ним скакали двое драгун, но расстояние между нами росло. Еще трое – те, кто стрелял в меня, – еле виднелись вдалеке.

У молодого офицера был скакун гнедой масти, неплохой конь. Не чета Фиалке, разумеется, однако выносливый, подлец. Я знал – через несколько километров его свежие силы еще скажутся. Я подождал, пока юноша не отдалится от своих товарищей, и немножечко придержал Фиалку, чтобы он подумал, будто и в самом деле нагоняет меня. Как только он оказался на расстоянии выстрела, я вынул карабин, взвел курок и обернулся. Мальчишка не стрелял, и вскоре я заметил почему: на привале этот глупец вытащил пистолеты из кобуры. Теперь он грозил мне саблей и сыпал проклятиями, не понимая, что его жизнь в моих руках. Я сбавил ход. Теперь между хвостом Фиалки и носом гнедого было не больше длины копья.

– Рандеву! – крикнул офицер.

– О, месье отлично говорит по-французски, – сказал я, положив дуло

пистолета на левое предплечье, как всегда делал, стреляя из седла.

Я метил юноше в лицо. Тот понял, что ему конец, и побелел так, что я заметил это даже в лунном свете. Однако, нажимая на спусковой крючок, я вспомнил, что у молодого человека тоже есть мать, и выстрелил в плечо его коня. Гнедой рухнул на всем скаку. Боюсь, офицер сильно пострадал после такого падения, но я должен был позаботиться о письме и снова пустил Фиалку галопом.

Однако уйти от этих разбойников оказалось не так-то просто. Двое пронеслись мимо своего офицера, будто бы он был новобранцем, который упал на уроке верховой езды. Бросив его на попечение отставших, они продолжили погоню. Я взлетел на холм, натянул поводья, но вскоре понял, что отдыхать еще рано, и мы снова пустились галопом, Фиалка – закинув голову, а я – кивер. Настало время показать, что мы с ней думаем о драгунах, которые решили поймать гусара. При этой мысли я расхохотался, и тут сердце мое замерло – в конце длинной белой дороги темнел отряд всадников. Неопытный солдат принял бы его за тень деревьев, но я-то видел, что это гусары. Куда ни поверни, всюду поджидала верная гибель.

Впереди – гусары, за спиной – драгуны. С самой Москвы не попадал я в такую передрагу. Однако, дабы не уронить честь бригады, я предпочел гибель от руки воинов легкой кавалерии, а потому не стал останавливаться и без колебаний поскакал им навстречу, дав своей кобылке волю. Помню, я пробовал молиться, но я не силен в таких вещах и сумел только вспомнить молитву о хорошей погоде, которую мы повторяли в школе вечером перед каникулами. Все лучше, чем ничего. Я усердно тарабанил ее, когда услышал впереди французскую речь. Боже, радость пронзила мое сердце, точно пуля! Это были наши, наши ненаглядные черти из корпуса Мармона! Драгуны развернули коней и пустились наутек, лишь медные каски засверкали в лунном свете. Я же солидной рысцей направился к друзьям, показывая, что если уж гусар и спасается бегством, торопиться – не в его правилах. Боюсь только, пыхтение Фиалки и ее морда, покрытая хлопьями пены, меня выдали.

Кого же, вы думаете, увидел я во главе отряда? Старого Буве, которого спас под Лейпцигом! Тот узнал меня, и в его маленьких красноватых глазках задрожали слезы. Я и сам растрогался, заметив, как он рад. Когда я посвятил его в суть дела и сказал, что мне поручено ехать через Санлис, Буве расхохотался.

– В городе враги. Туда никак нельзя.

– Враги так враги, – ответил я.

– Почему не отправиться прямиком в Париж? Зачем лезть туда, где вас

наверняка захватят в плен или убьют?

– Солдат не выбирает, он повинуется, – повторил я слова Наполеона.

Буве сипло рассмеялся и умолк, лишь когда я подкрутил усы и смерил его взглядом.

– Что ж, – сказал он, – тогда поскачем вместе, ведь нам в Санлис и надо. У нас приказ провести там рекогносцировку. Впереди идет уланский эскадрон Понятовского. Если вам так необходимо проехать через город, мы попробуем вам помочь.

Отряд наш тронулся, и в ночной тишине зазвенели уздечки, застучали копыта. Вскоре мы догнали поляков – бравых, испытанных ребят. Они, правда, были тяжеловаты для своих коней, но держались так, что любо-дорого посмотреть, прямо как удалцы из моей бригады. Вместе мы поскакали дальше, и на рассвете впереди показались огни Санлиса. Мимо проезжал какой-то человек на телеге. Он-то и рассказал нам, что происходит в окрестностях.

Сведения у крестьянина были самые достоверные, ведь накануне вечером он переговаривал с братом, а тот служил кучером у самого мэра. Выяснилось, что в Санлисе находится казачий эскадрон, или «сотня», как они называют его на своем варварском наречии. Квартируют они в самом большом здании – доме мэра, что на углу рыночной площади. В лесах к северу стоит целая дивизия прусской пехоты, но в городе они не показываются. Что ж, нам представилась отличная возможность отомстить дикарям, о чьей жестокости к бедным французам рассказывали на биваках у каждого костра.

Русские и опомниться не успели, как мы вихрем ворвались в город, срезали конные посты, опрокинули часовых и загрохотали кулаками по двери мэра. Из окон повысовывались головы в овечьих шапках, гнусные рожи с окладистыми бородами и спутанными космами. «Урра! Урра!» – заревели они, стреляя из карабинов, однако прежде, чем враг протер заспанные глаза, мы вломились в дом. Страшно было смотреть, как уланы, точно голодные волки, накинулись на казаков – поляки страшно их ненавидят. Большинство русских бросились улепетывать вверх по лестнице. В комнатах их и прикончили. Сквозь доски пола в прихожую, будто дождь с крыши, лилась кровь. Польский улан в деле страшен, хотя и тяжеловат для кавалериста. Все они, как на подбор, здоровенные, точно кирасиры Келлермана, правда, весят меньше, поскольку обходятся без шлема и брони, прикрывающей грудь и спину.

В Санлисе-то я и дал маху, притом большого. Только скромность мешает мне сказать, что до сих пор я блестяще выполнял свое поручение. И

тут я сделал то, что не одобрит крючоктвор и простит солдат.

Конечно, лошадь моя устала, однако я вполне мог проскакать через город, а там до самого Парижа мне не встретилось бы ни одного неприятеля. Но какой гусар проедет мимо горячей схватки, не натянув поводьев? Требовать от него такое – это уж слишком. Кроме того, я подумал, если Фиалка отдохнет часок, позже он обернется мне тремя часами преимущества. А главное, из окон торчали все эти рожи в овечьих шапках и вопили как дикари. У крыльца я спешил, набросил поводья на столбик перил и вслед за товарищами ворвался в дом. Правда, помогать было поздно, а один из недобитых варваров едва не ранил меня копьем. И все-таки мне было жаль пропустить даже такую малость, ведь никогда не угадаешь, где представится возможность отличиться. В небольших погонях и стычках, что случаются на аванпостах, лихому рубака подчас найдется работа подстойнее, чем в императорских сражениях.

Когда в доме больше не осталось казаков, я вынес Фиалке ведро воды, а наш проводник, крестьянин, показал, где у славного мэра хранится фураж. Моя ненаглядная только этого и ждала. Я обтер ей ножки, оставил у крыльца, а сам отправился поискать чего-нибудь съестного и для себя, чтобы потом не задерживаться в дороге.

Теперь я подхожу к событиям, которые вам покажутся удивительными, хоть я и мог бы рассказать еще с десятков таких же необыкновенных историй. Понятное дело, тому, кто всю жизнь провел в разъездах и дежурствах на залитой кровью земле, что разделяет две великие армии, часто выпадают на долю самые невероятные приключения. Впрочем, ладно, слушайте, как было дело.

Я вошел, и старый Буве, который ждал меня в коридоре, спросил, а не раздавить ли нам вдвоем бутылочку вина.

– Право слово, мы не задержимся, – сказал он. – Ведь неподалеку в леске стоит десять тысяч пруссаков Тильмана.

– Где вино? – спросил я.

– Уж два гусара его найдут, – ответил он, взял свечку и направился вниз по каменным ступеням, на кухню.

Там мы обнаружили еще одну дверь, которая выходила на винтовую лестницу, ведущую в погреб. До нас тут явно похозяйничали казаки – весь пол был усеян осколками. Однако мэр оказался эпикурейцем, и лучшего выбора вин я и пожелать не мог. «Шамбретен», «Грав», «Аликанте», белое, красное, простое, игристое – они лежали пирамидами, робко выглядывая из опилок. Мой товарищ стоял со свечой в руке, смотрел по сторонам и мурлыкал, точно кот перед миской молока. Наконец он выбрал

бургундское, но едва потянулся к бутылке, как наверху прогремели выстрелы, затопали ноги и поднялся такой гвалт, какого я в жизни не слышал. К нам нагрянули пруссаки!

Буве – отважный парень, к чести его сказать. Он выхватил саблю и бросился вверх по ступеням, гремя шпорами. Я поспешил следом, мы выскочили на кухню, и тут снаружи раздался оглушительный рев. Дом снова достался неприятелю.

– Все кончено! – крикнул я, хватая товарища за рукав.

– Нет уж, пусть одолеют всех до последнего, – крикнул он и, точно безумный, кинулся ко второй лестнице.

Правду сказать, на его месте я и сам отправился бы на верную гибель, ведь он поступил весьма опрометчиво, не выслав разъезда, который мог предупредить нас о приближении врагов. Я уж хотел было присоединиться к нему, но передумал. В конце концов, мне доверили важное письмо, а если я попаду в плен, то не смогу выполнить поручение императора. Я оставил Буве погибать одного, вернулся в погреб и закрыл дверь.

Сидеть здесь было тоже не весело. Когда наверху поднялся переполох, Буве уронил огарок, и теперь, шаря в темноте, я натыкался только на осколки. Наконец я отыскал свечу – она закатилась под бочку, но сколько я ни бил по кремню кресалом, зажечь ее так и не получилось. Очевидно, фитиль попал в лужу вина и намок. Я срезал кончик саблей, и вскоре подвал осветился. Однако же я понятия не имел, что делать. Сверху доносились хриплые крики пруссаков. Судя по всему, там собралось несколько сотен. Очень скоро кто-то из них захочет промочить горло, и тогда – прости-прощай brave гусар, не видать тебе ни письма, ни медали.

Я вспомнил о матушке, об императоре. Какое горе для них – лишиться такого прекрасного сына, лучшего кавалериста, который только служил в армии со времен Лассалья. Я утер слезу, ударил себя в грудь и воскликнул:

– Не вешать нос! Мужайся, храбрый воин. Неужели тот, кто пережил страшные морозы под Москвой, погибнет во французском винном погребе?

Я вскочил и прижал руку к письму за пазухой, поскольку его хруст меня успокаивал.

Сперва я хотел поджечь дом и сбежать в суматохе. Затем решил спрятаться в пустом бочонке. Я огляделся и тут увидел в углу маленькую дверцу, выкрашенную в серый цвет, которая настолько сливалась со стеной, что приметить ее мог лишь человек весьма наблюдательный. С первой попытки дверь открыть не вышло, и я уже подумал, что она заперта, но тут она подалась немного. Похоже, за ней что-то стояло. Я уперся ногами в огромную бочку и надавил с такой силой, что дверца распахнулась

настежь. Я рухнул на спину, выронил свечу и снова очутился в темноте. Встав на ноги, я заглянул в черный проем.

Сюда сквозь какую-то щель или решетку падал слабенький утренний свет. В полумраке виднелись округлые бока огромных бочек – похоже, мэр выдерживал тут свое вино, пока не созреет. Так или иначе, а местечко гораздо лучше подходило для того, чтобы спрятаться. Я поднял свечу, закрыл дверь и вдруг увидел нечто удивительное. Не стану лгать, я даже малость струхнул.

Как я уже говорил, в комнату откуда-то сочился тусклый, серенький свет. И вот в его лучах вдруг мелькнул и снова исчез во мраке грузный и рослый человек. Клянусь, я так вздрогнул, что у моего кивера едва не порвался ремешок! Я увидел незнакомца лишь на секунду, но успел разглядеть, что он высокий, широкоплечий, на голове у него лохматая казачья шапка, а на поясе – сабля. Честное слово, сам Этьен Жерар – и тот немного растерялся, оказавшись в темном погребе наедине с таким бандитом.

Однако я быстро взял себя в руки и подумал: «Спокойно! Ведь я гусар. Не зря меня в тридцать один год поставили во главе бригады. Не просто так доверил мне император свое послание». Пусть громила дрожит передо мной, а не я – перед ним. И вдруг я понял, что насмерть перепугал незнакомца. Вот почему он так съежился и прошмыгнул мимо, точно крыса. Конечно же, мне помешали войти не ящик и не бочка. Это он подпер дверь, стараясь меня остановить. Выходит, он – дичь, а я – охотник. Ага! Усы мои браво встопорщились, и я шагнул в темноту. Сейчас я покажу этому разбойнику-северянину, с кем он имеет дело. В ту секунду я был великолепен.

Поначалу я не хотел зажигать свечу, чтобы не выдать себя, но потом ударился бедром о ящик, запутался шпорами в какой-то холстине и решил действовать в открытую. Я высек огонь, обнажил саблю и решительно двинулся вперед.

– Выходи, подлец! Ничто тебя не спасет. Сейчас я тебе задам.

Я поднял свечу повыше и увидел голову незнакомца, который смотрел на меня из-за бочки. На его черной шапке поблескивал золотой шеврон. Судя по лицу, передо мной был офицер и человек благородный.

– Сдаюсь! – воскликнул он на безупречном французском. – Только дайте слово меня пощадить. В противном случае я буду сражаться до последней капли крови.

– Месье, – отвечал я, – француз никогда не поднимет руки на проигравшего. Вашей жизни ничто не угрожает.

Не выходя из-за бочки, он передал мне саблю. Я прижал к груди свечу и поклонился.

– Кого имею честь взять в плен?

– Я граф Буткин из донских казаков его императорского величества. Нам приказали провести рекогносцировку в Санлисе. Французских солдат в городе не было, и мы решили остановиться тут на ночлег.

– Скажите на милость, а как вы попали в погреб?

– Очень просто. На рассвете мы собрались в путь. Я продрог, пока натягивал одежду, и решил, что немного вина мне не повредит, вот и спустился сюда. Не успел я оглядеться, как на дом напали. Все случилось так быстро: я только взбежал по лестнице, а бой уже кончился. Оставалось только спасать свою жизнь, и я спрятался в дальней комнате, а потом пришли вы.

Я вспомнил, как поступил в такой же ситуации старый Буве. Вот оно, величие Франции! Слезы навернулись мне на глаза. Теперь настало время подумать, что делать дальше. Сидя в дальней части погреба, русский граф, конечно же, ничего не слышал и не подозревал, что дом снова в руках его союзников. Стоило ему об этом догадаться, и пиши пропало: я стал бы его пленником, а не он – моим. Я голову ломал, не зная, как поступить, и тут меня осенила такая блестящая мысль, что я сам себе удивился.

– Граф, – сказал я, – признаюсь, я в затруднении.

– Почему?

– Ведь я обещал сохранить вам жизнь.

Его лицо немного вытянулось.

– Вы ведь не откажетесь от данного слова? – воскликнул он.

– Если придется, я готов умереть за вас. Однако дело весьма непростое.

– Так в чем же беда?

– Скажу вам прямо, наши друзья, в особенности – поляки, так ненавидят русских, что один вид казачьих мундиров приводит их в бешенство. Они сию же минуту бросаются на врага и разрывают его на части. Даже офицеры ничего не могут с этим поделать.

Граф побледнел, услышав мои слова и тон, которым я их произнес.

– Но это ужасно, – пролепетал он.

– Сущий кошмар! – согласился я. – Если мы выйдем отсюда, не знаю, смогу ли я вас защитить.

– Жизнь моя – в ваших руках! – вскричал он. – Что же делать? Не лучше ли мне остаться?

– Так еще хуже.

– Почему?

– Солдаты начнут грабить дом, и тогда вас изрубят на мелкие кусочки. Нет, я должен пойти и все им рассказать. Но это еще не все, ведь стоит им увидеть растреклятую форму, и я ни за что не ручаюсь.

– Мне нужно ее снять?

– Отлично! – воскликнул я. – Что за прекрасная идея! Давайте мне вашу одежду, а сами берите мою, и ни один француз вас не тронет.

– Гораздо больше я опасаясь поляков.

– Моя форма защитит и от них.

– Не знаю, как вас и благодарить! – воскликнул он. – А что же наденете вы сами?

– Ваш мундир.

– И падете жертвой собственного благородства?

– Долг обязывает рискнуть, но я не боюсь. Я выйду, сотня клинков нацелится на меня. «Стойте! – крикну я. – Перед вами бригадир Жерар!» Тут солдаты узнают меня, и я им все расскажу. Пока на вас эта форма, никто не посмеет к вам прикоснуться.

Руки графа тряслись от нетерпения, когда он срывал с себя одежду. Штаны и сапоги у нас были похожи, так что меняться мы не стали. Я отдал ему свой ментик и доломан, кивер, португую и ташку, а сам надел высокую овечью шапку с шевроном, шинель, отороченную мехом, и португую с кривой саблей. Само собой разумеется, я не забыл вынуть из кармана драгоценное письмо.

– С вашего позволения, теперь я вас привяжу, – сказал я.

Графу это предложение не понравилось, однако я за годы службы хорошо усвоил один урок – никогда не пренебрегай случайностями. Откуда мне было знать, что этот человек не догадается обо всем и не нарушит моих планов, едва я повернусь к нему спиной? Казак прислонился к бочке, я шесть раз обошел вокруг него и завязал веревку сзади большим узлом. Пожелай граф вылезти из погреба, ему пришлось бы тащить за плечами тысячу литров превосходного французского вина. Я запер дверь, чтобы он ничего не услышал, отшвырнул свечу и стал подниматься по лестнице.

В ней было всего-то двадцать ступеней, но за это время перед моими глазами, кажется, промелькнула вся жизнь. То же самое чувствовал я под Эйлау, когда лежал со сломанной ногой, глядя, как на меня несется конная артиллерия. Конечно, я понимал – если меня схватят, то расстреляют без промедления как шпиона. И все же это славная смерть – погибнуть, выполняя приказ императора, и я подумал, что в «Монитор» мне посвятят не меньше пяти строчек, а то и целых семь. О Паларе ведь написали

восемь, хотя ничего особенного он не совершил.

Напустив на себя самый невозмутимый вид, я вышел в прихожую. Первым, что бросилось мне в глаза, был труп старика Буве. Он лежал, задрав ноги и сжимая в руке сломанную саблю. По черному пятну я понял, что его застрелили в упор. Мне очень хотелось отдать доблестному солдату честь, но я побоялся, что это выдаст меня, и прошел мимо.

Кругом полно было прусских пехотинцев. Они пробивали бреши в стене, чтобы стрелять из них, словно готовились к новой атаке. Рядом суетился, отдавая приказы, коротышка-офицер. Никто из них не обратил на меня внимания, а вот другой офицер, который стоял у двери, покуривая длинную трубку, шагнул ко мне, хлопнул по плечу и что-то сказал, указывая на тела наших бедных гусаров. В его длинной бороде разверзлась трещина, и пруссак оскалил зубы. Я смекнул, что он шутит, засмеялся и произнес единственные слова, которые знаю по-русски. Я выучился им у малышки Софи из Вильны. Они означали: «Если ночь будет ясная, встретимся у дуба, а если дождливая – в коровнике». Пруссак, однако же, ничего не понял. Наверняка он подумал, будто я сказал что-то невероятно остроумное, потому что разразился хохотом и снова хлопнул меня по плечу. Я кивнул и вышел на улицу так спокойно, словно был начальником гарнизона.

У дома на привязи стояла сотня коней, большинство из них принадлежало нашим гусарам и полякам. Среди прочих ждала меня славная моя Фиалочка. Увидев меня, она заржала, но нет, я не сел на нее. Для этого я был слишком хитер. Наоборот, я выбрал самую лохматую казачью лошаденку и вскочил в седло так уверенно, будто унаследовал ее от батюшки. Кто-то навьючил на нее мешок с награбленным добром, я переложил его на спину Фиалке и повел ее за собой. Вы и не видывали такого отличного казака, который возвращается из набега.

Город наводнили пруссаки. Они стояли на тротуарах, показывали на меня пальцами и, судя по жестам, говорили: «Вот едет один из этих дьяволов. Уж они всегда найдут, чем поживиться».

Некоторые офицеры обращались ко мне как старшие по званию, однако я качал головой, улыбался и повторял: «Если ночь будет ясная, встретимся у дуба, а если дождливая – в коровнике». Те пожимали плечами и отпускали меня. Так я добрался до северной окраины. На дороге стояли два уланских поста с черно-белыми флагами. Нужно было только проехать мимо, а дальше ждала меня свобода. Я пустил свою коняшку рысью. Фиалочка все время терлась носом о мое колено и поглядывала на меня, будто спрашивая, за что я променял ее на этот мохнатый коврик. До уланов

оставалось не больше сотни шагов. Представьте же себе мои чувства, когда я вдруг увидел, что навстречу мне скачет настоящий казак.

Ах, друг мой читатель, если у тебя есть сердце, ты пожалеешь человека, который, подобно мне, избежав множества опасностей, встречается в самом конце одну, которая сводит на нет все его усилия. Признаюсь, в тот момент я пал духом и хотел броситься на землю, проклиная судьбу. Но нет, рано было еще отчаиваться.

Я расстегнул мундир, готовясь выхватить письмо, поскольку твердо решил, если последняя надежда меня покинет, съесть его и погибнуть с оружием в руке. Проверив, легко ли выходит из ножен моя коротенькая кривая сабля, я направился к постовым. Те собирались меня остановить, но я махнул на казака, который был от меня примерно в двух сотнях шагов. Уланы подумали, что я просто хочу с ним встретиться, и разрешили мне проехать, отдав честь.

Я пришпорил кобылку, подумав, что главное – отъехать подальше от уланов, а уж справиться с казакom не составит никакого труда. Это был офицер, крупный, бородатый, в такой же, как у меня, шапке с золотым шевроном. Я трусил навстречу, и человек невольно помог мне – остановил коня, так что я порядочно удалился от постовых. Я подъехал еще ближе. Казак оглядел меня, мою лошаденку и одежду, и в его карих глазах любопытство сменилось подозрением. Уж не знаю, что именно ему не понравилось, но он точно что-то заметил. Офицер окликнул меня, а когда я промолчал, выхватил саблю. Я рад был такому повороту событий, поскольку люблю сражаться честно, а не рубить ничего не подозревающего врага. Я налетел на него, отбил удар и вонзил клинок прямо под четвертую пуговицу мундира. Я и саблю вытащить не успел, а казак уже начал падать и едва не свалил меня с лошади. Жив он или мертв, смотреть было некогда. Я поскорее пересел на Фиалку, тряхнул поводьями и послал двум уланам воздушный поцелуй. Те галопом понеслись вдогонку, рыча проклятия, но моя лошадь хорошо отдохнула и была такая свеженькая, будто мы с ней никуда и не ездили. Я свернул на запад, потом на юг, по дороге, что вела прочь с неприятельской территории. Мы скакали, и с каждым взмахом копыт все дальше становились враги, все ближе – друзья. Наконец я обернулся, увидел, что погоня отстала, и понял, что спасен.

Я так и лучился счастьем при мысли, что исполнил волю императора. Что скажет он, когда мы встретимся? Ведь никаких слов не хватит, чтобы поблагодарить меня за то невероятное мужество, с которым я преодолел все преграды. Он приказал мне ехать через Сермуаз, Суассон и Санлис, не подозревая, что все они в руках неприятеля. А я это сделал. Послание

побывало в трех городах и осталось в целости и сохранности. Гусары, драгуны, уланы, казаки, пехота – всем я бросил перчатку и вышел победителем.

В Даммартене появились наши аванпосты. Я заметил в поле драгун и по конским хвостам на касках понял, что это французы. Я хотел спросить, безопасна ли дорога до Парижа, и галопом понесся к ним. Встреча с друзьями так меня обрадовала, что я не удержался, выхватил саблю и потряс ей.

От группы отделился молодой офицер и поскакал мне навстречу. Он тоже размахивал клинком, и мысль о том, что он так рвется меня поприветствовать, согрела мне сердце. Мы с Фиалкой крутнулись на месте, сделав караколь, офицер подскакал поближе, и я торжественно поднял саблю. Представьте же себе мое удивление, когда он вдруг рубанул меня с такой силой, что непременно снес бы голову, не уткнувшись я носом в гриву лошади. Честное слово, клинок просвистел над моим кивером, словно восточный ветер. Ну конечно! От радости я совсем позабыл о треклятой казачьей форме, и молодой драгун принял меня за русского героя, который решил бросить вызов нашей кавалерии. Как же офицер перепугался, узнав, что едва не убил знаменитого бригадира Жерара!

Что ж, путь мне был открыт, и в три часа пополудни я был в Сен-Дени, правда, оттуда в Париж попал только двумя часами позже – дорогу заполонили фургоны интендантства и пушки артиллерийского резерва, что направлялись на север к Мармону и Мортье. Мой костюм наделал в столице немало переполоха, и когда я выехал на улицу Риволи, за мной на полкилометра тянулась огромная толпа зевак, пеших и конных. Двое драгунов, сопровождавших меня, рассказали, в чем дело, и о моих приключениях узнал весь город. Это был триумф. Мужчины кричали, женщины махали из окон платочками, посылая мне воздушные поцелуи.

Я – человек невероятной скромности, но, признаюсь, в тот раз не мог скрыть, как польщен таким приемом. Я выпячивал грудь, пока русская шинель, которая была мне великовата, не натянулась, точно шкурка на сосиске. А моя ненаглядная Фиалочка взмахивала гривой и хвостом, била передними копытцами, словно говоря: «Какие мы с тобой молодцы. Вот кому следует доверять важные поручения!» У ворот Тюильри я спешил и поцеловал ее в нос, а кругом поднялся такой шум, словно тут зачитывали бюллетень Великой армии.

Для визита к венценосной особе я был одет самым неподходящим образом, однако для солдата с безупречной выправкой это не помеха. Меня проводили прямо к Жозефу, которого я не раз встречал в Испании. Тот

нисколько не изменился и был все такой же крепкий, молчаливый и дружелюбный. Присутствовал здесь и Талейран. Правильнее сказать – герцог Беневентский, но мне больше по нраву старые имена. Жозеф Бонапарт отдал ему письмо, тот прочел его, взглянул на меня, и его забавные маленькие глазки странно заблестели.

– Вы – единственный посланник?

– Нет, месье де Талейран. Был еще один. Конный гренадер Шарпантье.

– Он еще не приехал, – сказал король Испании.

– Увидев ноги его лошади, государь, вы бы тому не удивлялись, – заметил я.

– Возможно, есть и другие причины, – вставил герцог, и по губам его скользнула та самая, особенная улыбка.

Они поблагодарили меня, но как-то сдержанно. Я поклонился, вышел и вздохнул с облегчением, поскольку ненавижу двор так же, как люблю бивацкую жизнь. Я отправился к своему старому другу Шоберу на улицу Миромений и там раздобыл гусарскую форму, которая пришлась мне впору. Мы с малышкой Лизет поужинали у Шобера, и тяжкие испытания вылетели у меня из головы. К утру Фиалка хорошо отдохнула, и я решил немедленно скакать в штаб императора. Вы ведь понимаете, как мне хотелось услышать его похвалу и получить награду.

Стоит ли говорить, что назад я отправился безопасной дорогой, не желая больше видеть никаких улан и казаков. Я поехал через Мо и Шато-Тьерри и к вечеру был в Реймсе. Тела наших товарищей и русских солдат генерала Сен-При уже похоронили, в лагере я тоже заметил перемены. Простые вояки выглядели опрятнее, в некоторые кавалерийские части поступили новые лошади, а кругом царил безупречный порядок. Вот что может сделать хороший полководец за день-другой.

В штабе меня отвели прямиком к императору. Тот пил кофе, на письменном столе перед ним лежал план военных действий. Позади, вытягивая шеи, стояли Бертье и Макдональд. Наполеон что-то им объяснял, да так быстро, что я не понимал, как у них получается разобрать хотя бы половину. Увидев меня, император бросил перо, вскочил, и его бледное лицо исказила такая гримаса, что кровь застыла у меня в жилах.

– Какого черта вы здесь делаете? – крикнул он. В ярости голос у него становился как у павлина.

– Позвольте доложить, государь. Я успешно доставил ваше послание королю Испанскому.

– Что? – взвизгнул император, и его взгляд пронзил меня, точно штык.

О эти жуткие серые глаза, менявшие цвет на голубой, как сталь на

солнце! До сих пор я вижу их в кошмарах.

– Где Шарпантье? – спросил Наполеон.

– Его схватили, – ответил Макдональд.

– Кто?

– Русские.

– Казаки?

– Нет. Один казак.

– Майор сдался?

– Без сопротивления.

– Вот умный человек. Обязательно наградите его медалью.

Услышав это, я подумал, что сплю, и протер глаза.

– А вы, – крикнул император и стремительно шагнул ко мне, будто хотел ударить, – куриная ваша башка, что вы о себе возомнили? Неужели вы думали, что я доверю вам важное послание, да еще отправлю с ним прямиком в лапы неприятелю? Уж не знаю, как вы сумели проехать через те места, но будь у Шарпантье такая же дубовая голова, все мои замыслы рухнули бы. Разве не понимаете, осел вы этакий, что в письме содержались ложные сведения и что я хотел обмануть врага, а сам тем временем осуществить совсем другой план?

Я услышал эти жестокие слова, увидел побелевшее от гнева лицо. Перед глазами у меня все поплыло, колени подогнулись, и я вынужден был схватиться за спинку стула. Только мысль о том, что я – доблестный воин, который всю жизнь верно служил государю и Франции, придала мне сил.

– Ваше величество, – сказал я и расплакался, – таким, как я, лучше сразу говорить правду. Если бы я знал, что депеша предназначена врагу, то непременно позаботился бы о том, чтобы она к нему попала. Но я-то думал, что мой долг ее сберечь, и готов был жизнь отдать за это. Никому на свете еще не выпадало больше опасностей, чем мне, пока я старался исполнить вашу волю.

Я утер слезы и с жаром принялся рассказывать, как прорвался через Суассон, как бился с драгунами, приехал в Санлис, повстречал в погребке графа Буткина, переоделся, встретил казака, ушел от погони, а в самый последний момент едва не погиб от руки французского драгуна. Император, Бертье и Макдональд слушали, открыв рты. Когда я закончил, Наполеон подошел и ущипнул меня за ухо.

– Ладно, ладно! – сказал он. – Забудьте все, что я наговорил. Вижу, мне стоило вам довериться. А теперь ступайте.

Я взялся за ручку двери, но тут император меня остановил.

– Обязательно проследите, – обратился он к герцогу Тарентскому, –

чтобы бригадир Жерар получил медаль за особые заслуги. Хотя он и не слишком сообразителен, у этого солдата самое отважное сердце во всей моей армии.

Глава VIII

Как бригадира искушал дьявол

Пришла весна, друзья мои. Снова на каштанах проклюнулись нежные зеленые листочки, а из кафе вынесли столики на улицу. Там, конечно, сидеть приятнее, однако я не хочу, чтобы эти маленькие рассказы слушал весь город. Вы уже знаете о том, какие подвиги совершил я лейтенантом, командиром эскадрона, полковником и бригадиром, но теперь берите выше – я превращаюсь в нечто гораздо более важное. В историю.

Если вы читали о последних годах императора, которые он провел на острове Святой Елены, вы должны помнить, что он настойчиво просил разрешения отправить одно-единственное письмо, но с условием, чтобы его не вскрывали. Много раз он повторял эту просьбу и под конец даже пообещал сам обеспечивать свое содержание, дабы не обременять британскую казну. Однако тюремщики знали, как опасен этот бледный, грузный человек в соломенной шляпе, и всегда ему отказывали. Многие задавались вопросом, кому же предназначал он столь секретное послание. Одни предполагают – жене, другие – тестю, кто-то говорит – императору Александру или маршалу Сульту. А что вы скажете, друзья, если я признаюсь, что Наполеон хотел написать мне, Этьену Жерару? Да, живу я скромно, и лишь сто франков половинного жалованья спасают меня от голода, но это истинная правда – император помнил меня и отдал бы левую руку, только бы побеседовать со мной пять минут. Сейчас расскажу, как так получилось.

После битвы при Фер-Шампенуаз, где новобранцы в блузах и сабо проявили чудеса стойкости, самые прозорливые из нас начали понимать, что с Великой армией покончено. Боеприпасы наши захватил неприятель, зарядные ящики опустели, и пушки умолкли. На кавалеристов тоже нельзя было взглянуть без слез. Моя собственная бригада пала во время взятия Краонских высот. Затем пришла весть, что враги в Париже, что в городе все нацепили белые кокарды, и, наконец, самая ужасная новость – корпус Мармона перешел на сторону роялистов. Мы переглядывались и спрашивали друг друга, сколько еще генералов переметнется к ним. Журдан, Мармон, Мюрат, Бернадот, Жомини уже нас покинули, хотя насчет последнего никто не сокрушался, поскольку его перо всегда было острее сабли. Мы готовились воевать со всей Европой, а вышло так, что к ней прибавилась и половина Франции.

После долгого форсированного марша мы достигли Фонтенбло. Там объединились жалкие остатки нашего воинства – корпуса Нея, моего кузена Жерара и Макдональда, всего двадцать пять тысяч, да еще семь тысяч гвардейцев. Однако с нами осталась наша слава, которая стоила и пятидесяти, с нами был император, а он был дороже ста. Наполеон ехал с войском, спокойный и уверенный, улыбался и нюхал табак, поигрывая своим маленьким хлыстом. Даже в дни величайших побед я не восхищался императором так, как во время Французской кампании.

Однажды вечером я со своими офицерами попивал сюренское. Упоминаю это вино, только чтобы вы поняли – времена для нас были тяжелые. И тут меня вызывает к себе Бертье. Вспоминая о старых товарищах по оружию, я, с вашего позволения, не стану называть высокие иностранные титулы, которые получили они за время наших походов. Все это хорошо при дворе, но от солдат вы их не услышите. Мы никак не могли расстаться с «нашим Неем», «нашим Раппом» или «нашим Сультом», ведь имена эти были для нас точно звуки горнов, играющих утреннюю зорю. Так вот, Бертье передал, что хочет видеть меня.

Комнаты его находились в конце галереи Франциска Первого, недалеко от императорских покоев. В прихожей ждали двое хороших моих знакомцев: полковник Деспен из Пятьдесят седьмого полка линейной пехоты и капитан вольтижеров Тремо. Оба они были старыми вояками – Тремо гренадером прошел Египет, – а кроме того, славились отвагой и превосходно владели оружием. У Тремо малость немело запястье, а вот чтобы справиться с Деспеном, приходилось изрядно попотеть. Он был невысок, сантиметров на семь ниже лучшего для мужчины роста – этих-то семи сантиметров и не доставало ему, чтобы сравняться со мной. Однако и на саблях, и на коротких шпагах он несколько раз чуть не одолел меня, когда мы устраивали поединки в Оружейном зале Пале-Рояль. Конечно же, мы сразу почуяли, что дело особенное, ведь не просто так вызвали сюда таких удалцов. Нет дыма без огня.

– Черти драные! – ругнулся Тремо, любивший крепкое словцо. – Нам что, прикажут сразиться с лучшими фехтовальщиками Бурбонов?

Мы сочли, что это вполне вероятно. Само собой, из всего войска именно нас троих и выбрали бы для этого.

– Князь Невшательский желает видеть бригадира Жерара. – На пороге появился лакей.

Оставив товарищей мучиться от любопытства, я вошел в маленькую, но роскошно обставленную комнату. Напротив сидел Бертье с пером в руке, на столике перед ним лежал открытый блокнот. Передо мной был усталый,

неопрятный человек, совсем не тот Бертье, который считался в армии законодателем мод и повергал нас, бедных офицеров, в отчаяние, нося в одну кампанию ментик с опушкой из обычного меха, а в другую – из серебристого каракуля. Его красивое, чисто выбритое лицо омрачала какая-то дума, и когда я вошел, князь бросил на меня скользкий и неприятный взгляд.

– Бригадир Жерар!

– Я к вашим услугам, ваше высочество.

– Прежде чем изложить суть дела, я должен попросить вас кое о чем. Поклянитесь честью, что сказанное здесь останется в строжайшей тайне.

Хорошенькое начало! Мне ничего не оставалось, кроме как дать обещание.

Он опустил глаза и произнес так медленно, точно слова давались ему с трудом:

– С императором покончено. Журдан в Руане и Мармон в Париже надели белые кокарды. Ходят слухи, что Талейран подбивает Нея сделать то же самое. Дальнейшее сопротивление бесполезно и губительно для нашей страны. А потому я хочу спросить, согласны ли вы присоединиться ко мне, схватить императора и закончить войну, передав его в руки союзников?

Поверьте, услышав такое из уст человека, который был старым другом императора и получил от него больше милостей, чем кто бы то ни было, я остолбенел, изумленно вытаращив глаза. Бертье постучал деревянным кончиком пера по зубам и взглянул на меня искоса.

– Что скажете?

– Я малость глуховат, – холодно ответил я. – Иногда ничего не слышу. Разрешите мне вернуться к своим обязанностям.

– Да бросьте вы упрямиться. – Он встал и положил руку мне на плечо. – Вы же знаете, что Сенат выступил против Наполеона, а император Александр отказывается вести с ним переговоры.

– Месье! – с жаром воскликнул я. – До Сената и Александра мне дела не больше, чем до осадка на дне бокала.

– До чего же вам есть дело?

– До чести и верности моему великому государю, императору Наполеону.

– Великолепно, – проворчал Бертье, пожав плечами. – Однако правда есть правда, и мы должны смотреть ей в лицо. Разве мы хотим пойти против целого народа? Разве нам, в довершение всех бед, необходима еще и гражданская война? А кроме того, ряды наши тают. Каждый час приходят

вести о новых дезертирах. У нас еще есть время сдаться, а если мы доставим в столицу императора, то заслужим высочайшие почести.

Я так дрожал, что сабля хлопала меня по бедру.

– Месье! Не думал я, что увижу день, когда маршал Франции опустится до такого предложения. Оставляю вас наедине с вашей совестью. Что до меня, то пока я не получу личный приказ его величества, между ним и его врагами всегда будет сабля Этьена Жерара.

Собственная речь и благородство до того меня тронули, что голос мой сорвался, и я чуть не заплакал.

Я хотел, чтобы вся армия увидела, как я стою с гордо поднятой головой и, прижав руку к сердцу, клянусь в преданности своему государю в этот трудный для него час. Это была одна из лучших минут моей жизни.

– Очень хорошо, – сказал Бертье и позвонил в колокольчик, вызывая лакея. – Проводите бригадира в приемную.

В комнате слуга настойчиво попросил меня сесть. Я никак не мог понять, зачем это нужно. Моим единственным желанием было убраться отсюда. Если ты за всю зиму ни разу не поменял мундира, во дворце чувствуешь себя не слишком уютно.

Прошло минут пятнадцать, лакей открыл дверь, и в приемную вышел полковник Депьен. Боже милостивый, какой у него был вид! Лицо белое, точно лосины гвардейца, глаза выпучены, на лбу вздулись вены, а усы топорщатся, как у разъяренного кота. Он был так зол, что слов не находил, только потрясал кулаками и рычал что-то невнятное.

– Предатель! Гадюка! – Вот и все, что я мог расслышать, пока он мерил шагами комнату.

Очевидно, ему сделали такое же гнусное предложение, что и мне, и он с таким же негодованием его отверг. Оба мы поклялись хранить тайну, а потому ничего не обсуждали, однако я все же пробормотал: «Какая низость! Какая подлость!» – давая полковнику знать, что я его поддерживаю.

Я сидел в углу, он ходил взад-вперед, как вдруг за дверью раздался ужасный шум. Кто-то зарычал, словно озверевший пес, который вцепился в жертву, послышался грохот и крик о помощи. Мы бросились в комнату и подоспели как раз вовремя.

Тремо и Бертье боролись на полу, на них лежал кверху ножками стол. Желтоватой жилистой ручищей капитан стиснул глотку маршала. Кожа у последнего уже приобрела свинцовый оттенок, а глаза вылезли из орбит. Тремо совсем обезумел, в уголках его рта выступила пена, а на лице было написано такое остервенение, что я уверен, не оторви мы его железных

пальцев от горла Бертье, тому пришел бы конец. У капитана даже ногти побелели, так он вцепился в князя.

– Дьявол-искуситель! – прорычал Тремо, поднимаясь на ноги. – Дьявол!

Бертье привалился к стене и минуту-другую переводил дух, потирая шею и вращая головой. Затем он резко повернулся к голубой портье, что висела за его креслом.

Край шторы взметнулся, и в комнату шагнул император. Мы трое вытянулись во фронт, но происходящее казалось настолько невероятным, что глаза у нас выпучились не хуже, чем у Бертье, когда того душили. Наполеон был одет в зеленый егерский мундир, а в руке держал отделанный серебром хлыстик. Император оглядел нас, и на его бесстрастном лице появилась та самая пугающая улыбка, которая трогала одни губы, никогда не отражаясь в глазах. От нее по коже у меня побежали мурашки. Думаю, мои товарищи почувствовали то же самое, ведь многие признавались, что взгляд Наполеона именно так на них и действует. Тот подошел к Бертье и положил руку ему на плечо.

– Не сердитесь, дорогой князь. Вот вам шанс проявить благородство.

Он умел говорить вот так – негромко и ласково. Еще ни в чьих устах французский язык не звучал так сладко, и никто другой не мог сделать его столь безжалостным и страшным.

– Я думал, он меня убьет! – воскликнул Бертье, по-прежнему разминая шею.

– Бросьте! Если бы не вбежали эти двое, я сам пришел бы к вам на помощь. Надеюсь, вам не очень больно?

Он беспокоился искренне, поскольку и в самом деле очень любил Бертье – больше, чем кого бы то ни было, если не считать бедняги Дюрока.

Бертье рассмеялся, хоть и не от души.

– Не привык я получать ранения от французов, – сказал он.

– Но сделали это во имя Франции, – парировал император, повернулся к нам и взял Тремо за ухо. – Ах, старый ворчун. Не ты ли прошел гренадером Египет, не ты ли получил именной мушкет после Маренго? Я тебя помню, добрый мой друг. Есть еще порох в наших пороховницах! Ты не можешь стерпеть, если кто-то замышляет недоброе против твоего императора. А вы, полковник Депьен, даже слушать не захотели искусителя. А вы, Жерар. Ваша сабля всегда будет между мной и моими врагами! Да, меня окружили предатели, а теперь наконец я вижу, кто мне предан.

Можете себе вообразить, какая радость переполнила наши сердца,

когда величайший человек в мире сказал нам такое. Тремо дрожал так, что я подумал, он рухнет без чувств, слезы капали с его огромных усов. Вы не поверите, какое действие производил император на этих суровых ветеранов.

– Что ж, мои друзья, – сказал он, – если вы пройдете за мной в другую комнату, я объясню, ради чего мы разыграли этот маленький фарс. Пожалуйста, Бертье, останьтесь и проследите, чтобы нам никто не помешал.

Такие дела, когда маршал Франции стоит у дверей на часах, нам были в новинку, однако мы последовали за государем. Он привел нас в нишу окна и понизил голос.

– Я выбрал из всей армии вас троих, поскольку вы не только лучшие, но и самые верные мои солдаты. Я был уверен в вашей преданности. Да, я решил ее испытать, я слушал, как по моему приказу вас подбивают на предательство, но поступил так лишь по одной причине. Моя родня, и та плетет против меня интриги, а потому в эти дни мне следует быть вдвойне осторожным. Теперь я вижу, что могу рассчитывать на вашу доблесть.

– Я умру за вас, государь! – воскликнул Тремо, и мы повторили его слова.

Наполеон подозвал нас еще ближе и заговорил совсем тихо:

– Того, что я вам сейчас скажу, не знает никто, даже моя жена и братья. Мы проиграли, друзья. Это последний наш сбор. Игра окончена, и мы должны действовать подобающим образом.

Сердце мое стало тяжелым, как пушечное ядро. Мы надеялись до последнего, но теперь, когда этот невозмутимый человек, тот, у кого всегда в запасе был козырь, – когда он своим тихим, бесстрастным голосом сказал, что все кончено, мы поняли: тучи сомкнулись навсегда и последний лучик погас. Тремо зарычал и схватился за саблю, Деспьен скрипнул зубами, а я выпятил грудь и щелкнул шпорами, показывая императору, что и в этот грозный час не падаю духом.

– Я должен сберечь свои документы и состояние, – прошептал император. – От того, сумею ли я их сохранить, зависит будущее. Так мы обеспечим себя средствами для следующей попытки, ведь я уверен, этим жалким Бурбонам даже не трон, а моя скамеечка для ног, и то великовата. Где же мне спрятать эти сокровища? Все мои вещи перероют, в домах моих сторонников пройдут обыски. То, что ценишь превыше собственной жизни, можно вручить лишь самым надежным людям. Во всей Франции я не нашел тех, кто достоин этого священного доверия больше, чем вы.

Для начала расскажу о документах, чтобы вы не упрекали меня в том,

что я сделал вас слепыми орудиями в своих руках. Это официальное подтверждение моего развода с Жозефиной, а также свидетельства о браке с Марией-Луизой и рождении моего сына и наследника, короля Римского. Без них моя семья не сможет претендовать на трон. Кроме того, у меня есть ценные бумаги на сумму в сорок миллионов франков – деньги огромные, друзья, однако по сравнению с документами они не стоят и вот этого хлыстика. Все это я говорю, чтобы вы поняли, какую важную задачу я вам поручаю. А теперь слушайте внимательно. Я объясню, где вы получите бумаги и что с ними делать.

Сегодня утром в Париже их передали моему верному другу, графине Валевской. В пять часов она выедет из Фонтенбло в голубом берлине, а здесь будет к десяти. Бумаги спрятаны в экипаже, в тайнике, о котором никто, кроме нее, не знает. Графиню предупредили, что за городом ее встретят три всадника, и она отдаст вам бумаги. Вы моложе всех, Жерар, но старше по званию. Вот мой перстень с аметистом. Это мой знак, вручите его даме в обмен на бумаги.

С пакетом вы поедете в лес, к разрушенной голубятне Коломбьер. Там буду ждать вас я, но если обстоятельства не позволят, вместо меня приедет мой телохранитель, Мустафа. Верьте его слову, как моему собственному. В Коломбьер нет крыши, сегодня полнолуние. Справа от входа у стены стоят три лопаты. В северо-восточном углу – это слева от двери, в стороне Фонтенбло – выройте яму в метр глубиной, положите в нее бумаги, тщательно разровняйте почву и возвращайтесь ко мне, во дворец.

Вот каковы были указания императора. Никто, кроме него, не умел объяснить все с такой точностью и вниманием к подробностям. Мы дали слово хранить тайну, пока он жив и пока бумаги остаются в земле. Снова и снова он требовал повторить клятву и наконец отпустил нас.

Полковник Дёпён жил в гостинице «У фазана», там-то мы и поужинали. Нам троим не привыкать было к неожиданным поворотам судьбы, и все-таки эта необыкновенная встреча очень взволновала и тронула нас. Каждый предвкушал большое приключение. Сам я не в первый раз стал доверенным лицом императора, однако ни случай с убийцами из Аяччо, ни мое знаменитое путешествие из Реймса в Париж не сулили таких перспектив, как это деликатное поручение.

– Если император победит, – сказал Дёпён, – мы станем маршалами.

И мы выпили за наши будущие двууголки и жезлы.

Мы условились выехать из Фонтенбло порознь и встретиться у первого придорожного столба. Если бы столь знаменитых людей, как мы, увидели вместе, по городу пошли бы слухи. В то утро моя Фиалочка

потеряла подкову. Когда я вернулся, кузнец еще не закончил работу, а потому я прибыл на место позже своих товарищей. С собой я взял не только саблю, но и пару новеньких английских пистолетов с нарезным стволом и молоточком для забивания в дуло заряда. Я купил их у Трувеля на улице Риволи за полторы сотни франков. Что ж, зато стреляли они намного дальше и точнее. С одним из этих пистолетов я и спас Бюве под Лейпцигом.

Ночь была ясная, в спину ярко светила луна, и впереди нас по белой дороге все время скакали три черных всадника. Однако же в тех местах полно лесов и рощиц, и мы плохо видели, что происходит впереди. Большие часы дворца уже пробили десять, а графиня все не появлялась. Мы начали опасаться, уж не помешало ли ей что-нибудь.

И тут вдалеке послышался шум. Шорох колес и перестук копыт становились все громче, все отчетливее, наконец из-за поворота вылетели желтые фонари, и в их свете мы увидали голубую карету, запряженную парой гнедых. Форейтор натянул поводья, и взмыленные лошади встали в нескольких шагах от нас. В мгновение ока мы очутились возле экипажа, в окне показалась прекрасная головка, и мы отдали графине честь.

– Перед вами посланники императора, мадам, – тихо сказал я, наклонившись поближе. – Мы ждем вас, как и было условлено.

У графини было восхитительное, белое как сливки личико, но тут оно стало еще белее, черты его заострились, будто бы прямо у меня на глазах она постарела.

– Я прекрасно вижу, – сказала она, – что вы самозванцы.

Если бы она ударила меня по лицу своей прелестной ручкой, я и то не вздрогнул бы так. Поразили меня не столько слова женщины, сколько ее горький презрительный тон.

– Графиня, вы очень к нам несправедливы. Это полковник Дёпье и капитан Тремо, а меня зовут Этьен Жерар. Любой, кто слышал это имя...

– Подлые злодеи! – перебила она. – Думаете, если я женщина, меня легко обвести вокруг пальца? Жалкие лгуны!

Дёпье от злости побелел как полотно. Тремо пощипывал ус.

– Мадам, – холодно сказал я, – когда император оказал нам честь, доверив такое поручение, он дал мне вот этот аметистовый перстень. Я не думал, что трем благородным людям потребуется доказывать чистоту своих намерений, но раз уж вы нас подозреваете, мне остается только вручить кольцо вам.

Рассмотрев перстень в свете фонаря, она пришла в ужас.

– Это его вещица! – воскликнула графиня. – Боже, что я наделала! Что

я наделала!

Очевидно, произошло что-то страшное.

– Скорее, мадам! Скорее! – крикнул я. – Отдайте нам бумаги!

– Я уже отдала их.

– Кому?

– Трем офицерам.

– Когда?

– Полчаса назад.

– Где они?

– Боже милостивый, не знаю. Они остановили карету, и я без колебаний вручила им пакет, подумав, что это люди императора.

Мы застыли, как громом пораженные. Однако в такие минуты я всегда бываю на высоте.

– Оставайтесь тут, – сказал я товарищам. – Если на дороге покажутся трое всадников, задержите их любой ценой. Дама опишет, как они выглядят. А я мигом.

Я тряхнул поводьями и вихрем понесся в Фонтенбло. У дворца спешился, взлетел по лестнице, смел с пути лакеев, которые попытались меня остановить, и ворвался в кабинет императора. Тот с карандашом и циркулем склонился над картой, рядом стоял Макдональд. Наполеон раздраженно вскинул голову, но едва увидел меня, как изменился в лице.

– Оставьте нас, маршал, – сказал он и, как только дверь закрылась, спросил: – Что с бумагами?

– Они пропали! – Я вкратце объяснил, что произошло.

Император слушал с невозмутимым лицом, но я заметил, как дрожит циркуль в его руке.

– Верните их, Жерар! – вскричал Наполеон. – От них зависит судьба моей династии. Не теряйте ни секунды! В седло, месье, в седло!

– Кто эти люди, ваше величество?

– Не знаю. Меня окружают предатели. Но бумаги повезут в Париж. Кому еще они понадобились, как не этому злодею, Талейрану? Да, да, негодяи скачут в столицу, их еще можно остановить. Возьмите на конюшню трех лучших моих лошадей и...

Но я уже выскочил из комнаты и бросился вниз по лестнице. Не прошло и пяти минут, а я галопом неслись прочь из города верхом на своей кобылке, сжимая в каждой руке поводья арабского скакуна. Император сказал мне взять трех, но если бы его послушал, разве посмел бы потом взглянуть в глаза Фиалочке? Думаю, великолепное было зрелище, когда я в лунном свете подлетел к своим товарищам.

– Никто не проезжал?

– Нет.

– Мерзавцы на парижской дороге. Скорее за ними!

Добрые солдаты не стали медлить. Мигом вскочили они на императорских скакунов, а своих оставили у дороги. И вот мы пустились в погоню, я – в середине, Деспен – слева, а Тремо чуть позади, поскольку был потяжелее нас. Боже, как мы неслись! Двенадцать копыт гремели и грохотали по твердому, гладкому тракту. Впереди летели наши тени, сзади клубилась пыль, в глазах мелькали тополя и луна, серебряные пятна и черные полосы. Километр за километром скакали мы по дороге, исчерченной светом, точно шахматная доска. Мы слышали, как шаркают в домах засовы и скрипят ставни, но жители, выглянув на улицу, только и успевали заметить, как вдаль тают наши черные силуэты. Когда мы въехали в Корбей, часы пробили полночь, однако в золотом веере света, что падал из открытой двери гостиницы, чернела тень конюха. В руках у него было по ведру.

– Три всадника! – выдохнул я. – Ты их видел?

– Я только что напоил их коней. – Наверное, они...

– Вперед!

И мы поскакали дальше, выбивая искры из мостовой. Нас окликнул жандарм, но голос его утонул в громе копыт. Дома остались позади, и мы опять выехали за город. До Парижа оставалось километров тридцать. Куда было деваться этим негодьям, если за ними гнались мы на лучших во Франции скакунах? Ни один из нас не сомневался в победе, но я на своей Фиалке все время скакал на шаг впереди. Она совсем не устала. Я чувствовал, дай моей кобылке волю – она махнет хвостом перед носом коней императора, и только ее и видели.

– Вот они! – крикнул Деспен.

– Попались! – порычал Тремо.

– Вперед! Вперед! – снова крикнул я.

Перед нами в лунном свете белела дорога, вдалеке по ней во весь опор уносились от нас три всадника. Мы нагоняли их с каждой секундой. Я разглядел, что по бокам на гнедых скачут двое в плащах, а между ними, на серой лошади – человек в егерском мундире. Все трое держались бок о бок, но по тому, как средний сжимал колени, я понял, что сил у его коня побольше, чем у других. Этот человек явно был главным. Он постоянно оборачивался, оценивая расстояние между нами, и в лунном свете мелькало его лицо. Сначала я видел только белое пятно, затем на нем проступила полоска усов, и наконец, когда в глотки нам уже начала забиваться пыль, я

узнал, кто это.

– Полковник де Монлюк! – крикнул я. – Именем императора, остановитесь!

Я давно знал этого офицера. Сорвиголова и беспринципный негодяй. Правду сказать, у меня были с ним счеты, ведь на дуэли в Варшаве он убил моего друга, Тревилля, выстрелив, как говорили, за добрую секунду до того, как упал платок.

Не успел я глазом моргнуть, как его сообщники развернули коней. Грянули выстрелы. Дёпъен страшно закричал, и в ту же секунду мы с Тремо вдвоем ринулись на одного подлеца. Он ткнулся носом в шею своей лошади, и руки его повисли как плети. Другой выхватил саблю, бросился на Тремо, и я услышал звон стали. Сам я даже головы не повернул, в первый раз тронул шпорой Фиалку и погнался за вожаком. Он поскакал прочь, бросив своих товарищей, и это подсказало мне, что его никак нельзя упускать.

Монлюк выиграл сотню-другую шагов, но моя славная кобылка быстро его догнала. Напрасно вонзал он шпоры в бока своего коня и нахлестывал его, точно ездовой артиллерии, чья пушка еле ползет по мягкой дороге. Он так усердствовал, что шляпа его слетела, и в лунном свете передо мной заблестела лысина. Однако что бы подлец ни делал, дробь копыт все громче стучала у него за спиной. Между нами осталось всего-то двадцать шагов, тень головы коснулась тени колена, как вдруг он с проклятием развернулся и один за другим разрядил пистолеты в Фиалку.

Сам я получил столько ранений, что сразу и не вспомнишь. Во мне понаделали дыр и пули, и осколки снарядов, меня пронзали штыком, копьем, саблей и, наконец, шилом – а тот удар был совсем не шуточный. И все-таки я ни разу еще не испытывал такой муки, как в ту секунду, когда бедное, тихое и терпеливое существо, которое я любил больше всех на свете, не считая матушки и государя, споткнулось подо мной. Я выхватил второй пистолет и почти в упор выстрелил в широкую спину Монлюка. Он стегнул коня. Мимо, подумал я, но тут на зеленом сукне его мундира стало расплываться темное пятно. Мерзавец зашатался в седле, сначала немножко, но с каждым скачком – все сильнее, и наконец упал. Его сапог застрял в стремени, и плечи глухо стучали по дороге, пока усталый конь не замедлил бег. Я схватился за поводья, покрытые хлопьями пены, ремень на стремени ослаб, и нога Монлюка упала на дорогу, громко звякнув шпорой.

– Бумаги! – крикнул я, спешиваясь. – Немедленно!

Тело в зеленом мундире лежало, залитое светом луны, причудливо раскинув руки и ноги, и мне хватило одного взгляда, чтобы понять – с

негодяем покончено. Пуля моя прошила его сердце навылет, и только благодаря железной воле Монлюк продержался в седле так долго. Он любил жизнь, полную испытаний и борьбы, и, надо отдать ему должное, не сдавался до последней секунды.

Однако бумаги, бумаги – вот что занимало все мои мысли. Я расстегнул его мундир, ощупал рубаху, заглянул в кобуры и ташку, стащил с подлеца сапоги и расстегнул подпругу, чтобы поискать под седлом. Я проверил каждый кармашек и щелочку, но тщетно. Пакет как в воду канул.

Каким сокрушительным ударом стало для меня это открытие. Впору было сесть на обочину и плакать. Будто сама судьба ополчилась на меня, а это противник, перед которым и бравому гусару не стыдно склонить голову. Я стоял, обняв шею бедной раненой Фиалки, и думал, как мудрее поступить. Император был невысокого мнения о моем уме, и я страстно желал доказать, что он ошибается. Бумаг у Монлюка не оказалось. И все-таки он пожертвовал сообщниками, чтобы сбежать. Почему он так сделал? С другой стороны, раз бумаг при нем я не нашел, значит, они остались у кого-то из его товарищей. Один из них мертв, с другим бился Тремо, и если этот негодяй каким-то чудом ускользнул от старого рубаки, он обязательно проедет мимо меня. Не все еще потеряно.

Я зарядил пистолеты, вложил их в кобуру и начал осматривать свою кобылку. Бедняжка вскидывала голову и поводила ушами, будто хотела сказать, что такому старому солдату, как она, нипочем жалкие царапины. Первая пуля оставила ссадину возле ее плеча, будто Фиалка задела стену. А вот вторая рана была посерьезнее. Пуля вошла в мышцы шеи, но кровь течь уже перестала. Я решил, что пересяду на скакуна Монлюка, если моя лошадка устанет, а пока вел его в поводу. Это был хороший конь, стоил он никак не меньше пятисот франков, и кто, как не я, имел право его забрать.

Мне хотелось поскорее увидеть товарищей, и я дал Фиалочке волю, как вдруг в поле у дороги что-то блеснуло. Это была медная кокарда на егерской шляпе, той самой, что слетела с головы Монлюка. Я взглянул на нее, и тут в голову мне пришла такая мысль, что я в седле подскочил. Как же шляпа могла улететь? Разве не должна она была просто упасть на дорогу? Ведь она от обочины в пятнадцати шагах! Конечно же, когда этот негодяй заметил, что я его догоняю, он ее отшвырнул. А если так... Сердце мое забилося быстрее. Я не стал больше раздумывать и спешился. Да, я не ошибся. В шляпе лежал пергаментный сверток, перевязанный желтой лентой. Я вытащил его и сплясал в лунном свете от радости. Теперь-то император поймет, что не ошибся, доверив свои бумаги Этьену Жерару.

В моем доломане, прямо у сердца, был внутренний карман, туда я и

спрятал драгоценный сверток. Я вскочил на Фиалку и отправился искать Тремо, как вдруг увидел, что вдалеке по полю скачет всадник. В тот же миг на дороге послышался стук копыт, и я увидел императора на белом коне. Наполеон был в серой шинели и двууголке, точно такой, каким я привык видеть его во время сражений.

– Ну! – крикнул он своим резким повелительным голосом. – Где они?

Я прищипорил Фиалку и без лишних слов передал ему сверток. Наполеон потянул за ленту и быстро проверил, все ли на месте. Мы повернули в обратный путь, и тут император положил руку мне на плечо. Да, друзья мои, меня, простого солдата, что сидит перед вами, обнимал великий государь.

– Жерар! – воскликнул он. – Вы чудо!

Я не стал ему противоречить. Щеки у меня загорелись от радости, что он наконец признал мои заслуги.

– А где же вор? – спросил Наполеон.

– С ним покончено, ваше величество.

– Вы убили его?

– Он ранил мою кобылу, и, чтобы не упустить его, мне пришлось выстрелить.

– Кто это был?

– Де Монлюк, егерский полковник, ваше величество.

– Так. Бедную пешку мы убрали, а вот до игрока, что двигал ее, пока не добраться.

Император опустил голову и задумался.

– Ах, Талейран, Талейран, – произнес он тихо, – на моем месте ты раздавил бы гадину, пока она была у тебя под каблуком. Пять лет ты служил мне, а я, зная твою натуру, все-таки оставил тебя в живых. Не переживай, храбрец. – Он повернулся ко мне. – Придет день расплаты, и когда он настанет, обещаю тебе, что не забуду ни предателей, ни друзей.

– Государь, – сказал я, поскольку и у меня было время подумать, – если враги прознали о ваших планах насчет бумаг, надеюсь, вы не обвините в том ни меня, ни моих товарищей.

– Это было бы не слишком умно с моей стороны, – ответил он. – Ведь заговор созрел в Париже, а вы получили приказ всего час-другой назад.

– Но как тогда...

– Довольно! – воскликнул он. – Вы злоупотребляете своим положением.

Вот так он делал всегда. Сначала болтал с тобой по-дружески, но стоило тебе позабыть свое место, как он словом или взглядом напоминал о

пропасти, что вас разделяет. Когда я ласкал своего старого охотничьего пса, пока он не положит лапы мне на колени, а потом его отталкивал, я всегда вспоминал эту манеру императора.

Так мы и ехали, на сердце у меня было тяжело, но тут Наполеон заговорил, и я начисто позабыл о своих печалях.

– Я не мог уснуть, пока не узнаю об исходе погони, – сказал он. – Эти бумаги обошлись мне дорого. Не так много старых солдат у меня осталось, чтобы за ночь потерять двоих.

Я похолодел.

– Застрелили только полковника Депьена, государь.

– А капитан Тремо получил удар саблей. Подоспей я чуть раньше, возможно, он остался бы жив. Мерзавец ускакал полями.

Я вспомнил всадника, которого заметил незадолго до встречи с императором. Подлец объехал меня стороной. Если б я только знал, а Фиалка не была ранена, он заплатился бы за убийство старого солдата. Я с грустью вспоминал, как искусно тот владел саблей, и думал, уж не большое ли запястье погубило его, когда Наполеон заговорил снова.

– Да, бригадир, теперь вы – единственный, кто узнает, где спрятаны документы.

Возможно, виной тому была игра воображения, друзья мои, но мне показалось, что в голосе императора проскользнули совсем не грустные нотки. Однако тяжелое предчувствие мигом развеялось, стоило ему продолжить.

– Да, я дорого заплатил за свои бумаги. – Наполеон коснулся груди, и я услышал, как хрустит сверток. – Ни у кого еще не было таких преданных слуг, ни у кого от начала мира.

Мы подъехали к месту поединка. Поодаль на дороге виднелись полковник Депьен и тот, кого мы застрелили, а их лошади довольно пощипывали траву под тополями. Прямо перед нами распростерся Тремо, сжимая в руке сломанную саблю. Мундир его был расстегнут, на белой рубашке, словно платок, темнела запекавшаяся кровь. Под огромными усами капитана тускло поблескивали стиснутые зубы.

Император соскочил на землю и наклонился над погибшим воином.

– Он служил мне со времен битвы под Риволи, – вздохнул император. – Старый ворчун, ты ведь прошел со мной Египет.

И голос этот вернул солдата из мертвых. Его веки дрогнули, он шевельнул плечом, и рукоять сабли немного сдвинулась. Тремо хотел приветствовать императора. Затем рот старика открылся, рука упала, и обломок сабли звякнул о дорогу.

– Пусть все мы умрем с такой доблестью, – сказал Наполеон и поднялся.

– Аминь, – от всего сердца добавил я.

Шагах в пятидесяти стоял крестьянский дом. Хозяин, разбуженный стуком копыт и выстрелами, выбежал на обочину. Теперь мы его заметили. От страха и удивления бедняга дар речи потерял и лишь таращил глаза на императора. Мы нашли, кому поручить заботу о мертвых и лошадях. Я решил взять серого коня, а Фиалку оставить у крестьянина. Тот не вправе был присвоить мою кобылу, а вот насчет скакуна де Монлюка у нас мог выйти спор. Кроме того, не стоило забывать о ранах моей ненаглядной, ведь впереди была долгая дорога.

Император молчал. Возможно, гибель Деспьена и Тремо еще лежала у него на сердце тяжким грузом. Он всегда вел себя сдержанно, а уж в эти дни, когда ему то и дело докладывали о победах врагов или неудачах друзей, и вовсе был не расположен к приятным беседам. Тем не менее он вернул драгоценные бумаги, которые совсем недавно считал безвозвратно потерянными, а помог ему не кто иной, как Этьен Жерар. Я чувствовал, что заслуживаю немного внимания. Наверное, императору в голову пришла такая же мысль. Когда мы наконец свернули с парижской дороги и углубились в лес, Наполеон без всякой просьбы завел разговор обо всем, что я хотел услышать.

– Что касается документов, – начал он, – то, как я уже говорил, знать, где они спрятаны, будем только мы с вами. Мамлюк отнес лопаты в голубятню, но я ничего ему не объяснил. Вывезти бумаги из Парижа решили еще в понедельник. В тайну я посвятил троих – двух мужчин и женщину. Этой даме я доверил бы и свою жизнь. Кто из мужчин меня предал, я не знаю, однако думаю, что смогу это выяснить.

Мы ехали в тени деревьев, я не видел его, но слышал, как он похлопывает по голенищу хлыстиком и втягивает носом понюшку за понюшкой – так он часто делал в минуты волнения.

– Вам, конечно же, интересно, почему негодяи не остановили карету в столице, а ждали до самого Фонтенбло.

Сказать по чести, я над этим не задумывался, однако решил не разочаровывать его в своей сообразительности и ответил, что вопрос и в самом деле любопытный.

– В таком случае вышел бы скандал, да к тому же они могли и бумаг не получить. Чтобы обнаружить тайник, пришлось бы разобрать карету на части. О да, Талейран хорошо все продумал – он всегда этим славился – и людей подобрал тщательно. А мои все же оказались лучше.

Стоит ли повторять вам, друзья, что все это говорил мне сам император, пока мы шагом ехали среди черных теней и залитых лунным светом полян. Каждое слово навеки врезалось мне в память. Возможно, я еще напишу обо всем, и потомки наши будут меня читать. Император, не таясь, говорил о прошлом и будущем, рассказывал мне о преданности Макдональда и вероломстве Мармона, о маленьком короле Римском, которого вспоминал с такой же нежностью, какую испытывает к единственному сыну любой папаша-буржуа. Наполеон думал о своем тесте, австрийском императоре, и надеялся, что тот станет посредником между ним и врагами. Я не смел вставить и слова, памятуя, как он меня одернул, и молча ехал рядом. Никак не верилось, что великий государь, тот, от чьего взгляда у меня мурашки бежали по коже, и в самом деле открыл мне душу. Наполеон сыпал отрывистыми, торопливыми фразами, слова летели наперегонки, точно кони эскадрона, скачущего галопом. Возможно, он просто устал от намеков и тонкостей придворного языка и рад был случаю высказать все как есть простому солдату.

Вот так мы с императором – даже много лет спустя сердце мое загорается от гордости, стоит произнести эти два слова вместе, – мы с императором ехали через лес Фонтенбло и наконец добрались до голубятни. Справа от разрушенного дверного проема стояли три лопаты. Я увидел их и прослезился, вспомнив о тех руках, для которых их предназначили. Император схватил одну, я – другую.

– Быстрее! – сказал он. – Рассвет скоро, а нам еще надо вернуться во дворец.

Мы выкопали яму, положили бумаги в кобуру моего пистолета, чтобы защитить их от сырости, и закопали. Тщательно разровняв землю, мы положили сверху большой камень. С тех пор как император служил артиллеристом и наводил свои орудия на врага во время осады Тулона, ему вряд ли приходилось выполнять столько черной работы. Дело было еще и наполовину не сделано, а он уже вытирал пот со лба шелковым платком.

Когда мы вышли из старой голубятни, между стволами деревьев брезжил серенький утренний свет. Наполеон собрался вскочить в седло, я встал рядом, чтобы ему помочь, и тут император положил руку мне на плечо.

– Мы спрятали здесь бумаги, – строго произнес он, – и здесь же вы оставите всякую мысль о них. Никогда не вспоминайте о том, что произошло, если только вам не вручат послание, написанное моей собственной рукой и скрепленное моей личной печатью. С этой секунды вы обо всем забыли.

– Слушаюсь, государь.

До окраины города мы добрались вместе, а дальше Наполеон пожелал ехать один. Я отдал честь и хотел уже развернуть коня, когда император меня остановил.

– В лесу легко запутаться, – сказал он. – Как по-вашему, мы их закопали в северо-восточном углу?

– Что закопали, ваше величество?

– Бумаги!

– Какие бумаги, государь?

– Боже милостивый! Да те самые, которые вы мне вернули!

– Простите, я не понимаю, о чем вы.

Лицо Наполеона побагровело от гнева, а потом он вдруг рассмеялся.

– Отлично, бригадир! Я начинаю думать, что вы не только отличный гусар, но и превосходный дипломат.

Вот какое необыкновенное приключение сделало меня другом и доверенным лицом императора. Возвратившись с Эльбы, он решил подождать, пока власть его не укрепитя, и не стал выкапывать бумаги. Они так и остались в старой голубятне, когда Наполеон отправился в изгнание на остров Святой Елены. Вот когда он захотел передать их в руки своих сторонников. Как потом оказалось, он отправил мне три письма, но их перехватили тюремщики. Наконец император предложил оплачивать свое содержание и слуг – а он легко мог это сделать, обладая таким огромным состоянием, – только бы письма доставили адресату нераспечатанными. В просьбе отказали, и до самой смерти Наполеона в двадцать первом году бумаги оставались в тайнике. Я бы рассказал, как мы с графом Бертраном их выкопали и кому они достались, только вот рановато еще раскрывать все карты.

Когда-нибудь вы еще услышите об этих документах и поймете: хоть сам Наполеон давно уже покинул сей мир, Европа до сих пор дрожит при одном звуке его имени. В тот день вы вспомните Этьена Жерара и скажете своим детям, что эту историю поведал вам единственный человек, оставшийся в живых со времени тех загадочных событий. Тот самый, кого искушал маршал Бертье и кто возглавил безумную погоню на парижской дороге. Это ему император оказал честь своим объятием, это его взял он с собой в лес Фонтенбло.

Почки распускаются, и звенят уже птичьи голоса. При свете дня вы, друзья мои, найдете себе занятие поинтереснее, чем слушать байки старого солдата. И все-таки сохраните мои рассказы в памяти, поскольку весна придет к нам еще не раз, прежде чем Франция увидит такого великого

государя, как тот, кому мы с гордостью служили.

Приключения бригадира Жерара

Глава I

Как бригадир лишился уха

Старый бригадир Жерар, сидя в кафе, рассказывал:

– Да, друзья мои, многое множество городов перевидал я на своем веку. Вы не поверите, если я скажу, сколько раз вступал я в города победителем во главе восьмисот лихих рубак, которые ехали за мной под стук подков и бряцание оружия. Кавалерия шла впереди Великой армии, гусары Конфланского полка – впереди кавалерии, а я – впереди гусар. Но из городов, где нам довелось побывать, Венеция всех нелепей, – и кто ее только построил! Ума не приложу, о чем думали эти строители, ведь для кавалерии там нет никакой возможности маневрировать. Сам Мюрат или Лассаль – и те не сумели бы провести эскадрон на главную площадь. Поэтому тяжелую кавалерийскую бригаду Келлермана и моих гусар мы оставили в Падуе, на материке. Город заняла пехота под командованием Сюше, а он взял меня в ту зиму к себе в адъютанты, потому что ему понравилось, как я разделался в Милане с одним итальянцем, который ловко умел рубиться на саблях. Этот малый знал свое дело, и, к счастью для Франции, именно я вышел против него и поддержал честь нашего оружия. Да и проучить его следовало: ведь если кому не нравится, как поет примадонна, тот может и помолчать, а когда публично срамят красивую женщину, этого стерпеть нельзя. Поэтому общее сочувствие было на моей стороне, а когда дело было сделано и вдове итальянца назначили пенсию, Сюше взял меня в адъютанты, и я отправился с ним в Венецию, где со мной и произошел тот удивительный случай, о котором я вам сейчас расскажу.

Вы не бывали в Венеции? Ну конечно, нет, французы ведь нелегки на подъем. А мы вот в наше время довольно попутешествовали. Всюду побывали, от Москвы до самого Каира, только хозяевам не по душе было такое множество гостей, да и пропуска свои мы везли на лафетах. Плохо придется Европе, когда французы снова вздумают путешествовать, – они неохотно покидают свои дома, но если уж сдвинутся с места, кто знает, где они остановятся, особенно если их поведет такой человек, как наш император, даром что он невысок ростом. Но те славные дни прошли, те славные люди мертвы, и я, последний из них, сижу в кафе, пью сюренское вино и рассказываю о былом.

Но о чем это я... Ах да, о Венеции. Люди там живут, как водяные

крысы на илистых отмелях, но дома хороши, ничего не скажешь, и я нигде не видывал таких великолепных церквей; особенно замечателен собор Святого Марка. Но более всего они гордятся своими статуями и картинами, знаменитыми по всей Европе. Многие в армии считают, что их дело – воевать, и ни о чем другом, кроме сражений да добычи, и думать не стоит. К примеру, был у нас один такой старик Буве, его убили пруссаки в то самое время, когда император пожаловал мне медаль; попробовали бы вы заговорить с ним не про бивак да провиант, а про книги или про искусство, он стал бы только глаза таращить. Но настоящий воин, вот как я, к примеру, должен разбираться в тонких материях, которые дают пищу для ума и для души. Правда, я поступил в армию совсем еще мальчишкой и единственным моим учителем был квартирмейстер, но тот, у кого есть глаза во лбу, поневоле многому научится, пройдя чуть ли не полсвета.

Так что я мог оценить картины, какие видел в Венеции, и знал имена великих людей, Майкла Титиена, и Ангелюса^[9], и других, которые их нарисовали. И всякий вам скажет, что сам Наполеон тоже был от них в восторге, потому что он, когда взял город, первым делом велел отправить лучшие из них в Париж. Мы забрали все, что только могли, и на мою долю достались две картины. Одну, которая называлась «Испуганные нимфы», я оставил себе, а другую, «Святую Барбару», послал в подарок матушке.

Но что греха таить, некоторые из наших молодцов плохо обращались со статуями и картинами. Венецианцы их очень любили, а в четверке бронзовых коней, что стояли над воротами самой большой ихней церкви, они просто души не чаяли, как в родных детях. Я всегда знал толк в лошадях и хорошенько осмотрел эту четверку, но ничего особенного не нашел. Для легкой кавалерии ноги у них слишком толстые, а для орудейной запряжки они слабоваты. Но поскольку, кроме этой четверки, во всем городе не было больше ни единой лошади, живой или дохлой, тамошние жители просто-напросто ничего лучшего не видели. Когда этих коней снимали и отправляли во Францию, все горько плакали, а ночью из каналов выловили десять французских солдат. В наказание у них отобрали еще многое множество картин, и наши солдаты принялись ломать статуи и палить из ружей по разноцветным оконным стеклам. Это привело народ в ярость, венецианцы нас возненавидели. Многие офицеры и солдаты пропали в ту зиму без вести, и даже трупы их найти не удалось.

У меня в то время дел было по горло, скучать не приходилось. В каждой стране, куда меня забрасывала судьба, я старался выучить тамошний язык. Для этого я всегда искал милую даму, которая согласилась бы выучить меня, чтоб потом нам вместе попрактиковаться. Нет более

приятного способа обучиться иностранному языку, и мне не исполнилось еще тридцати, когда я уже говорил чуть ли не на всех европейских языках; но скажем прямо, те слова, какие можно выучить таким способом, не очень-то годятся в обычной жизни. Вот мне, к примеру, приходилось все больше иметь дело с солдатами да крестьянами, а какой толк говорить им, что я люблю их одних и вернусь к ним, когда кончится война?

Никогда не было у меня такой милой учительницы, как в Венеции. Звали ее Лючия, а по фамилии... но благородному человеку не пристало помнить фамилии. Могу только сказать, не будучи нескромным, что она дочь венецианского сенатора, а дед ее был дожем. Она была редкостная красавица – а уж ежели я, Этьен Жерар, говорю «редкостная», это, друзья мои, что-нибудь да значит. Я кое-что смыслю в этих делах, и память у меня хорошая, да и сравнивать есть с чем. Из всех женщин, какие меня любили, не наберется и двух десятков, про которых я мог бы так сказать. Но Лючия, говорю вам, была редкостная красавица. Среди брюнеток я не припомню ей равной, – разве только вот Долорес из Толедо. Да еще была у меня одна брюнеточка в Сантареме, когда я служил под началом у Массены в Португалии... как, бишь, ее звали?... запамятовал. Она была само совершенство, но все же до Лючии ей далеко – и фигуру не сравнить и грация не та. Была еще, правда, Агнесса. Я не отдавал ни одной из них предпочтения, но по справедливости надо признать, что Лючия была лучшей из лучших.

Из-за этих самых картин я с ней и познакомился, – дворец ее отца стоял по ту сторону Большого канала, у моста Риальто, и все стены в нем сплошь были разрисованы, поэтому Сюше выслал отряд саперов с приказом вырезать некоторые куски и отправить в Париж. Я пошел с ними, увидел Лючию, всю в слезах, и сразу сообразил, что если штукатурку со стен снять, она вся потрескается. Я доложил об этом, и саперов отозвали. С тех пор я стал другом их дома и раздавил с ее папашей не одну бутылочку кьянти, а дочка дала мне не один сладостный урок итальянского языка. В ту зиму в Венеции кое-кто из французских офицеров женился, и та же судьба могла постичь и меня, потому что я любил Лючию всем сердцем; но Этьен Жерар никогда не забывает о чести своего оружия, о своем коне, своем полку, своей матери, об императоре и о карьере. В сердце доброго гусара всегда найдется место для любви, но жена – дело другое. Так рассуждал я в те дни, друзья мои, и не думал, что наступит время, когда я останусь один как перст и буду тосковать о той, которой давно уж нет, и отводить взгляд при виде старых боевых товарищей, которые сидят себе в кресле в кругу взрослых детей. Да, любовь казалась мне тогда шуткой, баловством, и

теперь только я понял, что это главное в жизни, самое возвышенное и святое на свете... Спасибо вам, друзья мои, спасибо! Винцо превосходное, и лишняя бутылочка мне не повредит.

А теперь слушайте, я расскажу вам, как любовь к Лючии ввергла меня в самое ужасное из всех невероятных приключений, какие мне довелось пережить, – тогда-то я и лишился верхней половины правого уха. Вы часто спрашивали меня, как это случилось. Сегодня я наконец расскажу вам об этом.

Ставка Сюше находилась в ту пору в старинном дворце дожа Дандоло, на берегу лагуны, неподалеку от площади Святого Марка. Дело уже шло к весне, и вот как-то вечером прихожу я из театра Гольдини^[10], а меня уже дожидается записка от Лючии и гондола. Она умоляла меня приехать не мешкая, потому что с ней случилась беда. На такую записку у французского офицера может быть только один ответ. Через секунду я был уже в гондоле, и гондольер, отталкиваясь веслом, поплыл по темной лагуне. Помню, садясь на скамейку, я еще подивился, какой это здоровенный малый. Хоть и невысок ростом, зато плечи широченные, я таких сроду не видывал. Но гондольеры в Венеции народ крепкий, и силачей среди них немало. Так вот, он занял свое место у меня за спиной и стал грести.

Хороший солдат во вражеской стране должен всюду и всегда быть начеку. Это было одно из главных моих правил, и если я дожил до седых волос, то лишь потому, что неизменно ему следовал. Но в ту ночь я был беспечен и глуп, как желторотый новобранец, который больше всего на свете боится, как бы не подумали, что он трусит. Пистолеты я в спешке позабыл дома. Сабля была при мне, но это оружие не всегда самое удобное. Я откинулся на спинку скамьи и задремал под баюкающий плеск воды и мерное поскрипывание весла. Путь наш лежал через лабиринт узких каналов, по обоим берегам которых стояли высокие дома, так что над головами у нас виднелась лишь узкая полоска неба, усыпанного звездами. Кое-где на мостах, перекинутых через канал, тускло мерцали керосиновые фонари, да иногда в нише, где горела свеча перед статуей святого. В целом же вокруг была крошечная, непроницаемая тьма, только белое пятно пенилось под длинным черным носом нашей лодки. Час был поздний, да и обстановка располагала ко сну. Мне вспомнилась вся моя жизнь, вспомнились великие дела, в которых я участвовал, кони, на которых я ездил, и женщины, которых любил. А потом я стал думать о своей матушке и представил себе, как она обрадовалась, когда вся наша деревня заговорила о геройстве ее сына. А еще я думал об императоре и о Франции,

нашей милой родине, о солнечной Франции, вскормившей многих прекрасных дочерей и отважных сынов. Душа моя исполнилась ликования при мысли о том, что мы пронесли знамена Франции за много сотен лиг от ее границ. Служению ей я посвящу всю свою жизнь. Я приложил руку к сердцу и поклялся в этом, но тут гондольер вдруг навалился на меня сзади.

Когда я говорю, что он навалился на меня, то несколько не преувеличиваю: он не просто напал, а именно обрушился на меня всей тяжестью. Гондольер, когда гребет, стоит у пассажира за спиной, на возвышении, так что его не видать, и от такого нападения никак не уберечься. Только что я сидел, исполненный самых благородных порывов, а теперь вот лежал на дне гондолы, к которому это чудовище пригвоздило меня, и не мог даже вздохнуть. Я чувствовал его горячее, яростное дыхание у себя на затылке. Он живо сорвал у меня с пояса саблю, натянул мне на голову мешок и крепко захлестнул его веревочной петлей. Я лежал на дне гондолы, беспомощный, как птичка, запутавшаяся в силке. Я не мог крикнуть, не мог пошевелиться и был словно узел с тряпьем. Вскоре я снова услышал плеск воды и скрип весла. Этот негодяй сделал свое дело и преспокойно поплыл дальше как ни в чем не бывало, словно привык каждый день набрасывать мешок на голову гусарского полковника.

Не могу описать вам то чувство унижения и то бешенство, наполнявшее мою душу, когда я лежал там, беспомощный, как баран, которого волокут на бойню. Меня, Этьена Жерара, которому не было равных в шести бригадах легкой конницы, первого рубаку во всей Великой армии, осилил один безоружный человек, и каким образом! Но я лежал смирно, потому что всему свое время – надо знать, когда сопротивляться, а когда беречь силы. Я уже испытал хватку этого малого и знал, что перед ним я слабее ребенка. Поэтому я молча ждал своего часа, но сердце мое пылало яростью.

Долго ли я пролежал на дне гондолы, не знаю; мне показалось, что очень долго, а вода все плескалась и весло скрипело. Несколько раз мы сворачивали в сторону – я знал это, потому что слышал протяжный, тоскливый крик, которым гондольеры предупреждают друг друга о своем приближении. Наконец после долгого пути я почувствовал, как борт лодки скребнул о пристань. Гондольер трижды ударил веслом по доскам, и я услышал грохот засовов и скрежет ключа в замке. Тяжелая дверь повернулась на ржавых петлях.

– Ты привез его? – спросил чей-то голос по-итальянски.

Негодяй захохотал и пнул мешок, в котором я лежал.

– Вот, получайте, – ответил он.

– Они ждут, – сказал голос. И добавил еще что-то, чего я не понял.

– Ну и берите его, – сказал гондольер.

Он подхватил меня, поднял на несколько ступеней и швырнул на твердый пол. Через мгновение загрохотали засовы и снова раздался скрежет ключа. Я очутился в плену.

Судя по голосам и звукам шагов, меня, видимо, окружало несколько человек. Я неважно говорю по-итальянски, но понимаю куда лучше, и поэтому отлично разобрал, о чем шла речь.

– Ты, случайно, не придушил его, Маттео?

– А хоть бы и так.

– Клянусь, ты ответишь за это перед судом.

– Но ведь его все равно казнят, верно?

– Да, но не тебе и не мне быть судьями.

– Тьфу! Да я и не думал его убивать. Мертвые не кусаются, а он, подлец, прокусил мне руку, когда я натягивал мешок ему на голову.

– Но он не двигается.

– А вы вытряхните его из мешка и сами увидите, что он живехонек.

Веревку развязали и мешок стянули у меня с головы. Зажмурившись, я неподвижно лежал на полу.

– Клянусь всеми святыми, Маттео, ты сломал ему шею.

– Ну нет. Это он в обмороке. И если не очнется, что ж, тем лучше для него.

Я почувствовал, как чья-то рука залезла мне под мундир.

– Маттео прав, – слышался голос. – Сердце у него стучит, как молот. Пускай отлежится, придет в чувство.

Я выждал минуту-другую, а потом рискнул бросить украдкой взгляд из-под опущенных ресниц. Сперва я ничего не увидел, потому что долго пробыл в темноте и теперь очутился как бы в тумане. Но вскоре я разглядел у себя над головой высокий сводчатый потолок, разрисованный разными богами и богинями. Значит, меня приволокли не просто в логово головорезов, а в вестибюль какого-то венецианского дворца. Тогда я, не шевелясь, очень медленно и осторожно оглядел людей, стоявших вокруг меня. Я увидел гондольера, этого злобного негодяя со смуглым, словно высеченным из камня, лицом и еще троих – один из них был щуплый, сутулый, начальственного вида, со связкой ключей в руке, двое других – рослые молодые слуги в щегольских ливреях. Из их разговора я понял, что щуплый – это дворецкий, и все остальные у него под началом.

Итак, их четверо – правда, щуплый дворецкий не в счет. Будь у меня оружие, я только посмеялся бы над таким превосходством сил. Но голыми

руками мне невозможно справиться и с одним из них, даже если остальные трое ему не помогут. Значит, оставалось надеяться на хитрость, а не на силу. Я стал искать какого-нибудь пути к бегству и при этом чуть-чуть повернул голову.

Сколь ни неприметно было это движение, оно не ускользнуло от моих врагов.

– Эй ты, очнись! – крикнул дворецкий.

– Вставай-ка, французик, – проворчал гондольер. – Слышишь, вставай. – И он снова пнул меня ногой.

Ни один приказ еще не был исполнен с такой быстротой. В мгновение ока я вскочил и со всех ног бросился в дальний конец вестибюля. Они пустились за мной, словно английские гончие, которые как-то у меня на глазах травили лису, но я уже бежал по длинному коридору. Поворот налево, еще раз налево, и я снова очутился в вестибюле. Они уже настигали меня, и раздумывать было некогда. Я бросился было к лестнице, но по ней спускались какие-то двое. Я кинулся назад и сделал попытку открыть дверь, через которую меня втащили, но она была заложена тяжелыми засовами, которые мне не удалось отодвинуть. Гондольер бросился на меня с ножом, но я нанес ему такой удар ногой, что он упал навзничь. Нож громко звякнул о мраморный пол. Схватить его я не успел, потому что на меня накинудись сразу шестеро. Я бросился напролом, но тут щуплый дворецкий подставил мне ножку, и я с грохотом упал, однако сразу же вскочил, вырвался из их рук, раскидал их во все стороны и бросился к двери в другом конце вестибюля. Я успел добежать до нее первым, ручка легко поддавалась нажиму, и я издал торжествующий крик, потому что дверь вела наружу и путь был свободен. Но я забыл, какой это нелепый город. Там что ни дом, то остров. Я распахнул дверь и хотел уже выскочить на улицу, и тут свет из вестибюля упал на глубокую, спокойную, черную воду, которая подступала к верхней ступеньке крыльца. Я попятился, и они навалились всем скопом. Но меня так просто не возьмешь. Действуя руками и ногами, я снова вырвался, хотя один из них, стараясь удержать меня, выдрал из моей головы здоровый клочок волос. Дворецкий огрел меня тяжелым ключом, я был весь избит и исцарапан, но снова расчистил себе дорогу. Я побежал вверх по широкой лестнице, распахнул одну за другой несколько больших двустворчатых дверей, которые попались на пути, и наконец увидел, что все мои усилия пропали даром.

Комната, куда я ворвался, была ярко освещена. Судя по раззолоченным карнизам, массивным колоннам, расписным стенам и потолкам, это, вероятно, была парадная зала какого-то великолепного венецианского

дворца. Таких дворцов в этом странном городе не сосчитать, и в каждом есть залы, которым позавидовали бы Лувр и Версаль. Посередине было возвышение, на котором полукругом сидели двенадцать человек, одетые в черное с ног до головы, будто францисканские монахи, и все как один в полумасках. Отряд вооруженных людей – по виду настоящих бандитов – охранял вход, а впереди, лицом к возвышению, стоял молодой человек в пехотной форме. Когда он обернулся, я узнал его. Это был капитан Оре из Седьмого полка, молодой баск, с которым я в ту зиму выпил не одну бутылку вина. Он, бедняга, был бледен, как смерть, но держался среди этих палачей, как подобает мужчине. Никогда не забуду, как в его темных глазах блеснула искра надежды, когда он увидел, что в комнату ворвался товарищ, но надежда тут же сменилась отчаяньем: он понял, что я явился разделить его участь, а не изменить ее.

Можете себе представить, как удивились все эти люди, когда я вихрем влетел в залу. Преследователи мои сгрудились позади меня и отрезали путь к двери, так что теперь уж нечего было и думать о побеге. В такие вот минуты и проявляется по-настоящему мой характер. Я с достоинством подошел к судьям. Мой мундир был изорван, волосы встрепаны, голова разбита и в крови, но было в моих глазах и в моей осанке нечто, заставившее их понять, что перед ними не простой человек. Меня даже не пытались задержать, и я остановился перед величественным седобородым стариком властного вида, решив, что и по возрасту и по внешности он должен быть тут главным.

– Синьор, – сказал я, – не соблаговолите ли объяснить мне, по какому праву меня схватили и насильно привезли сюда? Я честный солдат, как и вот этот человек, и требую, чтобы нас обоих немедленно освободили.

Зловещее молчание было ответом на мои слова. Мне стало не по себе, когда двенадцать итальянцев в масках устремили на меня глаза, пылающие мстительной злобой. Но я не дрогнул, как и подобает доброму солдату, а в голове у меня невольно мелькнула мысль, что я не посрамил своим поведением чести гусар Конфланского полка. Не думаю, чтобы кто-нибудь на моем месте сумел в столь трудных обстоятельствах держаться лучше. Я бесстрашно переводил взгляд с одного палача на другого и ждал ответа.

Молчание нарушил седобородый.

– Кто этот человек? – спросил он.

– Его зовут Жерар, – ответил дворецкий из дверей.

– Полковник Жерар, – поправил я. – Не вижу причин скрывать это. Да, я Этьен Жерар, тот самый полковник Жерар, который пять раз упомянут в донесениях и представлен к награждению почетной шпагой. Я адъютант

генерала Сюше и требую, чтобы меня и моего товарища немедленно освободили.

Снова то же зловещее молчание воцарилось в зале, и те же двенадцать пар беспощадных глаз устремились на мое лицо. Заговорил опять седобородый:

- Сейчас не его очередь. У нас в списке до него еще двое.
- Но он вырвался из наших рук и вломился сюда.
- Пускай ждет своей очереди. Отведите его в деревянную камеру.
- А если он будет сопротивляться, ваша светлость?
- У вас на то есть кинжал. Суд гарантирует вам безнаказанность.

Уведите его, пока мы занимаемся остальными.

Они двинулись ко мне, и я подумал было о сопротивлении. Это была бы геройская смерть, но кто увидел бы ее, кто поведал бы о ней потомкам? Конечно, я мог лишь отсрочить роковой конец, и все же я побывал в стольких скверных переплетах и столько раз выходил из них невредимым, что научился надеяться и верить в свою звезду. Я позволил этим негодьям схватить меня, и мы вышли за дверь, причем гондольер не отходил от меня ни на шаг, держа наготове длинный нож. По глазам этого негодья видно было, с каким удовольствием он всадил бы этот нож в меня, будь у него для этого малейший предлог.

Что за чудо эти огромные венецианские дома, они же дворцы, крепости и одновременно тюрьмы. Меня повели сперва по галерее, а потом вниз по каменной лестнице, и наконец мы очутились в коротком коридоре, где было три двери. Меня втокнули в одну из них, и позади сразу же защелкнулся замок. Скупой свет проникал внутрь через зарешеченное оконце, выходившее в коридор. Почти ничего не видя, я ощупью обшарил все помещение. Из разговоров, которые я слышал, было ясно, что скоро мне снова придется выйти отсюда и предстать перед судом, но не в моем обычае пренебрегать хотя бы малейшим шансом на спасение.

Каменный пол моей камеры был сырой, а стены на несколько футов в высоту осклизлые и прогнившие, из чего я заключил, что нахожусь ниже уровня воды. Высоко под потолком я обнаружил отдушину, сквозь которую в камеру проникал свет и воздух. Я глянул вверх и увидел яркую звезду, сверкавшую прямо надо мной, и это преисполнило меня спокойствием и надеждой. Я не был слишком набожен, хоть всегда уважал искренне верующих, но мне не забыть ту ночь, когда сияющая звезда заглядывала в мое подземелье, словно всевидящее око, и я чувствовал себя робким, безусым новобранцем, который в разгаре боя ощутил на себе спокойный взгляд своего полковника.

Три стены моей темницы были каменные, а четвертая деревянная, и было ясно, что она сколочена совсем недавно. Очевидно, один большой подвал разделили деревянными перегородками на две камеры поменьше. Толстые, старинные стены, крепкая дверь, крошечное оконце – тут надеяться было не на что. Оставалась только деревянная перегородка. Конечно, я понимал, что если и проникну за нее – это, кстати, было не так уж трудно, – то попаду всего-навсего в другую камеру, не менее прочную, чем эта. Все же я всегда предпочитал действовать, чем сидеть сложа руки, и занялся деревянной стеной со всей решительностью, на какую был способен. Там были две доски, плохо пригнанные одна к другой, они держались так непрочно, что их, без сомнения, легко можно было оторвать. Я поискал подле себя какое-нибудь подходящее орудие и отломал ножку койки, стоявшей в углу. Я уже засунул ее в щель между досками, как вдруг быстрые шаги заставили меня остановиться и прислушаться.

Ах, если бы я мог забыть то, что услышал! У меня на глазах умирали на поле битвы многие сотни людей, да и сам я убил столько, что лучше и не вспоминать, но все это было в честном бою, при исполнении воинского долга. Совсем другое дело – слышать, как человек принимает смерть в этом логове убийц. Они волокли кого-то по коридору, а он сопротивлялся и ухватился за дверь моей темницы. Видно, его втолкнули в третью камеру, самую дальнюю от меня. «Помогите! Помогите!» – закричал он, и я услышал звук удара и отчаянный вопль. «Помогите! Помогите!» – закричал он снова, а потом: «Жерар! Полковник Жерар!» Это убивали несчастного пехотного капитана. «Подлые убийцы!» – загремел я и стал колотить ногами в дверь, но тут он снова вскрикнул, и все стихло. А еще через минуту раздался громкий всплеск, и я понял, что на этом свете никто уж не увидит Оре. Он погиб, как сотни других, которых в ту зиму недосчитались на перекличке наши полки в Венеции.

В коридоре снова раздались шаги, и я подумал, что пришли за мной. Но вместо этого я услышал, как отперли дверь соседней камеры и вывели оттуда кого-то. Шаги замерли на лестнице. Тогда я снова принялся за перегородку и в какие-нибудь несколько минут так расшатал доски, что их можно было свободно вынуть и вставить на место, когда мне заблагорассудится. Через отверстие я проник в соседнюю камеру; как я и ожидал, она оказалась частью подвала, разделенного перегородкой. Это нимало не приблизило меня к моей цели, потому что здесь уже не было деревянной стены, сквозь которую я мог бы пробраться, а дверь была заперта на замок. И никаких следов, по которым я мог бы судить, кто был мой товарищ по несчастью. Я вернулся в свою камеру, вставил доски на

место и, собрав все свое мужество, стал ждать вызова, который, по всей видимости, предвещал для меня смерть.

Ждать пришлось довольно долго, но вот в коридоре снова раздались шаги, и я приготовился услышать звуки еще одной отвратительной расправы и крики несчастной жертвы. Но ничего подобного не случилось, пленника ввели в камеру без борьбы. Я не успел заглянуть туда через щель, потому что в тот же миг дверь моей камеры распахнулась и вошел негодяй-гондольер вместе с другими убийцами.

– Выходи, француз, – сказал он.

Он сжимал в волосатой ручище окровавленный нож, и я прочел в его сверкавших злобой глазах, что он мечтает всадить этот нож мне в сердце и ждет только предлога. Сопротивление было бессмысленно. Я вышел без единого слова. Меня повели вверх по каменной лестнице в ту же великолепную залу, где заседал тайный суд. Когда меня впустили туда, я с удивлением увидел, что на меня никто не обращает внимания. Один из них, высокий темноволосый молодой человек, стоял перед возвышением и тихим, но идущим от самого сердца голосом упрашивал о чем-то остальных судей. Голос его дрожал от волнения, он то простирал к ним руки, то прижимал их к груди в отчаянной мольбе.

– Вы не сделаете этого! Не сделаете! – говорил он. – Я умоляю суд пересмотреть приговор!

– Отойди, брат, – сказал старик, главный среди них. – Приговор вынесен, и мы переходим к следующему делу.

– Ради всего святого будьте милосердны! – воскликнул молодой человек.

– Мы были милосердны, – отозвался тот. – Даже смерть – слишком легкая кара за такое преступление. Молчи и не мешай суду.

Я видел, как юноша в отчаянии упал на стул. Но мне недосуг было раздумывать, отчего он так сокрушается, потому что одиннадцать его собратьев уже устремили на меня суровые взгляды. Роковой миг настал.

– Вы полковник Жерар? – спросил свирепый старик.

– Да.

– Адъютант грабителя, который именует себя генералом Сюше и, в свою очередь, подчинен другому грабителю, какого не видел свет, Бонапарту?

Я едва удержался, чтобы не назвать его лжецом, но иногда лучше воздержаться от возражений.

– Я честный солдат, – сказал я. – Я повиновался приказам и выполнял свой долг.

Кровь бросилась старику в лицо, глаза яростно сверкнули из-под маски.

– Все вы воры и убийцы, все до единого! – воскликнул он. – Что вам здесь надо? Вы французы. Так и сидели бы у себя во Франции. Разве мы звали вас в Венецию? По какому праву вы здесь? Где наши картины? Где кони с собора Святого Марка? Кто вы такие, что крадете сокровища, которые наши предки собирали столько столетий? Наш город славился на весь мир, когда Франция была еще пустыней. Ваши пьяные, буйные, невежественные солдаты погубили созданное святыми и героями. Что можешь ты возразить на это?

Вид у старика был грозный, нет слов, его седая борода встала торчком от ярости, голос звучал отрывисто, как лай бешеной собаки. Я, конечно, мог бы ему возразить, что с его картинами ничего не сделается в Париже, что из-за этих коней не стоит поднимать шума, а уж героев – не говоря о святых – он может увидеть, не обращаясь к своим далеким предкам и даже не вставая с кресла. Все это я мог бы ему сказать, но это было бы все равно, что спорить с мамелюком о религии. Я пожал плечами и промолчал.

– Подсудимому нечего сказать в свое оправдание, – произнес один из судей в маске.

– Хочет ли кто-нибудь высказаться перед вынесением приговора?

Старик сверкающим взглядом обвел остальных.

– Тут есть одно обстоятельство, ваша светлость, – сказал один из них. – Конечно, касаясь его, приходится беречь раны нашего брата, но все же напоминаю вам, что есть особая причина примерно покарать этого офицера.

– Я помню об этом, – отозвался старик. – Брат, если в одном деле суд причинил тебе боль, то в другом ты получишь полное удовлетворение.

Молодой человек, который просил суд о милосердии, когда меня ввели, шатаясь встал на ноги.

– Нет, мне этого не вынести! – вскричал он. – Ваша светлость, простите меня. Я не могу больше участвовать в суде. Я болен. Я теряю рассудок.

Он в отчаянии простер руки к суду и выбежал из зала.

– Пускай уходит! Пускай! – сказал старик. – От человека из плоти и крови нельзя требовать слишком много, он не может оставаться здесь. Но он настоящий венецианец, и, когда первое отчаяние пройдет, он поймет, что иначе мы поступить не могли.

Обо мне на время забыли, и хотя я не привык, чтобы мной пренебрегали, тут я был бы рад, если бы обо мне не вспомнили подольше.

Но вот старик снова сверкнул на меня глазами, словно тигр, который возвращается к своей жертве.

– Ты заплатишь за все, это будет только справедливо, – сказал он. – Ты, наглый проходимец, чужак, посмел поднять нечистый взгляд на внучку самого дожа Венеции, который уже обручил ее с наследником Лореданов. За такую честь придется заплатить дорогой ценой.

– Невозможно заплатить за то, чему нет цены, – отвечал я.

– Послушаем, что ты скажешь, когда придет твой час, – сказал он. – Может статься, что спеси у тебя сильно поубавится. Маттео, отведи пленника в деревянную камеру. Сегодня понедельник. Не давай ему ни пить, ни есть, а в среду вечером пускай снова предстанет перед судом. Тогда и решим, какой смерти его предать.

Конечно, хорошего впереди было мало, но все же я получил отсрочку. Когда косматый дикарь заносит над тобой окровавленный нож, бываешь благодарен и за малое снисхождение. Он вытолкнул меня из залы, потащил вниз по лестнице и снова швырнул в ту же камеру. Щелкнул замок, и я остался наедине с собственными мыслями.

Первым делом я решил снести со своим соседом и товарищем по несчастью. Я подождал, пока шаги не замерли вдали, потом осторожно вынул обе доски и заглянул в щель. Так как было почти совсем темно, мне удалось лишь смутно различить фигуру, съевшуюся в углу, и я услышал шепот: узник молился так горячо, как молится человек, охваченный смертельным страхом. Должно быть, доски скрипнули. Послышался удивленный возглас.

– Мужайся, друг мой, мужайся! – воскликнул я. – Не все еще потеряно. Не падай духом, ибо с тобой Этьен Жерар.

– Этьен! – Голос был женский, и он прозвучал для меня как музыка. Я мигом протиснулся в щель и обнял девушку.

– Лючия! Лючия! – воскликнул я.

Несколько минут только и слышно было, что «Этьен!» да «Лючия!», ведь в такие минуты не до разговора. Она опомнилась первая.

– Ах, Этьен, они тебя убьют. Как ты попал к ним в руки?

– Я получил твою записку.

– Но я не писала никакой записки.

– Коварные дьяволы! Ну а ты?

– Я тоже получила записку от тебя.

– Лючия, да ведь и я не писал записки.

– Значит, они поймали нас обоих на одну удочку.

– О себе я не беспокоюсь, Лючия. К тому же мне сейчас ничто и не

грозит. Они просто снова посадили меня сюда.

– Этьен, Этьен, они тебя убьют! Ведь там Лоренцо.

– Это кто, старик с седой бородой?

– Нет, нет, молодой, черноволосый. Он любил меня, и я тоже думала, что люблю его, пока... пока не узнала, что такое настоящая любовь, Этьен. Он не простит тебе этого. У него сердце из камня.

– Пусть делают что хотят. Они не в силах отнять у меня прошлого, Лючия. Но ты... Что будет с тобой?

– Да ведь это совсем не страшно, Этьен. Мгновенная боль – и все кончено. Они хотят заклеить меня позором, мой дорогой, но я приму это как венец чести, ведь я принимаю его благодаря тебе.

От этих слов кровь заледенела у меня в жилах. Все превратности моей судьбы были ничто по сравнению с этой ужасной тенью, которая вдруг омрачила мою душу.

– Лючия! Лючия! – воскликнул я. – Сжался, скажи мне, что задумали эти душегубы! Скажи же, Лючия! Скажи!

– Нет, Этьен, не скажу, потому что тебе это причинит гораздо большую боль, чем мне. Ну, ладно, ладно, скажу, а то ты бог весть что подумаешь. Старый судья приказал отрезать мне ухо, чтобы навеки заклеить за любовь к француз.

Ее ухо! Крошечное, милое ушко, которое я так часто целовал. Я по очереди коснулся бархатистых раковин и убедился, что кощунство еще не совершено. Только через мой труп они это сделают. Я поклялся в этом перед ней сквозь стиснутые зубы.

– Не беспокойся, Этьен. Но все же я рада, что ты беспокоишься обо мне.

– Эти дьяволы не тронут тебя!

– Есть еще надежда, Этьен. Там Лоренцо. Он молчал во время суда, но, может быть, просил о милосердии, когда меня увели.

– Да, просил. Я сам слышал.

– И, может быть, сердца их смягчились.

Я знал, что это не так, но как было сказать ей? Однако напрасно старался я скрыть правду, – с женской проницательностью она прочла мои мысли.

– Ну конечно, они не стали его и слушать! Мой дорогой, говори прямо, не бойся. Увидишь, что я достойна любви такого героя, как ты. Где Лоренцо?

– Он ушел из залы.

– Может быть, он вообще покинул этот дом?

– Кажется, да.

– Значит, он предоставил меня моей судьбе. Ой, Этьен, они уже идут!

Я услышал в отдалении роковые шаги и позвякивание ключей. Зачем они шли сюда теперь, когда некого было уже тащить на суд? Им оставалось сделать только одно: привести в исполнение приговор над моей возлюбленной. Я встал между ней и дверью, готовый драться, как лев. Я решил, что разнесу весь дом, но не дам к ней прикоснуться.

– Уходи! Уходи, Этьен! – вскричала она. – Они убьют тебя. А мне по крайней мере смерть не грозит. Если любишь меня, Этьен, уходи. Это совсем не страшно. Я не издам ни звука. Ты ничего и не услышишь.

Она, это нежное существо, схватила меня и – откуда только у нее взялись силы – подтащила к щели в перегородке. Вдруг в голове у меня сверкнула новая мысль.

– Еще можно спастись, – шепнул я ей. – Живо, делай, что я тебе скажу, и не спорь. Лезь в мою камеру. Скорей!

Я втолкнул ее в щель и помог ей поставить доски на место. Плащ ее я удержал в руках и, завернувшись в него, забился в самый темный угол камеры. Я уже лежал там, когда дверь открылась и вошли несколько человек. Я надеялся, что они пришли без фонаря, как и в прошлый раз. Я казался им лишь темным пятном в углу.

– Принесите огня, – сказал один.

– На кой он нам черт! – воскликнул грубый голос, и я узнал этого негодяя Маттео. – Такое дело мне не по нутру, и чем меньше я буду видеть, тем лучше. Мне очень жаль, синьора, но приговор суда надо привести в исполнение.

Первым моим порывом было вскочить на ноги, раскидать их и выбежать в открытую дверь. Но как тогда помочь Лючии? Допустим, мне удастся вырваться, но она останется у них в руках, пока я не приведу помощь, – ведь в одиночку нечего и надеяться освободить ее. Все это мгновенно промелькнуло у меня в голове, и я понял, что мне остается лишь одно – лежать смирно, покориться судьбе и ждать своего часа. Грубая рука негодяя ощупала мои волосы, которые до тех пор гладили лишь женские ручки. Вот он схватил меня за ухо, и все мое тело пронзила нестерпимая боль, словно меня жгли каленым железом. Я закусил губу, чтобы не закричать, и почувствовал, как по шее и по спине струится теплая кровь.

– Ну вот, слава Богу, все кончено, – сказал гондольер, дружески потрепав меня по голове. – Вы храбрая девушка, синьора, этого нельзя не признать, жаль только, что у вас такой дурной вкус и вы полюбили француза. Так что вините его, а не меня.

Мне ничего не оставалось, кроме как лежать тихо, стиснув зубы от бессильной досады. Но, как всегда, мою боль и ярость успокоила мысль, что я пострадал ради любимой женщины. Мужчины имеют обыкновение говорить дамам, что были бы счастливы претерпеть ради них любую боль, мне же выпала честь доказать, что это не пустые слова. И еще я подумал, как благородно будет выглядеть этот мой поступок, если когда-нибудь про него узнают, и как будет гордиться Конфланский полк своим командиром. Эта мысль помогла мне перенести страдания, не издав ни звука, а кровь все текла у меня по шее, и слышно было, как она капала на каменный пол. Этот звук чуть не погубил меня.

– Она истекает кровью, – сказал один из слуг. – Надо позвать доктора, не то утром вы найдете ее мертвой.

– Что-то она не шевелится и даже не пикнула, – сказал другой. – Наверное, не пережила такого потрясения.

– Вздор! Молодую женщину не так-то просто убить. – Это был голос Маттео. – И отхватил-то я самую малость, только чтобы видно было клеймо. Вставайте, синьора, вставайте!

Он тряхнул меня за плечо, и сердце мое упало, я боялся, что он нащупает под плащом эполет.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросил он.

Я не отвечал.

– Проклятие! Куда лучше иметь дело с мужчиной, чем с женщиной, да еще с первой красавицей в Венеции, – сказал гондольер. – Эй, Николас, дай-ка мне носовой платок да принеси фонарь.

Все пропало. Случилось самое худшее. Теперь уж ничто не могло меня спасти. Я по-прежнему лежал, съежившись, в углу, но весь напрягся, как дикая кошка, готовая к прыжку. Уж если умирать, решил я, так пусть мой конец будет достоин славной жизни, которую я прожил.

Один из них ушел за фонарем, а Маттео стоял, склонившись надо мной, с платком в руке. Еще мгновение, и тайна моя будет раскрыта. Вдруг он выпрямился и словно окаменел. В тот же миг через оконце под потолком донесся невнятный шум. Это был плеск весел и гул многих голосов. Потом наверху раздались громкие удары в дверь, и грозный голос загремел:

– Откройте! Откройте! Именем императора!

Император! Это слово было подобно святому имени, которое одним звуком своим может обратить в бегство дьяволов. Все бросились наутек, испуская крики ужаса: Маттео, слуги, дворецкий, вся эта шайка убийц. Снова грозный окрик, потом удар топора и треск разрубаемых досок. В прихожей раздались бряцание оружия и громкие голоса французских

солдат. Еще мгновение, и какой-то человек, промчавшись по лестнице, ворвался ко мне в камеру.

– Лючия! – вскричал он. – Лючия!

Он стоял в тусклом свете, тяжело дыша, и не находил слов. Наконец он взволнованно заговорил:

– Теперь ты видишь, Лючия, как я люблю тебя? Что еще мог я сделать в доказательство своей любви? Я предал свою родину, нарушил клятву, погубил друзей и пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти тебя.

Это был молодой Лоренцо Лоредан, у которого я отнял невесту. В ту минуту мне стало жаль его, но, в конце концов, ведь в любви каждый стоит за себя, и если кто несчастлив, пусть утешается, что он побежден благородным и великодушным соперником. Я хотел было сказать ему это, но не успел слова вымолвить, как он испустил удивленный возглас, выбежал за дверь, схватил фонарь, висевший в коридоре, и осветил мое лицо.

– Так это ты, негодяй! – воскликнул он. – Ты, развратник! Ты заплатишь мне за все зло, которое причинил.

Но тут он заметил бледность моего лица и кровь, которая все не унималась.

– Что это? – спросил он. – Каким образом вы лишились уха?

Я пересилил свою слабость и, зажав рану платком, встал на ноги, беспечный и веселый, как и подобает гусарскому полковнику.

– Это пустяк, царапина. С вашего позволения не станем говорить об этом, тем более что дело сугубо личное.

Но тут из соседней камеры вбежала Лючия и, схватив Лоренцо за руку, рассказала все как было.

– Этот благородный человек занял мое место, Лоренцо! Он все перенес ради меня. И пострадал, чтобы меня спасти.

Я понимал борьбу чувств, которая отразилась на лице итальянца. Наконец он протянул мне руку.

– Полковник Жерар, – сказал он, – вы достойны истинной любви. Я прощаю вас, ибо если вы причинили мне зло, то искупили его своим благородным поступком. Но я удивлен, что вижу вас в живых. Я покинул суд до вынесения приговора, но знал, что ни одному французу нечего надеяться на снисхождение с тех пор, как погибли сокровища Венеции.

– Он в этом не повинен! – воскликнула Лючия. – Это благодаря ему целы сокровища в нашем дворце.

– Во всяком случае, одно из них, – сказал я, наклонился и поцеловал ей руку.

Вот при каких обстоятельствах, друзья мои, я лишился уха. Лоренцо нашли с ножом в сердце на площади Святого Марка через два дня после этой бурной ночи. Из числа судей и их гнусных пособников Маттео и еще трое были расстреляны, остальные высланы из города. Лючия, милая моя Лючия, ушла в монастырь в Мурано, когда французские войска оставили город, там она, верно, живет и поныне, стала, я думаю, доброй аббатисой и давным-давно забыла те дни, когда наши сердца бились так дружно и весь мир казался таким ничтожным по сравнению с любовью, пылавшей в нашей крови. А может быть, это и не так. Может быть, она ничего не забыла. Как знать, а вдруг безмятежный монастырский покой нарушают иногда воспоминания о старом солдате, который любил ее в те далекие дни! Юность прошла, страсть угасла, но душа благородного человека остается неизменной, и Этьен Жерар готов снова склонить перед этой женщиной седую голову и с охотой лишиться ради нее второго уха.

Глава II

Как бригадир взял Сарагоссу

А рассказывал ли я вам когда-нибудь, друзья мои, при каких обстоятельствах довелось мне вступить в гусарский Конфланский полк во времена осады Сарагоссы и про тот замечательный подвиг, который я совершил, когда мы брали этот город приступом? Нет? Право, об этом стоит послушать. Сейчас я расскажу вам все, как было. Вы будете первые, кто про это услышит, кроме разве нескольких мужчин да двух-трех десятков женщин.

Итак, надо вам знать, что я служил сперва лейтенантом, а потом капитаном во втором гусарском полку, который именовался Шамберанским. Мне тогда едва исполнилось двадцать пять лет, и я был безрассудным и отчаянным, как все солдаты нашей Великой армии. В то время война в Германии уже прекратилась, а в Испании еще шла вовсю, и император, желая укрепить там армию, перевел меня в чине капитана в гусарский Конфланский полк, который в то время действовал в составе Пятого армейского корпуса под командованием маршала Лаяна.

Путь от Берлина до Пиренеев не близкий. Мой новый полк был среди войск, которые во главе с маршалом Ланном осаждали в то время испанский город Сарагоссу. Я направил коня к этому городу и примерно через неделю был уже в нашей главной штаб-квартире, где мне указали дорогу в расположение Конфланского полка.

Вы, без сомнения, читали о знаменитой осаде Сарагоссы, и я скажу только, что ни перед одним генералом не стояла еще такая трудная задача, как тогда перед маршалом Ланном. Огромный город был переполнен испанцами – солдатами, крестьянами, священниками, – и все пылало самой что ни на есть отчаянной ненавистью к французам и самой яркой решимостью умереть, но не сдаться. Город защищало восемьдесят тысяч человек, а осаждающих было всего тридцать тысяч. Зато у нас была мощная артиллерия и наши саперы не имели себе равных. Такой осады еще не видел свет, ведь обычно, когда стены взяты, город сдается, а здесь только когда мы взяли штурмом стены, и началась настоящая битва. Каждый дом превратился в бастион, каждая улица – в поле боя, и нам приходилось медленно, день за днем, прокладывать себе путь вперед, взрывая дома вместе с их защитниками, пока больше половины города не было разрушено. Но вторая половина по-прежнему не сдавалась, и защищаться

там было легче, потому что она сплошь состояла из огромных монастырей со стенами не хуже, чем у Бастилии, которые не так-то легко было убрать с пути. Так обстояли дела, когда я прибыл в армию.

Скажем прямо, от кавалерии при осаде города не много пользы, хотя было время, когда я никому не позволил бы произнести эти слова безнаказанно в моем присутствии. Конфланский полк расположился к югу от города, в его задачу входило патрулировать окрестности и не допускать продвижения испанцев в этом направлении. Командир плохо знал свое дело, и у гусар не было того боевого духа, которым полк отличался потом. Уже в первый вечер я пришел в ужас, и было отчего: ведь я приучен к образцовому порядку и не мог без душевной боли видеть плохо устроенный бивак, неухоженную лошадь или расхлябанного кавалериста. В тот вечер я ужинал вместе с двадцатью шестью офицерами своего нового полка и, боюсь, переусердствовал, слишком ясно дав им понять, что у них по части порядка далеко до того, к чему я привык, сражаясь в Германии. После моих слов за столом наступило молчание, и я, поймав на себе их взгляды, понял свою бестактность. Полковник был в ярости, а майор, по фамилии Оливье, первый дуэлянт в полку, сидевший прямо напротив меня, подкручивал большие черные усы и пожирал меня глазами. Однако я не вспылал, поскольку чувствовал, что действительно был нескромен, и если еще в первый же вечер поссорюсь с офицером, который старше меня чином, это произведет дурное впечатление.

Итак, я допускаю, что был не прав, но слушайте дальше. После ужина полковник и некоторые офицеры вышли из комнаты – мы ужинали в крестьянском доме. Осталось с десяток офицеров, и так как принесли мехи с испанским вином, все мы развеселились. И тогда этот Оливье задал мне несколько вопросов насчет нашей армии в Германии и моего участия в кампании. Разгоряченный вином, я так и сыпал всякими историями. Что ж тут удивительного, друзья мои? Я уверен, вы меня поймете. Там я был образцом для офицеров своего поколения во всей армии. Я был первым рубакой, самым отчаянным кавалеристом, героем сотни приключений. Здесь же не только не знали про мою славу, но и смотрели на меня косо. Мудрено ли, если мне хотелось показать этим храбрецам, что за человека к ним прислали? Мудрено ли, если мне хотелось сказать: «Радуйтесь, друзья, радуйтесь! Сегодня к вам прибыл не кто-нибудь, а я, собственной персоной, сам Жерар, герой Ратисбона, покоритель Йены, человек, который прорвал каре при Аустерлице!» Но я не мог так прямо им сказать это. И я пустился вспоминать разные боевые случаи, чтобы они сами это мне сказали. И что же? Они слушали меня с полнейшим равнодушием.

Увлечшись, я рассказал им, как провел армию через Дунай, и тут грянул дружный смех. Я вскочил, красный от стыда и бешенства: я попался на их удочку! Они, оказывается, потешались надо мной. Они были уверены, что имеют дело с хвастуном и лжецом. Неужто мне суждено быть принятым так конфланскими гусарами? На глазах у меня выступили слезы обиды, а они, видя это, захохотали еще громче.

– Скажите-ка, капитан Пеллетан, что, маршал Ланн все еще командует армией? – спросил майор.

– Насколько мне известно, да, – отвечал капитан.

– Право, я готов был подумать, что теперь, когда прибыл капитан Жерар, в его присутствии едва ли есть необходимость.

Снова грянул смех. Как сейчас, вижу все эти лица, эти насмешливые глаза, разинутые рты – Оливье с его длинными черными усами, худого и насмешливого Пеллетана, – даже юные подпоручики и те корчились от смеха. Боже, какое унижение! От ярости слезы высохли у меня на глазах. Я снова стал самим собой, холодным, спокойным, замкнутым, снаружи лед, а внутри пламя.

– Позволено ли мне будет спросить вас, сударь, – обратился я к майору, – в котором часу состоится утренний сбор полка?

– Надеюсь, капитан Жерар, вы не намерены изменить распорядок? – сказал он, и снова раздался взрыв смеха, который, однако, сразу стих, когда я огляделся вокруг.

– В котором часу сбор? – резко спросил я у капитана Пеллетана.

У него уже готов был вырваться насмешливый ответ, но мой взгляд заставил его прикусить язык.

– В шесть, – ответил он.

– Благодарю вас, – сказал я.

Потом я пересчитал присутствующих и обнаружил, что имею дело с четырнадцатью офицерами, двое из которых были юнцы прямо из Сен-Сира^[11]. Им можно было простить их неучтивость. Оставались майор, четыре капитана и семь поручиков.

– Господа, – сказал я, переводя взгляд с одного на другого. – Я буду чувствовать себя недостойным этого славного полка, если не потребую у вас удовлетворения за вашу грубость, и буду считать вас недостойными его, если вы под каким-либо предлогом мне откажете.

– Ну, тут у вас не будет никаких затруднений, – заявил майор. – Я готов забыть о своем чине и дать вам любое удовлетворение от имени конфланских гусар.

– Премного благодарен, – отвечал я. – Но я требую того же и от всех

остальных офицеров, которые надо мной смеялись.

– С кем вы хотите драться? – спросил капитан Пеллетан.

– Со всеми, – отвечал я.

Они удивленно переглянулись. Потом отошли в другой конец комнаты и стали шептаться. Они смеялись. Видимо, все еще думали, что имеют дело с жалким хвастуном. Наконец они вернулись.

– Ваша просьба несколько необычна, – сказал майор Оливье, – но она будет удовлетворена. Как предлагаете вы вести такую дуэль? Мы предоставляем вам назвать условия.

– Будем рубиться на саблях, – ответил я. – И начну я по старшинству с вас, майор Оливье, ровно в пять часов. Таким образом, до сигнала трубы я успею уделить каждому по пяти минут. Однако должен просить вас назначить место встречи, поскольку я незнаком с окрестностями.

Моя холодная деловитость произвела на них впечатление. Улыбок на их губах как не бывало. Лицо Оливье стало уже не насмешливым, а мрачным и суровым.

– За коновязями есть небольшая поляна, – сказал он. – Мы там уже улаживали дела чести, и все проходило как нельзя лучше. Будем ждать вас там, капитан Жерар, в назначенный вами час.

Я уже наклонил голову в знак благодарности за это согласие, как вдруг дверь распахнулась и быстрым шагом вошел взволнованный полковник.

– Господа, – сказал он, – мне поручено найти среди вас добровольца для дела, сопряженного с величайшей опасностью. Не скрою, дело это весьма и весьма серьезное, и маршал Ланн решил послать кавалерийского офицера, потому что кавалеристы не так нужны ему, как пехотинцы или саперы. Семейных приказано не брать. Итак, кто из остальных вызовется добровольцем?

Незачем и говорить, что все холостые офицеры сделали шаг вперед. Полковник оглядел их в некотором замешательстве. Я понимал его затруднение. Пойти должен был лучший из лучших, и в то же время этот лучший был ему особенно необходим.

– Господин полковник, – сказал я, – позвольте мне высказать предложение?

Полковник бросил на меня неприязненный взгляд. Он не забыл моих замечаний за ужином.

– Говорите! – сказал он.

– Обращаю ваше внимание на то, господин полковник, что это задание должен выполнить я и по праву, и по соображениям целесообразности.

– Но почему же, капитан Жерар?

– По праву потому, что мой чин обязывает меня к этому, а по соображениям целесообразности потому, что если я не вернусь, это не будет утратой для полка, где меня еще никто не знает.

На лице полковника выразилось облегчение.

– Вы совершенно правы, капитан Жерар, – сказал он. – Мне кажется, вы в самом деле лучше всех подходите для этого дела. Следуйте за мной, я передам вам приказ.

Я простился со своими новыми товарищами и, уходя, повторил, что буду к их услугам утром в пять часов. Они молча поклонились, и по выражению их лиц я мог заключить, что они начинают более справедливо судить о моем характере.

Я ожидал, что полковник сразу объяснит мне суть дела, но он шел молча, и я следовал за ним. Мы прошли через весь лагерь, потом через окопы, мимо груд каменных обломков, оставшихся от городской стены. Дальше начался лабиринт ходов, проложенных среди развалин домов, взорванных саперами. Огромное пространство было усыпано обломками стен и кирпичом, а ведь когда-то здесь было густонаселенное городское предместье. Ходы тянулись во все стороны, на углах висели фонари с надписями, указывавшими направление. Полковник быстро шагал вперед, и вот наконец впереди выросла высокая серая стена, которая тянулась прямо поперек нашего пути. Здесь, под прикрытием баррикады, расположились наши передовые посты. Полковник ввел меня в дом с сорванной крышей, и я увидел там двух генералов – стоя на коленях у барабана, на котором была разложена карта, они внимательно рассматривали ее при свете фонаря. Один, гладко выбритый, со скрюченной шеей, был маршал Ланн, другой – генерал Разу, который командовал саперами.

– Вот капитан Жерар, он вызвался добровольцем, – сказал полковник.

Маршал Ланн встал с колен и пожал мне руку.

– Вы храбрец, – сказал он. – Вот, возьмите, этот подарок приготовлен для вас, – добавил он, протягивая мне тоненькую стеклянную трубочку. – Доктор Фарде специально составил яд. Если не будет другого выхода, вам довольно положить его в рот – смерть наступает мгновенно.

Начало было многообещающее. Признаться, друзья мои, по спине у меня пополз холодок, а волосы на голове встали дыбом.

– Прошу прощения, – сказал я, отдавая честь. – Я понимаю, что вызвался на очень опасное дело, но мне еще не сообщили, в чем оно состоит.

– Полковник Перрен, – строго сказал Ланн. – Это несправедливо: вы

позволили этому храбрецу вызваться добровольцем, а он не знает даже, какие опасности его ждут.

Но я уже снова стал прежним Жераром.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – да позволено мне будет заметить, что чем больше опасность, тем больше и слава, и мне придется только пожалеть, что я вызвался добровольцем, если окажется, что никакого риска нет.

Это были благородные слова, и выражение моего лица подкрепляло их. Вид у меня в тот миг был геройский. Я почувствовал на себе восхищенный взгляд Ланна и с восторгом подумал, что блестяще начинаю свою службу в Испании. Если бы я погиб в ту ночь, то обессмертил бы свое имя. Новые и старые товарищи, которые ни в чем другом не могли бы столкнуться, единодушно отдали бы дань любви и восхищения Этьену Жерару.

– Генерал Разу, разъясните обстановку! – коротко приказал Ланн.

Командующий саперами встал, держа циркуль в руке. Он подвел меня к двери и указал на высокую серую стену, которая высилась среди развалин.

– Вон там проходит теперь вражеская линия обороны, – сказал он. – Это стена большого монастыря Мадонны. Если нам удастся взять его приступом, город падет, но они заложили вокруг монастыря контрмины, а стены такие толстые, что пробить их артиллерийским огнем невероятно трудно. Однако нам стало известно, что в одном из подвалов противник устроил большой пороховой склад. Если его удастся взорвать, путь нашим войскам будет свободен.

– А как туда пробраться? – спросил я.

– Сейчас объясню. У нас есть в городе свой человек по имени Юбер. Этот смельчак поддерживал с нами регулярную связь и обещал взорвать склад. Он должен был сделать это ранним утром, и вот уже два дня штурмовой отряд из тысячи гренадеров ждет, пока будет пробита брешь. Но взрыва не было, и эти два дня мы не имеем никаких вестей от Юбера. Судьба его нам неизвестна.

– Значит, я должен пойти туда и все выяснить?

– Совершенно верно. Может быть, он заболел, или ранен, или убит? Ждать ли нам взрыва или же предпринять наступление в каком-нибудь другом месте? Мы не можем решить это, пока не узнаем, что с ним случилось. Вот план города, капитан Жерар. Как видите, за этим кольцом монастырей лежат улицы, которые сходятся к главной площади. Если вы доберетесь до площади, то увидите на одном из ее углов собор. Он стоит на углу улицы

Толедо. Юбер живет в маленьком домике между мастерской сапожника и винной лавкой, по правую руку, если идти от собора. Вам все ясно?

– Вполне.

– Вы найдете его дом, поговорите с Юбером и узнаете, осуществим ли еще наш план или же придется отказаться от него. – Он протянул мне сверток грязной материи. – Вот облачение францисканского монаха, – сказал он. – Это самая удобная одежда.

Я попятился.

– Не хочу быть шпионом! – воскликнул я. – Нет уж, пойду в мундире.

– Это невозможно! Как надеетесь вы пройти по улицам? И, кроме того, вспомните, что испанцы пленных не берут, и вас постигнет одинаковая судьба, в какой бы одежде вы ни были.

Это была правда, я уже достаточно долго пробыл в Испании и знал, что судьба эта будет похуже смерти. Я напялил на себя монашескую одежду.

– Я готов.

– У вас есть оружие?

– Сабля.

– Они могут услышать звяканье. Вот, возьмите этот нож, а саблю оставьте здесь. Скажите Юберу, что в четыре часа, перед рассветом, штурмовой отряд снова будет наготове. У двери ждет сержант, он укажет вам дорогу в город. До свиданья и желаю удачи!

Когда я выходил из комнаты, треуголки обоих генералов уже снова склонились над картой. У двери меня ждал унтер-офицер инженерных войск. Я подпоясался и, сняв кивер, натянул на голову капюшон. Шпоры я тоже снял и молча последовал за своим проводником.

Двигаться приходилось с большой осторожностью, так как на стенах у нас над головами стояли испанские часовые, которые то и дело обстреливали наши передовые посты.

Прячась в тени высокой монастырской стены, мы медленно и осторожно пробирались меж грудками развалин, пока не дошли до большого каштана. Здесь сержант остановился.

– На это дерево нетрудно залезть, – сказал он. – Проще, чем по веревочной лестнице. Полезайте, и вы увидите, что с верхней ветки можно перебраться на крышу вон того дома. Оттуда вас поведет ваш ангел-хранитель, потому что я больше ничем не могу помочь.

Я послушался совета и, подоткнув полы тяжелой коричневой рясы, влез на дерево. Серп месяца ярко светил, и силуэты крыши четко выделялись на лиловом, усыпанном звездами небе. Дерево стояло в тени

дома. Я медленно перебирался с ветки на ветку, пока не долез почти до самой верхушки. Оставалось только проползти по какому-нибудь толстому суку, чтобы очутиться за стеной. Вдруг я услышал шаги, прижался к стволу и постарался слиться с ним в полутьме. Кто-то шел по крыше в мою сторону. Я увидел темную фигуру – человек крался, пригнувшись, вытянув шею, держа ружье наперевес. Поведение его было необычайно настороженным. Несколько раз он останавливался, потом шел дальше и наконец очутился у парапета в нескольких шагах от меня. Здесь он встал на колени, прицелился и выстрелил.

Я был до того поражен этим внезапным грохотом у себя под самым носом, что чуть не свалился с дерева. В первый миг мне даже показалось, что он ранил меня. Но вот внизу послышался громкий стон, а испанец перегнулся через парапет и захохотал, и тогда я понял, что произошло. Стонал бедняга сержант, который все это время оставался внизу, ожидая, когда я доберусь до крыши. Испанец увидел его под деревом и выстрелил. Вы можете подумать, что он был метким стрелком, но эти люди вооружены «трабукос», или мушкетонами, которые набивают камнями и кусочками металла, и им попасть в человека так же легко, как мне в фазана, сидящего на ветке. Испанец стоял, вглядываясь в темноту; внизу опять раздался стон. Испанец огляделся – вокруг было тихо и спокойно. Возможно, он подумал, что хорошо бы прикончить этого проклятого француза, а может, собирался обшарить его карманы, – каковы бы ни были его побуждения, он положил ружье, пригнулся и прыгнул на дерево. В тот же миг я всадил в него нож, и он, ломая ветки, с громким треском полетел вниз и шлепнулся на землю. Я услышал внизу шум короткой борьбы и французские ругательства. Раненый сержант отомстил за себя.

Несколько минут я не смел шелохнуться, мне все казалось, что шум непременно кто-нибудь слышал. Однако все было тихо, только колокола в городе отбивали полночь. Я прополз по ветке и перелез на крышу. Там лежало ружье испанца, но мне от этого не было толку, так как пороховница осталась у него на поясе. В то же время я знал, что, если ружье найдут, это насторожит врагов, и счел за благо перебросить его через стену. Потом я огляделся, раздумывая, как бы спуститься с крыши.

Было совершенно ясно, что проще всего спуститься тем же путем, каким сюда поднялся этот испанец, а как он это сделал, выяснилось очень скоро. На крыше раздался оклик: «Мануэло! Мануэло!» Он повторился несколько раз, и я, съезжившись в тени, увидел при свете луны бородатую голову, которая высунулась из слухового окна.

Не получив ответа, бородач вылез на крышу, а за ним еще трое, все

вооруженные до зубов. Вот видите, как важно не пренебрегать никакими, даже самыми мелкими предосторожностями: ведь оставь я на месте ружье испанца, они стали бы искать его самого и наверняка обнаружили бы меня. А так патруль, не найдя своего часового, без сомнения, решил, что тот пошел дальше по крышам. Они поспешили следом за ним, а я, едва они повернулись ко мне спиной, бросился к окну и спустился по лестнице вниз. Дом оказался пустым, я прошел его весь из конца в конец и через открытую дверь вышел на улицу.

Это была узкая, пустынная улочка, но она выходила на другую, пошире, где горели костры, вокруг которых спало много солдат и крестьян. В городе стоял такой ужасный смрад, что можно было только удивляться, как здесь живут люди: ведь осада длилась уже много месяцев, а они ни разу даже не пытались очистить улицы или похоронить мертвых. Многие переходили от костра к костру, и среди них я увидел нескольких монахов. Убедившись, что они ходят свободно и никто не задает им никаких вопросов, я собрался с духом и быстро зашагал в сторону большой площади. Один раз какой-то человек, лежавший у костра, вскочил и схватил меня за рукав. Он указал на женщину, неподвижно лежавшую на мостовой, и я понял, что она умирает и он просит напутствовать ее перед кончиной. Я постарался отделаться немногими латинскими фразами, которые еще помнил. «Ora pro nobis^[12], – пробормотал я из-под капюшона. – Te Deum laudamus^[13]. Ora pro nobis». При этом я поднял руку и указал вперед. Он выпустил мой рукав и молча отступил, а я, сделав торжественный жест, поспешил дальше.

Как я и ожидал, широкий бульвар вел на главную площадь, где было полно войск и ярко пылали костры. Я быстро шел вперед, и хотя несколько раз со мной заговаривали какие-то люди, я не обратил на них внимания. Я миновал собор и пошел по улице, о которой мне было сказано. В этой части города, удаленной от наших позиций, войск не было, и вокруг царила темнота – разве только изредка в каком-нибудь окне мелькнет свет. Я без труда нашел нужный дом между винной лавкой и сапожной мастерской. Окна не светились, и дверь была закрыта. Я осторожно дернул ручку, и она подалась. Неизвестно было, кто там внутри, но приходилось рисковать. Я отворил дверь и вошел.

Темно было – хоть глаз выколи, тем более что я прикрыл за собой дверь. Я ощупью нашарил стол. Потом остановился, не зная, что делать дальше, как узнать что-нибудь о хозяине этого дома. Малейшая оплошность не только стоила бы мне жизни, но и означала бы провал всего

дела. Может быть, он живет не один. Может, он только снимает комнату у какого-нибудь семейного испанца и мой приход для него равносителен смерти, так же как и для меня. Не часто в своей жизни бывал я так растерян. И вдруг кровь заледенела у меня в жилах. Над самым ухом у меня раздался тихий голос, да-да, голос.

– Mon Dieu! – простонал кто-то, и в этих словах звучала смертная мука. – Oh, mon Dieu! Mon Dieu!^[14]

Потом в темноте раздались глухие рыдания, и все снова стихло.

Этот голос привел меня в ужас, но вместе с тем в душе моей блеснула надежда: ведь то был голос француза.

– Кто здесь? – спросил я.

Послышался стон, но ответа не было.

– Это вы, мсье Юбер?

– Да, да, – прошептал голос так тихо, что я едва мог его расслышать. – Воды, ради всего святого, воды!

Я пошел на голос, но уперся в стену. Снова послышался стон, на этот раз, без сомнения, у меня над головой. Я поднял руки, но не нащупал ничего, кроме пустоты.

– Где вы? – воскликнул я.

– Здесь! Здесь! – прошептал этот странный, дрожащий голос. Я принялся шарить по стене и нащупал голую ногу. Она была на уровне моего лица, но, насколько я мог понять, висела без всякой опоры. Я в изумлении отпрянул. Потом достал из кармана кремь с трупом и высек огонь. При первой вспышке мне показалось, что человек парит передо мной в воздухе, и от удивления я выронил кремь. Потом я снова дрожащей рукой ударил стальным кресалом по кремню, и на этот раз зажег не только труп, но и вощеную бумагу. Я поднял ее над головой и увидел такое, что перестал удивляться, и теперь единственным чувством, наполнявшим меня, был ужас.

Человек был распят на стене, как распинают крестьяне ласку на двери курятника. Руки и ноги его пронзали огромные железные штыри. Бедняга был в предсмертной агонии, его голова свесилась на плечо, а почерневший язык вывалился изо рта. Он умирал от ран и от жажды, а эти бесчеловечные негодяи поставили перед ним на столе чашу с вином, чтобы усугубить его страдания. Я поднес чашу к его губам. У него хватило сил сделать несколько глотков, и глаза его несколько оживились.

– Вы француз? – прошептал он.

– Да. Меня послали выяснить, что с вами случилось.

– Они узнали, кто я. И предали меня казни. Но перед смертью я

расскажу вам все, что знаю. Умоляю, еще глоток вина! Скорей же, скорей. Мне не много осталось жить. Силы покидают меня. Слушайте! Порох хранится в келье матери-настоятельницы. В стене уже просверлено отверстие, и конец шнура выведен в келью сестры Анхелы, что рядом с часовней. Все было готово еще два дня назад. Но они перехватили донесение и стали меня пытаться.

– Боже правый! Неужели вы висите здесь целых два дня?

– Эти дни показались мне годами. Товарищ, скажи, ведь я послужил Франции верой и правдой? Тогда окажи мне одну маленькую услугу. Всади мне нож в сердце, дорогой друг! Заклинаю тебя всем святым, положи конец моим страданиям.

Действительно, состояние его было безнадежным и милосерднее всего было бы выполнить его просьбу. И все же я не мог хладнокровно всадить в него нож, хотя знал, что на его месте я сам молил бы о смерти, как о милосердии. И вдруг я вспомнил, что в кармане у меня яд, действующий мгновенно и безболезненно. Этот яд должен был избавить от пыток меня самого, но несчастный Юбер нуждался в нем самым отчаянным образом и достойно послужил Франции. Я достал пузырек и вылил его содержимое в чашу с вином. Я уже подносил чашу к его губам, как вдруг услышал снаружи бряцание оружия. В мгновение ока я погасил свет и притаился за шторой. Дверь распахнулась, и в дом ввалились двое испанцев, свирепые, смуглолицые, в гражданской одежде, но с ружьями за плечами. Я смотрел на них сквозь щель меж занавесками, дрожа при мысли, что они напали на мой след, но было ясно, что они пришли просто для того, чтобы насладиться страданиями моего несчастного соотечественника. Один из них поднес фонарь, который держал в руках, к лицу умирающего, и оба громко, злорадно захохотали. Потом взгляд того, что держал фонарь, упал на чашу с вином, стоявшую на столе. Он взял ее, с дьявольским смехом поднес к губам Юбера, а когда бедняга невольно потянулся к ней, отдернул ее и сам сделал большой глоток. В тот же миг он с диким криком схватил себя за горло и бездыханный свалился на пол. Его товарищ смотрел на него в страхе и изумлении. Вдруг, охваченный суеверным ужасом, он издал пронзительный вопль и как безумный выбежал из комнаты. Я слышал, как его шаги прогрохотали по мостовой, потом все стихло.

Горящий фонарь остался на столе, и я, выйдя из-за занавески, увидел при его свете, что голова несчастного Юбера поникла на грудь и он тоже мертв. Движение, которое он сделал, пытаясь дотянуться до чаши губами, было последним. В доме громко тикали часы, и больше ничто не нарушало тишины. На стене висело поникшее тело француза, на полу валялся

недвижный труп испанца, и все это освещал тусклый фонарь. Впервые в жизни отчаянный страх приковал меня к месту. Я видел, как десять тысяч человек лежали на земле, терзаемые всеми страданиями, какие только можно вообразить, но даже это зрелище потрясло меня меньше, чем две безмолвные фигуры, перед которыми я очутился в этой полутемной комнате. Я опрометью выбежал на улицу, как тот, второй испанец, – только бы вырваться из этого жуткого дома, и опомнился, лишь когда добежал до самого собора. Там я остановился в темном углу, тяжело дыша, прижал руку к сердцу и попытался собраться с мыслями и решить, что же теперь делать. Пока я стоял там, все еще не в силах перевести дух, огромные медные колокола дважды ударили у меня над головой. Два часа. А в четыре штурмовой отряд выйдет на рубеж для атаки. У меня оставалось два часа времени.

Собор был ярко освещен изнутри, люди то и дело входили и выходили; я тоже вошел, решив, что там едва ли кто-нибудь заговорит со мной и я смогу спокойно обдумать план действий. На этот собор, скажу я вам, стоило посмотреть – он служил одновременно госпиталем, укрытием от ядер и складом. Один придел был завален всякими припасами, другой – переполнен больными и ранеными, а посередине ютилось множество беспомощных людей, которые даже развели на мозаичном полу костры и стряпали себе пищу. Многие молились, и я тоже встал на колени у колонны и молился всем сердцем, прося Бога помочь мне выбраться из этой переделки живым и совершить в эту ночь подвиг, который сделает мое имя столь же славным в Испании, как и в Германии. Я дождался, пока часы пробили три, вышел из собора и направился к монастырю Мадонны, откуда нашим войскам предстояло начать приступ. Вы ведь меня знаете, не такой я человек, чтобы струсить и вернуться к своим с докладом, что наш лазутчик погиб и надо искать иных путей прорваться в город. Либо я должен был найти средство завершить незаконченное дело, либо в Конфланский гусарский полк назначили бы нового капитана взамен погибшего.

Я беспрепятственно прошел по широкому бульвару, о котором уже рассказывал, и очутился у огромного монастыря с каменными стенами, этого главного бастиона в обороне города. Монастырь стоял на площади, перед ним росли деревья. Здесь сосредоточилось несколько сот человек, вооруженных и готовых к бою, – ведь защитники города, конечно, знали, что именно отсюда французы скорей всего начнут штурм. До тех пор нашей армии приходилось драться в Европе лишь с регулярными войсками. И только здесь, в Испании, мы узнали, как это ужасно – воевать против всего народа. С одной стороны, никакой славы – велика ли слава одолеть

этот сброд, этих пожилых лавочников, невежественных крестьян, фанатичных священников, обезумевших женщин и прочих вояк, из которых состоял гарнизон? С другой стороны, это было крайне хлопотно и опасно, потому что они не давали нам ни минуты покоя, не соблюдали законов ведения войны и были полны решимости донять нас не мытьем, так катаньем. Я начал понимать, что мы делаем недоброе дело, когда увидел пеструю, но грозную толпу, которая собралась вокруг сторожевых костров во дворе монастыря Мадонны. Конечно, не наше солдатское дело рассуждать о политике, но с самого начала в этой Испании над нами словно висело проклятие.

Однако у меня не было времени раздумывать обо всем этом. Как я уже говорил, проникнуть в монастырский сад не составляло никакого труда, зато пройти внутрь самого монастыря, мимо часовых, было не так-то просто. Первым делом я обошел сад и сразу обратил внимание на большое окно с цветным стеклом, – вероятно, там и была часовня. Из слов Юбера я понял, что келья матери-настоятельницы, где теперь пороховой склад, находится рядом с часовней и шнур протянут через дыру в стене из соседней кельи. Я должен был любой ценой проникнуть внутрь. У дверей стояла стража – как же войти без объяснений? И тут меня вдруг словно какое-то вдохновенье осенило – я понял, как это можно сделать. В саду был колодец, рядом с ним стояло несколько пустых ведер. Я наполнил водой два ведра, взял их и подошел к двери. Не приходится объяснять, зачем идет человек, у которого в каждой руке по полному ведру. Стража расступилась и пропустила меня. Я очутился в длинном, вымощенном каменными плитами коридоре, освещенном фонарями, по одну сторону которого были расположены кельи монашек. Наконец-то я был на верном пути. Я, не колеблясь, пошел дальше, так как еще в саду заметил, в какую сторону надо идти, чтобы попасть к часовне.

По коридору, покуривая, слонялось много испанских солдат, некоторые заговаривали со мной, когда я проходил мимо. Наверное, они просили у меня благословения, и мое «*ora pro nobis*» как будто вполне их удовлетворяло. Вскоре я добрался до часовни – здесь сразу видно было, что в соседней келье устроен склад, так как пол перед дверью был весь черен от пороха. Дверь была закрыта, и снаружи ее охраняли два свирепых с виду молодца, у одного из которых за поясом торчал ключ. Будь нас только двое, этот ключ живо оказался бы у меня в руках, но в присутствии второго часового мне нечего было и надеяться завладеть им силой. Соседняя со складом келья, видимо, и принадлежала сестре Анхеле. Дверь была приоткрыта. Я собрал все свое мужество и, оставив ведра в коридоре,

беспрепятственно вошел в келью.

Я ожидал найти там по крайней мере шестерых испанских головорезов, но то, что я увидел, смутило меня еще больше. Келья, очевидно, была отдана в распоряжение монахинь, которые по какой-то причине отказались покинуть монастырь. Их было три: одна пожилая, с суровым лицом, очевидно, сама настоятельница, а две другие – молодые и хорошенькие. Они сидели рядом в дальнем конце кельи, но встали, едва я вошел, и я не без удивления понял по их поведению и выражению лиц, что моего прихода ждали и рады ему. Ко мне сразу же вернулось присутствие духа, и я сообразил, в чем дело. Поскольку ожидался штурм монастыря, эти сестры, разумеется, полагали, что их отведут в какое-нибудь убежище. Возможно, они дали обет не покидать эти стены, и им велели оставаться в келье до дальнейших распоряжений. Так или иначе, я действовал, исходя именно из этого, ведь необходимо было как-то удалить их из кельи, а тут подвернулся удобный повод. Первым делом я оглянулся на дверь и убедился, что ключ торчит в замке изнутри. Тогда я знаком велел монахиням следовать за мной. Настоятельница о чем-то спросила меня, но я нетерпеливо покачал головой и снова сделал знак. Она колебалась, но я топнул ногой и так властно указал на дверь, что все три немедленно повиновались. Самым безопасным местом была часовня, я отвел их туда и поместил в дальнем от порохового склада конце. Когда монахини расселись наконец перед алтарем, сердце мое подпрыгнуло от радости и гордости, – я понял, что последнее препятствие устранено с моего пути.

И все же я всегда каким-то нюхом чувствовал приближение самой опасной минуты. Собираясь уйти, я еще раз посмотрел на настоятельницу и с тревогой увидел, что ее пронзительный взгляд прикован к моей правой руке, а на лице у нее написано удивление, быстро переходящее в подозрительность. Что же могло привлечь ее внимание? Во-первых, моя рука была обагрена кровью часового, которого я ударил ножом на дереве. Само по себе это ничего не значило, ведь нож у монахов Сарагоссы в таком же ходу, как и требник. Во-вторых, на указательном пальце я носил массивное золотое кольцо – подарок одной немецкой баронессы, чье имя я называть не стану. Оно ярко сверкало при свете лампы. А кольцо на руке у монаха – это уже нечто невиданное, поскольку он принес обет бедности. Я быстро повернулся и пошел к двери, но дело уже невозможно было поправить. Оглянувшись, я увидел, что настоятельница спешит за мной следом. Я выбежал из часовни и бросился по коридору, но она пронзительным голосом выкрикнула предостережение часовым у склада. К счастью, у меня хватило присутствия духа тоже крикнуть и указать вперед,

словно мы оба гнались за кем-то еще. Тем временем я проскочил мимо них, вбежал в келью, захлопнул тяжелую дверь и запер ее изнутри. На этой толстой деревянной двери сверху и снизу были засовы, а посередине – здоровенный замок, и взломать ее было нелегко.

И все же, если б у них хватило ума подложить под дверь бочку с порохом, песенка моя была бы спета. Это была их последняя возможность, потому что я уже оказался у цели. Наконец-то, после множества опасностей, какие мало кому довелось пережить, я очутился у одного конца шнура, другой конец которого был протянут на склад, где хранился весь порох Сарагоссы. Они были в коридоре, как волки, и колотили в дверь прикладами. Я не обращал никакого внимания на весь этот шум и торопливо озирался в поисках шнура, о котором говорил Юбер. Разумеется, шнур должен быть в стене, примыкающей к складу. Я прополз на четвереньках вдоль всей стены, заглядывая в каждую щель, но не нашел никаких следов. Две пули прошили дверь насквозь и расплющились о стену. Удары прикладов становились все громче. Я заметил в углу что-то серое, бросился туда с радостным криком и увидел, что это всего лишь мусор. Тогда я, встав сбоку, у самой двери, где пули, которые буквально изрешетили ее, не могли причинить мне вреда, попытался отвлечься от оглушавшего меня дьявольского воя и сообразить, где же может быть этот шнур. Видимо, Юбер искусно спрятал его, в противном случае он не укрылся бы от монахинь. Я попытался представить себе, как проложил бы его я сам на месте Юбера. Внимание мое привлекла статуя святого Иосифа, стоявшая в углу. Вокруг пьедестала был венок из листьев, среди которых теплилась лампада. Я бросился к статуе и сорвал венок. Да, да, я увидел там тонкий черный шнур, исчезающий в едва приметном отверстии в стене. Я опрокинул лампаду и распластался на полу. Через мгновение раздался громовой взрыв, стены зашатались и рухнули, потолок обвалился и, перекрывая вопль перепуганных испанцев, раздался грозный боевой клич: это гренадеры пошли на приступ. Как во сне – в счастливом сне – услышал я этот клич и больше уж ничего не слышал.

Когда я очнулся, двое французских солдат помогли мне сесть, – голова у меня звенела, как котел. Шатаясь, я встал на ноги и огляделся. Вся штукатурка осыпалась, скамьи валялись на полу, в кирпичах зияли пробоины, но никаких следов бреши. Да, стены монастыря были слишком толсты, и взрыв порохового склада их не разрушил. Но зато этот взрыв посеял такую панику среди защитников, что нашим штурмовым частям удалось без особого труда высадить окна и двери. Выскочив в коридор, я увидел, что он запружен французскими войсками, и тут сам маршал Ланн

вошел туда в сопровождении своего штаба. Он остановился и с интересом выслушал мой доклад.

– Великолепно, капитан Жерар, просто великолепно! – воскликнул он. – О вашем подвиге непременно будет доложено императору.

– Осмелюсь заметить, ваше превосходительство, что я только завершил то, что задумал и подготовил мсье Юбер, отдавший свою жизнь за великое дело.

– Его заслуги не будут забыты, – сказал маршал. – Однако, капитан Жерар, уже половина пятого, и вы, наверное, умираете с голоду после столь трудной ночи. Я со своим штабом буду завтракать в городе. Прошу вас быть моим почетным гостем.

– Я вскоре догоню ваше превосходительство, – сказал я. – У меня тут одно небольшое дельце.

Он посмотрел на меня с удивлением:

– Как, в такой час?

– Да, ваше превосходительство, – отвечал я. – Я обману ожидания моих товарищей офицеров, с которыми я только вчера познакомился, если не повидаюсь с ними в этот час.

– В таком случае до свидания, – сказал маршал Ланн и проследовал дальше.

Я поспешно вышел через разбитые ворота монастыря. Возле дома с сорванной крышей, куда накануне вызвал меня маршал, я сбросил монашеское одеяние и надел кивер и шпагу, которые оставил там. Снова став гусаром, я поспешил к роще, где была назначена встреча. Голова у меня все еще кружилась после контузии, и я был измучен волнениями этой ужасной ночи. Рассвет еще только занимался, и я шел как во сне, а вокруг тлели гаснущие костры и гудела просыпающаяся армия. Сигнальные трубы и барабаны во всех концах созывали пехоту, так как взрыв и крики уже оповестили о случившемся. Я все шел и наконец, добравшись до дубовой рощицы за коновязями, увидел двенадцать своих товарищей. Все они были при саблях и ждали меня, собравшись в кружок. Когда я приблизился, меня встретили любопытными взглядами. Быть может, теперь, когда лицо у меня было черным от пороха, а руки обогреты кровью, я показался им совсем иным Жераром, нежели тот молодой капитан, над которым они потешались накануне.

– Доброе утро, господа, – сказал я. – Приношу глубочайшие извинения, что заставил вас ждать, но это не моя вина.

Они молчали, но по-прежнему смотрели на меня с любопытством. Как сейчас вижу их: они стояли в ряд, рослые и приземистые, толстые и

худощавые, – Оливье, со своими воинственными усами, Пеллетан, с худым, горячим лицом, юный Удэн, покрасневший от волнения перед своей первой дуэлью, Мортье, с косым шрамом на морщинистом лбу. Я снял кивер и обнажил саблю.

– Господа, у меня к вам только одна просьба, – сказал я. – Маршал Ланн пригласил меня к завтраку, и я не могу заставить его ждать.

– Что же вы предлагаете? – спросил майор Оливье.

– Прошу освободить меня от обещания уделить каждому из вас пять минут и позволить мне драться со всеми разом.

Сказав это, я встал в боевую позицию.

Ответ их был великолепен и достоин истых французов. Единым движением все двенадцать клинков вылетели из ножен и поднялись вверх, салютуя мне. Все двенадцать офицеров замерли, вытянувшись, и каждый поднял саблю перед собой.

Я попятился, переводя взгляд с одного на другого. Сначала я не мог поверить своим глазам. Эти люди, которые накануне смеялись надо мной, теперь отдавали мне дань уважения! И вдруг я все понял. Они оценили мой благородный поступок и не хотели остаться в долгу. Человек слаб, он может закалить себя против опасности, но не против чувств.

– Друзья! – вскричал я. – Друзья мои!

И больше не мог вымолвить ни слова. Что-то сдавило мне горло, дыхание перехватило. В тот же миг Оливье обнял меня, Пеллетан жал мне правую руку, Мортье – левую, кто-то трепал меня по плечу, кто-то хлопал по спине, со всех сторон на меня смотрели улыбающиеся лица, и я понял, что принят конфланскими гусарами.

Глава III

Как бригадир убил лису

Во всем великом французском войске был только один офицер, к которому англичане из армии Веллингтона питали глубокую, яркую, неугасимую ненависть. Были среди французов грабители, насильники, заядлые игроки, дуэлянты и повесы. Все это можно простить, поскольку нетрудно было найти им подобных и среди англичан. Но один офицер из армии Массены совершил преступление невиданное, неслыханное, ужасное; не к ночи будь оно помянуто, разве только когда вторая бутылка развяжет языки. Весть об этом донеслась до Англии, и джентльмены из глухих ее уголков, которые мало что знали о войне, краснели от ярости, когда слышали об этом, а йомены из всех графств грозили в небо веснушчатými кулаками и изрыгали проклятия. И кто бы вы думали совершил это ужасное деяние? Ну конечно же, наш друг бригадир Этьен Жерар из Конфланского гусарского полка, лихой наездник, забияка, добрый малый, любимец дам и шести бригад легкой кавалерии.

Но самое удивительное, что этот храбрый и благородный человек совершил такой ужасный проступок и стал пользоваться самой дурной славой на Пиренейском полуострове, даже не подозревая, что повинен в преступлении, которое невозможно описать никакими словами. Он умер в преклонных годах и никогда в своей невозмутимой самоуверенности, которая украшала или, быть может, скорее портила его репутацию, даже не заподозрил, что многие тысячи англичан охотно повесили бы его собственными руками. Напротив, он числил это приключение среди прочих подвигов, которые прославили его на весь мир, не раз, посмеиваясь и любуясь собой, рассказывал о нем в кругу друзей, ловивших каждое его слово, в том скромном кафе, где между обедом и партией в домино он вспоминал, то со смехом, то со слезами, неповторимые наполеоновские времена, когда Франция, подобно ангелу гнева, вознеслась, прекрасная и ужасная, над трепещущей Европой. Послушаем же этот рассказ из его собственных уст и попытаемся увидеть все его глазами.

— Да будет вам известно, друзья мои, — начал он, — что в конце тысяча восемьсот десятого года мы с Массена и всеми остальными теснили Веллингтона, надеясь сбросить его самого и его армию в Тахо. Но еще в двадцати пяти милях от Лиссабона мы обнаружили, что нас обманули: этот англичанин построил мощную линию укреплений на том месте, которое

называется Торрес Ведрас, и даже мы не в силах были ее прорвать! Она протянулась через весь полуостров, а мы были так далеко от родины, что не рисковали повернуть назад, так как еще при Бусако поняли, что война с этим народом совсем не детская игра. Что нам оставалось, кроме как остановиться перед этими укреплениями и блокировать их всеми силами? Мы проторчали там полгода в невыносимых условиях, и Массена потом говорил, что совершенно поседел за это время. Что касается меня, то я не очень тревожился, меня заботили только кони, которым нужно было отдохнуть и подкормиться на зеленых пастбищах. А мы пили местное вино и веселились, как только могли. Была у меня одна знакомая в Сантарене... но нет, молчок! Благородный человек обязан хранить тайну, хотя вправе дать понять, что мог бы сказать многое.

Однажды вызывает меня Массена к себе. Я тотчас явился в его палатку, где он сидел за столом и рассматривал большую карту. Он молча посмотрел на меня своим единственным орлиным глазом, и по выражению его лица я понял, что дело нешуточное. Он нервничал, хмурился, но мой бравый вид, видимо, его ободрил. Всегда полезно побыть в обществе храбреца.

– Полковник Этьен Жерар, – сказал он, – я не раз слышал, что вы храбрый и находчивый офицер.

Не мне было подтверждать это, но и отрицать такие вещи тоже глупо, так что я звякнул шпорами и отдал честь.

– Кроме того, говорят, вы отлично ездите верхом.

Я не возражал.

– И лучший рубака на все шесть бригад легкой кавалерии.

Массена славился своей осведомленностью.

– Так вот, – продолжал он, – взгляните на эту карту, и вы сразу поймете, чего я от вас хочу. Вот линии укреплений Торрес Ведрас. Посмотрите, как они растянуты, и вам станет ясно, что силы англичан сильно разбросаны. А за укреплениями до самого Лиссабона тянется голая равнина. Мне чрезвычайно важно знать, как расположены на этом пространстве войска Веллингтона, и я прошу вас отправиться туда и принести точные сведения.

От его слов мне стало не по себе.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – немыслимо кавалерийскому полковнику унизиться до роли шпиона.

Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

– Гусар – всегда горячая голова, иначе какой же это гусар, – сказал он. – Выслушайте меня, и вы поймете, что я вовсе не посылаю вас

шпионить. Что вы скажете вот об этой лошадке?

Он подвел меня к окну, где егерь прогуливал замечательного коня. Конь был серый, в яблоках, не очень рослый, пожалуй, немногим повыше пяти футов, но с короткой, красиво выгнутой шеей, как у лошадей арабских кровей. Ноги крепкие, мускулистые, но бабки такие тонкие, что я, едва взглянув на него, пришел в полный восторг. Никогда не мог смотреть равнодушно ни на хорошую лошадь, ни на красивую женщину, и не могу даже теперь, когда семьдесят зим поостудили мою кровь. Представьте же себе, каков я был в десятом году.

– Это Вольтижер, – сказал Массена, – лучший скакун во всей армии. Итак, отправляйтесь сегодня же вечером, вы должны обогнуть противника с фланга, объехать его тылы и, вернувшись с другого фланга, привезти сведения о расположении вражеских частей. Вы будете в мундире, и поэтому, если попадете в плен, вас не казнят, как шпиона. Вполне возможно, что вы проедете через линию обороны незамеченным, так как вражеские посты сильно разбросаны. Когда же вы окажетесь по ту сторону, вас никому не догнать, пока светло, а если станете избегать дорог, то, пожалуй, вообще никого не встретите. Жду вас до завтрашнего вечера, после чего буду считать, что вы попали в плен, и предложу им в обмен на вас полковника Петри.

Ах, какой гордостью и радостью преисполнилась моя душа, когда я вскочил в седло и галопом проехался на этом изумительном коне. Конь был великолепен – мы оба были великолепны, и Массена захлопал в ладоши и закричал в восторге. Я не набивался на похвалу, он сам сказал, что достойному коню – достойный всадник. А когда я, как молния, промчался мимо него в третий раз, и султан мой развеивался, а доломан, трепеца, летел следом, по его суровому, словно каменному, лицу было видно, что он больше не сомневается в правильности своего выбора. Я обнажил саблю, поцеловал эфес, отсалютовал и поскакал в расположение своего полка. Все уже знали, что мне поручено важное дело, и мои дьяволы высыпали из палаток, приветствуя меня. Ах! И сейчас, в старости, на глазах у меня выступают слезы, когда я вспоминаю, как гордились они своим полковником. И я тоже гордился ими. Они были достойны своего лихого командира.

Ночь обещала быть ненастной, и это оказалось мне на руку. Я постарался сохранить свой отъезд в строжайшей тайне: ведь было ясно, что если англичане пронюхают о моей отлучке из армии, они, естественно, поймут, что дело тут нешуточное. Поэтому моего коня вывели за линию пикетов, как будто на водопой, я же пошел пешком и там сел в седло. У

меня была при себе карта, компас и письменные инструкции маршала – с этой бумагой на груди, под мундиром, и с саблей на боку я пустился в опасный путь.

Моросил дождь, луна была скрыта облаками – словом, можете себе представить, обстановка не очень приятная. Но на сердце у меня было легко, когда я думал о том, какая честь мне оказана и какая слава меня ожидает. Этот подвиг должен был умножить блестящий список, благодаря которому я получу вместо сабли маршальский жезл. Ах, каким мечтам предавались мы, глупые молодые люди, опьяненные успехом! Мог ли предвидеть в тот вечер я, избранный из шестидесяти тысяч, что буду на старости лет выращивать капусту за сотню франков в месяц! Ах, моя юность, мои мечты, мои боевые друзья! Но колесо судьбы вертится не останавливаясь. Простите, друзья мои, старика за его слабость.

Итак, путь мой лежал через плато Торрес Ведрас, потом через ручеек, мимо сгоревшего дома, который теперь служил только ориентиром, и дальше через небольшую дубраву к монастырю Святого Антония, который находился на левом фланге англичан. Оттуда я повернул на юг и стал тихонько спускаться с горы, так как именно здесь, как считал Массена, легче всего было проехать через вражеские позиции незамеченным. Ехал я шагом, поскольку тьма стояла такая, что я не видел дальше собственного носа. В таких случаях я всегда отпускаю поводья и целиком полагаюсь на лошадь. Вольтижер уверенно шел вперед, а я, удобно сидя в седле, только поглядывал вокруг да держался подальше от всяких огней. Так мы осторожно продвигались часа три, и я уже решил было, что все опасности позади. Я поскакал быстрее, так как хотел к рассвету оказаться в тылу вражеской армии. В тех местах много виноградников, и зимой ехать через них верхом одно удовольствие – скачи себе напрямик.

Но Массена недооценил коварство англичан: как выяснилось, там была не одна линия обороны, а все три, и как раз третью, самую сильную, я и проезжал в тот миг. Я ехал, радуясь удаче, как вдруг впереди вспыхнул фонарь, и я увидел блеск ружейных стволов и красные мундиры.

– Кто едет? – окликнул меня голос, и какой голос! Я взял вправо и помчался во весь опор, но из темноты вылетело с десятков огненных стрел, и вокруг меня запели пули. Это пение мне хорошо знакомо, друзья мои, но я не стану утверждать, как какой-нибудь глупый новобранец, будто мне оно по душе. Однако же я по крайней мере никогда не терял при этом голову и теперь знал, что остается только одно – скакать вперед что есть духу и попытать счастья где-нибудь в другом месте. Я оставил позади пикеты англичан и, не слыша больше ни звука, справедливо заключил, что уж

теперь-то проехал линию их обороны. Я проскакал пять миль на юг, время от времени высекая огонь, чтобы взглянуть на карманный компас. А потом вдруг – до сих пор, как вспомню об этом, душа обливается кровью – мой конь, даже не споткнувшись, без единого звука пал подо мной!

Я и не подозревал, что одна из пуль, пущенных этим проклятым пикетом, ранила его навывлет. Благородное животное даже не дрогнуло, оно скакало до последнего издыхания. Только что я чувствовал себя неуловимым на самом быстром, самом великолепном скакуне в армии Массены. И вот он лежит на боку, и толку от него никакого, разве только шкуру содрать, а я стою над ним, спешенный гусар – самое беспомощное, самое нелепое существо на свете. На что мне теперь сапоги, шпоры, сабля, волочащаяся по земле? Я был глубоко во вражеском тылу. Как мог я надеяться вернуться? Не стыжусь признаться, что я, Этьен Жерар, присел на труп своего коня и в отчаянии закрыл лицо руками. На востоке уже брезжил рассвет. Через полчаса станет совсем светло. Я преодолел все препятствия, и вот теперь, в последний миг, оказался беспомощным среди врагов, провалил поручение и попал в плен – разве мало этого, чтоб привести в отчаяние солдата?

Но не огорчайтесь, друзья мои! Даже у самых отважных бывают минуты слабости; но у меня дух, как стальная пружина, – чем больше его сгибаешь, тем выше он рвется вверх. Мгновенный приступ отчаяния миновал, и вот уж мой ум холоден как лед, а сердце пылает огнем. Не все было потеряно. Я прошел через столько опасностей, пройду и через эту. Я встал и начал раздумывать, как быть.

Мне сразу же стало ясно, что возвращаться назад нельзя. Прежде чем я успею миновать английские позиции, будет уже совсем светло. Надо где-то спрятаться до вечера, а ночью попытаться унести ноги. Я снял с бедняги Вольтижера седло, кобуру и уздечку и спрятал их в кустах, чтобы нельзя было узнать, если кто на него наткнется, что лошадь французская. Потом, оставив его там, я отправился на поиски какого-нибудь укрытия, где можно будет отсидеться до вечера. Со всех сторон от меня на склонах холмов горели бивачные костры, и вокруг них уже закопошились люди. Надо было спрятаться поскорее, иначе я пропал.

Но куда? Я забрел в виноградник, где еще торчали сухие лозы, но зелени не было. Здесь не укроешься. Кроме того, чтобы переждать до ночи, мне нужна была пища и вода. Становилось все светлее, и я поспешил вперед, надеясь, что случай мне поможет. И мне не пришлось разочароваться. Случай что женщина, друзья мои, он всегда благосклонен к отважному гусару.

Так вот, шел я, спотыкаясь, через виноградник, вдруг вижу, впереди что-то маячит – это я набрел на большой квадратный дом с длинной низкой боковой пристройкой. Дом стоял на скрещении трех дорог, и нетрудно было догадаться, что это posada, иными словами – таверна. Окна не светились, всюду было темно и тихо, но я, разумеется, понимал, что такая удобная квартира не может пустовать и скорее всего занята кем-нибудь из высокого начальства. Одно я по опыту знал, что чем ближе опасность, тем порой бывает надежней убежище, и вовсе не собирался уходить. Пристройка, видимо, была хлевом, и я забрался туда, поскольку дверь оказалась незапертой. В хлеву было полно волов и овец, – ясно было, что их спрятали здесь от лап мародеров. Вверх, на сеновал, вела лестница, я залез туда и уютно устроился на сене. Наверху было маленькое незастекленное оконце, откуда я мог видеть крыльцо и дорогу. Я устроился у окна и стал ждать.

В недолгом времени стало ясно, что я не ошибся: здесь расположилось какое-то высокое начальство. Вскоре после восхода солнца прискакал английский легкий драгун с донесением, и больше уже не было ни минуты тишины, офицеры то и дело приезжали и уезжали. И на устах у всех одно имя: «Сэр Стэплтон, сэр Стэплтон». Нелегко мне было лежать на сене с пересохшей глоткой и видеть, как хозяин таскает этим офицерам здоровенные бутылки с вином, но я забавлялся, глядя на их свежие, гладко выбритые, беззаботные физиономии и представляя себе, что они подумали бы, если б знали, что у них под самым носом пристроился такой знаменитый человек, как я. Лежу я себе, поглядываю и вдруг вижу такое, что впору рот раскрыть от изумления.

Просто невероятно, до какой наглости доходят эти англичане! Что, по-вашему, сделал милорд Веллингтон, когда узнал, что Массена его блокировал и ему с армией некуда податься? Ни за что не угадаете. Скажете, что он пришел в бешенство или в отчаяние, собрал все свои войска и обратился к ним с речью, говорил о славе и родине, а потом повел в последнее, решительное сражение. Нет, милорд не сделал ничего подобного. Он отправил в Англию военный корабль за гончими и начал травить лисиц. С места мне не сойти, если вру. За укреплениями Торрес Ведрас эти сумасшедшие англичане три дня в неделю охотились на лисиц. Слухи об этом доходили до нас и раньше, а теперь мне предстояло своими глазами убедиться в их правдивости.

По дороге, про которую я говорил, бежали эти самые собачки, штук тридцать, не то сорок, белые с коричневым, и у всех хвосты торчали под одинаковым углом, как штыки в старой гвардии. Клянусь Богом, на это стоило посмотреть! А позади и посередке ехали трое в остроконечных

шапочках и красных куртках – я догадался, что это егери. Следом двигалась целая толпа конных в мундирах всех родов войск, они тянулись по двое или по трое, со смехом болтая о чем-то. Ехали они мелкой рысью, и я подумал, что лиса, которую они собирались затравить, видно, не больно резвая. Однако это было их дело, а не мое, и вскоре все они проехали мимо моего убежища и скрылись из виду. Я притаился и ждал, готовый воспользоваться любым благоприятным случаем.

Вскоре по дороге проскакал офицер в голубой форме, похожей на ту, что носят наши конные артиллеристы, немолодой уже, грузный человек с седыми бакенбардами. Он остановился и начал разговаривать с драгунским штабным офицером, ждавшим у крыльца, и тут я убедился, как важно знать английский язык, которому у меня был случай научиться. Я слышал и понимал каждое слово.

– Где место сбора? – спросил офицер.

Второй ответил, что возле Альтары.

– Вы опаздываете, сэр Джордж, – сказал ординарец.

– Да, пришлось заседать в трибунале. Сэр Стэплтон Коттон уехал?

В этот миг отворилось окно, и в него выглянул красивый молодой человек в блестящем мундире.

– Хэлло, Мэррей! – сказал он. – Меня задержали эти чертовы протоколы, но я вас сейчас нагоню.

– Прекрасно, Коттон. Я опаздываю и поеду вперед.

– Велите груму подвести мне коня, – сказал молодой генерал через окно ординарцу, а пожилой двинулся дальше по дороге.

Ординарец отъехал куда-то к конюшне, и через несколько минут появился проворный английский грум с кокардой на фуражке, ведя под уздцы коня, – ах, друзья мои, кто не видел английского охотничьего скакуна, тот ничего не видел! Это было настоящее чудо: рослый, широкий в кости, сильный, стройный и быстроногий, как олень. Масти вороной, без единого пятнышка, а что за шея, круп, ноги, бабки – описать невозможно. Он весь блестел под солнцем, как полированное черное дерево, нетерпеливо пританцовывал на месте, легко и изящно поднимая копыта, тряс гривой и тонко ржал. Сроду не видел я такой силы, красоты и грации. Раньше я часто удивлялся, как это английским гусарам удалось обскákat гвардейских егерей под Асторгой, но когда увидел английских лошадей, то перестал удивляться.

У двери в стену было ввинчено кольцо, грум привязал лошадь, а сам вошел внутрь. Я мигом сообразил, какой счастливый случай посылает мне судьба. Стоит вскочить в седло, и положение мое станет еще выгодней, чем

вначале. Даже Вольтижер не мог бы сравниться с этим великолепным конем. Долго раздумывать не в моих привычках. Вмиг спустился я с лестницы и был у дверей хлева. Еще миг – и, выскочив наружу, я схватил повод и прыгнул в седло. Кто-то, хозяин или слуга, ошалело закричал мне вслед. Но что мне его крики! Я дал коню шпоры, и он ринулся вперед так резво, что лишь столь искусный наездник, как я, мог усидеть в седле. Я отпустил поводья и дал ему волю – мне было безразлично, куда скакать, лишь бы подальше от постоянного двора. Конь пронесся вихрем по виноградникам, и через несколько минут целые мили легли между мной и моими преследователями. В этой дикой стране им уже не узнать было, в какую сторону я поскакал. Я почувствовал себя в безопасности и, доехав до вершины невысокого холма, достал из кармана карандаш и записную книжку и снова принялся зарисовывать местность и набрасывать план позиций.

Подо мной был славный конь, но рисовать, сидя на нем, оказалось нелегким делом – он все время прядал ушами, дрожал и водил боками от нетерпения. Сначала я не мог понять, что это с ним, но потом заметил, что он делает это, только когда откуда-то из дубравы под нами доносится странный звук: «Улю-лю-лю». Потом вдруг этот нелепый крик сменило дикое порсканье и отчаянный рев рога. Мой конь словно обезумел. Глаза его метали искры. Грива встала дыбом. Он высоко прыгнул раз, другой, дрожа всем телом. Карандаш мой полетел в одну сторону, записная книжка – в другую. А когда я взглянул вниз, в долину, то увидел необычайное зрелище. Туда лавиной мчались охотники. Лисицы мне видно не было, но собаки так и заливались лаем; они уткнули носы в землю, задрали хвосты и бежали такой тесной гурьбой, что казались большим летящим желто-белым ковром. А за ними следом скакали охотники – Бог мой, какое это было зрелище! Представьте себе всех офицеров, какие только входят в состав большой армии. Некоторые были в охотничьих костюмах, но большинство в мундирах: голубые драгуны, красные драгуны, гусары в красных рейтузах, зеленые стрелки, артиллеристы, уланы в мундирах с золотой оторочкой, и почти сплошь красные, красные, красные, потому что пехотные офицеры ездили верхом не хуже кавалеристов. Ну и толпа – одни хорошо сидели в седле, другие плохо, но каждый летел вперед во весь опор, младшие офицеры и генералы сшибались и теснили друг друга, давали лошадям шпоры, дергали поводья, забыв обо всем на свете, кроме одного – они жаждали крови этой несчастной лисы! Право, странный народ эти англичане!

Но у меня не было времени любоваться на охоту или дивиться на

глупых островитян, потому что впереди всех этих сумасшедших несся конь, на котором я сидел. Понимаете, это был охотничий конь, и собачий лай для него значил то же, что для меня сигнал кавалерийской трубы, раздайся он сейчас на улице. Этот конь ошалел. Он обезумел. Он сделал скачок, потом другой и вдруг, закусив удила, пустился с холма вслед за собаками. Я ругался, дергал поводья, тянул их изо всех сил, но ничего не мог поделать. Этот английский генерал ездил только с трензелем, и пасть у его коня была как из железа. Бесплезно было и пробовать его сдержать. С таким же успехом можно пытаться оторвать гренадера от бутылки с вином. Я отбросил всякую надежду остановиться и, покрепче усевшись в седле, приготовился к самому худшему.

Что это был за конь! В жизни мне не доводилось на таком ездить. С каждым прыжком он весь подбирался и несся вперед все быстрее, распластавшись, как борзая, а ветер хлестал меня в лицо и свистел в ушах. На мне была обычная форма, простой и скромный мундир – хотя, конечно, есть люди, которые любой мундир способны украсить, – и я из осторожности, когда отправлялся, снял с кивера высокий плюмаж. Поэтому я не привлекал к себе внимания среди пестрых мундиров охотников, и никто из этих людей, увлеченных травлей, меня не заметил. Мысль, что среди них может скакать французский офицер, была до такой степени нелепой, что не могла прийти им в голову. Я не удержался от смеха, потому что, хотя меня со всех сторон окружала опасность, в моем положении было что-то комическое.

Я уже говорил, что не все охотники одинаково хорошо умели ездить верхом, и через несколько миль они уже не скакали единым строем, как атакующий полк, а сильно растянулись – лучшие наездники мчались впереди, следом за собаками, но многие отстали. Само собой, я был лучшим из лучших, а конь мой не имел себе равных, так что, сами понимаете, он вскоре вынес меня вперед. И когда я увидел собак, мчавшихся по равнине, и егерей в красных куртках, от которых меня отделяло всего семь или восемь всадников, произошло самое поразительное – я, Этьен Жерар, тоже ошалел! Азарт вмиг охватил меня, я жаждал показать себя и пылал ненавистью к лисе. Ах, бестия, как смеешь ты нас дразнить! Разбойница, минуты твои сочтены! Ах, что за славное чувство – этот азарт, друзья мои, это желание растоптать лису копытами коня! И я вместе с англичанами принял участие в травле. А ведь был в моей жизни и такой случай – когда-нибудь я вам о нем расскажу, – я дрался против самого Бастлера из Бристоля. И, надо вам сказать, спорт – удивительная штука, он захватывает и подобен безумию.

Мой конь летел все быстрее, и вот уже всего трое скачут рядом со мной за собаками. Страх, что меня разоблачат, как рукой сняло. Голова у меня закружилась от волнения, кровь взыграла в жилах, – казалось, только ради одного и стоит жить на свете: чтобы настичь эту проклятую лисицу. Я обскакал еще одного охотника, он был гусар, как и я. Теперь впереди оставались только двое: один в черном мундире, второй – артиллерист в голубом, тот самый, которого я видел около постоянного двора. Ветер трепал его седые бакенбарды, но скакал он лихо. Еще с милю он продержался впереди, но потом, когда мы помчались вверх по крутому склону, я благодаря тому, что был легче его, вырвался вперед. Я обошел обоих и по холму скакал голова в голову с маленьким, суровым на вид егерем. Впереди были собаки, а в сотне шагов перед ними – рыжий комок, лисица, которая распласталась в бешеном беге. При виде ее кровь бросилась мне в голову.

– Ага, попалась, подлая! – завопил я и стал криками подбадривать егеря. Я махнул ему рукой, давая понять, что не подкачаю.

Теперь меня отделяли от лисицы только собаки. Они нужны для того, чтобы указывать охотнику, где зверь, и теперь стали только помехой, потому что я не знал, как их обойти. Егерь тоже был в затруднении, из-за собак он не мог настичь добычу. Он был неплохой наездник, но смекалки ему не хватало. Я знал, что если спасую, то посрамлю конфланских гусар. Неужели Этьена Жерара остановит свора собак? Какой вздор! Я гикнул и дал коню шпоры.

– Держитесь, сэр! Держитесь! – кричал егерь.

Он боялся за меня, добрый малый, но я успокоил его, с улыбкой махнув рукой. Собаки шарахнулись от меня в стороны. Может быть, несколько досталось копытами, но что поделаешь! Лес рубят – щепки летят. Я слышал позади восхищенные крики егеря. Наддал еще, и вот уж собаки позади. Передо мной только лисица.

Ах, какую радость и гордость я почувствовал! Подумать только, я обставил англичан в их национальном спорте. Три сотни охотников жаждали убить этого зверя, а он достанется мне. Я подумал о своих товарищах из кавалерийской бригады, о своей матушке, об императоре, о Франции. Я прославил их всех. С каждым мгновением я настигал лисицу. Пришла пора действовать, и я обнажил саблю. Я взмахнул ею, и молодцы англичане издали дружный крик.

Только тут я понял, какое это трудное дело – травля лисицы: рубишь по ней и рубишь, но никак не можешь попасть. Она ведь маленькая и ловко увертывается. При каждом ударе я слышал ободряющие крики, и они подстегивали меня. Наконец настал миг моего торжества. Лисица

попыталась увернуться, и тут-то я накрыл ее таким же точно боковым ударом, каким я зарубил адъютанта русского императора. Я рассек ее надвое, голова покатила в одну сторону, а хвост – в другую. Я оглянулся и взмахнул окровавленным клинком. Торжество переполняло меня – это было замечательно!

Ах, до чего же мне хотелось остановиться и принять поздравления моих благородных соперников! Их было человек пятьдесят, и все они махали руками и кричали. Право, не такие уж они флегматичные, эти англичане. Геройский поступок на войне или на охоте всегда разжигает их сердца. Что же до старика егеря, он был ближе всех ко мне, и я собственными глазами видел, как он был поражен тем, что произошло. Его словно хватил столбняк – рот разинут, поднятая рука с растопыренными пальцами застыла в воздухе. Я готов был повернуть назад и расцеловать его.

Но в ушах у меня уже звучал зов долга, и к тому же эти англичане, несмотря на братство, объединяющее всех охотников, без сомнения, взяли бы меня в плен. Теперь не было никакой надежды выполнить поручение маршала, хотя я сделал все, что в человеческих силах. Я видел расположение войск Массены, французы были недалеко, так как по счастливой случайности мы скакали именно в ту сторону. Я объехал мертвую лисицу, отдал салют саблей и поскакал прочь.

Но эти славные охотники не дали мне уйти так легко. Теперь я оказался на месте лисицы, и мы лихо помчались по равнине. Только когда я поскакал прямо к нашим позициям, они поняли, что я француз, и теперь все устремились за мной. Лишь на расстоянии выстрела от наших передовых постов они остановились кучками, но не поворачивали назад, а кричали и махали мне руками. Нет, я не верю, что это было выражением враждебных чувств. Скорей, мне кажется, души их исполнились восхищением, и они хотели только одного – обнять чужеземца, проявившего такую доблесть и искусство.

Глава IV

Как бригадир спас армию

Я уже рассказывал вам, друзья мои, как мы полгода, с октября тысяча восемьсот десятого по март одиннадцатого года, осаждали англичан в Торрес Ведрас. Как раз тогда мне довелось охотиться с ними на лису и показать им, что среди них нет ни одного кавалериста, способного обскákat гусара Конфланского полка. Когда я вернулся в расположение своих войск, на моем клинке еще не высохла лисья кровь, и передовые посты, которые всё видели, встретили меня радостными криками, да и английские охотники надрывали глотки у меня за спиной, – так что меня приветствовали обе армии. Я прослезился, когда увидел, сколько храбрецов мной восхищается. Эти англичане – благородные противники. В тот же вечер нарочный под белым флагом привез сверток, адресованный «гусарскому офицеру, убившему лису». Вскрыв его, я нашел там эту самую лису, разрубленную мной надвое. Кроме того, там была записка, короткая, но очень сердечная, вполне в английском духе, в ней говорилось, что, поскольку я убил лису, мне остается только съесть ее. Откуда им было знать, что мы, французы, не имеем обычая есть лисиц, но, значит, они считают, что добыча принадлежит победителю. Однако француз не может позволить, чтобы его перешагивали в вежливости, и я вернул лисицу этим удалцам-охотникам на закуску к следующему *djeuner de la chasse*^[15]. Вот как воюют благородные люди.

Я привез с собой довольно подробный план английских позиций и в тот же вечер выложил его перед генералом Массеной.

Я надеялся, что это побудит его начать наступление, но все наши маршалы в то время перегрызлись, они щелкали зубами и рычали, как свора голодных собак. Ней ненавидел Массену, Массена ненавидел Жюко, а Султ – их обоих. Поэтому мы бездействовали. Припасы наши тем временем таяли, и наша прекрасная конница имела печальный вид из-за бескормицы. К весне мы начисто опустошили всю страну и сидели голодные, хотя и посылали фуражные команды к черту на рога. Даже самым отчаянным храбрецам было ясно, что настало время отступить. Мне самому пришлось признать это.

Но отступить было не так-то легко. И не только потому, что люди вымотались и ослабели от голода, но еще и потому, что враг, видя, как

долго мы бездействуем, воспрянул духом. Веллингтона мы не очень-то боялись. Мы знали, что он смел и благоразумен, но не слишком предприимчив. Кроме того, в этой разоренной стране он не мог быстро нас преследовать. Но с флангов и в тылу сосредоточились большие силы португальского ополчения, состоявшего из вооруженных крестьян и других партизан. Всю зиму они держались от нас на почтительном расстоянии, но теперь, когда кони у нас отощали, они вились, как мухи, вокруг наших передовых постов, и если кто попадал к ним в лапы, то за его жизнь нельзя было дать ни единого су. Я мог бы назвать с десяток офицеров, которых лично знал, погибших в те дни, и счастливее всех был тот, кому пуля, пущенная из-за скалы, угодила прямо в голову или в сердце. Некоторых постигла до того страшная смерть, что об этом было запрещено сообщать родственникам. Этих ужасных случаев было столько и они производили такое впечатление на наших людей, что стало нелегко заставить их выйти за пределы лагеря. Особенный ужас наводил на них один негодяй, командир партизан Мануэло по прозвищу Шутник. Это был здоровенный толстяк, такой благодушный с виду, он засел со своей бандой головорезов в горах у нас на левом фланге. Можно было бы написать целую книгу о жестоких делах этого малого, но командовать он, надо прямо сказать, умел и так вышколил своих бандитов, что они не давали нам шагу ступить. Это ему удалось, потому что он ввел у себя железную дисциплину и за малейший проступок наказывал без всякой жалости, так что люди его наводили ужас на всех, однако это, как вы сейчас услышите, привело к самым неожиданным последствиям. Если бы он не высек собственного лейтенанта... но об этом речь впереди.

При отступлении нас ждало немало всяких трудностей, но было совершенно ясно, что другого выхода нет, и Массена принялся поспешно готовить обоз и лазарет к отправке из Торрес Новас, где был штаб, в Коимбру, первый укрепленный пост на его коммуникациях. Однако это невозможно было сделать незаметно, и партизаны сразу начали роиться все ближе и ближе к нашим флангам. Одно из наших подразделений, которым командовал Клозель, вместе с кавалерийской бригадой Монбрена находилось далеко к югу от Тахо, и было необходимо сообщить им, что мы готовимся к отступлению, так как иначе они остались бы без всякой поддержки, одни в самом сердце враждебной страны. Помнится, я все думал, как же Массена это сделает, ведь нарочные проехать туда не могли, а мелкие отряды, без сомнения, были бы сразу же уничтожены. Нужно было как-то передать им приказ об отступлении, иначе Франция потеряла бы четырнадцать тысяч человек. Но я и не думал тогда, что именно мне,

полковнику Жерару, выпадет честь совершить поступок, который для всякого другого мог бы стать величайшим подвигом в жизни, да и среди тех подвигов, что прославили меня, окажется не на последнем месте.

В то время я состоял при штабе Массены, и, кроме меня, у него было еще два адъютанта, тоже храбрые и неглупые офицеры. Фамилия одного была Кортекс, другого – Дюплесси. Оба были старше меня по возрасту, но во всех прочих отношениях старшим мог считаться я. Кортекс был маленький, темноволосый, очень живой и подвижный. Прекрасный был солдат, но его погубила самонадеянность. Послушать его, так он первый герой во всей армии. Дюплесси был гасконец, мой земляк, славный малый, как все гасконцы. Мы дежурили по очереди, и в то утро, о котором у нас пойдет речь, дежурил Кортекс. Я видел его за завтраком, а потом он куда-то исчез, и коня его тоже не было в стойле. Весь день Массена был по обыкновению мрачен и долго осматривал в подзорную трубу позиции англичан и суда на Тахо. Он ни слова не сказал о том, с каким поручением послал нашего товарища, и не нам было задавать ему вопросы.

Около полуночи, когда я стоял у дверей штаба, он вышел и полчаса не двигался с места, сложив руки на груди, вглядываясь во тьму на востоке. Он был так неподвижен в своей настороженности, что его закутанную фигуру в треуголке можно было принять за изваяние. Я не понимал, чего он ждет; наконец он с досадой выругался, круто повернулся и, войдя в дом, с грохотом захлопнул за собой дверь.

На другое утро Массена о чем-то долго говорил со вторым адъютантом, Дюплесси, после чего тот тоже исчез вместе с конем. Ночью, когда я сидел в прихожей, маршал прошел мимо меня, и я видел через окно, как он стоял и смотрел на восток, точно так же, как накануне. Он простоял там не меньше получаса, застыв в темноте черной тенью. Потом он вошел, хлопнула дверь, и я услышал звяканье его шпор и ножен в коридоре. Конечно, это был всего-навсего вспыльчивый старик, но когда он приходил в ярость, я предпочел бы предстать перед самим императором, чем попасться ему на глаза. Я слышал, как он всю ночь шагал по комнате и ругался у меня над головой, но меня он не вызвал, а я слишком хорошо его знал, чтобы пойти без зова.

На другое утро снова пришлось дежурить мне, так как я остался единственным из адъютантов. Я был любимцем маршала. Сердце его всегда бывало открыто для бравого солдата. И, честное слово, когда он утром позвал меня, в его черных глазах блестели слезы.

– Жерар! – сказал он. – Подойди сюда!

Он дружески взял меня за рукав и подвел к открытому окну,

выходившему на восток. Внизу был лагерь пехотинцев, рядом – позиции кавалерии с длинным частоколом коновязей. Видны были наши передовые посты, а дальше – открытая равнина, вся в виноградниках. За ней – цепь гор, над которыми возвышалась одна, самая высокая. У подножия этих гор лежала широкая полоса леса. Единственная дорога была отчетливо видна, она вилась белой полоской то вверх, то вниз, а потом исчезала среди гор.

– Это Сьерра де Меродаль, – сказал Массена, указывая на высокую гору. – Видишь ты что-нибудь на ее вершине?

Я ответил, что ничего не вижу.

– А теперь? – спросил он, протянув мне подзорную трубу.

В трубу я увидел на вершине горы небольшую пирамиду.

– Это бревна, заготовленные для сигнального костра, – сказал маршал. – Мы сложили его, когда эта территория была в наших руках. Жерар, сегодняшней ночью костер этот необходимо зажечь. Это нужно сделать ради Франции, ради императора, ради нашей армии. Двое твоих товарищей отправились туда, но ни один не добрался до вершины. Сегодня твоя очередь, и да пошлет тебе Бог удачи.

Солдату не положено обсуждать приказ, и я уже хотел выйти, но маршал удержал меня, положив руку мне на плечо.

– Ты должен знать все. Так узнай же, какой важности это дело, ради которого ты рискуешь жизнью, – сказал он. – В пятидесяти милях к югу от нас, по другую сторону Тахо, стоит армия генерала Клозеля. Лагерь его разбит близ горы, которая называется Сьерра д’Осса. На ее вершине тоже приготовлен сигнальный костер, и у костра дежурит дозорный. У нас условлено, что если Клозель в полночь увидит наш сигнал, то в ответ зажжет свой и сразу же присоединится к главным силам. Если он не выступит немедленно, мне придется уйти без него. Вот уже два дня я пытаюсь подать ему сигнал. Он должен увидеть костер сегодня. Иначе его армия будет отрезана и разбита.

Ах, друзья мои, какой гордостью преисполнилась моя душа, когда я услышал об этой великой задаче, посылаемой мне судьбой! Если я останусь в живых, еще одна лавровая ветвь появится в моем венце. Если же мне суждено погибнуть, я умру так же достойно, как жил. Я не сказал ни слова, но не сомневаюсь, что все эти благородные мысли были написаны у меня на лице, так как Массена крепко пожал мне руку.

– Вон там гора и сигнальный костер, – сказал он. – На пути у тебя только этот бандит со своими людьми. Я не могу отрядить на это дело крупные силы, а маленькую группу они заметят и уничтожат. Так что ты должен все сделать в одиночку. Каким образом, решай сам, но сегодня в

полночь я должен увидеть костер на вершине горы.

– Если костер не загорится, – сказал я, – прошу вас, маршал Массена, прикажите продать все мое имущество, а деньги отослать моей матери.

Я отдал честь и повернулся кругом, а сердце мое ликовало от мысли, какой славный подвиг мне предстоит.

Я посидел немного у себя в комнате, раздумывая, как лучше приняться за это дело. Если ни Кортесу, ни Дюплесси, весьма исполнительным и энергичным офицерам, не удалось добраться до вершины Сьерры де Меродаль, это означало, что за местностью пристально наблюдают партизаны. Я прикинул по карте расстояние. Выходило, что прежде чем я достигну гор, нужно пересечь десять миль открытой местности. Дальше начиналась полоса леса у подножия шириной мили в три-четыре. И наконец самая гора, не такая уж высокая, но спрятаться там решительно негде. Таковы были три этапа предстоящего мне пути.

Я решил, что стоит только пробраться к лесу, и дальше все пойдет как по маслу: я пролежу там до вечера, а на гору заберусь под покровом темноты. С восьми вечера до полуночи целых четыре часа темного времени. Значит, серьезно обдумать надо лишь первый этап.

На равнине заманчиво белела дорога, и я вспомнил, что оба мои товарища уехали верхом. Ясное дело, это их и погубило, потому что бандитам легче легкого следить за дорогой, и всякий, кто там появлялся, попадал к ним в лапы. Мне ничего не стоило бы пересечь верхом равнину, ведь лошади у меня в ту пору были отличные – не только Фиалка и Барабан, два лучших скакуна во всей армии, но и великолепная английская вороная охотничья лошадь, которую я угнал у сэра Коттона. Однако, поразмыслив, я решил идти пешком, надеясь, что так мне легче будет воспользоваться всяким благоприятным случаем, какой только представится. Что же до одежды, то я накинул поверх гусарского мундира длинный плащ, а на голову надел серую фуражку. Вы спросите, почему я не переоделся в крестьянскую одежду, но, скажу я вам, благородному человеку вовсе не улыбается умереть смертью шпиона. Одно дело – расправа, другое – справедливая казнь по законам войны. Я не хотел позорной смерти.

Под вечер я украдкой вышел из лагеря и прошел мимо наших передовых постов. Под плащом у меня была подзорная труба, небольшой пистолет и, конечно, сабля. В кармане – трут, кремь и кресало.

Первые несколько миль меня скрывали виноградники, и я ушел так далеко, что уже ликовал, думая про себя, что нужно только иметь голову на плечах да умеючи взяться за дело – и успех обеспечен. Конечно, Кортеса и

Дюплесси сразу заметили, когда они скакали по дороге, но Жерар не так прост, он избрал путь через виноградники. И, представьте себе, я прошел не меньше пяти миль, прежде чем наткнулся на первое препятствие. На пути у меня оказалась маленькая таверна, вокруг которой я увидел несколько повозок, а около них суетились люди – первые, кого я встретил. Я уже далеко ушел от наших позиций и знал, что здесь могут быть только враги, а потому припал к земле и подполз поближе, желая узнать, что происходит. Я увидел, что это крестьяне и что они нагружают две повозки пустыми бочонками из-под вина. Так как мне от них не могло быть ни вреда, ни пользы, я продолжал путь.

Но вскоре я понял, что дело совсем не так просто, как кажется. Когда я поднялся повыше, виноградники кончились, и я очутился на открытом склоне, усеянном невысокими пригорками. Присев в ложине, я осмотрел их в подзорную трубу и сразу обнаружил, что на каждом из них сидит дозорный и что у португальцев есть линия передовых постов не хуже нашей. Я много слышал о том, какую железную дисциплину поддерживал среди своих людей этот негодяй по прозвищу Шутник, и вот теперь передо мной неоспоримое свидетельство, что это правда. В ущелье тоже оказался кордон, и хотя я несколько взял в сторону, впереди по-прежнему были враги. Я не знал, что делать. Укрыться было решительно негде, тут даже крыса не проскользнула бы. Конечно, я мог бы без труда пройти этот открытый участок ночью, как пробрался через позиции англичан в Торрес Ведрас, но до горы было все еще далеко, и я не успел бы туда вовремя, чтобы зажечь костер в полночь. Я лежал в ложине и строил сотни планов, один рискованнее другого. И вдруг меня словно озарила вспышка света – вот что значит не падать духом.

Помните, я уже говорил, что около таверны грузили пустыми бочонками две повозки. Быки были повернуты на восток, и, значит, направлялись они именно в ту сторону, куда мне нужно. Если только мне удастся спрятаться в одном из них, едва ли я найду более удобный и легкий путь проникнуть через позиции партизан. План был так прост и удачен, что, когда он пришел мне в голову, я не удержался от радостного возгласа и поспешил к таверне. Там, спрятавшись в кустах, я хорошенько пригляделся к тому, что происходило на дороге.

Трое крестьян в красных шапках грузили бочонки; одна повозка была уже нагружена доверху, вторая – только в один ряд. Много пустых бочонков еще лежало перед домом, ожидая погрузки. Судьба была ко мне благосклонна, я всегда говорил, что она – женщина и не может устоять перед бравым молодым гусаром. Пока я наблюдал, все трое вошли в

таверну, так как день был жаркий и с усталости им захотелось промочить глотку.

Я пулей выскочил из своего укрытия, залез на повозку и забрался в пустой бочонок. Он был с дном, но без крышки и лежал на боку, открытой стороной внутрь. Я заполз туда, как собака в конуру, подобрав колени к подбородку, так как бочонки были не очень большие, а я малый рослый. Тем временем крестьяне снова вышли, и вскоре я услышал грохот у себя над головой и понял, что сверху взвалили еще один бочонок. Они громоздили их все выше, и я уже не знал, как выберусь на волю. Но думать о том, как переправиться через Вислу, надо, когда будешь уже за Рейном, и я не сомневался, что, если случай и смекалка помогут мне добраться сюда, они помогут мне и дальше.

Вскоре повозка была нагружена, и крестьяне тронулись в путь, а я знай себе посмеивался, сидя в бочонке, так как меня везли именно туда, куда мне было надо. Ехали мы медленно, крестьяне шли пешком рядом с повозками. Я знал об этом потому, что слышал рядом их голоса. Мне показалось, что они веселые парни, потому что они над чем-то смеялись от всего сердца. В чем была соль, я не понял. Хоть я и неплохо изъяснялся на их языке, но в обрывках разговора, которые до меня долетали, я не усмотрел ничего смешного.

Прикинув скорость упряжных быков, я решил, что мы делаем около двух миль в час. И когда прошли два с половиной часа – да каких, друзья мои, ведь я лежал скрючившись, задыхаясь, едва не отравившись винными парами, – когда они прошли, я был уверен, что опасная открытая полоса осталась позади и мы уже у подножия горы, на опушке леса. Теперь надо было подумать, как выбраться из бочки. Я перебрал несколько способов и тщательно взвешивал каждый, как вдруг вопрос решился сам собой, просто и неожиданно.

Повозка вдруг остановилась, и я услышал грубые, раздраженные голоса.

– Где, где? – крикнул один.

– Да у нас в повозке, – ответил другой.

– А кто он? – спросил третий.

– Французский офицер. Я видел его фуражку и сапоги.

Все так и покатались со смеху.

– Я глянул в окно, вдруг вижу, как он сиганет в бочонок, будто тореадор, за которым гонится севильский бык.

– В который же бочонок?

– Да вот сюда, – сказал этот малый и кулаком стукнул по бочонку у

самой моей головы.

Ну и положеньице, доложу я вам, друзья мои, для такого прославленного человека, как я! Даже теперь, сорок лет спустя, я краснею, как вспомню об этом. Сидеть, словно птица в силке, беспомощно слушать грубый смех этих мужиков и знать, что дело, которое мне поручено, заканчивается столь постыдным и даже смешным образом, – да я благословил бы всякого, кто пустил бы в бочонок пулю и избавил меня от унижения.

Я услышал грохот сбрасываемых бочонков, а потом на меня глянули две бородатые рожи и два ружейных ствола. Меня ухватили за рукава и вытащили на свет божий. Вероятно, нелепый был у меня вид, когда я стоял, хлопая глазами от слепящего солнечного света. Я скрючился, как калека, не в состоянии расправить затекшее тело, и одна половина моего мундира стала красной, как у англичанина, от остатков вина, в которых я лежал. А эти псы все хохотали, и когда я попытался жестами и всем своим видом выразить то презрение, которое к ним испытывал, они заготовили еще пуще. Но даже в этих нелегких обстоятельствах я держался с обычным достоинством и медленно переводил с одного на другого взгляд, который никто из этих насмешников не мог выдержать.

Этого единственного взгляда вокруг мне оказалось достаточно, чтобы сообразить, где я. Крестьяне завезли меня прямо в лапы партизанам, к их передовым постам. Я увидел восемь бородатых дикарей – головы у них были повязаны под сомбреро бумажными платками, на них были куртки со множеством пуговиц, перепоясанные цветными шарфами. У каждого было ружье и по два, а то и по три пистолета за поясом. Начальник, здоровенный бородатый бандит, наставил ружье прямо мне в ухо, а остальные обшарили мои карманы, стянули с меня плащ, отобрали пистолет, подзорную трубу, саблю и, что хуже всего, кремь, трут и кресало. Теперь, как бы ни обернулось дело, все погибло, потому что даже если я доберусь до вершины горы, мне нечем будет разжечь костер.

Я был один, друзья мои, безоружный, против восьмерых, да тут еще эти трое крестьян! Но неужто вы думаете, что Этьен Жерар отчаялся? Нет, вы меня слишком хорошо знаете; но они-то меня еще не знали, эти проклятые головорезы. В жизни не делал я столь могучего и великолепного усилия, как в этот миг, когда, казалось, все пропало. И все же вам пришлось бы долго гадать, прежде чем вы доискались бы способа, с помощью которого я от них ускользнул. Вот послушайте, я вам расскажу.

Они обыскали меня, а потом стащили с повозки, и я, все еще весь скрюченный, стоял среди этой толпы. Но постепенно оцепенение

проходило, и вот уже мой мозг начал лихорадочно искать какого-нибудь способа бежать. Разбойничья засада находилась в узком ущелье. С одной стороны был крутой обрыв. С другой – тянулся длинный склон, спускавшийся в поросшую кустарником долину в сотне футов под нами. Сами понимаете, эти ребята были прирожденные горцы и, конечно уж, лазали по горам быстрее меня. На них были «абаркас», кожаные башмаки, привязанные к ногам, как сандалии, в которых всюду можно пройти. Человек менее решительный пришел бы в отчаянье. Но я в мгновение ока заметил, какой редкий случай посылает мне судьба, и воспользовался им.

На самом краю склона валялся один из винных бочонков. Я тихонько подвинулся поближе к нему, а потом прыгнул, как тигр, нырнул в бочонок ногами вперед и, дернувшись всем телом, покатился по склону.

Никогда не забыть мне это ужасное путешествие – с грохотом и треском летел я, подпрыгивая, по проклятому склону. Я подобрал колени и локти, свернувшись в тугой клубок, чтобы придать себе устойчивости; но голова все равно торчала наружу, и просто чудо, что мне не вышибло мозги. Сперва склон был пологий и довольно ровный, потом пошли крутые откосы, и бочонок уже не катился, а скакал, как козел, летя вниз с грохом и дребезгом, от которого трещали все мои косточки. Ох, как свистел ветер у меня в ушах, и все вокруг кружилось, так что меня стало тошнить и я чуть не лишился чувств! Со свистом, хрустом и треском вломился я в кусты, которые только что видел далеко внизу под собой, пролетел их насквозь и врезался в рощицу, где мой бочонок, налетев на деревцо, развалился. Я выполз из кучи обломков досок и обручей, все тело у меня ныло, но сердце громко пело, ликуя, и я воспрянул духом, радуясь своему замечательному подвигу, и уже словно видел костер, пылающий на вершине горы.

Во время спуска меня так швыряло, что нестерпимая тошнота подкатывала к горлу и я чувствовал себя как в море, когда мне впервые довелось испытать силу ветра и волн, которыми англичане так бессовестно воспользовались^[16]. Пришлось мне посидеть немного, обхватив руками голову, подле обломков бочонка. Но прохладиться было некогда. Я уже слышал крики наверху, свидетельствовавшие, что мои преследователи спускаются. Я бросился в самую чащу и бежал до тех пор, пока совершенно не выбился из сил. Тогда я, задыхаясь, упал на землю и стал напряженно прислушиваться, но все было тихо. От погони я ушел.

Когда я отдышался, то поспешил дальше и прошел вброд по руслам нескольких ручьев, где мне было по колено, потому что партизаны могли пойти по моему следу с собаками. Выйдя на поляну и оглядевшись, я, к радости своей, обнаружил, что не слишком отклонился от своего пути.

Надо мной высилась вершина Меродаля, ее голый пик торчал над рощами карликовых дубов, растущих по склонам. Эти рощи были продолжением того леса, в котором я укрылся, и я подумал, что теперь бояться нечего, пока не доберусь до дальней опушки. Но я не забывал ни на минуту, что со всех сторон окружен врагами и они многочисленны, а я безоружен. Я никого не видел, но слышал несколько раз пронзительный свист и отдаленные выстрелы.

Нелегко было продираться сквозь кусты, и я обрадовался, когда пошли деревья побольше и появилась тропинка, которая вела через лес. Конечно, я был не такой дурак, чтобы идти по ней, но держался поблизости, продвигаясь в том же направлении. Я шел уже довольно долго и считал, что опушка близко, как вдруг услышал какие-то странные стоны. Сначала я подумал, что кричит какой-нибудь зверь, но потом услышал слова, из которых разобрал только французское восклицание «Mon Dieu!». Я с большой осторожностью двинулся на голос и увидел вот что.

На подстилке из сухих листьев лежал человек в таком же сером мундире, какой был на мне. Видимо, он был тяжело ранен, потому что прижимал к груди тряпку, красную от крови. Вокруг растеклась целая лужа, и над раненым, назойливо жужжа, роились мухи, которые наверняка привлекли бы мое внимание, если б я даже не услышал стоны. Сначала я затаился, опасаясь ловушки, но потом сострадание и чувство товарищества взяли верх над всем остальным, я бросился вперед и опустился подле него на колени. Он повернул ко мне осунувшееся лицо, и я узнал Дюплесси, который отправился прежде меня с тем же поручением. Достаточно было одного взгляда на его ввалившиеся щеки и помутневшие глаза, чтобы понять, что он умирает.

– Жерар! – сказал он. – Жерар!

Я мог лишь взглядом выразить свое сострадание, но он, хотя жизнь быстро покидала его, помнил о своем долге, как и подобает храбрецу.

– Костер, Жерар! Вы зажжете его?

– А есть у вас кремь и кресало?

– Вот!

– В таком случае сегодня ночью он загорится.

– Теперь я могу умереть спокойно. Они подстрелили меня, Жерар. Но скажите маршалу, что я сделал все возможное.

– А Кортес?

– Ему повезло еще меньше. Он попал к ним в лапы и принял страшную смерть. Жерар, если увидите, что вам не уйти, пустите пулю в сердце. Не дай вам Бог умереть, как он.

Я видел, что дыхание его слабеет, и должен был низко склониться к нему, чтобы расслышать его слова.

– Что вы мне посоветуете? – спросил я.

– Де Помбаль. Он поможет. Положитесь на де Помбаля.

С этими словами он уронил голову и испустил дух.

– Вы слышали, положитесь на де Помбаля. Это хороший совет!

Тут я с удивлением увидел, что совсем рядом стоит человек. Я был так занят своим товарищем, так жадно ловил его слова, что незнакомец подошел незамеченным. Я мигом вскочил с колен и повернулся к нему. Он был высокий, темноволосый, черноглазый и чернобородый, с длинным печальным лицом. В руке он держал бутылку вина, а через плечо у него, как у всех партизан, висел «трабуко». Он не сделал движения снять мушкетон, и я понял, что это ему вверил меня мой погибший друг.

– Увы, он мертв! – сказал де Помбаль, склоняясь над Дюплесси. – Когда его ранили, он скрылся в лесу и вскоре упал, но, к счастью, я нашел его и облегчил его конец. Я устроил ему вот это ложе и принес вина, чтобы он мог утолить жажду.

– Сеньор, – сказал я. – Благодарю вас от лица Франции. По чину я всего лишь кавалерийский полковник, но меня зовут Этьен Жерар, а это имя не из последних во французской армии. Могу ли узнать...

– Да, я Алоисиус де Помбаль, младший брат знаменитого дворянина, носящего ту же фамилию. В настоящее время я офицер в отряде у Шутника Мануэло.

Клянусь, рука моя потянулась к тому месту, где недавно висел пистолет, но де Помбаль только улыбнулся.

– Я правая рука Мануэло, но в то же время злейший его враг, – сказал он. С этими словами он скинул куртку и поднял рубаху. – Вот, поглядите! – воскликнул он и повернулся ко мне спиной, которая вся была исполосована и иссечена красными и багровыми рубцами. – Вот что сделал Шутник со мной, с человеком, в чьих жилах течет кровь самого благородного рода в Португалии. Но вы еще увидите, что я сделаю с Шутником!

В его глазах и усмешке была такая ненависть, что я больше не сомневался в правдивости его слов, да и кровавые, запекшиеся рубцы на спине подтверждали это.

– Со мной десять человек, которые поклялись мне в верности, – сказал он. – Я надеюсь вскоре присоединиться к вашей армии, вот только улажу здесь кое-какие дела. А пока... – Вдруг лицо его странным образом изменилось, и он схватился за ружье. – Руки вверх, французский пес! – заорал он. – Руки вверх, не то я вышибу тебе мозги!

Вы вздрогнули, друзья мои! У вас глаза полезли на лоб! Представьте же себе, что было со мной, когда наш разговор закончился столь неожиданно. На меня смотрел черный ствол, и над ним блестели черные злые глаза. Что было делать? Податься некуда. Я поднял руки. В тот же миг со всех сторон послышались голоса, крики, свистки, быстрый топот множества ног. Из зеленых кустов высыпал всякий сброд, десяток рук схватили меня, и я, жалкий, несчастный, взбешенный, снова очутился в плену. Слава Богу, за поясом у меня не было пистолета, не то я пустил бы себе пулю в лоб. Будь у меня в тот миг оружие, я не сидел бы сейчас здесь в кафе и не рассказывал вам эти давнишние истории.

Грязные, волосатые руки вцепились в меня со всех сторон и потащили по тропинке через лес, а этот негодяй де Помбаль отдавал приказы. Четверо головорезов несли труп Дюплесси. Уже смеркалось, когда мы вышли из леса на голый склон горы. Меня повели вверх, и наконец мы очутились в главном штабе партизан, в ущелье почти под самой вершиной. Прямо у нас над головами высился тот самый костер, из-за которого меня постигла столь ужасная судьба. Ниже лепились хижины – раньше тут, без сомнения, жили пастухи, а теперь разместились эти негодяи. Меня, связанного и беспомощного, втолкнули в одну из них, а рядом швырнули тело моего бедного товарища.

Я лежал на полу, и одна мысль не давала мне покоя: как протянуть еще несколько часов и добраться все-таки до этой кучи дров у меня над головой? Но вдруг дверь распахнулась, и вошел какой-то человек. Не будь у меня связаны руки, я вцепился бы ему в горло, потому что это был не кто иной, как де Помбаль. Следом за ним вошли еще двое, но он приказал им выйти и плотно притворил дверь.

– Ты подлец! – сказал я.

– Тс! – остановил он меня. – Говорите шепотом, потому что нас могут подслушать, а на карту поставлена моя жизнь. Мне нужно кое-что сказать вам, полковник Жерар. Я желаю вам добра, как желал вашему несчастному умершему другу. Когда мы разговаривали у его тела, я вдруг увидел, что мы окружены и вас неизбежно схватят. Замешкайся я хоть на миг, мне пришлось бы разделить вашу участь. Я тотчас взял вас на мушку, чтобы сохранить доверие отряда. Рассудите сами, и здравый смысл скажет вам, что ничего другого мне не оставалось. Не знаю, удастся ли мне теперь спасти вас, но я по крайней мере попытаюсь.

Дело приняло новый оборот. Я сказал, что не могу быть уверен в его искренности, но буду судить об этом по его поступкам.

– Лучшего я и не желаю, – сказал он. – И позвольте дать вам один

совет. Сейчас вас отведут к командиру. Говорите ему правду, не перечьте ему ни в чем. Выложите ему все сведения, какие он потребует. Это ваш единственный шанс на спасенье. Если вы сумеете выиграть время, быть может, случай придет нам на помощь. А теперь медлить больше нельзя. Выходите скорей, не то меня заподозрят.

Он помог мне встать и, открыв дверь, грубо выволок меня из хижины, а потом вместе с теми двумя, что ждали снаружи, грубыми пинками и ударами погнал туда, где сидел их командир, а вокруг столпились его подчиненные.

Этот Шутник Мануэло был удивительный человек. Толстый, румяный, самодовольный, с широким, чисто выбритым лицом, ни дать ни взять добропорядочный отец семейства. Увидев его открытую улыбку, я не мог поверить, что это в самом деле тот презренный негодяй, чье имя приводило в трепет английскую армию, да и нашу тоже. Все знают, что впоследствии английский офицер Трент повесил его за зверства. А сейчас он сидел на валуне и улыбался мне, словно встретил старого знакомого. Однако от меня не укрылось, что один из его подчиненных опирался на длинную пилу, и этого было довольно, чтобы рассеять все мои иллюзии.

– Добрый вечер, полковник Жерар, – сказал он. – Штаб генерала Массены оказал нам высокую честь. Сначала нас посетил майор Кортекс, на другой день – полковник Дюплесси, а теперь – полковник Жерар. Как знать, может, и самому маршалу придется нанести нам визит. Я полагаю, Дюплесси вы видели. А Кортекса вы найдете вон там внизу. Остается только решить, как нам лучше всего поступить с вами.

Это была не слишком обнадеживающая речь. Но его жирное лицо все время морщилось в улыбке, и говорил он самым успокаивающим и благодушным тоном. Но вдруг он подался вперед, и я почувствовал, что он буквально сверлит меня взглядом.

– Полковник Жерар, – сказал он. – Я не могу обещать, что подарю вам жизнь, ибо не таков наш обычай, но в моей воле предать вас легкой смерти или смерти в страшных мучениях. Какую вы предпочитаете?

– А чего вы потребуете от меня взамен?

– Если хотите умереть легко, вы должны правдиво ответить на все мои вопросы.

У меня в голове мелькнула внезапная мысль.

– Вы намерены меня убить, – сказал я. – Вам все равно, как я умру. Если я отвечу на ваши вопросы, позволите ли вы мне самому выбрать смерть?

– Отчего ж, – ответил он. – Но все должно быть кончено сегодня до

полуночи.

– Поклянитесь! – вскричал я.

– Слова португальского дворянина должно быть достаточно, – сказал он.

– Я ничего не скажу, пока вы не дадите клятву.

Он побагровел от ярости и покосился на пилу. Но по моему тону он понял, что у меня слово не расходится с делом и меня не запугаешь. Он вынул из-под «самарра», полушубка из черной овчины, крест.

– Клянусь, – сказал он.

Ах, как я обрадовался, когда услышал это! Какой конец, какой великолепный конец для первого рубаки Франции! Я готов был смеяться от восторга.

– Спрашивайте! – сказал я.

– Поклянитесь и вы, что скажете правду.

– Клянусь честью солдата и дворянина.

Как видите, я дал ужасную клятву, но это был пустяк по сравнению с тем, что я мог выиграть.

– Ну что ж, сделка честная и прелюбопытная, – сказал он, доставая из кармана записную книжку. – Не соблаговолите ли вы обратить свой взор в сторону французского лагеря?

Взглянув туда, куда он указывал, я увидел внизу, на равнине, наш лагерь. Хотя до него было пятнадцать миль, прозрачный воздух позволял разглядеть все до мельчайших подробностей. Я видел прямоугольники наших палаток, домики с коновязями и темные пятна – десять артиллерийских батарей. Как грустно было думать о моем славном полку, который ждет меня там, внизу, и знать, что никогда больше не видеть им своего полковника! Будь со мной один только эскадрон, я стер бы этих головорезов с лица земли. Я жадно вглядывался в даль, и глаза мои наполнились слезами, когда я взглянул на тот угол лагеря, где, я знал, были восемьсот человек, любой из которых отдал бы за своего полковника жизнь. Но моя печаль рассеялась, когда я увидел за палатками дымок над главным штабом в Торрес Новас. Там был Массена, и, слава Богу, ценой своей жизни я выполню сегодня ночью его приказ. Душа моя исполнилась ликованием и гордостью. Мне хотелось крикнуть громовым голосом, так, чтобы меня услышали: «Глядите, это я, Этьен Жерар, я умираю, чтобы спасти армию Клозеля!» Право, обидно было думать, что некому будет потом рассказать о моем славном подвиге.

– Итак, – сказал разбойничий главарь, – вон лагерь, а вон дорога, которая ведет в Коимбру. Она вся забита вашими фургонами и

санитарными повозками. Значит ли это, что Массена готовится к отступлению?

Мне были видны темные очертания движущихся фургонов, среди которых порой поблескивали штыки конвойных. Не говоря уж о том, что я обещал ответить на все вопросы, не было никакого смысла отрицать очевидное.

– Да, он намерен отступить.

– На Коимбру?

– Насколько мне известно, да.

– А как же армия Клозеля?

Я пожал плечами.

– Все дороги, ведущие на юг, отрезаны. Снестись с Клозелем нет никакой возможности. Если Массена отступит, армия Клозеля обречена.

– Видно, такова уж ее судьба, – сказал я.

– Сколько у него солдат?

– Вероятно, около четырнадцати тысяч.

– А кавалерии?

– Одна бригада из дивизии Монбрена.

– Какие полки в ее составе?

– Четвертый егерский, Девятый гусарский и один полк кирасиров.

– Все верно, – сказал он, справившись в своей книжке. – Я вижу, вы говорите правду, но, если вздумаете соврать, пеняйте на себя.

После этого он перебрал всю армию, подразделение за подразделением, расспрашивая о составе каждой бригады. Нужно ли говорить вам, что я скорее дал бы вырвать себе язык, чем выдал бы все это, не будь у меня более важной цели? Пускай знает все, только бы спасти армию Клозеля.

Наконец он закрыл свою книжку и сунул ее в карман.

– Я весьма признателен вам за все эти сведения, которые завтра же будут переданы лорду Веллингтону, – сказал он. – Вы со своей стороны соблюли условия сделки, теперь моя очередь. Как же вам желательно умереть? Вы солдат и, без сомнения, предпочтете расстрел, но некоторые считают, что прыжок в меродальскую пропасть более легкая смерть. Ее приняли многие, но мы, к несчастью, ни разу не имели возможности узнать потом их мнение. Мы, конечно, можем и вздернуть вас на суку, но это нежелательно, потому что придется спускаться к лесу. Однако слово есть слово, а вы, я вижу, славный малый, так что мы исполним ваше желание.

– Вы сказали, – ответил я, – что я должен умереть до полуночи. Я хочу, чтобы это произошло в двенадцать часов без одной минуты.

– Прекрасно, – сказал он. – Правда, это ребячество так цепляться за жизнь, но ваше желание будет исполнено.

– Что же до способа казни, – сказал я, – то я хочу умереть так, чтобы меня видел весь мир. Положите меня вон на ту кучу хвороста и сожгите заживо, как сжигали некогда святых и мучеников. Это не совсем обычный конец, но ему мог бы позавидовать сам император.

Такая мысль, видимо, показалась ему очень забавной.

– Отчего же, – сказал он. – Раз Массена послал вас сюда шпионить, он, быть может, догадается, что значит этот костер.

– Вот именно, – подтвердил я. – Вы попали в самую точку. Конечно, он догадается, и все будут знать, что я умер смертью, достойной солдата.

– Не имею ничего против, – сказал разбойник со своей гадкой улыбочкой. – Я пришлю вам козлятины и вина. Солнце садится, скоро восемь. Через четыре часа будьте готовы покончить счеты с жизнью.

Мир был так прекрасен, и мне не хотелось умирать. Я поглядел на золотистую дымку внизу, где последние лучи заходящего солнца сверкали на голубой поверхности извилистого Тахо и поблескивали на белых парусах английских грузовых судов. Как все это было прекрасно, как не хотелось расставаться с жизнью! Но есть вещи во сто крат прекрасней! Пожертвовать собой ради других, во имя чести, долга, верности и любви – прекраснее этого нет ничего на земле. Сознание собственного благородства наполнило мою грудь восторгом, и я раздумывал о том, узнает ли хоть одна живая душа, как я по собственной воле взшел на костер, спасая армию Клозеля. Я надеялся и молил об этом Бога – ведь только подумать, каким утешением это было бы для моей матушки, каким примером для всей армии, какой гордостью для моих гусар. Когда наконец ко мне пришел де Помбаль с едой и вином, я первым делом попросил его написать донесение о моей смерти и послать во французский лагерь. Он ничего не ответил, но за ужином у меня прибавилось аппетита от мысли, что моя славная судьба не останется безвестной.

Я пробыл в хижине около двух часов, когда дверь снова отворилась и в нее заглянул главарь разбойников. Я сидел в темноте, но сопровождавший его бандит держал факел, и я увидел, как блестят его глаза и оскаленные зубы.

– Готов? – спросил он.

– Еще не время.

– Вы непременно хотите дотянуть до последней минуты?

– Слово есть слово.

– Отлично. Будь по-вашему. А мы пока займемся собственными

делами – один из моих молодцов осмелился оказать неповиновение. А у нас на этот счет строго, спросите хоть у де Помбаля, более достойного свидетеля не найти. Де Помбаль, ты свяжешь его и положишь на костер, а я потом приду поглядеть, как он будет поджариваться.

Де Помбаль и человек с факелом вошли в хижину, а шаги начальника замерли где-то в отдалении. Де Помбаль притворил дверь.

– Полковник Жерар, – сказал он, – доверьтесь этому человеку, он один из наших. Спасение или смерть. Мы еще можем вас выручить. Но я многим рискую и хочу получить от вас одно обещание. Если мы вас спасем, обещаете ли вы, что французы примут нас дружески и прошлое будет забыто?

– Обещаю.

– Я верю вашему слову. А теперь скорей, нельзя терять ни секунды! Если этот злодей вернется, нам всем не миновать лютой смерти.

И он принялся за дело, а я с удивлением следил за ним. Схватив длинную веревку, он опутал ею труп моего погибшего товарища и заткнул ему рот тряпкой, которая почти скрыла лицо.

– Ложитесь сюда! – крикнул он и уложил меня на то место, где только что лежал труп. – Там за дверью четверо моих людей, они положат тело на костер.

Он открыл дверь и отдал приказ. Несколько человек вошли и вынесли Дюплесси. А я остался лежать на полу, и в голове у меня беспорядочно смешались надежда и удивление.

Минут через пять де Помбаль и его люди вернулись.

– Вы уже лежите на костре, – сказал он. – Пусть только кто-нибудь посмеет сказать, что это не вы. А во рту у вас такой кляп, руки и ноги так туго связаны, что вы не можете ни пошевелиться, ни пикнуть. Ну а теперь остается только вынести отсюда труп Дюплесси и сбросить его в меродальскую пропасть.

Двое из них подхватили меня за руки, а двое – за ноги и вынесли из хижины, причем я не пошевелился и не издал ни звука. Очутившись под открытым небом, я чуть не вскрикнул от удивления. Над костром светила луна, и в ее серебристом свете отчетливо видно было распростертое тело. Бандиты либо были в своем лагере, либо столпились вокруг костра, так как наш маленький отряд никто не остановил и не задал нам никаких вопросов. Де Помбаль повел своих людей к пропасти. Вскоре мы скрылись за уступом, и тогда мне позволили встать на ноги. Де Помбаль указал на узкую извилистую тропинку.

– Она ведет вниз, – сказал он и вдруг вскрикнул: – Dios mio^[17], что

это?

Ужасный вопль донесся из леса внизу под нами. Я видел, что де Помбаль дрожит, как испуганная лошадь.

– Ах, дьявол, – прошептал он. – Расправляется с кем-то, как расправился со мной. Но вперед, вперед, потому что если мы попадем к нему в лапы, да смилуется над нами небо.

Мы гуськом двигались по узкой, протоптанной козами тропе. Спустившись в ущелье, мы снова очутились в лесу. Вдруг над нами вспыхнуло желтое пламя, и черные тени стволов вытянулись вперед. Это подожгли костер. Даже издали нам видно было тело, недвижно распростертое среди языков пламени, и черные фигуры бандитов, которые, воя, как людоеды, плясали вокруг костра. Ух! Как я грозил им кулаком, этим псам, и какие давал клятвы, что настанет день, когда я с моими гусарами сведу с ними счеты.

Де Помбаль знал расположение дозоров и все тропинки, которые вели через лес. Но, чтобы избежать встречи с этими негодьями, нам пришлось углубиться в горы, путь через которые был нелегким, и пройти немало миль. И все же с какой охотой прошел бы я не одну лигу, только бы увидеть это зрелище! Было, наверное, около двух ночи, когда мы остановились на скалистом горном отроге, по которому вилась тропа. Оглянувшись, мы увидели красное зарево костра, словно на высокой вершине Меродала началось вулканическое извержение. Но вот я увидел нечто такое, отчего радостно вскрикнул и, упав, начал от восторга кататься по земле. Далеко на юге, у самого горизонта, мерцал дрожащий желтый свет, он то ярко вспыхивал, то мерк – это был не огонек в окне, не звезда, а ответный сигнал со Сьерра д'Осса: армия Клозеля увидела костер Жерара.

Глава V

Как бригадир прославился в Лондоне

Я уже рассказывал вам, друзья мои, как я прославился среди англичан во время охоты на лису, которую гнал таким бешеным галопом, что даже свора прекрасных гончих не могла со мной тягаться, и собственной рукой разрубил ее надвое. Быть может, я слишком много говорю об этом, но есть в охотничьих победах радость, которую не приносит даже война, – ведь на войне делишь славу со своим полком и армией, а на охоте завоевываешь лавры без чужой помощи. У англичан есть перед нами то преимущество, что все они, и простые люди и аристократы, увлекаются спортом. Может быть, дело тут в том, что они богаче нас, а может, у них просто больше досуга, но я диву давался, когда был там в плену, до чего широко распространено это увлечение и как заполняет оно умы и жизнь людей. Скачки и бега, петушиные бои, травля собаками крыс, бокс – да они ради любого из этих зрелищ отвернулись бы от самого императора во всей его славе.

Я мог бы многое рассказать вам об английском спорте, потому что довольно насмотрелся на эти штуки, когда гостил у лорда Рафтона после того, как в Англию пришел приказ о моем обмене. Минуло много месяцев, пока удалось отправить меня во Францию, и все это время я жил у гостеприимного лорда Рафтона в его чудесном доме в Хай-Коме, в северной части Дартмура. Когда я удрал из Принстауна, он поехал вслед за мной вместе с полицией, меня нагнали, и я понравился лорду, как он понравился бы мне, если б я встретил у себя во Франции храброго и доброго малого, у которого нет на чужбине ни единого друга. Одним словом, он взял меня к себе, одевал, кормил и обращался со мной, как с родным братом. Надо отдать справедливость англичанам, они всегда были благородными противниками, и воевать с ними – одно удовольствие. На Пиренейском полуострове передовые посты испанцев выставляли нам навстречу ружья, а англичане – фляги с коньяком. Но и среди этих благородных людей не было ни одного, кто мог бы сравниться с достойным милордом, который от всей души протянул руку врагу, попавшему в печальные обстоятельства.

Ах, сколько воспоминаний о спорте пробуждает во мне одно название – Хай-Ком! Как сейчас вижу этот низкий, длинный гостеприимный дом из красного кирпича, с белыми оштукатуренными

колоннами перед входом. Лорд Рафтон был большой любитель спорта, и все его друзья тоже. Но могу вас порадовать, я им почти ни в чем не уступал, а иногда мог бы дать и фору. За домом был лес, в котором разводили фазанов, и лорд Рафтон обожал их стрелять. Перед охотой в лес посылали людей, чтобы они гнали оттуда фазанов, а лорд со своими друзьями стоял на опушке и стрелял. Я же взялся за дело иначе: я изучил привычки фазанов и как-то вечером, когда они спали на деревьях, отправился в лес. Я не сделал почти ни одного промаха, но выстрелы привлекли лесника, и он, бестактный, как все англичане, стал упрашивать меня пощадить хотя бы уцелевших. В тот вечер лорда Рафтона ждал сюрприз: я принес к ужину двенадцать фазанов. Он смеялся до слез, так это его обрадовало. «Ох, Жерар, вы меня уморите!» – воскликнул он. Он частенько повторял это, потому что я то и дело удивлял его своими успехами в английском спорте.

Есть такая игра, которая называется крикет, в нее играют летом, и я ей тоже выучился. Главный садовник Радд был знаменитым игроком в крикет, да и сам лорд Рафтон ему не уступал. Перед домом была лужайка, и на ней-то Радд и учил меня. Это славная забава, самая что ни на есть подходящая игра для солдата, в ней каждый пытается попасть в другого шаром, а отбивать шар можно только маленькой палочкой. Три колышка сзади обозначают место, дальше которого нельзя отступать. Это не детская игра, скажу я вам, и должен признаться, что хоть мне и довелось участвовать в девяти кампаниях, я почувствовал, что бледнею, когда шар в первый раз пронесся мимо меня. Он летел так быстро, что я не успел даже поднять свою палку, чтобы отразить удар, но, на мое счастье, он попал не в меня, а в деревьяшки, которые отмечали границу поля. Потом настала очередь Радда защищаться, а моя – нападать. Еще мальчишкой в Гаскони я научился бросать камни далеко и метко и не сомневался, что сумею попасть в этого храброго англичанина. Я с криком разбежался и метнул шар. Быстро, как пуля, шар летел ему прямо в грудь, но он без единого слова взмахнул палкой, и шар взвился высоко в небо. Лорд Рафтон захлопал в ладоши с криком одобрения. Шар вернулся ко мне, и снова пришла моя очередь бросать. На этот раз шар пролетел мимо его головы, и теперь он побледнел. Но он был не трус, этот садовник, и снова встал передо мной. Ах, друзья мои, настал час моего торжества! На нем был красный жилет, и я нацелился в этот жилет. Вы сказали бы, что я канонир, а не гусар, потому что трудно представить себе более точную наводку. С душераздирающим криком – так кричит храбрец, видя свое поражение, – он опрокинулся на деревянные колышки позади и вместе с ними рухнул на землю. А этот

английский милорд был жестокий человек: он так смеялся, что не мог даже прийти на помощь своему слуге. Пришлось мне, победителю, броситься вперед, подхватить смелого игрока и поставить его на ноги со словами похвалы, ободрения и надежды. Он весь скорчился от боли и не мог разогнуться, но все же этот честный малый признал, что моя победа не случайна. «Он это нарочно! Нарочно!» – снова и снова повторял он. Все-таки замечательная игра крикет, и я охотно сыграл бы еще, но лорд Рафтон и Радд сказали, что сезон уже кончился и больше они играть не будут.

Конечно, это глупо, когда я, немощный старик, рассказываю о своих победах, и все же должен признаться, что в старости меня очень утешают и успокаивают воспоминания о женщинах, любивших меня, и о мужчинах, которых я в чем-либо превзошел. Приятно вспомнить, что через пять лет, когда заключили мир, лорд Рафтон приехал в Париж и заверил меня, что мое имя все еще гремит по всему Северному Девонширу после удивительных подвигов, которые я совершил. В особенности, сказал он, много говорят о моем боксерском матче с достопочтенным Болдоком. Дело было так. По вечерам у лорда Рафтона собирались спортсмены, они выпивали немало вина, заключали самые невероятные пари и толковали о лошадях и травле лисиц. Как сейчас помню этих странных людей: сэр Бэррингтон, Джек Лаптон из Барнстейбла, полковник Эддисон, Джонни Миллер, лорд Сэдлер и мой противник, достопочтенный Болдок. Все они были на один лад – пьяницы, сумасброды, драчуны, игроки с вечными причудами и прихотями. Но все же они были по-своему добрые ребята, хоть и грубые, кроме этого Болдока, толстяка, который ужасно кичился своими боксерскими талантами. Его насмешки над французами, которые, мол, ничего не смыслят в спорте, и заставили меня вызвать его на бокс, в котором он был так силен. Вы скажете, что это глупость, друзья мои, но графин с вином уже не раз обошел стол, и молодая, горячая кровь разыгралась во мне. Я буду драться с этим хвастуном; я покажу ему, что если мы и не владем боксерским искусством, то храбрости нам не занимать. Лорд Рафтон не хотел допустить этого состязания. Я настаивал. Остальные подзадоривали меня и хлопали по спине.

– Черт побери, Болдок, нельзя же так, ведь он наш гость, – сказал Рафтон.

– Но он сам вызвался, – возразил тот.

– Послушайте, Рафтон, если они наденут перчатки, то не покалечат друг друга! – воскликнул лорд Сэдлер.

На том и порешили.

Я уже хотел вынуть из кармана перчатки, но нам тут же принесли

четыре большие кожаные подушки, похожие на фехтовальные рукавицы, только побольше. Мы сняли сюртуки и жилеты, после чего нам надели эти самые рукавицы. Стол вместе с бокалами и графинами задвинули в угол, и вот мы стоим лицом к лицу! Лорд Сэдлер уселся в кресло с часами в руке.

– Первый раунд! – объявил он.

Признаюсь вам, друзья мои, что в этот миг я почувствовал вдруг такую дрожь, какой не испытывал ни на одной дуэли, а дрался я несчетное количество раз. Со шпагой или с пистолетом в руке я чувствую себя как рыба в воде, а тут я только понимал, что должен драться с этим толстяком и сделать все, что в моих силах, чтобы его одолеть, несмотря на здоровенные подушки у меня на руках. Да еще с самого начала меня лишили лучшего оружия, которое оставалось.

– Помните, Жерар, ногами бить нельзя, – сказал лорд Рафтон мне на ухо. На мне была только пара тонких вечерних туфель, и все же при тучности противника несколько удачных пинков могли бы обеспечить мне победу. Но тут существует определенный этикет, так же как и в дуэли на саблях, и я воздержался от пинков. Я посмотрел на этого англичанина и подумал, как лучше его атаковать. У него были большие оттопыренные уши. Я мог бы ухватиться за них и повалить его на землю. Я бросился на него, но меня подвели толстые перчатки, и его уши дважды выскользнули из моих рук. Он ударил меня, но что мне его удары – я снова схватил его за ухо. Он упал, а я навалился сверху и стукнул его головой об пол. Как они подбадривали меня и хохотали, эти храбрые англичане, как хлопали меня по спине!

– Ставлю на француза один к одному! – воскликнул лорд Сэдлер.

– Но он дерется нечестно! – крикнул мой противник, потирая покрасневшее ухо. – Бросился на меня, как зверь, и повалил на пол.

– Ну, вы сами напросились, – холодно сказал лорд Рафтон.

– Второй раунд! – объявил лорд Сэдлер, и мы снова заняли боевые позиции.

Мой противник побагровел, его маленькие глазки сверкали злобой, как у бульдога. На лице была написана ненависть. Я со своей стороны держался непринужденно и добродушно. Благородный француз в драке не испытывает ненависти. Я встал перед ним и поклонился, как делал на дуэли. Поклоном можно выразить любезность и учтивость, равно как и вызов; я же вложил в него все эти три оттенка, да еще слегка насмешливо пожал плечами. В этот миг он нанес мне удар. Все вокруг завертелось. Я упал навзничь. Но в мгновение ока я был уже на ногах и перешел в ближний бой. Я хватал его то за уши, то за волосы, то за нос. И снова

радостное безумие боя загло мою кровь. С уст моих сорвался старый победный клич.

– Vive l'Empereur! – закричал я и ударил его головой в живот. Он обхватил меня за шею и, удерживая одной рукой, другой начал осыпать ударами. Я вцепился ему в руку зубами, и он взвыл от боли.

– Разведите нас, Рафтон! – взвизгнул он. – Разведите, слышите! Он кусается!

Меня оттащили. Никогда не забуду этот день – смех, приветствия, поздравления! Даже мой противник не затаил на меня злобы и пожал мне руку. Я же со своей стороны расцеловал его в обе щеки. Через пять лет после этого лорд Рафтон сказал мне, что доблесть, проявленная мною в тот вечер, все еще живет в памяти моих английских друзей.

Однако сегодня я хочу рассказать вам не о своих спортивных победах, а о леди Джейн Дэйр и о странном приключении, которому она послужила причиной. Леди Джейн Дэйр была сестрой лорда Рафтона и хозяйкой в его доме. Боюсь, что до моего появления она чувствовала себя одинокой, ведь это была красивая и утонченная женщина, у которой не могло быть ничего общего с окружавшими ее людьми. Право же, это относится ко многим английским дамам того времени, поскольку мужчины там все были грубые, неотесанные, низменные, с мужицкими замашками, лишенные каких-либо достоинств, а женщины – самые милые и нежные, каких я только знал. Мы с леди Джейн стали большими друзьями, и я, поскольку мне не под силу выпить после обеда три бутылки портвейна, как этим девонширским джентльменам, искал приюта в ее гостиной, где она каждый вечер играла на клавинодах, а я пел ей французские песни. В эти безмятежные минуты я забывал о своих горестях и тоске, которая меня охватывала, когда я вспоминал, что мой полк остался без любимого командира и вождя перед лицом врага. Право, я готов был рвать на себе волосы, когда читал в английских газетах о славных сражениях в Португалии и на границах Испании, ведь я бы участвовал в них, не попади я в плен к милорду Веллингтону.

Из того, что я рассказал о леди Джейн, вам, друзья мои, конечно, уже ясно, какой оборот приняло дело. Этьен Жерар очутился в обществе молодой и красивой женщины. Чем это может кончиться для него? И для нее? Не мне, гостю, да еще пленному, заводить шашни с сестрой хозяина. Я был сдержан. Я был скромн. Старался обуздать свои чувства. Правда, боюсь, что я все-таки выдал себя с головой, ведь когда язык молчит, глаза становятся особенно красноречивыми. Я перелистывал ноты, когда она играла, и дрожание пальцев обнаруживало мои чувства. Но она... она была

восхитительна. В таких делах женщина способна на непостижимое притворство. Если б я не разгадал ее, мне нередко казалось бы, что она просто-напросто забывала о моем присутствии. Она часами сидела, погруженная в задумчивость, а я любовался ее бледным лицом и красивыми локонами, освещенными лампой, и трепетал от восторга при мысли, что так сильно затронул ее чувства. Наконец я нарушал молчание, она вздрагивала в своем кресле и смотрела на меня с восхитительным притворством, будто удивленная, что я здесь. Ах! Как хотелось мне броситься к ее ногам, поцеловать ее белую ручку, сказать ей, что я разгадал ее тайну и не обману ее доверия! Но нет, я не был ей равным, я жил в ее доме как отверженный, как враг. Мои уста были замкнуты. Я попытался подражать ей в ее поразительном притворном равнодушии, но, как вы можете себе представить, с нетерпением ждал малейшего повода быть ей полезным.

Однажды утром леди Джейн села в карету и уехала в Оукхемптон, а я пошел пешком по дороге, надеясь встретить ее, когда она будет возвращаться. Зима была в самом начале, и увядшие папоротники клонились к извилистой дороге. Унылое место этот Дартмур – глушь да скалы, край ветров и туманов. Я шел и размышлял, что немудрено, если англичане страдают сплином. У меня у самого было тяжело на сердце, и я присел на пригорок у дороги, глядя на унылые окрестности, а душа моя была беспокойна и полна дурных предчувствий. Но вдруг, взглянув на дорогу, я увидел такое, что все прочие мысли разом вылетели у меня из головы и я вскочил на ноги с криком удивления и гнева.

Из-за поворота дороги показалась карета, и лошадка, которой она была запряжена, скакала во всю прыть. В карете сидела та, которую я вышел встречать. Она нахлестывала лошадь, словно спасалась от какой-то страшной опасности, то и дело оглядываясь. Ее преследователь был скрыт за поворотом дороги, и я бросился вперед, не зная, что меня ждет. В тот же миг я увидел этого преследователя, и удивление мое возросло еще больше. Это был джентльмен в красной охотничьей куртке, верхом на большой серой лошади. Он летел, как на скачках, и благодаря размашистому шагу своего прекрасного коня вскоре настиг карету. Я видел, как он наклонился, схватил вожжи и остановил лошадь. И тут же у них начался какой-то серьезный разговор, он что-то горячо говорил, склонившись с седла, а она жалась в угол, прячась от него, видимо, со страхом и отвращением.

Вы сами понимаете, друзья мои, что я не мог смотреть на это спокойно. Каким восторгом преисполнилось мое сердце, когда я подумал: вот прекрасный случай быть полезным леди Джейн! И я побежал – Бог

мой, как я бежал! Наконец, задыхаясь, не в силах вымолвить ни слова, я добежал до кареты. Этот человек, голубоглазый, как все англичане, скользнул по мне взглядом, но он был так поглощен разговором, что не обратил на меня никакого внимания, и леди тоже не сказала ни слова. Она все еще сидела, забившись в угол, и ее прекрасное бледное лицо было обращено к нему. Он был недурен собой – высокий, ладный, смуглолицый; когда я взглянул на него, то почувствовал укол ревности. Он говорил тихо и быстро, как все англичане, когда ведут серьезный разговор.

– Слышите, Джинни, я люблю вас, только вас одну, – сказал он. – Не будьте злопамятны, Джинни. Что было, то было, забудем прошлое. Ну, скажите же, что все забыто.

– Нет, Джордж, никогда, слышите, никогда! – воскликнула она.

Его красивое лицо побагровело. Он едва сдерживал ярость.

– Почему вы не хотите простить меня, Джинни?

– Я не в силах забыть случившееся.

– А, черт, вы должны выбросить это из головы! Довольно я умолял вас.

Настало время требовать. У меня есть на вас права, понятно?

Он грубо схватил ее за руку.

Я тем временем перевел наконец дух.

– Мадам, – сказал я, приподнимая шляпу, – простите за вмешательство, но не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

Однако оба они обратили на меня не больше внимания, чем на муху, которой вздумалось бы жужжать около них. Они не сводили глаз друг с друга.

– Слышите, у меня есть права! И я достаточно долго ждал.

– Напрасно вы хотите меня запугать, Джордж.

– Так вы согласны?

– Никогда в жизни!

– Это ваше последнее слово?

– Да, последнее.

С уст его сорвалось проклятие, и он бросил ее руку.

– Ну ладно, миледи, я приму меры.

– Простите, сэр! – сказал я с достоинством.

– Ах, да подите вы к черту! – воскликнул он, поворачивая ко мне искаженное злобой лицо. С этими словами он дал шпоры коню и поскакал назад.

Леди Джейн провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, и я с удивлением заметил, что она вовсе не хмурится, а улыбается. Потом она повернулась ко мне и протянула руку:

– Благодарю вас, полковник Жерар. Я знаю, вы сделали это из благородных побуждений.

– Мадам, – сказал я, – если вы соблаговолите сообщить мне имя этого джентльмена, ручаюсь, что он никогда более не посмеет вам докучать.

– Нет, нет, заклинаю вас, не поднимайте скандала! – воскликнула она.

– Мадам, посмею ли я забыть до такой степени! Будьте уверены, что в этой истории имя леди мною упомянуто не будет. Послав меня к черту, этот джентльмен избавил меня от щекотливой необходимости искать повода для ссоры.

– Полковник Жерар, – сказала леди Джейн серьезно, – вы должны мне обещать как благородный человек и офицер, что с этим делом покончено и что вы не скажете моему брату о том, что видели. Обещаете?

– Как вам будет угодно.

– Ловлю вас на слове. А теперь садитесь и поедem домой, по дороге я вам все объясню.

Первая же ее фраза пронзила меня, как клинок.

– Этот человек – мой муж, – сказала она.

– Ваш муж!

– Разве вы не знали, что я замужем?

Казалось, мое волнение удивило ее.

– Не знал.

– Это лорд Джордж Дэкр. Мы поженились два года назад. Не к чему рассказывать, как он меня обидел. Я ушла от него, и брат приютил меня. До сегодняшнего дня этот человек оставлял меня в покое. Больше всего я опасаюсь дуэли между моим мужем и братом. Страшно даже подумать об этом. Вот почему лорд Рафтон не должен ничего знать о нашей сегодняшней случайной встрече.

– Если мой пистолет может избавить вас от затруднения...

– Нет, нет, об этом даже не думайте. Вспомните свое обещание, полковник Жерар. И ни слова в Хай-Коме о том, что вы слышали!

Ее муж! В своем воображении я видел ее молодой вдовой. И вот смуглолицый негодяй с его «подите к черту» оказался мужем этой нежной голубки. Ах, если б только она позволила мне освободить ее от ненавистной обузы! Нет более быстрого и надежного способа развестись, чем тот, который я мог ей предложить. Но слово есть слово, и я сдержал его. Я никому ничего не сказал.

Через неделю меня должны были отправить из Плимута в Сен-Мало, и я думал, что никогда не узнаю продолжения этой истории. Но судьбе угодно было, чтобы она имела продолжение, и я сыграл в ней весьма

приятную и почетную роль.

Всего через три дня после того случая, о котором я рассказал, лорд Рафтон вдруг ворвался ко мне в комнату. Он был бледен и, как видно, чем-то крайне взволнован.

– Жерар! – воскликнул он. – Вы видели леди Джейн Дэкр?

Я видел ее после завтрака, а теперь было уже за полдень.

– Клянусь Богом, совершенно злодеяние! – воскликнул мой бедный друг, бегая по комнате, как безумный. – Приезжал бейлиф и сказал, что люди видели, как карета, запряженная парой, мчалась что есть духу по Тавистокской дороге. Когда она проезжала мимо кузницы, кузнец услышал женский крик. Джейн исчезла. Провалиться мне на месте, если ее не похитил этот негодяй Дэкр. – Он резко позвонил. – Немедленно оседлать двух лошадей! – крикнул он. – Полковник Жерар, где ваши пистолеты? Сегодня же я привезу Джейн назад из Грэйвел-Хэнгера, или же в Хай-Коме появится новый хозяин.

И вот через полчаса мы, как странствующие рыцари в старину, скакали на вырубку леди, попавшей в беду. Лорд Дэкр жил близ Тавистока, и в каждом доме, на каждой дорожной заставе мы слышали о почтовой карете, мчавшейся впереди, так что не приходилось сомневаться, куда они держат путь. Дорогою лорд Рафтон рассказал мне о человеке, которого мы преследовали. Его имя было притчей во языцех по всей Англии, он стал символом всяких безобразий. Вино, женщины, кости, карты, скачки – всеми этими скандальными делами он стяжал себе дурную славу. Этот человек был из древнего и знатного рода, и, когда он женился на красавице леди Джейн Рафтон, все надеялись, что он уймется. В самом деле, несколько месяцев он вел себя хорошо, а потом затеял какую-то грязную интрижку. Оскорбленная в своих лучших чувствах, Джейн бежала из дому и нашла приют у брата, из-под чьего крова ее теперь похитили силой, против воли. Судите же сами, может ли быть цель более благородная, чем та, которая свела нас с лордом Рафтоном в тот день.

– Вон Грэйвел-Хэнгер! – воскликнул он наконец, указывая хлыстом вперед; там, на зеленом склоне холма, стоял старинный дом из кирпича и дерева, такой очаровательный, какой встретишь только в английской глуши. – У ворот парка есть постоянный двор, там мы оставим лошадей, – добавил он.

Но я считал, что раз наше дело правое, нам всего лучше смело подскочить к дверям и потребовать, чтобы он отпустил леди. Однако тут я ошибался. Ибо англичанин боится только одного – закона. Он сам его

устанавливает, но стоит закону войти в силу, и он становится тираном, перед которым пасуют самые отчаянные храбрецы. Англичанин с улыбкой преступит порог смерти, но побледнеет от страха, если придется преступить закон. Пока мы шли через парк, лорд Рафтон кое-что объяснил мне, и из его слов выходило, что в этой истории закон не на нашей стороне. Лорд Дэкр имел право увезти жену, так как она принадлежит ему, мы же ничем не отличались от грабителей, посягающих на чужую собственность. А грабителям нельзя открыто подходить к парадной двери. Мы могли забрать леди Джейн силой или хитростью, но не могли сделать это по праву, так как закон был против нас. Вот что объяснил мне мой друг, когда мы притаились в кустах под окнами. Из кустов мы могли наблюдать за этой крепостью и решить, удастся ли нам занять здесь прочные позиции и, главное, как снестись с прекрасной пленницей.

И вот мы с лордом Рафтоном засели в кустах, сжимая пистолеты в карманах охотничьих курток, и наши сердца были исполнены решимости не возвращаться домой без леди Джейн. Мы нетерпеливо вглядывались в длинный ряд окон. Никаких признаков присутствия пленницы заметно не было; но на усыпанной гравием дорожке перед дверью остались глубокие следы колес. Без сомнения, они уже приехали. Затаившись в кустах, мы шепотом держали военный совет, который вдруг был прерван самым необычным образом.

Из дома вышел высокий, белокурый человек, ни дать ни взять правофланговый гренадерской роты. Когда он повернул к нам смуглое голубоглазое лицо, я узнал лорда Дэкра. Широким шагом он прошел по дорожке прямо к тому месту, где мы прятались.

– Выходите, Нед! – крикнул он. – Не то лесник, чего доброго, всадит в вас порцию свинца. Выходите, приятель, нечего сидеть в кустах.

Нельзя сказать, чтобы вид у нас был очень геройский. Мой бедный друг встал, весь красный от смущения. Я тоже вскочил на ноги и поклонился как можно учтивее.

– А! И этот француз тоже здесь? – сказал он, не отвечая на мой поклон. – Мы уже с ним столкнулись недавно. Что же касается вас, Нед, я знал, что вы примчитесь по горячим следам, и сам искал вас. Я видел, как вы прошли через парк и засели в кустах. Входите в дом, приятель, и сыграем в открытую.

Ну что ж, он был хозяином положения, этот рослый красавец, который непринужденно стоял у дверей дома, пока мы выбирались из своего убежища. Лорд Рафтон не сказал ни слова, но по его потемневшему лицу и мрачному взгляду я видел, что вот-вот грянет буря. Лорд Дэкр первый

вошел в дом, мы последовали за ним. Он сам ввел нас в гостиную, отделанную дубовыми панелями, и плотно затворил дверь. Потом окинул меня наглым взглядом.

– Послушайте, Нед, – сказал он, – до сих пор англичане сами улаживали свои семейные дела. Какое отношение имеет этот чужеземец к вашей сестре и моей жене?

– Сэр, – сказал я, – да будет мне позволено заметить, что речь здесь идет не только о жене или сестре, – я друг леди Джейн и имею неотъемлемое право, как всякий благородный человек, защищать женщину от жестокого обращения. Слова бессильны выразить то, что я о вас думаю, поэтому вот, извольте!

В руке у меня была перчатка, и я хлестнул его по лицу. Он отшатнулся со зловещей усмешкой, взгляд его был тверд, как кремь.

– Значит, Нед, вы привезли с собой наемника, – сказал он. – Могли бы по крайней мере сами драться, если уж без драки не обойтись.

– Я буду драться, – сказал лорд Рафтон. – И немедленно, не сходя с места.

– Ну нет, сперва я уложу этого французского нахала, – сказал лорд Дэкр. Он подошел к столику, стоявшему у стены, и открыл ящик с медной отделкой. – Клянусь, – сказал он, – один из нас выйдет отсюда ногами вперед. Я не хотел ссориться с вами, Нед, разрази меня гром, но я пристрелю вашего прихвостня, это так же верно, как то, что я Джордж Дэкр. Сэр, выбирайте себе пистолет, стреляться будем через стол. Оба заряжены. Цельтесь хорошенько и постарайтесь меня убить, потому что, если вы промахнетесь, клянусь, ваша песенка спета.

Напрасно лорд Рафтон пытался обратить его ярость на себя. Я твердо помнил два обстоятельства: первое, что леди Джейн больше всего на свете боялась дуэли между своим мужем и братом, и второе, что, если мне удастся убить этого рослого милорда, все устроится как нельзя лучше раз и навсегда. Лорд Рафтон хочет от него избавиться. И леди Джейн тоже. Поэтому я, Этьен Жерар, их друг, уплачу им долг благодарности, освободив их от этой обузы. Да иного выбора у меня и не было, так как лорд Дэкр жаждал всадить в меня пулю, и я со своей стороны желал оказать ему ту же услугу. Напрасно лорд Рафтон спорил и ругался. Остановить дальнейший ход событий не было возможности.

– Ну, если уж вы непременно хотите драться не со мной, а с моим гостем, пускай дуэль состоится завтра утром, в присутствии двух свидетелей! – воскликнул он наконец. – А стреляться через стол – ведь это же просто убийство.

– Меня это вполне устраивает, Нед, – сказал лорд Дэкр.

– И меня! – подхватил я.

– Тогда я умываю руки! – воскликнул лорд Рафтон. – Говорю вам, Джордж, если вы убьете полковника Жерара при таких обстоятельствах, то окажетесь на скамье подсудимых. Я отказываюсь быть секундантом.

– Сэр, – сказал я, – что до меня, я вполне готов обойтись без секунданта.

– Но это невозможно! Это не по правилам! – вскричал лорд Дэкр. – Послушайте, Нед, не валяйте дурака. Вы же видите, мы не шутим. Черт подери, да единственное, что от вас требуется, – это бросить платок.

– Я в этом деле не участвую.

– Ну, раз так, придется мне найти кого-нибудь другого, – сказал лорд Дэкр. Он положил пистолеты на стол, прикрыл их скатертью и позвонил. Вошел лакей.

– Попросите полковника Беркли зайти сюда. Он в бильярдной.

Через минуту вошел высокий, худой англичанин с длинными усами, что редко встретишь в этой стране среди гладко выбритых лиц. Позже я узнал, что усы носили только гвардейцы и гусары. Этот полковник Беркли был гвардеец. Он был странный, вялый, ленивый, медлительный, и из его огромных усов, как шест из кустарника, торчала длинная черная сигара. Он с чисто английской флегматичностью оглядел нас и не выказал ни малейшего удивления, узнав о наших намерениях.

– Отлично, – сказал он. – Отлично.

– Я отказываюсь участвовать в этом, полковник Беркли! – воскликнул лорд Рафтон. – Имейте в виду, эта дуэль не может состояться без вашего согласия, и я возлагаю лично на вас ответственность за все, что произойдет.

Полковник Беркли, очевидно, был знатоком дуэлей, потому что он вынул сигару изо рта и скрипучим голосом стал разъяснять, что к чему.

– Обстоятельства несколько необычны, однако не противоречат правилам, лорд Рафтон, – сказал он. – Один джентльмен нанес удар, другой джентльмен его получил. Все совершенно ясно. Время и условия зависят от человека, который требует удовлетворения. Превосходно. Этот человек желает стреляться немедленно, не сходя с места, через стол. Это – его право. Ответственность я готов взять на себя.

Разговаривать больше было не о чем. Лорд Рафтон сидел в углу мрачнее тучи, насупив брови и глубоко засунув руки в карманы брюк. Полковник Беркли осмотрел оба пистолета и положил их на середину стола. Лорд Дэкр стал по одну его сторону, а я по другую – нас разделяло теперь восемь футов полированного черного дерева. Рослый полковник

встал на коврик спиной к камину, держа платок в левой руке, а сигару зажав между двумя пальцами правой.

– Когда я брошу платок, вы берете пистолеты и стреляете без команды. Готовы?

– Да! – воскликнули мы.

Он разжал руку, и платок упал. Я быстро наклонился вперед и схватил пистолет, но стол, как я уже говорил, был длиной в восемь футов, и длиннорукому милорду было легче дотянуться до оружия. Я не успел выпрямиться, как он уже выстрелил, – это меня и спасло. Если б я стоял прямо, он вышиб бы мне мозги. А так пуля только задела мои волосы. Я тоже вскинул пистолет, но в этот миг дверь распахнулась и чьи-то руки обхватили меня. В лицо мне заглянуло прекрасное, покрасневшее, взволнованное лицо леди Джейн.

– Не стреляйте! Полковник Жерар, ради меня, не стреляйте! – воскликнула она. – Это ошибка, уверяю вас, ошибка! Он самый лучший, самый любящий из мужей. Я никогда больше его не покину!

Ее руки скользнули по моей руке и закрыли дуло пистолета.

– Джейн, Джейн! – воскликнул лорд Рафтон. – Пойдем! Тебе здесь не место. Я уведу тебя.

– Все это чертовски не по правилам, – сказал лорд Беркли.

– Полковник Жерар, ведь вы не выстрелите, правда? Если вы его убьете, я этого не перенесу.

– Черт подери, Джинни, дай этому малому честно получить свое! – воскликнул лорд Дэкр. – Он выдержал мой выстрел, как настоящий мужчина, и я не допущу, чтобы ему помешали. Будь что будет, я сам во всем виноват.

Но мы с леди Джейн уже успели переглянуться, и она все поняла. Она выпустила мою руку.

– Я отдаю в руки полковника Жерара жизнь моего мужа и мое счастье, – сказала она.

Ах, как эта восхитительная женщина меня понимала! Секунду я раздумывал с пистолетом в руке. Мой противник храбро стоял передо мной, и его загорелое лицо ничуть не побледнело, а дерзкие голубые глаза ни разу даже не моргнули.

– Что же вы медлите, сэр, стреляйте! – воскликнул полковник, стоявший у камина.

– Пора кончать, – сказал лорд Дэкр.

Должен же я был по крайней мере показать им, что его жизнь в моих руках. Этого требовала моя гордость. Я поискал глазами какую-нибудь

мишень. Полковник смотрел на моего противника, ожидая, что вот сейчас он упадет. Я видел его лицо сбоку – длинная сигара торчала изо рта, и на ее конце было с дюйм пепла. С быстротой молнии я вскинул пистолет и выстрелил.

– С вашего позволения, я стряхнул пепел с вашей сигары, сэр, – сказал я и поклонился с изяществом, недоступным этим островитянам.

Я убежден, что всему виной пистолет, потому что глаз у меня верный. Я не поверил своим глазам, когда увидел, что отстрелил сигару у самых его губ. Он стоял, уставившись на меня, и из его опаленных усов торчал искромсанный обломок сигары. Как сейчас вижу его глупые злые глаза и длинное худое растерянное лицо. А потом он открыл рот. Я всегда говорил, что англичане вовсе не флегматичный и молчаливый народ, надо только их расшевелить. В жизни не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так оживленно, как этот полковник. Леди Джейн зажала уши.

– Послушайте, полковник Беркли, – сказал лорд Дэкр сурово, – вы забываетесь. Здесь дама.

Полковник неловко поклонился.

– Если леди Дэкр будет настолько любезна выйти из комнаты, – сказал он, – я выскажу этому мерзкому французу все, что я думаю о нем и о его дурацких выходках.

Я с великолепным бесстрашием пропустил его слова мимо ушей и обратил внимание только на вызывающий тон.

– Сэр, – сказал я, – я готов принести вам извинения за эту неприятную случайность. Мне было ясно, что, если я не разряжу свой пистолет, это нанесет ущерб чести лорда Дэкра, но в то же время после всего, что сказала эта леди, мне было решительно невозможно целиться в ее мужа. Поэтому я искал мишень и, к величайшему несчастью, выбил у вас изо рта сигару, хотя намеревался просто стряхнуть пепел. Меня подвел пистолет. А теперь, сэр, когда я объяснился и принес свои извинения, если вы все-таки желаете удовлетворения, мне незачем говорить, что в этом я никак не могу вам отказать.

Я держался безупречно и всех их покори́л этим. Лорд Дэкр подошел и стиснул мне руку.

– Черт возьми, сэр, – сказал он, – никогда бы не думал, что могу испытывать такие теплые чувства к французу. Вы настоящий мужчина и благородный человек, больше мне нечего к этому добавить.

Лорд Рафтон ничего не сказал, но его рукопожатие было красноречивей слов. Даже полковник Беркли преподнес мне комплимент и заявил, что готов забыть об этой несчастной сигаре. А она... ах, если б вы

только видели, каким взглядом она меня подарила, как вспыхнули ее щеки, увлажнились глаза, задрожали губы! Когда я вспоминаю мою красавицу леди Джейн, она представляется мне именно такой, какой была в тот миг. Они настойчиво приглашали меня отобедать, но, сами понимаете, друзья мои, некстати было бы ни лорду Рафтону, ни мне оставаться в Грэйвел-Хэнгере. Примирившаяся чета жаждала уединения. В карете лорд Дэкр убедил ее в своем искреннем раскаянии, и они снова стали любящими мужем и женой. А дабы они такими и остались, мне лучше всего было удалиться. Зачем разрушать семейный мир? Против моей воли мое присутствие и вид могли подействовать на леди Джейн. Нет, нет, прочь из этого дома, даже она не могла убедить меня остаться. Много лет спустя я узнал, что чета Дэкров – одна из самых счастливых в Англии и что жизнь их больше не омрачило ни одно облачко. И все же осмелюсь сказать, что, если б он мог прочесть мысли своей жены... но нет, ни слова больше! Тайна женского сердца священна, и боюсь, что леди Джейн вместе со своей тайной давно уж погребена на каком-нибудь девонширском кладбище. Быть может, нет уж на свете и тех веселых людей, которые ее окружали, и леди Джейн живет лишь в памяти старого французского бригадира в отставке. Зато он никогда ее не забудет.

Глава VI

Как бригадир побывал в Минске

Сегодня, друзья мои, мне хочется глотнуть чего-нибудь покрепче, и я, пожалуй, выпью бургундского вместо бордо. А все потому, что мое сердце, сердце старого солдата, не на месте. Просто диву даешься, как незаметно подкрадывается старость. Не думаешь, не гадаешь; душа все так же молода, и не чувствуешь, как разрушается и дряхлеет тело. Но наступает день, когда понимаешь это, когда вдруг, как блеск разящего клинка, осеняет прозрение, и видишь, каким ты был и каким стал. Да, да, сегодня со мной это случилось, и я выпью бургундского. Белого бургундского – монтраше. Мсье, я ваш должник.

Все это произошло сегодня утром на Марсовом поле. Простите, друзья, старика за то, что он изливает вам свои горести. Ведь вы были на смотре. Правда, великолепно? Я был на местах, отведенных для ветеранов, кавалеров почетных орденов. Ленточка у меня на груди служила мне пропуском. А крест я храню дома в кожаном кошельке. Нам оказали честь, отвели места там, где войска проходят церемониальным маршем, а справа от нас был император и кареты придворных.

Я бог весть сколько лет не ходил на смотры, потому что многого не одобряю. Не одобряю красные рейтузы пехотинцев. Раньше пехота сражалась в белых рейтузах. А красные должна носить кавалерия. Того и гляди, они присвоят еще наши кивера и шпоры! Если б я показался на смотре, все решили бы, что я, Этьен Жерар, примирился с этим. Вот я и сидел дома. Но сейчас идет Крымская война, а это меняет дело. Люди отправляются в бой. И не мне сидеть дома, когда собираются храбрецы.

Честное слово, они недурно маршировали, эти пехотинцы! Хоть рост и не тот, но крепкие ребята и выправка отличная. Когда они проходили мимо меня, я обнажил голову. А потом двинулась артиллерия. Добрые пушки, лошади, и люди тоже не плохи. Я обнажил голову. Дальше пошли саперы, и перед ними я тоже снял шляпу. Нет на свете людей храбрее саперов. А там – кавалерия: уланы, кирасиры, егеря, спаги^[18]. Я снимал шляпу перед всеми, кроме спаги. У императора их не было. Но, как вы думаете, кто ехал в самом конце? Гусарская бригада в боевом строю! Ах, друзья мои, какая краса, гордость, слава, великолепие, блеск, грохот подков и звяканье уздечек, развевающиеся гривы, благородные лица, облако пыли и

колыхание стальных сабель! Сердце мое стучало, как барабан, когда они проезжали мимо меня. А самым последним проскакал мой собственный полк. Я увидел серебристо-черные доломаны, чепраки из леопардовых шкур и словно сбросил с себя бремя лет, увидел своих удалцов, которые мчались за своим молодым полковником на добрых конях во всем блеске молодости и силы сорок лет назад. Я поднял трость. «Ghargez! En avant! Vive l'Empereur!»^[19] Это прошлое взывало к настоящему. Но Боже, какой у меня был тонкий, писклявый голос! Неужели это его слышала вся наша непобедимая бригада? А рука едва могла поднять трость. Неужели это те стальные, несокрушимые мускулы, которым не было равных в могучей армии Наполеона? Мне улыбались. Меня приветствовали. Император засмеялся и кивнул. Но я видел все вокруг, как в туманном сне, а явью были мои восемьсот павших гусар и прежний Этьен, которого давным-давно уже нет. Но довольно – храбрец должен встретить старость так же, как встречал казаков и улан. И все же иногда монтраше лучше, чем бордо.

Эти войска отправляются в Россию, и я расскажу вам о России. Сейчас это кажется мне страшным сном! Кровь и лед. Лед и кровь. Озверелые лица и заледеневшие бакенбарды. Посиневшие руки, протянутые в мольбе о помощи. И через всю бесконечную равнину протянулась непрерывная вереница людей; они брели, брели – одну сотню миль за другой, а впереди была все та же белая равнина. Иногда ее однообразие нарушали еловые леса, иногда она расстилалась до самого голубого холодного горизонта, а черная вереница все тянулась вперед. Эти измученные, оборванные, умирающие от голода люди, промерзшие до самого нутра, не смотрели по сторонам, – понурившись и сгорбившись, они уползали туда, во Францию, как зверь в свою берлогу. Они не разговаривали, и снег заглушал их шаги. Только один раз я услышал смех. Это было под Вильно. К командиру нашей ужасной колонны подъехал адъютант и спросил, это ли Великая армия. Все, кто был поблизости и слышал его слова, огляделись и, увидев этих павших духом людей, эти разбитые полки, эти закутанные в мех скелеты, которые когда-то были гвардейцами, засмеялись, и смех затрещал по колонне, как фейерверк. Я много слышал в своей жизни стонов и криков, но куда ужасней был этот смех Великой армии.

Как же в таком случае русские не перебили этих беспомощных людей? Почему казаки не подняли их на пики или не сбили в стадо и не угнали в глубь России? Вокруг черной, извивавшейся по снегу, как змея, колонны со всех сторон мелькали смутные тени, они то появлялись, то исчезали с обоих флангов и в хвосте. Это были казаки, они рыскали вокруг нас, как волки вокруг овечьего стада. А не нападали они только потому, что весь лед

России не мог остудить сердца некоторых храбрецов. До самого конца они готовы были в любую минуту встать между этими дикарями и их добычей. И когда нависла опасность, один из них в особенности показал, как он велик, и прославился в дни бедствий гораздо больше, чем тогда, когда вел наш авангард к победе. Я поднимаю бокал за него, за Нея, этого рыжегривого льва, который, сверкая глазами, оглядывался через плечо на врага, а тот боялся подступить к нему слишком близко. Я вижу его так, словно это было вчера, – широкое бледное лицо искажено яростью, светлые голубые глаза мечут искры, могучий голос гремит среди ружейных выстрелов. Его потрепанная треуголка без пера была знаменем, вокруг которого в эти ужасные дни сплотилась вся Франция.

Всем известно, что ни я, ни Конфланский гусарский полк не были в Москве. Мы оставались в тылу, охраняя коммуникации в Бородине. Ума не приложу, как мог император наступать без нас. Когда он этим решением ослабил армию, я понял, что он уж не тот, что прежде. Однако солдат должен повиноваться приказу, и я остался в этой деревне, отравленной смрадом тридцати тысяч трупов людей, павших в великой битве. Весь остаток осени я занимался тем, что подкармливал лошадей своего полка и кое-как экипировал людей, так что, когда армия снова отступила к Бородину, мои гусары были лучшими в кавалерийских частях и получили приказ двигаться под начальством Нея в арьергарде. Что делал бы он без нас в эти ужасные дни? «Ах, Жерар!» – сказал он как-то вечером, но не мне повторять его слова. Достаточно того, что он выразил мысли всей армии. Арьергард прикрывал армию, а конфланские гусары прикрывали арьергард. В этих словах была святая правда. Казаки ни на минуту не оставляли нас в покое. Нам то и дело приходилось их сдерживать. Не было дня, чтобы мы не обтирали кровь со своих клинков. Да, нам пришлось-таки послужить императору.

Но между Вильно и Смоленском положение стало отчаянным. С казаками мы, хоть и промерзшие до костей, кое-как справлялись, но бороться с голодом оказалось нам не под силу. Надо было добыть провиант любой ценой. В тот вечер Ней вызвал меня в свой фургон. Он сидел, уронив свою большую голову на руки.

– Полковник Жерар, – сказал он, – наши дела отчаянно плохи. Люди умирают с голоду. Необходимо любой ценой их накормить.

– Лошади, – предложил я.

– Кроме тех, что остались у горстки ваших кавалеристов, больше ни одной нет.

– Музыканты, – сказал я.

Несмотря на все свое отчаяние, он рассмеялся:

– Почему же именно музыканты?

– Всех, кто может сражаться, надо беречь.

– Так, – сказал он. – Вижу, вы не выйдете из игры до последнего, и я тоже. Молодец, Жерар! – Он стиснул мне руку. – Но у нас еще остается одна надежда. – Он снял с крюка фонарь, который висел под крышей фургона, и поставил его около карты, развернутой перед ним. – Вот здесь, к югу от нас, – сказал он, – город Минск. Русский перебежчик сообщил, что в городской ратуше хранятся большие запасы зерна. Берите людей, сколько считаете нужным, отправляйтесь в Минск, захватите зерно, погрузите его на повозки, какие найдете в городе, и присоединитесь к нам на Смоленской дороге. Если вы потерпите неудачу, что ж, мы потеряем только один отряд. Зато в случае успеха это – спасение для всей армии.

Конечно, это было не совсем удачно сказано, ведь было ясно, что наша неудача не просто потеря отряда. Важно ведь не только количество, но и качество. И все же какое почетное задание, какой благородный риск! Если только это в человеческих силах, зерно из Минска будет доставлено. Так я и сказал ему и добавил несколько горячих слов о долге храбреца, после чего маршал до того растрогался, что встал и, ласково обняв меня за плечи, вытолкнул из фургона.

Мне было ясно, что для успешного исполнения дела нужно взять небольшой отряд и рассчитывать более на внезапность, чем на численность. Большому отряду не пройти незамеченным, ему трудно добыть пропитание, и русские приложат все силы, чтобы его истребить. А небольшой кавалерийский отряд, если только ему удастся незаметно проскользнуть мимо казаков, вполне возможно, не встретит больше войск на своем пути, так как мы знали, что главные силы русских находятся в нескольких переходах от нас. Зерно в Минске наверняка предназначалось для них. Эскадрон гусар да тридцать польских улан – вот все, кого я выбрал для этого рискованного дела. В ту же ночь мы выступили и двинулись на юг, к Минску.

По счастью, до полнолуния было еще далеко, и враг нас не заметил. Два раза мы видели яркие костры на снегу и вокруг них высокий густой частокол. Это были казачьи пики, воткнутые на ночь в снег. Как хотелось нам напасть на казаков врасплох и отомстить им за все; мои товарищи выжидающе поглядывали то на меня, то на красные мерцающие круги в темноте. Клянусь Богом, я сам едва поборол искушение, ведь это послужило бы врагам отличным уроком и научило бы их держаться от французской армии на почтительном расстоянии. Но для хорошего

командира важнее всего на свете не отвлекаться от главной цели, и мы тихо ехали по снегу, объезжая стороной казачьи биваки. Ночное небо позади нас все было охвачено заревом, там наши бедняги боролись за жизнь, чтобы встретить новый день, полный невзгод и голода.

Всю ночь мы медленно продвигались вперед, держась так, что Полярная звезда светила нам в спину. В снегу было проторено множество троп, и мы ехали по ним, чтобы никто не обнаружил здесь следов кавалерийского отряда. По таким мелким предосторожностям всегда узнаешь опытного офицера. Кроме того, тропа скорее приведет в деревню, а только в деревнях можно было рассчитывать добыть еду. На рассвете мы очутились в густом еловом лесу, снег лежал на ветках так плотно, что свет едва пробивался сквозь них. Когда мы наконец выбрались оттуда, уже совсем рассвело, край восходящего солнца поднялся над заснеженной равниной, и вся она, из края в край, стала красной. Я остановил своих гусар и улан на опушке и стал осматривать местность. Неподалеку стоял какой-то домик. В нескольких милях за ним была деревня. А вдали, на горизонте, виднелся большой город, над которым во множестве сверкали купола церквей. Видимо, это и был Минск. Следов войск я нигде не заметил. Ясно было, что мы миновали казачьи посты и ничто не преграждало нам путь к цели. Радостный крик вырвался у моих людей, когда я сказал им, где мы находимся, и мы быстро двинулись к деревне.

Однако, как я сказал, прямо перед нами был домик. Когда мы подъехали к нему, я увидел, что у двери привязан прекрасный серый конь под кавалерийским седлом. Я прищепил своего коня, но прежде чем успел доскакать до домика, из двери выбежал какой-то человек, прыгнул в седло и умчался во весь опор, оставляя за собой облако хрусткого, сухого снега. Солнце играло на его золотых эполетах, и я понял, что это русский офицер. Если его не настичь, он поднимет на ноги всю округу. Я дал Фиалке шпоры и пустился в погоню. Мои люди последовали за мной; но ни одна из наших лошадей не могла сравниться с Фиалкой, и я знал, что если не настигну русского сам, то на других надеяться нечего.

Только очень искусный всадник на быстром скакуне может надеяться уйти от Фиалки с Этьеном Жераром в седле. Он неплохо скакал, этот молодой русский офицер, и сидел недурно, но постепенно мы его измотали. Он то и дело оглядывался через плечо – смуглый красавец с орлиными глазами, – и я, настигая его, понял, что он взглядом измеряет расстояние, разделяющее нас. Вдруг он обернулся – вспышка, треск выстрела, и пистолетная пуля просвистела у самого моего уха. Прежде чем он успел обнажить саблю, я настиг его, но он все еще вонзал шпоры в бока

своего коня, и мы скакали бок о бок, и все-таки я успел ухватить его левой рукой за плечо. Вдруг я увидел, что он быстро поднес руку ко рту. Я мигом перетянул его на свою луку и стиснул ему горло, чтобы он не мог ничего проглотить. Лошадь вырвалась из-под него, но я держал его крепко, а Фиалка остановилась. Сержант Удэн из гусарского полка первым подскакал к нам. Это был старый вояка, он сразу смекнул, что к чему.

– Держите его крепче, полковник, – сказал он. – А остальное предоставьте мне.

Он вытащил нож, просунул лезвие между стиснутыми зубами русского и, повернув лезвие, заставил его открыть рот. На языке у него был мокрый клочок бумаги, который он старался проглотить. Удэн взял бумажку, а я отпустил горло русского. Он, полузадушенный, не сводил с нее глаз, и я сразу понял, что это донесение большой важности. Его руки сжимались, как будто он хотел вырвать у меня бумагу. Но когда я попросил прощения за грубость, он пожал плечами и беспечно улыбнулся.

– А теперь к делу, – сказал я, когда он прокашлялся и отплевался. – Ваше имя?

– Алексис Бараков.

– Чин и полк?

– Капитан гродненских драгун^[20].

– Что это у вас за письмо?

– Это записка к моей возлюбленной.

– И зовут ее, – сказал я, разглядывая адрес, – гетман Платов^[21]. Ну нет, меня не обманете, это важный военный документ, вы везли письмо одного генерала другому. Живо говорите, что там написано.

– Прочтите сами.

Он, как большинство образованных русских, превосходно говорил на французском языке. Но ему было прекрасно известно, что и один французский офицер на тысячу едва ли знает хоть слово по-русски. Записка состояла всего из одной строчки и выглядела так:

«Пусть французы придут в Минск. Мы готовы».

Я посмотрел на записку и пожал плечами. Потом показал ее своим гусарам, но и они не могли взять в толк, что это может значить. Все поляки были простые, неграмотные люди, кроме сержанта, но он был родом из Мемеля и не знал русского языка. С ума можно было сойти, ведь я понимал, что в руки мне попала важная тайна, от которой, может быть, зависит судьба всей армии, и ни слова не мог прочесть! Я опять попросил пленного перевести записку и обещал отпустить его за это на свободу. Но

он только улыбнулся в ответ. Я невольно восхищался им, потому что сам точно так же улыбался, когда попадал в подобное положение.

– Тогда скажите нам по крайней мере, как называется эта деревня? – спросил я.

– Это Доброва.

– А вон там, вдали, вероятно, Минск?

– Да, это Минск.

– Что ж, поедem в деревню, там нам живо переведут эту депешу.

И мы тронулись. По обе стороны пленника ехали мои люди с карабинами на изготовку. Деревня оказалась маленькой, и я поставил часовых в каждом конце ее единственной улицы, чтобы никто не мог ускользнуть. Необходимо было остановиться и добыть еды для людей и корм лошадям, ведь они ехали всю ночь, и путь предстоял неблизкий.

Посреди деревни стоял большой каменный дом, к которому я и направился. В доме жил священник, злой и угрюмый старик, который не ответил вежливо ни на один наш вопрос. В жизни не видел более мерзкого человека, но, клянусь Богом, его единственная дочь, которая вела у него хозяйство, ничуть на него не походила. Она была брюнетка, что редко увидишь в России, с белоснежной кожей, волосы черные, как вороново крыло, и самые чудесные темные глаза, какие только загорались при виде бравого гусара. Я с первого взгляда понял, что она передо мной не устоит. Конечно, при исполнении своего долга солдату не время заниматься амурами, но все же за скромным завтраком, который мне подали, я непринужденно болтал с дамой, и не прошло и часа, как мы стали самыми лучшими друзьями. Ее звали Софи, а фамилии я не знаю. Я научил ее называть меня Этьеном и постарался ободрить, потому что ее милое лицо было печально, а в прекрасных темных глазах стояли слезы. Я захотел узнать, что ее так печалит.

– Как же мне не печалиться, – сказала она по-французски, очаровательно шепелявя, – когда один из моих бедных соотечественников попал к вам в плен. Я видела, как он въехал в деревню под конвоем двух гусар.

– Таковы превратности войны, – сказал я. – Сегодня его черед, завтра, быть может, мой.

– Но подумайте, мсье...

– Этьен, – подсказал я.

– Ах, мсье...

– Этьен.

– Ну хорошо! – воскликнула она с отчаянной решимостью и мило

покраснела. – Подумайте только, Этьен, ведь этого молодого офицера отвезут к вам, и там он умрет с голоду или замерзнет, потому что, если этот поход, боюсь, нелегок для ваших солдат, то какова же будет участь пленного?

Я пожал плечами.

– У вас доброе лицо, Этьен, – сказала она. – Вы не можете обречь этого беднягу на верную смерть. Молю вас, отпустите его!

Ее нежная рука коснулась моего рукава, темные глаза умоляюще заглянули мне в лицо.

Вдруг у меня мелькнула счастливая мысль. Я исполню просьбу, но взамен потребую от нее услуги. Я приказал привести пленного.

– Капитан Бараков, – сказал я, – эта молодая особа просит меня отпустить вас, и я готов уступить ее просьбе, но дайте мне слово не покидать этот дом ровно сутки и не пытаться сообщить кому-либо о наших действиях.

– Даю слово, – сказал он.

– Полагаюсь на вашу честь. Одним человеком больше или меньше – ничего не изменит в войне между такими огромными армиями, а привезти вас с собой как пленника значит обречь на смерть. Ступайте же и благодарите не меня, а первого французского офицера, который попадет к вам в руки.

Когда он вышел, я достал из кармана бумагу.

– Ну вот, Софи, – сказал я, – я исполнил вашу просьбу, а теперь преподайте мне за это урок русского языка.

– С удовольствием, – сказала она.

– Начнем с этого, – сказал я и положил бумагу перед ней. – Переведем все слова подряд и посмотрим, что получится.

Она посмотрела на записку с удивлением.

– Здесь сказано, – объяснила она, – что если французы придут в Минск, все погибло. – И вдруг ужас мелькнул на ее красивом лице. – Боже мой, – воскликнула она, – что я наделала! Я предала свою родину! Ах, Этьен, эти слова меньше всего предназначались для ваших глаз. Зачем вы прибегли к хитрости и заставили бедную, простодушную, наивную девушку изменить своей родине?

Я утешил как мог бедняжку Софи и заверил ее, что тут нет ничего зазорного, если ее перехитрил такой старый вояка и проницательный человек, как я. Но мне было не до разговоров. Из записки стало ясно, что зерно действительно в Минске, а защищать его некому, потому что войск там нет. Высунувшись из окна, я поспешил отдать приказ, трубач заиграл

сбор, и через десять минут мы, оставив деревню позади, уже скакали к городу, золоченые купола церквей и колоколен которого поблескивали над заснеженным горизонтом. Они поднимались все выше и выше, и вот, когда солнце уже начало клониться к западу, мы очутились на широкой главной улице и поскакали по ней под крики мужиков и визг испуганных женщин, пока не оказались перед ратушей. Я остановил своих кавалеристов на площади, а сам с двумя сержантами, Удэном и Папилетом, бросился внутрь.

Господи, никогда не забуду то, что я там увидел! Прямо перед нами, выстроившись в три ряда, стояли русские гренадеры. Когда мы вошли, они вскинули ружья, и прямо в лица нам грянул залп. Удэн и Папилет упали на пол, подкошенные пулями. С меня же пуля сбила кивер, и в доломане появились две дыры. Гренадеры бросились на меня со штыками.

– Измена! – закричал я. – Нас предали! По коням!

Я выбежал из ратуши, но вся площадь была запружена войсками. Со всех боковых улиц на нас скакали драгуны и казаки, а из домов открыли такую пальбу, что половина моих людей и лошадей рухнула на землю.

– За мной! – крикнул я и вскочил на Фиалку, но тут русский драгунский офицер, здоровенный, как медведь, обхватил меня, и мы покатались по земле. Он обнажил саблю, чтобы убить меня, но передумал, схватил меня за горло и стал бить головой о камни, покуда я не потерял сознания. Так я попал в плен к русским.

Когда я пришел в себя, то жалел лишь об одном, что он сразу не вышиб мне мозги. Там, на главной площади в Минске, лежала половина моих людей, мертвых или раненых, а русские с ликующими криками столпились вокруг. Жалкую горстку уцелевших согнали на крыльцо ратуши под конвоем казачьей сотни. Увы, что я мог сказать, что мог поделать? Было ясно, что я завел их в хитроумную западню. Враги узнали, зачем мы здесь, и приготовились к встрече. А виной всему это донесение, которое заставило меня пренебречь предосторожностями и ехать прямо в город. Как мне оправдаться? Слезы потекли по моим щекам, когда я увидел гибель своего эскадрона и подумал о тяжелой судьбе моих товарищей из Великой армии, которые ждали, что я привезу им еду. Ней доверился мне, а я не оправдал доверия. Как часто вглядывается он теперь в снежную даль, ожидая отряда с зерном, который никогда не порадует его взор! Да и собственная моя участь была не из легких. Ссылка в Сибирь – вот лучшее, на что я мог рассчитывать. Но поверьте мне, друзья, что не о себе, а о голодающих товарищах горевал Этьен Жерар, когда по щекам его покатались слезы, которые тут же замерзали.

– Что такое? – раздался около меня грубый голос, и я, повернувшись, увидел того самого здоровенного чернобородого драгуна, который стащил меня с седла. – Глядите-ка, француз плачет! А я-то думал, за корсиканцем идут одни только храбрецы, а не дети.

– Если б мы встретились один на один, я показал бы вам, кто храбрее, – сказал я.

Вместо ответа этот негодяй дал мне пощечину. Я схватил его за горло, но десяток русских солдат оттащили меня от него и держали за руки, а он снова ударил меня.

– Презренный пес! – воскликнул я. – Разве так обращаются с офицером и дворянином?

– Никто вас не звал в Россию, – сказал он. – А уж ежели вы сюда пришли, то и получайте что заслужили. Будь моя воля, я попросту пристрелил бы тебя на месте.

– Когда-нибудь вы за это ответите! – воскликнул я, вытирая с усов кровь.

– Если гетман Платов одного со мной мнения, завтра в этот час тебя уже не будет в живых, – ответил он и бросил на меня свирепый взгляд. Потом он сказал своим солдатам несколько слов по-русски, и все они мигом вскочили в седла. Подвели бедняжечку Фиалку, у которой вид был такой же несчастный, как у ее хозяина, и велели мне сесть. Мою левую руку обвязали ремнем, другой конец которого прикрепили к стремени драгунского сержанта. И вот я с остатком своих людей в самом плачевном положении выехал из Минска на север.

В жизни не видал такого негодяя, как этот майор Сержин, начальник конвоя. В русской армии можно найти и самых лучших и самых худших людей в мире, но хуже Сержина, майора киевского драгунского полка, я не видел ни в одних войсках, кроме партизан на Пиренейском полуострове. Это был рослый малый со свирепым, жестоким лицом и щетинистой черной бородой, которая топорщилась поверх его кирасы. Говорят, потом его представили к награде за храбрость и силу, что ж, могу только сказать, что лапы у него медвежьи, это я почувствовал на себе, когда он стащил меня с седла. По-своему он был неглуп и все время отпускал по-русски шуточки в наш адрес, отчего все драгуны и казаки покатывались со смеху. Дважды он стегнул моих товарищей плетью, а один раз подъехал ко мне, уже занеся плеть, но, видно, взгляд у меня был такой, что он не посмел ее опустить. Так, жалкие и несчастные, терзаемые холодом и голодом, ехали мы печальной вереницей через огромную снежную равнину. Солнце село, но мы продолжали свой тягостный путь в долгих северных сумерках. Я

весь закованел, голова у меня болела от побоев, и, сидя на своей верной Фиалке, я не знал, где я и куда еду. Лошадь плелась, понурившись и поднимая голову только затем, чтобы презрительно фыркнуть на захудалых казачьих лошадей.

Вдруг конвой остановился, и я увидел, что мы на единственной улице какой-то русской деревушки. На одной стороне улицы была церковь, а напротив – большой каменный дом, который показался мне знакомым. Я огляделся в полумраке и увидел, что нас снова привезли в Доброву и мы стоим у дверей все того же дома священника, где наш отряд останавливался утром. Здесь очаровательная и наивная Софи перевела мне ту злополучную записку, которая столь странным образом нас погубила. Подумать только, всего несколько часов назад мы выехали отсюда, полные надежд на успех своего дела, а теперь остатки нашего отряда, побежденные и униженные, ожидали своей участи, которую решит жестокий враг! Но такова судьба солдата, друзья мои; сегодня поцелуй, а завтра побои. Токайское во дворце, грязная вода в лачуге, роскошные меха или отрепья, туго набитый кошелек или пустой карман, непрерывные переходы от лучшего к худшему, и лишь храбрость и честь остаются неизменными.

Русские спешили, и моим бедным товарищам тоже приказали сойти с лошадей. Было уже поздно, и конвойные явно намеревались заночевать в деревне. Крестьяне громко ликовали и радовались, когда узнали, что все мы попали в плен, они высыпали на улицу с факелами, женщины поили казаков чаем и водкой. Вышел и старик священник, тот самый, которого мы видели утром. Теперь он весь расплылся в улыбке и вынес на подносе что-то вроде горячего пунша, запах которого я помню до сих пор. За спиной у отца стояла Софи. Я с ужасом увидел, как горячо она пожала руку майора Сержина, поздравив его с победой и взятием врагов в плен. Старик священник, ее отец, со злобой посмотрел на меня и отпустил на мой счет какие-то оскорбительные замечания, указывая на меня худой грязной рукой. Красавица Софи тоже посмотрела на меня, но ничего не сказала, и я прочел в ее темных глазах жалость. Потом она повернулась к майору Сержину и что-то сказала ему по-русски, отчего он нахмурился и раздраженно покачал головой. При свете, падавшем из открытых дверей, видно было, как она упрасивала его. Я не отрываясь глядел на их лица – красивой девушки и темноволосого свирепого мужчины, чутьем угадав, что они спорят о моей судьбе. Офицер долго качал головой, потом наконец ее мольбы смягчили его, и он, видимо, уступил. Он повернулся ко мне, стоявшему под охраной сержанта.

– Эти добрые люди предлагают тебе ночлег под своим кровом, – сказал

он, окидывая меня злобным взглядом с головы до ног. – Мне трудно им отказать, но не скрою, что я охотно оставил бы тебя валяться на снегу. Это охладило бы твой пыл, французская сволочь!

Я взглядом выразил все свое презрение к нему.

– Кто родился дикарем, дикарем и умрет, – сказал я.

Мои слова, видимо, уязвили его, он выругался и занес плеть, чтобы ударить меня.

– Заткнись, корноухий пес! – заорал он. – Будь моя воля, я выморозил бы за ночь всю твою наглость. – Овладев собой, он обратился к Софи в соответствии со своими понятиями об учтивости: – Если у вас есть погреб с надежным запором, пускай этот малый проведет там ночь, раз уж вы оказали ему такую честь и позаботились о его удобстве. Я возьму с него слово, что он не станет выкидывать фокусов, ведь я отвечаю за него, пока не сдам его завтра гетману Платову.

Я больше не мог выносить этого высокомерия. Видимо, он нарочно разговаривал с девушкой по-французски, чтобы я понимал, как оскорбительно он обо мне отзывается.

– Я не приму от вас никаких одолжений, – сказал я. – Делайте что хотите, но слова я вам не дам.

Русский пожал широченными плечами и отвернулся, видимо, считая, что вопрос исчерпан.

– Ну что ж, милейший, тем хуже для твоих рук и ног. Посмотрим, каков-то ты будешь утром, когда проведешь ночь на снегу.

– Одну минуту, майор Сержин, – сказала Софи. – Вы не должны так сурово обходиться с этим пленником. Есть особые причины, по которым он имеет право на нашу доброту и милосердие.

Русский подозрительно посмотрел сперва на нее, потом на меня.

– Какие еще причины? Я вижу, вы к этому французу неравнодушны, – сказал он.

– Главная причина здесь та, что не далее как сегодня утром он по собственной воле отпустил Алексея Баракова, капитана гродненских драгун.

– Это правда, – сказал Бараков, который тем временем вышел из дома. – Сегодня утром он взял меня в плен и отпустил под честное слово вместо того, чтобы отправить под конвоем во французскую армию, где я умер бы с голоду.

– Поскольку полковник Жерар поступил так благородно, теперь, когда он попал в беду, вы, конечно, позволите ему провести эту холодную ночь у нас в погребе, – сказала Софи. – Это не слишком большая награда за его

благородство.

Но драгун все еще злился.

– Пускай сперва даст слово, что не будет пытаться бежать, – сказал он. – Слышишь, ты? Дашь слово?

– Не дам, – сказал я.

– Полковник Жерар! – воскликнула Софи с пленительной улыбкой. – А мне вы дадите слово, правда?

– Вам, мадемуазель, я ни в чем не могу отказать. С удовольствием даю вам слово.

– Ну вот, майор Сержин! – с торжеством воскликнула Софи. – Этого вполне достаточно. Вы сами слышали, он сказал, что дает мне слово. Я отвечаю за то, что с ним все будет благополучно.

Русский медведь изъявил свое согласие невнятным ворчаньем, и меня повели в дом, а следом шел священник, бросая мне в спину недобрые взгляды, и огромный чернобородый драгун. Под домом был большой и просторный подвал, где хранились дрова. Туда меня и отвели, и я понял, что здесь проведу ночь. Половина этого унылого подвала была до потолка завалена дровами. Каменный пол, голые стены, в одной из них – единственное узкое оконце, надежно забранное железной решеткой. С низкого потолка свисал большой фонарь. Майор Сержин с усмешкой снял его и осветил все углы мрачного помещения.

– Как вам нравятся наши русские отели, мсье? – спросил он со злобным смешком. – Не слишком роскошные, но лучших у нас нет. Быть может, в следующий раз, когда вам, французам, вздумается путешествовать, вы выберете другую страну, где будет больше удобств.

Так он насмеялся надо мной, и его белые зубы сверкали из-под бороды. Потом он ушел, и я услышал, как заскрежетал в замке большой ключ.

Целый час, весь продрогший, я сидел на куче дров в совершенном отчаянии, закрыв лицо руками, одолеваемый самыми печальными мыслями. В этих четырех стенах было довольно холодно, но мысль о том, как тяжело приходится моим людям на дворе, заставляла меня страдать вдвойне. Я начал ходить взад-вперед, хлопать в ладоши, бить ногами в стену, чтобы не замерзнуть окончательно. Фонарь давал немного тепла, но все-таки холод был собачий, и я с утра ничего не ел. Мне казалось, что про меня все забыли, но вот наконец в замке заскрежетал ключ и вошел – как вы думаете, кто? Мой недавний пленник, капитан Алексис Бараков. Под мышкой у него была бутылка вина, а в руках – большая тарелка горячего жаркого.

– Тс! – шепнул он. – Ни слова! И не падайте духом! Я не могу сейчас ничего объяснить, потому что Сержин еще здесь. Не спите и будьте готовы!

Торопливо сказав все это, он поставил еду, от которой у меня потекли слюнки, и выбежал за дверь.

«Не спите и будьте готовы!» Эти слова продолжали звучать в моих ушах. Я съел жаркое и выпил вино, но не это согрело мне душу. Что значили слова Баракова? Почему мне нельзя спать? К чему быть готовым? Неужели есть еще надежда на побег? Я всю жизнь презирал людей, которые никогда не молятся, а в минуту опасности прибегают к молитве. Точно так же плохой солдат старается угодить своему полковнику только тогда, когда ему нужна какая-нибудь поблажка. Но я вспомнил о соляных копах в Сибири и о моей матушке, которая ждала меня во Франции, и молитва излилась сама собой, не с моих уст, а из сердца, – я молился о том, чтобы слова Баракова не обманули моих надежд. Но часы на деревенской колокольне отбивали час за часом, а ничего не было слышно, кроме переключки русских часовых на дворе.

И вдруг сердце мое дрогнуло: я услышал за дверью легкие шаги. Через секунду щелкнул замок, дверь отворилась и вошла Софи.

– Мсье!.. – воскликнула она.

– Этьен, – подсказал я.

– Вы неисправимы, – проговорила она. – Но, скажите, вы в самом деле не питаете ко мне ненависти? Вы простили меня за то, что я сыграла с вами эту шутку?

– Какую шутку? – спросил я.

– Господи Боже! Возможно ли, что вы до сих пор не поняли? Помните, вы попросили меня перевести записку. Я сказала вам, что там написано: «Если французы придут в Минск, все погибло».

– А что же там было?

– Там было сказано: «Пусть французы приходят в Минск. Мы их ждем».

Я отпрянул от нее.

– Вы меня предали! – воскликнул я. – Вы заманили меня в ловушку! Из-за вас все мои люди убиты или попали в плен. Какой же я был дурак, что поверил женщине!

– Будьте же справедливы, полковник Жерар. Ведь я русская, и для меня всего важнее долг перед моей родиной. Разве вы не хотели бы, чтобы французская девушка поступила точно так же? Ведь если б я правильно перевела записку, вы не поехали бы в Минск и ваш отряд ускользнул бы от наших войск. Скажите же, что прощаете меня.

Она была очаровательна, когда стояла передо мной, прося простить ее. И все же, вспомнив про своих убитых товарищей, я не мог пожать ее протянутую руку.

– Ну хорошо, – сказала она, опуская руку. – Вы любите своих, а я своих, значит, мы квиты. Но, полковник Жерар, здесь, в этом доме, вы произнесли мудрые и добрые слова. Вы сказали: «Одним человеком больше или меньше – ничего не изменит в войне между такими огромными армиями». Ваш урок благородства не пропал даром. Вон там, за дровами, есть дверь, которую никто не караулит. Вот ключ. Уходите, полковник Жерар, и, надеюсь, мы никогда больше не встретимся.

Мгновенье я стоял с ключом в руке, и голова у меня шла кругом. Потом я вернул ей ключ.

– Не могу, – сказал я.

– Но почему же?

– Я дал слово.

– Кому? – спросила она.

– Да вам же.

– Я возвращаю вам его.

Сердце мое дрогнуло от радости. Ну конечно же, она права. Я отказался дать слово Сержину. С ним я ничем не связан. Если она освобождает меня от обещания, честь моя останется незапятнанной. Я снова взял ключ.

– В конце улицы вас ждет капитан Бараков, – сказала она. – Мы, северяне, не забываем ни зла, ни добра. У него ваша лошадь и сабля. Не медлите ни секунды, потому что через два часа начнет светать.

Я вышел в звездную русскую ночь и в последний раз увидел Софи, смотревшую мне вслед через открытую дверь. Она провожала меня тоскливым взглядом, словно ожидала чего-то большего, нежели та холодная благодарность, которую я ей принес, но у самого скромного человека есть гордость, и не стану утверждать, будто моя гордость не была задета тем, что она меня провела за нос. Я не мог заставить себя поцеловать ей руку, не говоря уж о губах. Дверь вела в узкий проулок, в конце которого стоял закутанный с ног до головы человек, державший под уздцы Фиалку.

– Вы сказали, чтобы я помог первому французскому офицеру, который окажется в беде, – сказал он. – Желаю удачи! *Von voyage*^[22], – шепнул он, когда я вскочил в седло. – И запомните: пароль «Полтава».

Хорошо, что он сказал мне пароль, так как я дважды наталкивался на казачьи пикеты, прежде чем выехал в открытое поле. Только я миновал

последний пост и уже думал, что свободен, как вдруг у меня за спиной раздался глухой стук копыт по снегу и огромный человек на здоровенной лошади стал быстро настигать меня. Первой моей мыслью было дать Фиалке шпоры. Второй, когда я увидел длинную черную бороду поверх стальной кирасы, остановиться и подождать его.

– Я так и знал, что это ты, французский пес, – сказал он, потрясая обнаженной саблей. – Негодяй, ты нарушил слово!

– Я не давал слова.

– Врешь, собака!

Я огляделся – вокруг ни души. Казачьи посты вдали словно вымерли. Мы были совершенно одни, только луна над головой да снег под ногами. Судьба всегда была благосклонна ко мне.

– Я не давал вам слова.

– Ты дал его девушке.

– Перед ней я и отвечаю.

– Еще бы, этого только тебе и надо. Но, к несчастью, ответ придется держать передо мной.

– Я готов.

– Эге, да при тебе сабля! Тут пахнет изменой! Я все понял! Эта женщина помогла тебе бежать. Теперь ей не миновать Сибири.

Этими словами он подписал себе смертный приговор. Ради Софи я не мог отпустить его живым. Наши сабли скрестились, и через мгновение мой клинок проткнул его черную бороду и вонзился ему в горло. Как только он упал, я тотчас соскочил на землю, но одного удара оказалось достаточно. Он умер, норовя укусить меня за ногу, как бешеный волк.

Через два дня я нагнал нашу армию в Смоленске и снова оказался в печальной колонне, которая плелась по снегу, оставляя за собой длинный кровавый след.

Но довольно, друзья мои; не стану пробуждать воспоминания о несчастьях и смерти. Они все еще преследуют меня во сне. Мы наконец остановились в Варшаве, потеряв по дороге пушки, обоз и три четверти наших товарищей. Но не честь Этьена Жерара. Говорили, что я нарушил слово. Но попробовал бы кто-нибудь сказать мне это в лицо, потому что я рассказал вам святую правду, и хотя я стар, мой палец еще может спустить курок, когда надо встать на защиту своей чести.

Глава VII

Как бригадир действовал при Ватерлоо

1. Рассказ о лесной харчевне

Из всех великих сражений, в каких мне выпала честь обнажать саблю за нашего императора и за Францию, ни одно не было проиграно. При Ватерлоо же, где я хотя и присутствовал, но был лишен возможности сражаться, враг восторжествовал. Не мне говорить, что одно тут связано с другим. Вы слишком хорошо меня знаете, друзья мои, чтобы подумать, что я способен на такую нескромность. Но это дает пищу для размышлений, и кое-кто пришел к лестным для меня выводам. В конце концов надо было только прорвать несколько английских каре, и победа была бы за нами. Кто скажет, что гусары Конфланского полка во главе с Этьеном Жераром не могли бы это сделать? Но судьба решила иначе: я оказался в стороне, и империя пала. При этом судьба решила также, что этот день траура и скорби должен принести мне такое торжество, какого я не знал, даже когда летел на крыльях победы из Булони в Вену. Никогда моя слава не сияла так ярко, как в этот великий миг, когда все вокруг окутала тьма. Вы понимаете, что я остался предан императору в его несчастьях и не пожелал продать свою шпагу и честь Бурбонам. Никогда больше я не почувствую под собой своего боевого коня, никогда не услышу у себя за спиной звуки серебряных труб и литавр, не поскачу впереди моих орлов. Но, друзья мои, я утешаюсь и умиляюсь до слез, когда вспоминаю, как достойно я вел себя в этот последний день своей военной службы, и я думаю о том, что из всех замечательных подвигов, которые стяжали мне любовь стольких красавиц и уважение стольких благородных людей, не было ни одного, который блеском, дерзостью и благородством цели мог бы сравниться с моей знаменитой поездкой в ночь на девятнадцатое июня тысяча восемьсот пятнадцатого года. Я знаю, эту историю часто рассказывают в офицерском обществе, за столом и в казармах, так что в армии она известна всякому, но скромность заставляла меня молчать, а сегодня, друзья мои, я разоткровенничался с вами и готов рассказать все как было.

Прежде всего смею вас заверить в одном. Никогда еще у Наполеона не было такой замечательной армии, как та, которая участвовала в этой кампании. К тринадцатому году Франция обессилела. На каждого бывшего

солдата приходилось пятеро желторотых птенцов – «марий-луиз», как мы их называли, потому что, пока император воевал, императрица занималась набором рекрутов. Но в пятнадцатом году все переменялось. Пленные вернулись на родину – из снегов России, из подземелий Испании, с галер Англии. Это были отчаянные люди, ветераны двадцати сражений, они жаждали снова заняться любимым делом, и сердца их были полны ненависти и мести. В армии было немало солдат, носивших по два и по три шеврона ^[23], и каждый означал пять лет службы. Дух их был неукротим. Полные ярости, беспощадные, слепо преданные делу, они боготворили императора, как мамелюки своего пророка, и готовы были самих себя поднять на штыки, если их кровь ему потребуется. Видели бы вы, как эти свирепые старики-ветераны шли в бой с налитыми кровью лицами, со сверкающими глазами, с грозным ревом, и вам стало бы ясно, что никто перед ними не устоит. Так высоко поднялся боевой дух Франции в то время, что ему нигде не было равных; но у этих англичан нет ни боевого духа, ни души, а только жесткая, неподвижная туша, о которую мы напрасно бились. Вот как оно было, друзья мои! С одной стороны, поэзия, доблесть, самопожертвование, все, что есть прекрасного и героического. А с другой – туша. Наши надежды, идеалы, мечты – все разбилось об эту ужасную тушу Старой Англии.

Вы читали о том, как император собрал свои войска, а потом мы с ним, во главе ста тридцати тысяч ветеранов, стремительным маршем двинулись к северной границе и обрушились на пруссаков и англичан. Шестнадцатого июня Ней завязал с англичанами сражение под Катр-Бра, а мы разбили пруссаков при Линьи. Не мне говорить, сколь много сделал я для этой победы, но хорошо известно, что гусары Конфланского полка покрыли себя славой. Пруссаки дрались крепко, и восемь тысяч их осталось лежать на поле боя. Император уже думал, что с ними покончено, и послал маршала Груши с войском в тридцать две тысячи человек преследовать их, чтобы они не помешали дальнейшим его планам. А сам с восьмьюдесятью тысячами войска повернул на этих треклятых англичан! Нам надо было за многое с ними расквитаться: за гиней Питта, за корабли Портсмута, за вторжение Веллингтона, за вероломные победы Нельсона! И наконец день расплаты настал.

У Веллингтона было шестьдесят семь тысяч солдат, но мы знали, что среди них много голландцев и бельгийцев, которые не очень-то рвались в бой против нас. Хорошего войска у него не набралось бы и пятидесяти тысяч. Очутившись перед лицом самого императора с восьмьюдесятью тысячами людей, этот англичанин оцепенел от страха и не мог ни сам

сдвинуться с места, ни двинуть свои войска. Вы видели кролика под взглядом удава? Вот так застыли англичане на склоне у Ватерлоо. Накануне император, у которого под Линьи убили адъютанта, приказал перевести меня в штаб, и я передал своих гусар под начало майора Виктора. Не знаю, кто из нас был более огорчен, он или я, тем, что меня отозвали перед самым сражением, но приказ есть приказ, хорошему солдату остается только пожать плечами и повиноваться. Вместе с императором я проехал восемнадцатого утром вдоль вражеских позиций, он осматривал их в подзорную трубу и обдумывал план сокрушительного удара. Рядом с ним были Сульт, Ней, Фуа и другие, которые воевали с англичанами в Португалии и в Испании.

– Будьте осторожны, ваше величество, – сказал Сульт. – Английская пехота – твердый орешек.

– Вы считаете их хорошими солдатами, потому что они вас разбили, – сказал император, и мы, из тех, кто был помоложе, отвернулись, пряча улыбку. Но Ней и Фуа хранили суровую серьезность. Английские позиции, пестревшие красным и синим и усеянные батареями, в настороженном молчании лежали от нас на расстоянии ружейного выстрела. По другую сторону неглубокой долины наши люди, покончив с супом, готовились к бою. Незадолго перед тем прошел сильный дождь, но теперь выглянуло солнце и осветило французскую армию, превратив наши кавалерийские бригады в сверкающие реки стали, его лучи блестели и переливались на бесчисленных штыках пехотинцев. При виде этой великолепной армии, ее красоты и величия, я не мог более сдерживаться, привстал на стремянах, взмахнул кивером и крикнул: «Vive l'Empereur!» – и этот клич оглушительным громом покатился из края в край наших позиций; кавалеристы размахивали саблями, а пехотинцы – своими фуражками, надев их на штыки. Англичане словно окаменели на склоне. Они знали, что их час пробил.

Так оно и получилось бы, если б в этот миг был отдан приказ и вся армия двинута в наступление. Нам стоило только навалиться на них, и мы бы стерли их в порошок. Не говоря уже о мужестве, мы превосходили их численностью, были опытнее в ратных делах, и полководец наш был не ихнему чета. Но император хотел действовать по всем правилам, он ждал, пока земля подсохнет, чтобы артиллерия могла маневрировать. Из-за этого мы потеряли три часа и только в одиннадцать увидели, как колонны Жерома Бонапарта двинулись с левого фланга, и услышали пальбу, возвестившую начало сражения. Потеря этих трех часов погубила нас. Войска с левого фланга наступали на крестьянский дом, где засели

английские гвардейцы, и мы услышали три восхищенных возгласа, которые поневоле вырвались у защитников. Они все еще держались, а корпус Д'Эрлона уже продвигался справа, чтобы занять еще часть английских позиций, но тут наше внимание привлекло то, что происходило далеко от нас.

Император смотрел в подзорную трубу на крайний левый фланг английских позиций. Вдруг он повернулся к герцогу Далматийскому, или, попросту, Сульту, как мы, солдаты, предпочитали его называть.

– Что это там, маршал? – спросил он.

Все мы посмотрели в ту сторону, одни в подзорные трубы, другие – просто приставив к глазам ладонь. Там был густой лес, за ним – длинный голый склон, а дальше – снова лес. На открытом пространстве между двумя лесами виднелось что-то темное, похожее на тень движущегося облака.

– По-моему, это стадо, ваше величество, – ответил Сульт.

В тот же миг среди этой темной тени что-то быстро сверкнуло.

– Это маршал Груши, – сказал император и отнял от глаз подзорную трубу. – Теперь англичане окончательно погибли. Они у меня в кулаке. Им не уйти.

Он огляделся и остановил взгляд на мне.

– А! Вот он, король гонцов, – сказал он. – Под вами хороший конь, полковник Жерар?

Подо мной была моя любимая Фиалка, гордость всей бригады. Я так и сказал императору.

– Тогда скачите во весь опор к маршалу Груши, видите, вон его войска. Скажите, чтобы он напал на англичан с левого фланга и с тыла, а я ударю с фронта. Вместе мы их раздавим, ни один живым не уйдет.

Я отдал честь и, не сказав ни слова, поскакал, а сердце у меня так и прыгало от радости, что на меня возложили столь ответственное поручение. Я посмотрел на длинную, сплошную красно-синюю линию, маячившую сквозь пороховой дым, и на скаку погрозил ей кулаком. «Мы их раздавим, ни один живым не уйдет». Так сказал император, и я, Этьен Жерар, должен претворить его слова в дело. Мне не терпелось поскорей добраться до маршала, и я подумал, не прорваться ли напрямик через левый фланг англичан. Мне приходилось совершать и более дерзкие дела и выходить целым и невредимым, но я подумал, что, если мой замысел не удастся и меня убьют или возьмут в плен, донесение не будет доставлено и планы императора рухнут. Поэтому я проехал мимо нашей кавалерии, мимо егерей, улан, гвардейцев, карабинеров, конных гренадеров и, наконец, мимо своих дьяволов, которые проводили меня прощальными взглядами. За

кавалерией стояла старая гвардия, двенадцать полков, все как на подбор ветераны многих сражений, суровые и решительные, в длинных синих шинелях и высоких медвежьих шапках, с которых были сняты плюмажи. На спине у каждого был кожаный ранец, все надели синие с белым парадные мундиры, чтобы завтра войти в них в Брюссель. Проезжая мимо них, я думал, что эти люди никогда не знали поражения, и при виде их обветренных лиц и строгой, спокойной осанки я сказал себе, что они никогда и не будут разбиты. Господи, я не подозревал о том, что произойдет всего через несколько часов!

Справа от старой гвардии стояли молодые гвардейцы и шестой корпус Лобо, а на крайнем левом фланге растянулись уланы Жакино и гусары Марбо. Все эти войска ничего не знали о корпусе, приближавшемся к ним через лес, внимание их было поглощено сражением, которое разворачивалось слева от них. Более сотни пушек гремело с каждой стороны, грохот стоял ужасный, – из всех сражений, в каких мне довелось участвовать, не наберется и полдюжины таких бурных. Я оглянулся через плечо и увидел две бригады кирасиров, английскую и французскую, они катились вниз по склону, и клинки сверкали, как грозовые молнии. Как хотелось мне повернуть Фиалку и повести гусар в гущу битвы! Ах, что это было за зрелище! Этьен Жерар едет, повернувшись спиной к горячей схватке между кавалеристами. Но долг есть долг, и я проехал мимо конных дозорных Марбо к лесу, оставив слева деревню Фишермон.

Передо мной был большой лес, почти сплошь дубовый, который назывался Парижским, и через него вели узкие тропки. Доехав до леса, я остановился и прислушался, но из его мрачной глубины не донеслось ни звука трубы, ни стука колес, ни топота копыт, которые возвестили бы о продвижении большой колонны, хотя я своими глазами видел, как она двигалась к этому лесу. Позади меня кипело сражение, а впереди все было тихо, как в могиле, уже готовой для стольких храбрецов. Ветки сомкнулись у меня над головой, закрыв солнце, и густой запах прели поднимался от влажной земли. Несколько миль я проскакал таким галопом, на какой немногие решились бы, когда внизу торчат корни, а над головой – ветки. И вот наконец я увидел авангард Груши. Отдельные отряды гусар проехали по обе стороны от меня среди деревьев. Я услышал в отдалении бой барабана и тихий, глухой шум, какой издает армия на марше. В любой миг я мог встретить штаб и передать приказ лично Груши, так как знал, что при таком переходе маршал Франции, несомненно, едет в авангарде своей армии.

Вдруг лес поредел, и я обрадовался, поняв, что он кончается: теперь-то

я увижу всю армию и найду маршала. На опушке, куда сходятся тропы, стояла маленькая харчевня, в таких обычно пьют вино лесорубы и возчики. Я придержал коня у двери харчевни и огляделся. В нескольких милях впереди я увидел второй лес, Сен-Ламберский, откуда выходили войска, когда их заметил император. Нетрудно было понять, однако, почему они так долго не могли достичь второго леса, ведь путь им преграждало глубокое Ланское ущелье. Немудрено, что растянутая колонна – кавалерия, пехота и артиллерия – только сползала по одному склону и взбиралась на второй, тогда как авангард был уже позади меня в лесу. По дороге проезжала артиллерийская батарея, и я уже хотел подъехать и спросить командира, где найти маршала, как вдруг увидел, что, хотя артиллеристы и в голубых мундирах, на них нет доломанов с красными нашивками на воротниках, какие носят наши. Пораженный, смотрел я на этих солдат, растерянно озираясь, как вдруг чья-то рука коснулась моего колена, и я увидел хозяина харчевни, который выбежал ко мне.

– Сумасшедший! – воскликнул он. – Как вы сюда попали? Что вы здесь делаете?

– Ищу маршала Груши.

– Да ведь вы в самой гуще прусской армии! Скачите прочь!

– Не может быть! Это корпус Груши.

– Откуда вы знаете?

– Так сказал император.

– Значит, император совершил роковую ошибку! Говорю вам, патруль силезских гусар только что был в моей харчевне. Разве вы не встретили их в лесу?

– Я встретил гусар.

– Это враги.

– А где Груши?

– Сзади. Они его обогнали.

– Как же я могу вернуться? Мне надо ехать вперед, тогда я могу еще встретить его. У меня приказ, я должен найти его хоть под землей.

На мгновение он задумался.

– Скорей! – крикнул он, хватая моего коня под уздцы. – Слушайте меня, еще не все потеряно. Вас не заметили. Я спрячу вас, пока они не пройдут.

За домом была низенькая конюшня, и туда он ввел Фиалку. Меня же он даже не повел, а буквально поволок на кухню. Она была почти пустая, с кирпичным полом. Краснолицая толстуха жарила на очаге котлеты.

– В чем дело? – спросила она, враждебно поглядывая то на меня, то на

хозяина. – Кого это ты привел?

– Это французский офицер, Мари. Мы не можем допустить, чтобы пруссаки схватили его.

– Это почему же?

– Как почему? Разрази меня гром, да разве сам я не был солдатом Наполеона? Разве меня не наградили карабином в числе самых доблестных гвардейцев? Неужели я допущу, чтобы моего боевого товарища взяли у меня на глазах? Мари, мы должны его спасти.

Но женщина смотрела на меня весьма недружелюбно.

– Пьер Шарра, – сказала она, – видать, ты не успокоишься, покуда твой дом не спалят, да и тебя самого заодно. Неужели ты не понимаешь, дубина, что ежели ты воевал за Наполеона, то лишь потому, что Наполеон правил Бельгией? А теперь кончилась его власть. Пруссак – наши союзники, а он нам враг. Я не потерплю француза в своем доме. Ступай выдай его!

Хозяин почесал в затылке и в отчаянии посмотрел на меня, но я сразу смекнул, что этой женщине дороги не Франция и не Бельгия, она боится только за свой дом.

– Мадам, – сказал я, собрав все свое достоинство и хладнокровие, – император уже громит англичан, и еще до вечера французская армия будет здесь. Если вы поможете мне, то получите награду, а если выдадите – понесете наказание, и ваш дом сожжет военная полиция.

Это произвело на нее должное впечатление, и я поспешил закрепить победу, переменив тактику.

– К тому же, – сказал я, – возможно ли, чтобы у такой красавицы было столь жестокое сердце? Я уверен, что вы не откажетесь спрятать меня.

Она взглянула на мои бакенбарды и сразу смягчилась. Я взял ее за руку, и через две минуты мы уже так наладили отношения, что ее муж сам пообещал выдать меня, если я не остановлюсь.

– К тому же вся дорога запружена пруссаками! – воскликнул он. – Скорей, скорей на чердак!

– Скорей на чердак! – подхватила его жена, и они вдвоем повели меня к лестнице, которая поднималась к люку в потолке. Тут в дверь громко постучали, и, сами понимаете, в одно мгновение шпоры мои сверкнули в люке, и крышка захлопнулась. Внизу подо мной сразу же послышалась немецкая речь.

Я очутился на длинном, во весь дом, чердаке под самыми стропилами. Чердак находился над харчевней, и сквозь щели в полу я мог видеть и кухню, и комнату для приезжих, и питейный зал. Окон не было, но, поскольку дом сильно обветшал, в крыше не хватало нескольких досок,

сквозь щели проникал свет, и можно было наблюдать, что делается снаружи. Чердак был завален всяким хламом. В одном конце лежала куча соломы, в другом – целая груда пустых бутылок. Кроме люка, через который я забрался, здесь не было ни окон, ни дверей.

Несколько минут я просидел на куче сена, стараясь прийти в себя и собраться с мыслями. Дело приняло весьма серьезный оборот, раз прусские войска оказались на поле битвы, опередив наши резервы, но, кажется, тут был всего один корпус, а одним корпусом больше или меньше – невелика разница для такого человека, как император. Ему ничего не стоило разгромить англичан, невзирая на такое преимущество. Поскольку Груши позади, лучшее, что я мог сделать для императора, – это переждать, пока пруссаки пройдут, а потом ехать дальше, найти маршала и передать ему приказ. Если он вместо того, чтобы преследовать пруссаков, выйдет в тыл англичанам, все будет хорошо. Судьба Франции зависела от моего благоразумия и самообладания. Вам известно, что мне к этому было не привыкать, и вы знаете также, что я мог быть твердо уверен: ни благоразумие, ни самообладание мне не изменят. Разумеется, император не ошибся, поручив это дело мне. Он назвал меня «королем гонцов». Что ж, я не посрамлю это звание.

Ясно было, что, покуда пруссаки не пройдут, предпринять ничего нельзя, и я коротал время, разглядывая их. Я их всегда терпеть не мог, но должен признать, что дисциплина у них железная: ни один не зашел в харчевню, хотя на губах у них запеклась пыль и сами они чуть не падали от усталости. Солдаты, стучавшие в дверь, внесли товарища, который был без сознания, и, оставив его, сразу вернулись в строй. Принесли еще нескольких раненых, их уложили на кухне, и молодой врач, совсем еще мальчик, остался ухаживать за ними. Рассмотрев все это через щели в полу, я принялся глядеть сквозь отверстия в крыше, откуда все было прекрасно видно. Прусские войска все шли и шли мимо. Сразу было ясно, что они совершили невероятно тяжелый марш и почти не ели, потому что на них было страшно смотреть: они были измучены и с головы до ног облеплены грязью, так как то и дело падали на скользкой дороге. И все же, несмотря ни на что, они были полны боевого духа и на себе выволакивали пушки, когда колеса уходили по ступицы в топкую грязь, а измученные лошади проваливались до колен, силясь их вытащить. Офицеры разъезжали верхом вдоль колонны, ободряя усердных похвалами, а нерадивых ударами саблей плашмя. И все время спереди, из-за леса, доносился оглушительный грохот сражения, словно все реки на земле собрались в один гигантский водопад, который бурлит и низвергается с высоты. Длинный шлейф дыма,

разостлавшийся высоко над деревьями, был подобен огромной сбреуе. Офицеры указывали на него саблями, с их запекшихся губ срывались хриплые крики, и люди, облепленные грязью, рвались на поле боя. Целый час двигались они мимо меня, и я решил, что их авангард уже столкнулся с дозорными Марбо и император знает об их появлении.

– Что ж, друзья, вы очень спешите на поле боя, но поглядим, с какой скоростью вы станете улепетывать назад, – сказал я себе, и эта мысль меня утешила.

Я томился в ожидании, но вскоре произошло нечто такое, что рассеяло мою скуку. Я сидел на своем наблюдательном посту, радуясь, что почти весь корпус прошел и скоро дорога будет свободна, как вдруг в кухне послышалась перебранка по-французски.

– Не пущу! – закричал женский голос.

– Нет, пустите! – воскликнул мужчина, и поднялась громкая возня.

В мгновение ока я был у щели в полу. Я увидел, что моя толстуха, как верная сторожевая собака, стоит у лестницы, а молодой врач, бледный от ярости, пытается подняться наверх. Несколько немцев, придя в сознание, сидели на кухонном полу и тупо, но пристально следили за ними. Хозяина видно не было.

– Вина там нет, – сказала женщина.

– А мне вино и не нужно. Я возьму сена или соломы на подстилку для раненых. Почему они должны валяться на кирпичах, когда на чердаке есть солома?

– Нет там соломы.

– Что же там?

– Пустые бутылки.

– И больше ничего?

– Ничего.

Врач уже готов был отказаться от своего намерения, но один из солдат указал на потолок. Из его слов я понял, что он видит солому, торчащую между досками. Напрасно женщина спорила с ними. Двое солдат с трудом встали на ноги и оттащили ее, а врач полез наверх, поднял люк и забрался на чердак. Едва он поднял крышку, я спрятался за нее, но на беду он снова закрыл ее за собой, и мы оказались лицом к лицу.

В жизни еще не видел, чтобы человек был так растерян.

– Французский офицер! – пробормотал он.

– Тихо! – сказал я. – Говорите шепотом. – И я обнажил саблю.

– Я не солдат, – сказал он. – Я врач. Отчего вы грозите мне саблей? Я безоружен.

– Я не хотел бы вас трогать, но вынужден защищаться. Я скрываюсь здесь.

– Шпион!

– Шпионы не ходят в военных мундирах и вообще не числятся в составе армии. Я по ошибке оказался среди прусского корпуса и укрылся здесь, надеясь ускользнуть, когда все пройдут. Я не трону вас, если вы поклянетесь молчать о моем присутствии, иначе вам не уйти отсюда живым.

– Можете вложить саблю в ножны, мсье, – сказал врач и дружелюбно посмотрел на меня. – Я поляк по происхождению и не питаю ненависти ни к вам, ни к французам вообще. Я сделаю все возможное для раненых, но не больше. В обязанности врача не входит брать в плен гусар. С вашего разрешения я только захвачу охапку соломы на подстилку этим беднякам.

Я хотел взять с него клятву, но по опыту знал, что, если человек решился лгать, он не поколеблется дать ложную клятву, и промолчал. Врач поднял крышку люка, сбросил вниз соломы сколько ему было нужно и спустился с лестницы, закрыв крышку. Я внимательно следил за ним – он вернулся к своим раненым, моя добрая хозяйюшка не отходила от него ни на шаг, но он занялся своими обязанностями, не сказав ни слова.

К этому времени я был уже уверен, что весь корпус прошел, и направился к отверстию в крыше, полагая, что путь свободен, – разве только на дороге окажется несколько отставших, на которых нечего и обращать внимание. Действительно, первый корпус прошел, и я видел, как последние ряды пехоты скрылись в лесу; но представьте себе мое разочарование, когда из Сен-Ламберского леса показался второй корпус, столь же многочисленный, как и первый. Сомнений не оставалось: вся прусская армия, которая, как мы считали, была разгромлена при Линьи, вот-вот обрушится на наш правый фланг, а Груши попался на какую-то нелепую удочку. Рев пушек, который стал теперь гораздо ближе, возвестил, что прусские батареи, проехавшие мимо меня, уже вступили в дело. Представьте себе мое положение! Проходил час за часом, солнце клонилось к западу. А эта проклятая харчевня, в которой я укрылся, все еще была островком среди бурного потока свирепых пруссаков. Мне было необходимо найти маршала Груши, а я не мог высунуть носа из харчевни – меня немедленно взяли бы в плен. Можете вообразить, как я ругался и рвал на себе волосы. Как мало знаем мы, что нас ждет! Но в то самое время, когда я в ярости роптал на судьбу, она готовила мне предназначение гораздо более высокое, нежели доставить приказ Груши, предназначение, которое я никогда не исполнил бы, если б не застрял в этой грязной харчевне на

опушке Парижского леса.

Два прусских корпуса уже прошли, и мимо меня двигался третий, как вдруг я услышал в комнате для гостей громкий шум и голоса. Я перебрался на другое место и заглянул вниз, желая узнать, что там происходит.

Прямо подо мной два прусских генерала склонились над картой, расстеленной на столе. Несколько адъютантов и штабных офицеров молча стояли вокруг. Один из генералов был злобный старик, седой и морщинистый, с растрепанными седеющими усами и голосом, похожим на собачий лай. Другой был помоложе, с длинным суровым лицом. Он измерял расстояние по карте с усердием студента, а первый генерал топал ногами, злился и ругался, как гусарский капрал. Странно было видеть старика в такой ярости, тогда как молодой сохранял полнейшее самообладание. Целиком их разговор я не понял, но мог поручиться за общий смысл.

– Говорю вам, надо наступать – вперед и только вперед! – крикнул старик и страшно выругался по-немецки. – Я обещал Веллингтону, что прибуду со всей армией, даже если меня придется привязать, чтобы я не упал с лошади. Корпус Бюлова уже в деле, Цитен поддержит его всеми силами и огнем всех пушек. Вперед, Гнейзенау, вперед!

Второй покачал головой:

– Ваше превосходительство, не следует забывать, что если англичане будут разбиты, они отступят к морю. Каково же будет ваше положение, когда Груши отрежет вас от Рейна?

– Мы их разобьем, Гнейзенау. Мы с герцогом сотрем их в порошок. Вперед, я приказываю! Война будет закончена единым ударом. Подтяните войска Пирша, и мы сможем бросить на чашу весов шестьдесят тысяч человек, а Тильман будет удерживать Груши за Вавром.

Гнейзенау пожал плечами, но тут в дверях появился ординарец.

– Прибыл адъютант герцога Веллингтона, – доложил он.

– Ага! – вскричал старик. – Послушаем, чем он нас порадует!

В комнату, шатаясь, вошел английский офицер, его красный мундир почернел от грязи и запекшейся крови. Рука у него была перевязана окровавленным платком, и, чтобы не упасть, он оперся о стол.

– Я послан к маршалу Блюхеру, – сказал он.

– Я маршал Блюхер. Говорите скорей, в чем дело! – воскликнул нетерпеливый старик.

– Герцог приказал передать вам, что английская армия не дрогнет и он нисколько не сомневается в успехе. Французская кавалерия разбита, две пехотные дивизии полностью уничтожены, в резерве осталась только

гвардия. Если вы поддержите нас сильным ударом, французы будут разгромлены наголову, и...

Тут колени его подкосились, и он, как мешок, свалился на пол.

– Все ясно! – воскликнул Блюхер. – Гнейзенау, пошлите к Веллингтону адъютанта, пусть сообщит, что герцог может полностью на меня рассчитывать. Вперед, господа, у нас много дел!

Он выбежал из комнаты, и весь его штаб, звякая шпорами, поспешил следом, а двое ординарцев передали раненого англичанина на попечение врача.

Гнейзенау, который был начальником штаба, помедлил немного, потом положил руку на плечо одному из адъютантов. Этот человек сразу привлек мое внимание, потому что на достойных людей глаз у меня наметанный. Он был высок и строен, хоть сейчас в кавалерию; право, у нас с ним было даже кое-что общее во внешности. В темном его лице было что-то ястребиное, черные глаза грозно сверкали из-под густых, косматых бровей, а с такими усами, как у него, ему нетрудно было бы попасть в лучший эскадрон моих гусар. На нем был зеленый мундир с белыми обшлагами и кивер с конским хвостом – я понял, что он драгун и самый лихой из всех кавалеристов, каких я с удовольствием проткнул бы саблей.

– Послушайте, граф Штейн, – сказал Гнейзенау. – Если враг будет разгромлен, но императору удастся бежать, он соберет новую армию, и нам придется все начинать сначала. Если же мы возьмем императора в плен, тогда войне конец. Ради этого стоит не пожалеть стараний и рискнуть головой.

Молодой драгун ничего не ответил, но слушал очень внимательно.

– Допустим, герцог Веллингтон прав, французская армия будет разбита наголову и обращена в бегство. Тогда император, несомненно, отправится назад через Женап и Шарлеруа, так как это самая короткая дорога к границе. Надо полагать, у него будут хорошие лошади и отступающие войска очистят ему дорогу. Наша кавалерия будет преследовать разбитую армию, но император окажется далеко впереди своих войск.

Молодой драгун наклонил голову.

– Вам, граф Штейн, я поручаю императора. Если вы возьмете его в плен, ваше имя войдет в историю. У вас слава лучшего кавалериста во всей армии. Берите себе в помощь кого хотите – думаю, что десяти или двенадцати человек вам хватит. В бой не ввязывайтесь, отступающих не преследуйте, езжайте стороной и берегите силы для достижения более высокой цели. Вы меня поняли?

Драгун снова наклонил голову. Он не тратил слов, и это произвело на меня впечатление. Я понял, что он и в самом деле опасный человек.

– Ну что ж, остальное предоставляю на ваше усмотрение. Отбросьте все, кроме главного. Карету императора и его самого вы узнаете без труда, ошибиться невозможно. А теперь мне нужно догонять маршала. Прощайте! Если мы еще увидимся, я не сомневаюсь, что смогу поздравить вас с подвигом, который будет греметь по всей Европе.

Драгун отдал честь, а Гнейзенау поспешно вышел из комнаты. Молодой офицер постоял немного в глубокой задумчивости. Потом он вышел вслед за начальником штаба. Я с любопытством следил за ним через щель, ожидая, что он будет делать дальше. Его конь, красивый, сильный, гнедой, с белыми чулками на передних ногах, был привязан у двери харчевни. Он вскочил в седло и, выехав наперерез колонне кавалеристов, показавшейся на дороге, заговорил с офицером, ехавшим во главе передового полка. После короткого разговора двое гусар – полк был гусарский – выехали из рядов и встали рядом с графом Штейном. Затем он остановил следующий полк, и к нему присоединились двое улан. Из следующего полка он взял двух драгун, потом двух кирасиров. Наконец он отвел свой маленький отряд в сторону, собрал всех вокруг себя и стал объяснять, что им предстоит сделать. А потом девять человек тесной группой исчезли в Парижском лесу.

Незачем и объяснять вам, друзья мои, что все это означало. Ведь этот Штейн действовал именно так, как стал бы действовать я сам на его месте. У каждого полковника он взял двоих лучших кавалеристов и собрал такой отряд, от которого никому не уйти. И если они пустятся в погоню за императором, а при нем не будет конвоя, да помилует его Бог!

Представьте же себе, дорогие друзья, каково было мне – меня била лихорадка, бросало в жар, я едва не лишился рассудка. О Груши я больше не думал. На востоке не было слышно стрельбы. Значит, он далеко. Если он и подойдет, то все равно опоздает, и исход сражения будет уже решен. Солнце стояло низко, до темноты оставалось всего два или три часа. Так что не имело никакого смысла выполнять приказ. Зато появилось другое, более срочное и важное дело, от которого зависело спасение императора, а может быть, и его жизнь. Любой ценой, невзирая ни на какую опасность, я должен прорваться к нему. Но как это сделать? Путь к своим мне преграждала вся прусская армия. Они отрезали все дороги, но дорогу долга отрезать невозможно, когда Этьен Жерар видит ее перед собой. Дольше медлить было нельзя. И я решился ехать.

Спуститься с чердака я мог только по лестнице, тут уж ничего не

попишешь, так как другого люка не было. Я заглянул в кухню и увидел, что молодой врач все еще там. Раненый английский адъютант сидел на стуле, а рядом на соломе лежали в совершенном изнеможении двое прусских солдат. Остальные уже пришли в себя, и их отправили в тыл. Итак, мне, чтобы добраться до своего коня, предстояло пройти мимо врагов. Врача мне нечего было бояться; англичанин был ранен, и к тому же его сабля вместе с плащом лежала в углу; двое немцев валялись почти без чувств, и ружей около них не было видно. Чего же проще? Я поднял крышку люка, соскользнул вниз по лестнице и появился среди них с обнаженной саблей в руке.

Видели бы вы их удивление! Врач, тот, конечно, все знал, но англичанину и двум немцам, должно быть, показалось, что сам бог войны спустился с небес. Пожалуй, на меня и впрямь стоило посмотреть, я был великолепен в серебристо-сером мундире со сверкающей саблей в руке. Оба немца окаменели, вытаращив глаза. Английский офицер привстал, но от слабости снова упал на стул, разинув рот.

– Что за черт! – повторял он. – Что за черт!

– Ни с места, – сказал я. – Я никого не трону, но горе всякому, кто попытается меня задержать. Если вы не будете мне мешать, вам нечего бояться, но берегитесь оказаться на моем пути. Я полковник Этьен Жерар из Конфланского гусарского полка.

– Ах черт! – сказал англичанин. – Тот самый, что убил лису.

Его лицо перекошилось от злобы. Охотничья зависть – низменное чувство. Этот англичанин ненавидел меня за то, что я, а не он убил лисицу. До чего же разные у нас характеры! Сделай он это у меня на глазах, я обнял бы его, радуясь и ликуя. Но пререкаться было некогда.

– Мне, право, очень жаль, сэр, – сказал я. – Но я вынужден буду позаимствовать у вас плащ.

Он попытался встать со стула и дотянуться до сабли, но я загородил угол, где она лежала.

– Есть у вас что-нибудь в карманах?

– Шкатулка, – ответил он.

– Не стану вас грабить, – сказал я. Взяв плащ, я вынул из кармана серебряную флягу, квадратную деревянную шкатулку и подзорную трубу. Все это я отдал ему. Но тут этот негодяй открыл шкатулку, достал пистолет и прицелился мне в лоб.

– А теперь, милейший, – сказал он, – положите-ка свою саблю и сдавайтесь.

Я был так поражен этим низким коварством, что буквально

остолбенел. Я пытался говорить о чести, о благодарности, но глаза его над стволом пистолета стали еще злее.

– Довольно болтать! – сказал он. – Бросай оружие!

Мог ли я вынести такое унижение? Лучше умереть, чем дать себя обезоружить таким образом. Я уже готов был крикнуть: «Стреляй!» – как вдруг англичанин куда-то исчез, и на его месте выросла груда сена, среди которой барахтались рука в красном рукаве и пара ботфорт. Ах, моя храбрая хозяйushка! Бакенбарды меня спасли.

– Беги, солдатик, беги! – воскликнула она и навалила еще сена на барахтающегося англичанина. В мгновение ока я перебежал двор, вывел Фиалку из конюшни и вскочил в седло. Из окна грянул выстрел, пуля просвистела у самого моего плеча, и я увидел искаженное яростью лицо. Я презрительно усмехнулся, прищипорил лошадь и вылетел на дорогу. Последний прусский солдат уже скрылся в лесу, путь к исполнению долга был свободен. Если Франция победила, все в порядке. Если Франция побеждена, то от меня и от моей лошадки зависит даже больше, чем победа или поражение, от меня зависит спасение и жизнь императора. «Вперед, Этьен, вперед! – воскликнул я. – Из всех твоих славных подвигов тебе сейчас предстоит самый великий, пусть даже он будет последним!»

2. Рассказ о девяти прусских кавалеристах

В прошлый раз, друзья мои, я рассказал о том, как император поручил мне доставить важный приказ маршалу Груши, но мне не удалось исполнить его поручение в силу неожиданных обстоятельств, и я целый долгий день просидел на чердаке харчевни, не имея возможности выйти, потому что вокруг были прусские войска. Вы помните, как я подслушал приказ прусского начальника штаба графу Штейну и узнал про опасный план, который они сразу начали приводить в исполнение, – убить или взять в плен императора после разгрома французской армии. Сперва я не мог этому поверить, но пушки гремели весь день и канонада не приближалась, а это значило, что англичане, во всяком случае, не отступают и отбили все наши атаки.

Я уже говорил, что в тот день душа Франции натолкнулась на тушу Англии, но надо признать, что туша оказалась весьма крепкой. А если императору не удалось справиться с одними англичанами, то теперь, когда шестьдесят тысяч этих проклятых пруссаков лезут с фланга, ему и впрямь приходится туго. И как бы то ни было, зная о тайных планах врага, я

должен быть рядом с ним.

В прошлый раз я вам рассказывал, как смело я вырвался из харчевни и умчался во весь опор, а этот идиот английский адъютант в бессильной злобе грозил мне кулаком из окна. Оглянувшись на него, я поневоле рассмеялся, потому что его злое, красное лицо все было облеплено сеном. Выехав на дорогу, я привстал на стремянах и накинул красивый черный плащ на красной подкладке, принадлежавший англичанину. Он доходил мне до самых ботфорт и совершенно скрыл мундир, который мог меня выдать. Что же до моего кивера, то такие носят и немцы, следовательно, он не должен был привлечь к себе внимание. Если со мной никто не заговорит, я вполне смогу проехать через всю прусскую армию; но, хотя я и понимал по-немецки, поскольку в то золотое время, когда мы воевали в этой стране, у меня там было очень много знакомых дам, говорил я с красивым парижским акцентом, который сразу отличишь от их грубой, немелодичной речи. Я знал, что этот акцент сразу же меня выдаст, но мне оставалось только уповать на Бога и надеяться, что я сумею проехать молча.

Парижский лес был такой огромный, что нечего было и думать объехать его стороной, поэтому я собрал все свое мужество и поскакал прямо по дороге, по которой прошла прусская армия. Найти дорогу не составило труда, колеи от пушек и повозок с зарядными ящиками были глубиной не меньше двух футов. Вскоре я увидел, что по обе стороны от меня валяются раненые, пруссаки и французы, – здесь авангард Бюлова столкнулся с гусарами Марбо. Один старик с длинной седой бородой, видимо, врач, окликнул меня и побежал вслед за мной, но я даже головы не повернул и не обратил никакого внимания на его крики, только прищпорил коня. Он давно уже скрылся за деревьями, а крики его все еще были слышны.

Вскоре я доехал до прусских резервов. Пехотинцы стояли, опершись на ружья, некоторые, обессиленные, лежали на мокрой земле, а офицеры собрались кучками, прислушиваясь к могучему грохоту и обсуждая вести с поля битвы. Я промчался мимо них во весь опор, но один из них выбежал на дорогу, преградил мне путь и поднял руку, приказывая остановиться. На меня смотрели глаза пяти тысяч пруссаков. Да, это был ужасный миг! Вы бледнеете, друзья мои, от одной мысли об этом. А у меня просто волосы встали дыбом. Но ни на секунду меня не покинули самообладание и мужество. «Генерал Блюхер!» – крикнул я. Не мой ли ангел-хранитель шепнул мне на ухо эти слова? Пруссаки отскочили в сторону, отдали честь и указали вперед. У них прекрасная дисциплина, у этих пруссаков, да и кто он такой, чтобы остановить офицера, который скачет с донесением к

генералу? Теперь я словно обрел талисман, с которым невредимый пройду через все опасности, и при этой мысли душу мою наполнило ликование. Я был в таком восторге, что уже не ждал вопроса, а сам, проезжая среди войск, кричал направо и налево: «Генерал Блюхер! Генерал Блюхер!» – и все указывали вперед и расступались, давая мне дорогу, бывают обстоятельства, когда нахальство – это высшая мудрость. Но нельзя злоупотреблять этим, а я, признаться, перестарался. Когда я был уже совсем близко от поля сражения, один уланский офицер схватил моего коня под уздцы и указал на группу людей, которые стояли подле горящего дома.

– Вон маршал Блюхер. Передайте ему донесение! – сказал он, и правда, этот ужасный седой старик был от нас на расстоянии пистолетного выстрела и смотрел прямо на меня.

Но мой добрый ангел-хранитель не оставил меня. Как молния промелькнула у меня в голове фамилия генерала, который командовал авангардом прусских войск.

– Генерал Бюлов! – крикнул я. Улан отпустил уздечку. – Генерал Бюлов! Генерал Бюлов! – кричал я, а мой добрый конь с каждым шагом уносил меня все ближе к своим.

Я проскакал через горящую деревню Планснуга, промчался между двумя колоннами прусской пехоты, заставил лошадь перепрыгнуть через изгородь, зарубил силезского гусара, бросившегося мне наперерез, и через мгновение, распахнув плащ, чтобы виден был мой мундир, пронесся через ряды Десятого полка и снова оказался в самой середине корпуса Лобо. Его обошли с флангов, и он медленно отступал перед превосходящими силами противника. Я поскакал дальше, думая только о том, как добраться до императора.

Но то, что я увидел, приковало меня к месту, словно я вдруг превратился в величественную конную статую. Не в силах пошевелиться, я едва дышал. Я очутился на холме, и передо мной открылась вся длинная, неглубокая долина Ватерлоо. Еще недавно, уезжая отсюда, я видел по ее краям две огромные армии, а посередине открытое пространство. Теперь же на обоих склонах виднелись лишь остатки потрепанных и разбитых полков, а посередине – целая армия убитых и раненых. На две мили в длину и на полмили в ширину земля была сплошь усеяна трупами. Но вид побоища был для меня не нов, и не от этого я оцепенел. А оттого, что на длинном склоне, где были английские позиции, вырос подвижный лес, черный, шевелящийся, колышущийся, густой. Мне ли не узнать медвежьи шапки гвардейцев? Не мое ли чутье солдата подсказало мне, что это последний резерв Франции, что император, как отчаявшийся игрок,

поставил все на последнюю карту? Гвардейцы поднимались все выше, великолепные, бесстрашные, не дрогнув под ружейными залпами и ураганным огнем артиллерии, они катились вперед грозной черной волной и захлестнули английские батареи. В подзорную трубу я увидел, как английские артиллеристы попрятались под свои пушки или бросились бежать. А волна медвежьих шапок катилась все дальше и наконец с грохотом, который донесся до меня, схлестнулась с английской пехотой. Прошла минута, другая, третья. У меня упало сердце. Они топтались на месте; они уже не наступали; их остановили. Боже правый! Возможно ли, что они дрогнули? Одна черная точка скользнула вниз по склону, потом две, четыре, десять, и вот огромная, беспорядочная, бурлящая толпа дрогнула, остановилась, снова дрогнула и наконец в беспорядке, обезумев, устремилась вниз. «Гвардия разбита! Гвардия разбита!» Этот крик несея со всех сторон. По всему фронту пехота обратилась в бегство, артиллеристы побросали пушки.

«Старая гвардия разбита! Гвардия бежит!» Выкрикивая эти слова, мимо меня пробежал офицер с мертвенно-бледным лицом. «Спасайтесь! Спасайтесь! Нас предали! – кричал другой. – Спасайтесь! Спасайтесь!» Люди, потеряв рассудок, бежали прочь с поля боя, они метались и прыгали, как стадо перепуганных баранов. Со всех сторон неслись крики и вопли. Я оглядел английские позиции, и то, что я увидел, мне никогда не забыть. На фоне зловещего заката отчетливо вырисовывался черный силуэт одинокого всадника. Он был такой черный и недвижный в мрачном, мертвенном свете, словно сам бог войны спустился в эту ужасную долину. Я видел, как он высоко поднял над головой шляпу, и по этому сигналу, с глухим яростным ревом, подобным реву прибоя, вся английская армия хлынула по склону и захлестнула долину. Длинные, оцетинившиеся сталью красносиние шеренги, стремительные волны кавалерии, конные батареи, с грохотом подпрыгивавшие на кочках, разом устремились вниз, на наши редущие ряды. Все было кончено. От одного нашего фланга до другого пронесся душераздирающий крик храбрецов, которые видят безнадежность своего положения, и вмиг вся славная армия была сметена, превратилась в обезумевшую, охваченную ужасом толпу. Вы видите, друзья мои, что даже теперь я не могу говорить об этом ужасном мгновении без слез и без дрожи в голосе.

Сначала этот дикий поток захватил меня и понес, как ручей соломинку. И вдруг среди смешавшихся полков я увидел суровых всадников в серебристо-серых мундирах, которые ехали, высоко подняв порванное и потрепанное знамя! Вся мощь Англии и Пруссии не могла сломить гусар

Конфланского полка. Но когда я приблизился к ним, сердце мое облилось кровью. Майор, семь капитанов и пятьсот рядовых остались лежать на поле брани. Командовал полком молодой капитан Сабатье, и когда я спросил его, где пять недостающих эскадронов, он указал назад и сказал: «Вы найдете их вокруг одного из английских каре». Люди и кони едва дышали, они были взмыленные и грязные; но когда я увидел, что остатки потрепанного полка все же едут сомкнутым строем и все как один, от юного трубача до старого полкового сержанта, на своих местах, сердце мое преисполнилось гордостью. Если б я мог повести их за собой для охраны императора! Окруженный гусарами Конфланского полка, он был бы в полной безопасности. Но их кони слишком устали и еле плелись шагом. И я поехал вперед, отдав приказ собраться возле деревушки Сент-Онэ, где мы два дня назад стояли лагерем. Я нахлестывал лошадь, торопясь найти императора.

Пробираясь через эту ужасную толпу, я насмотрелся такого, что никогда не изгладится из моей памяти. По ночам мне снова и снова снится это море мертвенно-бледных лиц, с вытаращенными глазами, ртами, разинутыми в крике, которое плескалось подо мной. Это был настоящий кошмар. В пылу победы не чувствуешь всех ужасов войны. Только в леденящем душу ознобе поражения осознаешь их до конца. Помню старого гвардейца-гренадера, он лежал на обочине дороги, и его сломанная нога торчала в сторону. «Братцы, братцы, не наступайте мне на ногу!» – кричал он, но все равно его топтали и пинали. Передо мной ехал уланский офицер, голый до пояса. Ему только что отняли руку в лазарете. Повязка съехала. Это было ужасно. Двое артиллеристов пытались протащить свое орудие. Какой-то егерь вскинул ружье и выстрелил одному из них в голову. Я видел, как майор кирасирского полка вытащил из седельной кобуры два пистолета и сначала пристрелил свою лошадь, а потом пустил пулю себе в лоб. У самой дороги человек в синем мундире вопил и бесновался, как одержимый. Лицо у него почернело от порохового дыма, мундир разорвался, одного эполета не было, другой болтался на груди. Только подъехав к нему совсем близко, я узнал его – это был маршал Ней. Он буквально выл на бегущие войска, да, да, это был вой зверя. Вдруг он поднял обломок своей шпаги – она была сломана в трех дюймах от эфеса.

– Глядите, как умеет умирать маршал Франции! – воскликнул он.

Я с охотой последовал бы его примеру, но мой долг звал меня дальше. Вы знаете, что он не нашел тогда смерти, которой искал, но хладнокровно принял ее через несколько недель от своих врагов^[24].

Есть старая пословица, что в наступлении француз смелее льва, а в отступлении – хуже зайца. И в тот день я понял, что это так. Но даже в этой

сумятице я видел такое, о чем могу рассказать с гордостью. Через поля, в отдалении от дороги, двигались три резервных батальона гвардии Камбрана, краса и гордость нашей армии. Они шагали медленно, выстроившись в каре, и знамена развевались над величественными медвежьими шапками. Вокруг них неистовствовала английская кавалерия, черные уланы герцога Брауншвейгского набегали волна за волной, с грохотом разбивались о них и откатывались. Когда я видел этих гвардейцев в последний раз, шесть английских пушек разом выпалили в них картечью, английская пехота окружила их с трех сторон и осыпала пулями; но, подобно тому, как отважный лев отбивается от свирепых собак, которые насаждают на него с боков, остатки доблестной гвардии с честью выходили из последнего боя, медленно, шаг за шагом, то и дело останавливаясь, выравнивая и смыкая ряды. Неподалеку на склоне стояла гвардейская батарея двенадцатифунтовых пушек. Все артиллеристы были на местах, но пушки молчали.

– Почему вы не стреляете? – спросил я, проезжая мимо, у их полковника.

– Порох кончился.

– Тогда почему же не отступаете?

– Может быть, мы их хоть немного отпугнем своим видом. Надо дать императору время спастись.

Таковы были французские солдаты.

Под прикрытием этих храбрецов остальные перевели дух и двигались уже без прежней паники. Они разбрелись в стороны от дороги, и в сумерках я повсюду видел трусливую, беспорядочную, перепуганную толпу, которая десять часов назад была лучшей армией из всех, какие когда-либо вступали в бой. Я на своей резвой лошади вскоре выбрался из толпы и, миновав Женап, нагнал императора с остатками его штаба. Сульт все еще был при нем, и Друо, Лобо и Бертран тоже, вместе с пятью гвардейцами егерского полка, но лошади их едва плелись. Было уже почти темно, и когда император повернулся ко мне, лицо его смутно белело.

– Кто это? – спросил он.

– Полковник Жерар, – ответил Сульт.

– Вы нашли маршала Груши?

– Нет, ваше величество. Там были пруссаки.

– Это не имеет значения. Теперь ничто не имеет значения. Сульт, я вернусь назад.

Он попытался повернуть, но Бертран схватил его коня под уздцы.

– Ах, ваше величество, – сказал Сульт, – враг и без того торжествует.

И, окружив императора, они заставили его ехать дальше. Он ехал молча, склонив голову на грудь, – самый великий и скорбный из людей. А далеко позади все грохотали неумолимые пушки. Иногда в темноте слышались крики, стоны и быстрый глухой стук копыт. Но мы лишь прищипоривали коней и спешили вперед, обгоняя отступающие в беспорядке войска. Мы ехали всю ночь при свете луны и наконец оставили позади и преследователей и преследуемых. Когда мы миновали мост при въезде в Шарлеруа, уже занималась заря. Должно быть, в ее холодном и ясном свете мы казались толпой призраков – император с бледным, словно восковым, лицом, Сульт, весь черный от порохового дыма, Лобо в пятнах крови! Но теперь мы ехали спокойнее и перестали оглядываться назад, так как Ватерлоо осталось более чем в тридцати милях позади. В Шарлеруа мы взяли одну из карет императора и теперь, остановившись на другом берегу Самбры, спешили.

Вы спросите, почему я все это время ни словом не обмолвился о самом главном – о необходимости бдительно охранять императора. Клянусь, я пытался заговорить об этом и с Сультом и с Лобо, но они были так потрясены несчастьем и так заняты неотложными заботами, что невозможно было заставить их понять, какие важные сведения я привез. Кроме того, весь этот долгий путь вместе с нами по дороге двигалось много французских беглецов, и, как ни подавлены они были, мы все же могли не бояться нападения девяти человек. Теперь же, в это раннее утро, когда мы стояли вокруг кареты императора, я с тревогой увидел, что на длинной белой дороге, уходившей вдаль позади нас, нет ни одного французского солдата. Мы опередили армию. Я огляделся в поисках каких-нибудь средств защиты. Кони егерей пали, и нас сопровождал теперь только один из них, сержант с седыми бакенбардами. Оставались Сульт, Лобо и Бертран; но при всех их талантах, если дойдет до настоящей схватки, я предпочел бы одного-единственного гусарского квартирмейстера всем троим вместе. Кроме них, был еще сам император, кучер и камердинер, который присоединился к нам в Шарлеруа, итого восемь человек; но из этих восьми только двое, егерь и я, были настоящими бойцами, на которых можно было положиться в крайнюю минуту. Я похолодел, когда понял, как мы беспомощны. И тут, подняв глаза, я увидел, что в гору поднимаются девять прусских всадников.

Дорога в том месте шла через широкую холмистую равнину – часть ее желтела посевами, а часть была поймой Самбры и поросла густой травой. К югу от нас была цепь невысоких холмов, через которую переваливала дорога во Францию. По этой дороге и ехала кучка всадников. Граф Штейн

неукоснительно выполнил приказ, он взял южнее, уверенный, что обгонит императора. Теперь он двигался нам навстречу – с этой стороны мы меньше всего могли ожидать нападения. Когда я их заметил, они были в полумиле от нас.

– Ваше величество! – воскликнул я. – Пруссак!

Все вздрогнули и вытаращили на меня глаза. Молчание нарушил император.

– Кто говорит, что это пруссак?

– Я, ваше величество, я, Этьен Жерар!

Когда кто-нибудь сообщал императору неприятную новость, он всегда гневался на этого человека. И он принялся ругать меня хриплым, надтреснутым голосом, с корсиканским акцентом, который у него появлялся, когда он выходил из себя.

– Вы всегда были шутом! – воскликнул он. – С чего это вам, болван вы этакий, взбрело на ум, что там пруссак? Как могут пруссак ехать из Франции? Если у вас и была голова, вы ее потеряли.

Его слова как плетью хлестали меня, но каждый из нас испытывал к императору те же чувства, что старая собака к своему хозяину. Она тут же все забывает и прощает ему побои. Я не стал спорить или оправдываться. Мне сразу бросились в глаза белые чулки на передних ногах головной лошади, и я отлично знал, что на ней сидит граф Штейн. Девять всадников придержали коней и принялись нас разглядывать. Потом они дали коням шпоры и с торжествующим криком помчались по дороге прямо к нам. Они знали, что добыча не ускользнет.

Когда они стремительно ринулись на нас, всякие сомнения исчезли.

– Ваше величество, клянусь Богом, это действительно пруссак! – воскликнул Султ. Лобо и Бертран метались по дороге, как две перепуганные курицы. Егерский сержант, изрыгая проклятия, обнажил саблю. Кучер и камердинер вопили и ломали руки. Наполеон стоял с каменным лицом, поставив одну ногу на подножку кареты. А я... ах, друзья мои, я был великолепен! Какими словами описать мое поведение в этот славный миг моей жизни? Я весь подобрался, призвал на помощь все свое хладнокровие, всю ясность ума и был готов действовать. Он назвал меня болваном и шутом. Как быстро и как благородно я отомстил ему! Когда он сам потерял голову, помог ему не кто иной, как Этьен Жерар.

Вступать в бой было бы нелепо; бежать – смешно. Император был такой грузный и к тому же валился с ног от усталости. Да и вообще он никогда не был хорошим кавалеристом. Разве ему уйти от этих людей, лучших наездников в целой армии? Ведь среди них самый знаменитый

кавалерист Пруссии. Но я был самым знаменитым кавалеристом Франции. Только я и мог с ними тягаться. Если они примут меня за императора и погонятся за мной, есть еще надежда на счастливый исход. Все эти мысли молнией сверкнули у меня в голове. Еще мгновение, и я перешел к быстрым и решительным действиям. Я бросился к императору, который, казалось, окаменел; от врагов его скрывала карета.

– Ваш сюртук, ваше величество! Вашу шляпу! – воскликнул я.

Я сорвал с него сюртук и шляпу. Никогда еще с ним не обращались так непочтительно. Мгновенно облачившись в них, я втолкнул его в карету. Потом вскочил на его знаменитого арабского скакуна и вылетел на дорогу.

Вы уже, конечно, поняли, что я задумал; но у вас может возникнуть вполне справедливый вопрос: как это я рассчитывал, что меня примут за императора? Ведь вы еще сейчас можете видеть, как я прекрасно сложен, он же никогда не был хорош собой, – полный, невысокого роста. Но когда человек сидит в седле, трудно определить его рост, что же касается всего прочего, то достаточно пригнуться, сгорбить спину и стараться быть похожим на мешок с мукой. На мне была треуголка и широкий серый сюртук с серебряной звездой, знакомый в Европе каждому ребенку. Подо мной был знаменитый белый конь императора. Этого было довольно.

Пруссаки были уже от нас в двух сотнях шагов. Я с нарочитым отчаянием взмахнул руками и заставил коня вскочить на придорожную насыпь. Этого оказалось достаточно. Пруссаки издали крик, полный торжества и злобной ненависти. Это был вой голодных волков, почуявших добычу. Я прищепил коня и помчался через пойменные луга, оглядываясь назад и прикрывая лицо ладонью. Ах, это был славный миг, когда я увидел, что восемь всадников один за другим перемахнули через насыпь и устремились за мной! Только один замешкался, и я услышал крики и шум схватки. Я вспомнил про старого сержанта и с уверенностью сказал себе, что одним врагом стало меньше. Путь был свободен, император мог ехать дальше.

Теперь пришло время подумать о себе. Если пруссаки настигнут меня, они расвирепеют, и расправа будет короткой. Ну что ж, раз уж мне суждено умереть, я по крайней мере дорого продам свою жизнь. Но я надеялся, что мне удастся уйти от них. Будь там обычные всадники на обычных лошадях – это не составило бы для меня никакого труда, но и всадники и кони были лучшие из лучших. Подо мной конь был отличный, но он устал после долгой ночной скачки, а император не очень-то умел беречь лошадей. Он совсем о них не думал и без жалости рвал поводья. Но ведь Штейн и его люди тоже совершили долгий и быстрый бросок. Скачки

проходили на равных.

До сих пор я действовал под влиянием мгновенного порыва и не успел подумать о том, как спастись самому. Подумай я об этом, я, разумеется, поскакал бы назад по той же дороге и в конце концов добрался бы до своих. Но я проехал уже больше мили в сторону от дороги, прежде чем это пришло мне в голову. Оглянувшись, я увидел, что мои преследователи растянулись длинной вереницей, стараясь отрезать меня от дороги на Шарлеруа. Я не мог повернуть назад, но мог по крайней мере постепенно забирать к северу. Я знал, что вся округа полна нашими отступающими войсками и рано или поздно кто-нибудь из своих попадетсЯ мне на пути.

Но я забыл об одном – о Самбре. Разгоряченный, я не вспомнил об этой реке до тех пор, пока не увидел ее, широкую и полноводную, сверкающую под лучами утреннего солнца. Она преградила мне путь, а пруссаки радостно выли у меня за спиной. Я доскакал до воды, но дальше конь никак не шел. Я дал ему шпоры, но берег был высок, а река глубока. Дрожа и фыркая, он попятился. Торжествующие вопли все приближались. Я повернул и помчался во весь опор по берегу. В том месте река образовывала излучину, через которую мне предстояло как-то перебраться, так как путь назад был отрезан. И вдруг в душе у меня блеснула надежда – я увидел на этом берегу дом, а на том – еще один. Два таких дома обычно означают, что между ними брод. К воде вел пологий спуск, и я направил по нему коня. Он повиновался, и вскоре вода дошла до седла, она пенилась справа и слева. Один раз конь потерял опору, оступился, и я уже думал, что мы пропали, но он снова нащупал дно и через мгновение уже скакал по противоположному склону. Когда мы выбрались из воды, я услышал позади плеск – это первый из пруссаков въехал в реку. Нас разделяла теперь только ширина Самбры.

Я ехал, втянув голову в плечи, как это делал Наполеон, и не смел оглянуться, боясь, что они увидят мои усы. Чтобы хоть как-то скрыть их, я поднял воротник серого сюртука. Ведь даже теперь они, поняв свою ошибку, еще могли повернуть назад и настичь карету. Скоро мы снова скакали по дороге. Стук копыт за моей спиной становился все громче – погоня настигала меня. Мой конь мчался по каменистой, избитой дороге, которая вела от брода. Я украдкой взглянул назад из-под руки и увидел, что меня нагоняет только один всадник, который далеко опередил своих товарищей. Это был маленький, щуплый гусар на огромном черном коне, он оказался впереди благодаря своему малому весу. Быть впереди почетно, но вместе с тем и опасно, в чем ему вскоре довелось убедиться. Я ощупал кобуры, но, к моему ужасу, пистолетов там не оказалось. В одной я

нашарил подзорную трубу, другая была набита бумагами. Моя сабля осталась на седле у Фиалки. Но я был не совсем безоружен. На седле висела сабля самого императора. Она была короткая и кривая, с золотой насечкой, – такая штука более пригодна для того, чтобы сверкать на парадах, чем служить воину в минуту смертельной опасности, но я выхватил ее из ножен, какую ни на есть, и ждал только случая пустить в ход. С каждой секундой стук копыт приближался. Я слышал фыркание лошади и угрожающие крики всадника. Впереди был крутой поворот, и, едва миновав его, я поднял своего белого арабского скакуна на дыбы. За поворотом я оказался лицом к лицу с прусским гусаром. Он не успел остановиться, и ему оставалось лишь одно – сшибить меня с разгона. Если б это удалось ему, он погиб бы сам, зато искалечил бы меня или мою лошадь, и я уже не мог бы спастись бегством. Но этот болван, видя, что я жду его, взял вправо и проскакал мимо. Я сделал выпад через шею своего скакуна и вонзил свою игрушечную саблю ему в бок. Должно быть, она была из превосходной стали и острая, как бритва, потому что я и не почувствовал, как она вошла в него, но кровь обагрила клинок почти до самого эфеса. Лошадь поскакала дальше, и раненый еще сотню шагов держался в седле, а потом повалился вперед, зарывшись лицом в гриву, соскользнул на бок и упал на дорогу. А я уже скакал вслед за его лошадей. Все, о чем я рассказал, продолжалось лишь несколько секунд.

Я услышал, как пруссаки злобно завопили далеко позади, – это они проехали мимо своего мертвого товарища, и я не удержался от улыбки при мысли о том, каким лихим кавалеристом и рубакой они считают императора. Я снова украдкой поглядел назад и увидел, что ни один из семерых не остановился. Судьба товарища была ничто в сравнении с их главной целью. Они были неустойчивы и кровожадны, как гончие. Но я вырвался далеко вперед, и мой скакун шел ходко. Я уже думал, что спасен, но в этот самый миг на меня надвинулась смертельная опасность. Я очутился на развилке и выбрал из двух дорог ту, что поуже, потому что она заросла травой и коню мягче было по ней скакать. Представьте же себе мой ужас, когда, проехав через какие-то ворота, я очутился в тупике среди конюшен и крестьянских домов, откуда был только один путь – назад! Ах, друзья, если волосы мои белые, как снег, то разве мало мне пришлось пережить?

Нечего было и думать повернуть обратно. Я огляделся, – глаз-то у меня острый от природы, ведь для солдата это важнее всех прочих качеств, а для кавалерийского командира тем более. Между длинным рядом низких конюшен и одним из домов был загон для свиней. Передняя стена была

бревенчатая, высотой в четыре фута, задняя – каменная и выше передней. Что за нею, я не знал. Переднюю стену от задней отделяло всего несколько ярдов. И я решился на отчаянную попытку. Стук копыт нарастал с каждым мгновением. Я заставил своего скакуна прыгнуть в загон. Бревенчатую стену он перемахнул без труда, но, угодив передними копытами в спящую свинью, поскользнулся и упал на колени. Я перелетел через вторую стену и свалился ничком на мягкую цветочную клумбу. Мой конь был по одну сторону стены, я – по другую, а пруссаки в это время ворвались во двор. Но я мигом вскочил на ноги, перегнулся через стену и схватил упавшего коня под уздцы. Стена была сухой кладки, я сбросил сверху несколько камней, благодаря чему образовалась брешь. Я с криком дернул поводья, мой храбрый конь прыгнул, очутился по эту сторону стены, и я мигом вдел ногу в стремя.

Когда я вскочил в седло, мне пришла геройская мысль. Этим пруссакам, чтобы одолеть стену, придется прыгать по одному, и справиться с каждым по отдельности будет не так уж трудно, потому что враг не успеет прийти в себя после прыжка. Почему бы мне не подождать и не перебить их одного за другим? Это была славная мысль. Пусть знают, что нельзя безнаказанно гоняться за Этьеном Жераром. Я схватился за саблю, но представьте себе мои чувства, друзья, когда оказалось, что ножны пусты. Сабля выпала, когда конь споткнулся об эту проклятую свинью. Вот от каких нелепых пустяков зависит человеческая судьба – свинья на одной чаше весов, Этьен Жерар – на другой! Может быть, перепрыгнуть через стену и подобрать саблю? Нет, поздно! Пруссак были уже во дворе. Я повернул своего коня и снова пустился наутек.

Но тут я попал в еще худшую ловушку. Я очутился в фруктовом саду с грядками цветов по краям. Сад был обнесен высокой стеной. Однако я сообразил, что должен же тут быть какой-то вход, ведь едва ли хозяева рассчитывали, что все гости станут прыгать сюда через свинарник. Я поскакал вдоль стены. Как я и ожидал, в ней оказалась калитка, ключ торчал изнутри. Я слез с лошади, повернул ключ, открыл калитку и увидел в каких-нибудь шести футах от себя прусского улана на коне.

Секунду мы таращили друг на друга глаза. Потом я захлопнул калитку и снова запер ее. В дальнем конце сада послышались шум и крики. Я понял, что один из моих врагов свалился с лошади, пытаясь перепрыгнуть через стену свинарника. Как мне было выбраться из этого тупика? Ясно, что часть отряда поскакала кружным путем, а часть пустилась вслед за мной. Будь при мне сабля, я без труда справился бы с уланом у калитки, а так сунуться туда означало верную смерть. И все же, если я стану медлить,

несколько пруссаков, спешившись, наверняка переберутся через свинарник, и как мне тогда быть? Надо действовать немедленно, иначе я пропал. Но именно в такие мгновенья мой мозг работает особенно четко. Взяв коня под уздцы, я пробежал вдоль стены шагов сто от того места, где меня подстерегал улан. Там я остановился и с грохотом свалил со стены несколько камней. Сделав это, я бросился назад к калитке. Как и следовало ожидать, он решил, что я разваливаю стену, намереваясь улизнуть, и я услышал стук копыт – он спешил отрезать мне путь. Вернувшись к калитке, я оглянулся и увидел, как всадник в зеленом мундире – я знал, что это граф Штейн, – перескочил через стену свинарника и теперь с ликующим криком скакал во весь дух по саду.

– Сдавайтесь, ваше величество, сдавайтесь! – кричал он. – Мы вас пощадим.

Я выскользнул в калитку, но не успел запереть ее за собой. Штейн мчался за мной по пятам, а улан уже повернул коня назад. Вскочив на своего скакуна, я снова понесся по травянистой равнине. Штейну пришлось спешиться, открыть калитку, провести в нее лошадь, а потом снова сесть в седло, прежде чем продолжать погоню. Его я опасался больше, чем улана, чья лошадь была нечистых кровей и к тому же устала. Я проскакал во весь опор с милю, прежде чем рискнул оглянуться, и тут оказалось, что Штейн в ружейном выстреле от меня, улан следует за ним примерно на таком же расстоянии, а далеко позади видны еще только трое. Теперь пруссаков было уже не девять, число их поубавилось, но даже один из них легко справился бы с безоружным.

Меня удивило, что за время этой долгой погони я не видел ни одного из наших отступающих солдат, и я подумал, что сильно удалился к западу от их пути и теперь, чтобы встретиться с ними, надо взять восточнее. В противном случае мои преследователи если и не настигнут меня, будут продолжать погоню до тех пор, пока мне не преградит путь кто-нибудь из их товарищей,двигающихся с севера. Взглянув на восток, я увидел вдалеке облако пыли, растянувшееся на много миль. Там, конечно, была дорога, по которой отступала наша несчастная армия. Но вскоре я убедился, что некоторые из отставших французов попали и на этот проселок, так как вдруг увидел лошадь, которая паслась на краю поля, а неподалеку, привалившись спиной к насыпи, сидел ее хозяин, французский кирасир, видимо, смертельно раненный. Я соскочил с коня, схватил длинную тяжелую саблю кирасира и поскакал дальше. Никогда не забуду лицо этого бедняги, когда он взглянул на меня угасающими глазами. Это был старый, седоусый солдат, слепо преданный своему долгу, и, когда он в

предсмертные мгновенья увидел императора, для него это было подобно откровению свыше. Удивление, любовь, гордость озарили его бледное лицо. Он что-то сказал – боюсь, что это были его последние слова, но мне некогда было слушать, и я помчался дальше.

Все это время я скакал через пойменные луга, пересеченные широкими лощинами. Лощины эти иногда достигали четырнадцати, а то и пятнадцати футов в ширину, и у меня душа уходила в пятки всякий раз, как конь через них прыгал, – ведь стоило ему оступиться, и я погиб. Но тот, кто выбирал лошадей для императорской конюшни, видимо, знал свое дело. Конь только один раз заупрямился на берегу Самбры, но с тех пор ни разу меня не подвел. Мы мчались, обгоняя ветер. И все же я никак не мог оторваться от этих проклятых пруссаков. Всякий раз, перемахнув через какой-нибудь ручей, я с надеждой оглядывался назад и неизменно видел Штейна, который так же легко, как я, брал препятствие на своем белоногом гнедом коне. Это был мой враг, но я уважал его за мужество.

Снова и снова я прикидывал на глаз расстояние, отделявшее меня от преследователя. У меня мелькнула мысль: что, если резко повернуть назад и зарубить его, как зарубил я того гусара, прежде чем его товарищ подоспеет к нему на помощь? Но остальные пруссаки подтянулись и тоже были теперь близко. Я подумал, что этот граф Штейн, вероятно, владеет саблей не хуже, чем конем, и с ним сразу не справишься. А тем временем остальные поспешат к нему на выручку, и песенка моя спета. Поэтому разумнее всего уносить ноги.

Я увидел дорогу, обсаженную по обеим сторонам тополями, которая шла через равнину с востока на запад. Она должна была привести меня к облаку пыли, поднятому отступающими французами. Поэтому я повернул коня и поскакал по ней. Справа от дороги показался одинокий дом с большой веткой над дверью вместо вывески – это была таверна. Возле нее стояло несколько крестьян, но их я не боялся. Испугало меня другое: впереди мелькнул красный мундир, значит, там англичане. Однако я не мог ни свернуть, ни остановиться, оставалось только махнуть рукой на опасность и скакать дальше. Регулярных частей поблизости не было, значит, это отставшие или мародеры, которых опасаться нечего. Приблизившись, я увидел, что двое англичан сидят на скамье у входа и пьют вино. Я видел, как они, шатаясь, встали на ноги, – ясно было, что оба мертвецки пьяны. Один, пошатываясь, вышел на середину дороги.

– Это Бонапарт! – воскликнул он. – Провалиться мне, если не Бонапарт!

Он растопырил руки и кинулся мне навстречу, но, на свое счастье,

спьяну споткнулся и упал ничком на дорогу. Второй был опаснее. Он бросился в таверну, и я, промчавшись мимо, успел заметить, как он снова выскочил оттуда с ружьем. Он припал на одно колено, а я распластался на шее лошади. Одиночный выстрел пруссака или австрийца – это пустяк, но англичане были в то время лучшими стрелками в Европе, и как только этот пьянчуга почувствовал у плеча приклад, весь хмель с него соскочил. Я услышал грохот, и мой конь сделал такой отчаянный скачок, что немногие всадники усидели бы при этом в седле. У меня мелькнула мысль, что он ранен смертельно, но, обернувшись назад, я увидел кровь на его задней ноге. Я поглядел на англичанина – этот негодяй уже забивал в ствол новый заряд, но, прежде чем он успел насыпать на полку пороху, я был уже вне выстрела. Эти люди были пешие и не могли присоединиться к погоне, но я слышал, как они гикали и улюлюкали мне вслед, словно травили лисицу. Крестьяне тоже с криками бежали через поле, размахивая палками. Со всех сторон неслись вопли, всюду мелькали бегущие, размахивающие руками фигуры моих преследователей. Подумать только, ведь это была облава на великого императора! Ах, как мне хотелось хорошенько угостить этих негодяев саблей!

Но я уже чувствовал приближение конца. Я сделал все, что было в человеческих силах, и даже больше, а теперь не видел выхода из положения. Кони моих преследователей были измучены, но мой измучен не меньше и к тому же ранен. Он истекал кровью, и мы оставляли за собой на белой пыльной дороге красный след. Он бежал все медленней, и я знал, что рано или поздно он падет подо мной. Я оглянулся – пятеро пруссаков упорно настигали меня: Штейн скакал на сотню шагов впереди, за ним улан, а дальше – остальные трое. Штейн обнажил саблю и размахивал ею. Но я решил не сдаваться. Посмотрим, скольких пруссаков я сумею утащить с собой на тот свет. В этот славный миг все подвиги моей жизни живо предстали у меня перед глазами, и я понял, что этот последний подвиг – поистине достойное завершение такого пути. Моя смерть будет роковым ударом для всех, кто меня любит, для моей дорогой матушки, для моих гусар и еще для некоторых, их я не назову. Но всем им дорога моя слава и честь, и я был уверен, что когда они узнают, как я скакал и как сражался в последний день своей жизни, то почувствуют не только скорбь, но и гордость. Я заставил молчать свое сердце и, видя, что мой скакун все сильнее припадает на раненую ногу, обнажил длинную саблю, которую взял у кирасира, стиснул зубы и изготовился к смертельному бою. Я уже хотел было натянуть поводья, боясь, что, если еще помедлю, мне придется пешим драться против пятерых конных. Но тут я взглянул вперед, и в

сердце моем сверкнула надежда, а с губ сорвался ликующий крик.

Передо мной был лесок, а над ним виднелась церковная колокольня. Второй такой колокольни не найти – ее угол обрушился или был разбит молнией, и это придало ей совершенно фантастическую форму. Я видел ее всего два дня назад, это была церковь в деревне Госсели. Но сердце мое возликовало не оттого, что я надеялся добраться до деревни, – нет, теперь я знал, как спастись, ведь всего в полумиле оттуда был дом, его крыша уже виднелась среди деревьев, тот самый дом в Сент-Онэ, где мы стояли лагерем и где я назначил капитану Сабатье место сбора конфланских гусар. Они, конечно, уже там, мои орлы, надо только добраться туда. Мой конь слабел с каждым шагом. А шум погони все приближался. Я слышал хриплые немецкие ругательства буквально у себя за спиной. У самого уха просвистела пушечная пуля. Вонзив шпоры в бока моего бедного скакуна и немилосердно колотя его саблей, я гнал его, заставляя бежать из последних сил. Вот и открытые ворота усадьбы. Там, впереди, блеснула сталь. Штейн был уже в каком-нибудь десятке шагов позади, когда я влетел в ворота.

– Ко мне, друзья! Ко мне! – крикнул я что было мочи.

Послышалось гудение, словно в потревоженном улье. И тут мой великолепный арабский скакун пал подо мной, и я, свалившись на мощный камень двор, потерял сознание.

Таков был мой последний и самый славный подвиг, дорогие друзья, – весть о нем разнеслась по всей Европе, и имя Этьена Жерара вошло в историю. Увы! Все мои старания принесли императору всего несколько недель свободы, потому что пятнадцатого июля он сдался в плен англичанам. Но не моя вина, что он не сумел собрать войска, которые еще ждали его призыва во Франции, и одержать победу при новом Ватерлоо. Будь все остальные так же верны ему, как я, ход мировой истории мог бы измениться, император сохранил бы свой трон, и мне, старому, заслуженному бойцу, не пришлось бы влачить жалкую жизнь, сажая капусту, или коротать время на старости лет, рассказывая истории в кафе. Вы хотите знать, что случилось со Штейном и остальными пруссаками? О тех троих, которые отстали по дороге, я ничего не знаю. Одного, как вы помните, я убил. Остались пятеро. Трех из них зарубили мои гусары, которым в первый миг показалось, что они в самом деле спасают императора. Штейн, легко раненный, попал в плен, и один из улан тоже. Они тогда так и не узнали правды, поскольку мы считали, что никакие сведения о местопребывании императора, истинные или ложные, распространять не следует, и граф Штейн был уверен, что всего несколько

шагов отделяло его от славного подвига.

– Да, вы не напрасно преклоняетесь перед своим императором, – сказал он, – я никогда в жизни не видел человека, который так владел бы конем и саблей.

И он никак не мог взять в толк, почему молодой гусарский полковник от души смеялся над его словами. Со временем он узнал, в чем дело.

Глава VIII

Последнее приключение бригадира

Больше, дорогие друзья, вы не услышите моих рассказов. Говорят, человек, что заяц, который бежит по кругу и возвращается умирать на то же место, откуда начал свой путь. И вот меня зовет родная Гасконь. Вижу голубую Гаронну, которая вьется меж виноградников, и синий океан, куда она несет свои воды. Вижу старинный город и лес мачт у длинной каменной пристани. Моя душа жаждет воздуха родины и тепла ее солнца. Здесь, в Париже, у меня есть друзья, дела, развлечения. А там все, кто знал меня, уже в могилах. И все же, когда юго-западный ветер шумит за моим окном, мне кажется, что это родная земля зовет сына, которому пора вернуться в ее лоно. В свое время я совершил то, что мне было суждено. Это время прошло. И жизнь тоже прошла. Нет, друзья мои, не печальтесь: что может быть счастливее жизни, которая оканчивается в почете и среди друзей. Разве не чувствуете вы торжественность минуты, когда человек приближается к концу долгого пути и виден поворот, за которым ждет неведомое? Император и все его маршалы уже прошли этот темный поворот и скрылись за ним. Мои гусары тоже – их не осталось и пятидесяти в этом мире, остальные ждут меня там. Я должен идти. И сегодня, в этот прощальный вечер, я расскажу вам не просто случай, а нечто большее – я открою вам великую историческую тайну. До сих пор мои уста были сомкнуты, но я не вижу, почему бы не оставить после себя память об этом замечательном приключении, которое иначе бесследно канет в вечность, потому что я единственный из всех живущих на земле знаю о нем.

Итак, прошу вас перенестись вместе со мной в тысяча восемьсот двадцать первый год. Вот уже шесть лет не было с нами нашего славного императора, и только изредка из-за моря доходили глухие слухи. Вы не можете себе представить, как тяжело было всем нам, любившим его, знать, что он в плену и его великая душа изнывает на пустынном острове. С той минуты, как мы просыпались по утрам, и до ночи, когда сон смыкал наши глаза, мы были с ним всеми помыслами и стыдились, что он, наш вождь и повелитель, так унижен, а мы бессильны ему помочь. Многие были бы счастливы пожертвовать остатком своей жизни, чтобы хоть как-нибудь облегчить его участь, но, увы, мы могли только брюзжать, сидя в кафе, глядеть на карту и подсчитывать, сколько лиг океана отделяет нас от него.

Будь он на луне – мы и то не могли бы помочь ему больше ничем. Ведь все мы были простыми солдатами и не знали моря.

Конечно, у нас были свои мелкие невзгоды, которые отравляли жизнь не меньше, чем несчастья императора. Многие из нас носили прежде высокие чины и, вернись он к власти, снова получили бы их. Мы не считали возможным служить под белым флагом Бурбонов или принести присягу, которая могла обратить наше оружие против того, кого мы любили. И мы оказались не при деле, без всяких средств. Что оставалось нам, кроме как собираться вместе, пересказывать друг другу слухи и ворчать, и те, у кого было немного денег, платили по счету, а те, у кого ничего не было, пили за компанию. Иногда, на наше счастье, удавалось затеять ссору с кем-нибудь из королевских гвардейцев, и если он оставался лежать в Булонском лесу, нам казалось, что мы снова сражались за Наполеона. Со временем гвардейцы узнали наши излюбленные места и избегали их, словно то были гнезда шершней.

В одном из таких мест – кафе «У великого человека», на рю Варенн, – обычно собирались самые славные и молодые офицеры армии Наполеона. Почти все мы были полковниками или адъютантами, и когда среди нас оказывался человек ниже чином, мы обычно давали ему почувствовать, что это непозволительная вольность. Бывал там капитан Лепин, награжденный в Лейпциге почетной медалью, полковник Бонне, адъютант Макдональда, полковник Журдан, который пользовался в армии почти такой же славой, как и я, Сабатье из моего гусарского полка, Менье из полка Красных улан, Ле Бретон из гвардии и много других. Каждый вечер мы собирались там, беседовали, играли в домино, выпивали стаканчик-другой и размышляли о том, скоро ли вернется император и мы снова встанем во главе своих полков. Бурбоны в то время уже потеряли во Франции всех своих приверженцев, это стало ясно через несколько лет, когда весь Париж поднялся против них и их в третий раз изгнали из Франции. Наполеону стоило только высадиться на французском берегу, и он без единого выстрела дошел бы до столицы, точно так же, как при возвращении с Эльбы.

Вот как обстояли дела, когда однажды февральским вечером к нам в кафе явился преудивительный человек. Он был невысок ростом, но широкоплеч, с огромной, почти уродливой головой. Его большое смуглое лицо было иссечено странными белыми полосами, а на щеках топорщились седые бакенбарды, как у настоящего морского волка. Золотые серьги в ушах и руки, разукрашенные татуировкой, также свидетельствовали, что он моряк, и мы это поняли прежде, чем он представился нам. У капитана

Фурно, офицера императорского флота, были рекомендательные письма к двоим из нас, и не приходилось сомневаться, что он предан делу императора. Кроме того, он сразу завоевал наше уважение, так как участвовал в сражениях не меньше любого из нас, и следы ожогов на его лице были памятью о том, как он до самой последней минуты оставался на палубе «Ориента», взлетевшего в воздух во время битвы на Ниле. Он мало говорил о себе, а сидел в уголке, поглядывая вокруг своими острыми глазами, и внимательно прислушивался к нашим разговорам.

Однажды вечером, когда я собрался домой, капитан Фурно вышел за мной следом и, коснувшись моей руки, без единого слова повел меня к себе – он поселился в доме неподалеку от нашего кафе.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал он и пригласил меня наверх, в свою комнату. Там он зажег лампу, достал из ящика стола конверт, вынул оттуда лист бумаги и протянул его мне. Письмо было написано несколько месяцев назад во дворце Шёнбрунн в Вене. «Капитан Фурно действует в высших интересах императора Наполеона. Все, кто любил императора, обязаны подчиняться ему, не задавая никаких вопросов. Мария-Луиза». Вот что я там прочел. Я знал подпись императрицы, и у меня не было сомнений в ее подлинности.

– Ну, – сказал он, – удовлетворены ли вы моими верительными грамотами?

– Вполне.

– Готовы ли вы повиноваться моим приказам?

– Этот документ не оставляет мне иного выбора.

– Прекрасно! Во-первых, из ваших слов в кафе я заключил, что вы говорите по-английски.

– Да, говорю.

– Скажите что-нибудь на этом языке.

Я сказал: «Когда бы императору ни понадобилась помощь Этьена Жерара, я готов в любое время дня и ночи отдать свою жизнь в его распоряжение».

Капитан Фурно улыбнулся.

– Это звучит несколько смешно, – сказал он, – но все же лучше такой английский, чем никакой. А я говорю по-английски не хуже настоящего англичанина. Это – единственное, чем я могу похвастать, после того как просидел шесть лет в английской тюрьме. А теперь я открою вам цель моего приезда в Париж. Я приехал, чтобы найти помощника для дела, касающегося императора. Мне сказали, что в кафе «У великого человека» я найду цвет его старых офицеров, которые и по сей день преданы ему. Я

присмотрелся ко всем вам и пришел к заключению, что вы более всех прочих подходите для моей цели.

Я поблагодарил за комплимент.

– Что же я должен делать? – спросил я.

– Ничего особенного, просто составить мне компанию на несколько месяцев, – сказал он. – Знайте, что после того, как я вышел в Англии из тюрьмы, я поселился там, женился на англичанке и даже стал капитаном небольшого английского торгового судна, на котором совершил несколько рейсов от Саутгемптона до побережья Гвинеи. Меня считают англичанином. Однако вы понимаете, что я, всей душой любя императора, иногда чувствую себя одиноким, и мне хотелось бы иметь товарища, который разделяет мои чувства. Во время этих долгих рейсов ужасно скучаешь, и, даю слово, вы не раскаетесь, если разделите со мной каюту.

Пока капитан вел этот незначительный разговор, он не сводил с меня своих пронизательных серых глаз. Мой ответный взгляд заставил его почувствовать, что он имеет дело не с дураком. Он вынул парусиновый мешочек, туго набитый деньгами.

– Здесь сто фунтов золотом, – сказал он. – Купите себе все, что нужно для путешествия. Советую доставить весь багаж в Саутгемптон, откуда мы отплываем через десять дней. Судно называется «Черный лебедь». Завтра я возвращаюсь в Саутгемптон и надеюсь увидеть вас там на будущей неделе.

– Полно вам, – обратился я к нему. – Скажите мне откровенно, куда мы возьмем курс?

– Ах, разве я не сказал? – ответил он. – Мы плывем в Африку, на побережье Гвинеи.

– Но как это может быть связано с высшими интересами императора? – спросил я.

– Высшие интересы требуют, чтобы вы не задавали нескромных вопросов, а я не давал на них нескромных ответов, – отрезал капитан. На этом он прервал разговор, и я вернулся восвояси ни с чем, если не считать мешочка с золотом, который подтверждал, что этот удивительный разговор не привиделся мне во сне.

Я не видел причин, почему бы мне не участвовать в этом деле до конца, и через неделю был уже на пути в Англию. Я добрался из Сен-Мало в Саутгемптон и, расспросив встречных в порту, без труда отыскал «Черного лебедя», красивое, стройное суденышко, которое, как я узнал потом, называлось бригом. На палубе я увидел самого капитана Фурно и семь или восемь здоровенных матросов, которые, трудясь в поте лица, мыли палубу и готовили судно к плаванию. Капитан поздоровался со мной

и провел меня в свою каюту.

– Вы теперь всего только мистер Жерар, родом с Нормандских островов, – сказал он. – Я буду вам весьма признателен, если вы забудете свои военные привычки и оставите кавалерийское щегольство, когда расхаживаете по моей палубе. И потом, неплохо бы вам отрастить бороду, тогда у вас будет более морской вид, чем с этими усами.

Я пришел в ужас от его слов, но, в конце концов, в открытом море нет дам, так что не все ли равно? Он позвонил и вызвал стюарда.

– Густав, – сказал он, – поручаю вашим заботам моего друга, мсье Этьена Жерара, который отправляется вместе с нами в плавание. Это Густав Керуан, мой стюард, он бретонец, – объяснил капитан. – Вы можете совершенно на него положиться.

У этого стюарда, с его грубым лицом и суровым взглядом, вид был слишком воинственный для столь мирной должности. Однако я ничего не сказал, хотя, можете быть уверены, глядел в оба. Мне отвели соседнюю с капитаном каюту, которая была вполне удобной, но никак не могла сравниться с великолепием каюты Фурно. Он явно любил роскошь, каюта его была заново отделана бархатом и серебром, что куда больше подходило для яхты какого-нибудь аристократа, чем для суденышка, совершающего торговые рейсы на западное побережье Африки. Именно такого мнения придерживался помощник капитана, мистер Бернс, который не мог удержаться презрительной усмешки всякий раз, как заходил в его каюту. Этот рослый, широкоплечий, рыжеволосый англичанин помещался в каюте по другую сторону от капитанской. На борту был еще второй помощник по фамилии Тэрнер, чья каюта находилась где-то возле рубки, а также девять матросов и юнга, из которых трое, как сообщил мне мистер Бернс, были, как и я, родом с Нормандских островов. Этот Бернс, первый помощник, очень любопытствовал, зашел мне вздумалось отправиться в плавание.

– Я путешествую для удовольствия, – сказал я. Он вытаращил на меня глаза.

– А вы бывали когда-нибудь на западном побережье Африки? – спросил он.

Я ответил, что не бывал ни разу.

– Так я и знал, – сказал он. – Ну уж во второй раз вы туда не отправитесь.

Дня через три после моего приезда мы развязали веревки, которыми судно было привязано, и пустились в путь. Я никогда не был хорошим моряком, и, признаться, земля давным-давно уже скрылась из виду, когда я почувствовал себя наконец в силах выйти на палубу. Лишь на пятый день я

выпил бульон, который принес мне добрый Керуан, сполз с койки и поднялся по трапу. Свежий воздух оживил меня, и с этого дня я кое-как приспособился к качке. Борода у меня тоже начала отрастать, и я не сомневаюсь, что стал бы таким же лихим матросом, как и солдатом, если бы судьба предназначила меня для морской службы. Я научился тянуть веревки, которыми поднимают паруса, и поворачивать длинные палки, к которым они прикреплены. Однако главной моей обязанностью было играть в экарте с капитаном Фурно и составлять ему компанию. Не было ничего странного в том, что он искал приличного общества, так как оба помощника были неграмотны, хоть и отлично знали свое дело. Умри вдруг наш капитан, ума не приложу, как мы нашли бы путь среди всей этой массы воды, потому что только он один умел определять по карте, где мы находимся. Карта висела на стене в его каюте, и он каждый день отмечал на ней пройденный путь. Просто удивительно, как ловко он умел все рассчитывать – например, однажды утром он сказал, что к вечеру мы увидим маяк Кейп-Верд, и в самом деле, он показался с левого борта, едва стемнело. Однако на другой день берега видно не было, и Бернс объяснил мне, что теперь мы не увидим земли, пока не прибудем в свой порт в заливе Биафра. Дул попутный ветер, и с каждым днем мы все дальше уходили на юг. Булавка на карте передвигалась все ближе и ближе к африканскому берегу. Добавлю, что плыли мы за пальмовым маслом, а везли всякие цветные тряпки, старые ружья и прочий хлам, который англичане сбывают дикарям.

Наконец ветер, который так долго нам благоприятствовал, упал, и несколько дней мы дрейфовали в спокойном, маслянистом море, под солнцем, от лучей которого смола пузырилась меж досками палубы.

Мы поворачивали паруса во все стороны, ловя каждое дуновение, и наконец вышли из полосы штиля и опять поплыли на юг со свежим ветром, а все море вокруг так и кишело летучими рыбами. Несколько дней Бернс, казалось, был чем-то обеспокоен, и я заметил, что он то и дело приставляет ладонь к глазам и оглядывает горизонт, словно высматривает землю. Дважды я видел, как его рыжая голова торчала у карты в капитанской каюте – он глядел на булавку, которая с каждым днем приближалась к африканскому берегу, но никак не могла его достичь. И вот однажды вечером, когда мы с капитаном Фурно играли в экарте в его каюте, вошел помощник, на загорелом лице которого было сердитое выражение.

– Прошу извинить меня, капитан Фурно, – сказал он. – Но известно ли вам, куда рулевой держит курс?

– Точно на юг, – ответил капитан, пристально глядя в свои карты.

– А должен на восток.

– Откуда вы знаете?

Помощник что-то сердито проворчал.

– Может, я не такой уж широко образованный, – заявил он, – но позвольте вам сказать, капитан Фурно, что я начал плавать в этих водах десятилетним мальчишкой и знаю, когда прохожу экватор, а когда – штилевую полосу, и умею найти путь туда, где берут нефть. Мы теперь к югу от экватора и должны держать курс на восток, а не на юг, ежели вы идете в тот порт, куда вас послали хозяева.

– Извините, мистер Жерар. Прошу вас запомнить, что ход мой, – сказал капитан, кладя карты. – Подойдите сюда, мистер Бернс, и я дам вам практический урок кораблевождения. Вот полоса юго-западного пассата, вот экватор, вот порт, куда мы плывем, а вот человек, который командует на своем корабле.

С этими словами он схватил несчастного помощника за горло и душил его до тех пор, пока тот не лишился чувств. Стюард Керуан вбежал с веревкой, они вдвоем связали помощника и заткнули ему рот, так что он стал совершенно беспомощен.

– На руле стоит один из наших французов. А этого, пожалуй, придется швырнуть за борт, – сказал стюард.

– Да, так будет вернее всего, – согласился капитан Фурно.

Но такого я не мог стерпеть. Никакие соображения не заставят меня равнодушно смотреть, как убивают незащитного.

Капитан Фурно с большой неохотой согласился пощадить Бернса, и мы отнесли его в кормовой трюм под каютой. Там его положили среди тюков манчестерской мануфактуры.

– Нет смысла закрывать люк, – сказал капитан Фурно. – Густав, скажи мистеру Тэрнеру, что мне нужно поговорить с ним.

Второй помощник, ничего не подозревая, вошел в каюту, его мигом связали, как Бернса, и во рту у него оказался кляп. Потом его отнесли вниз и положили рядом с его товарищем. Крышку люка закрыли.

– Этот рыжий болван вынудил нас поторопиться, – сказал капитан, – и мне пришлось раньше времени открыть карты. Однако особой беды тут нет, это не нарушает мои планы. Керуан, выкати для команды бочонок рома и скажи, что капитан просит выпить за его здоровье по случаю перехода экватора. Они ничего не заподозрят. наших ребят собери у себя в камбузе, и мы проверим, все ли готовы к делу. А теперь, полковник Жерар, с вашего разрешения мы продолжим игру.

Да, такое не забудешь до самой смерти. Этот железный человек

тасовал и снимал карты, сдавал и делал ходы, как будто сидел в своем излюбленном кафе. Снизу доносились нечленораздельные звуки, которые издавали оба помощника, чьи рты были заткнуты кляпами из носовых платков. Наверху, под свежим ветром, который гнал нас вперед, скрипела оснастка и гудели паруса. Сквозь плеск волн и свист ветра мы слышали дикие крики английских матросов, которые радовались, откупоривая бочонок с ромом. Мы сыграли партий шесть, после чего капитан встал.

– Ну, теперь они, пожалуй, готовы, – сказал он, вынул из ящика два пистолета и протянул один мне.

Но мы могли не бояться сопротивления, так как сопротивляться было некому. Англичанин в те времена, будь то солдат или матрос, закоренел в пьянстве. Без вина это был бравый и добрый малый. Но стоило поставить ему выпивку, и он буквально терял рассудок – ничто не могло принудить его к воздержанности. В полумраке матросского кубрика мы увидели команду «Черного лебедя» – пять бесчувственных фигур и двое безумных, которые орали, ругались и распевали песни. Стюард принес моток веревки, и мы с помощью двух французов (третий стоял на руле) связали пьяных и заткнули им рты, так что они не могли ни пикнуть, ни пошевелинуться. Их, так же как обоих помощников капитана, одного за другим бросили в трюм, но на носу, и Керуану было приказано дважды в день приносить им воду и еду. Теперь «Черный лебедь» был целиком в наших руках.

Разыграйся на океане шторм, не знаю, что мы стали бы делать, но корабль весело бежал по волнам все дальше и дальше на юг, и хотя ветер был достаточно крепок, он не вызывал у нас беспокойства. Вечером третьего дня я застал капитана на мостике, он пристально вглядывался в даль.

– Смотрите, Жерар, смотрите! – воскликнул он и указал вперед поверх палки, которая торчала на носу судна.

Над темно-синим морем голубело небо, а вдали, на самом горизонте, виднелось какое-то туманное облачко, с четкими очертаниями.

– Что это? – спросил я.

– Земля.

– Какая?

Я напряженно ждал ответа, уже заранее зная, что он скажет.

– Это остров Святой Елены.

Так вот он, остров, о котором я столько думал! Вот она, клетка, в которую посадили великого орла Франции! Многие тысячи лиг океана не помешали Жерару добраться до своего любимого повелителя. Он там, вон на том туманном берегу, за темно-синей водой. Я пожирал остров глазами!

Душа моя опережала корабль и летела к императору с вестью, что его не забыли, что после долгой разлуки верный слуга спешит к нему. С каждым мгновением темное пятно становилось все отчетливей. Вскоре я уже ясно видел, что это действительно скалистый остров. Наступила ночь, а я все стоял на палубе, преклонив колени, и вглядывался в темноту, туда, где, я знал, находится наш великий император. Прошел час, потом другой, и вдруг золотой, мерцающий огонек загорелся прямо впереди нас. Это светилось окно дома, быть может, его окно. И всего в нескольких милях от нас! О, с каким жаром я простер к нему руки! Вместе со мной, с Этьеном Жераром, простирали к нему руки вся Франция.

У нас на борту огни были погашены, и мы, по приказу капитана Фурно, все разом потянули за какую-то веревку, она повернула наверху одну из палок, и корабль остановился. После этого он попросил меня спуститься в каюту.

– Теперь вам все ясно, полковник Жерар, – сказал он. – И простите, что я не посвятил вас в свой план с самого начала. В столь важном деле я не мог открыться никому. Я давно уже замыслил спасти императора, лишь для этого я остался в Англии и пошел служить в торговый флот. Все получилось так, как я и рассчитывал. Я совершил несколько удачных рейсов к западному побережью Африки, а потом без труда сам подобрал себе команду. Постепенно я взял на борт этих старых французских моряков с военных кораблей. А вас я пригласил потому, что мне нужен был испытанный воин на случай сопротивления и, кроме того, подходящий человек, который состоял бы при императоре во время долгого пути на родину. Моя каюта уже приготовлена для него. Надеюсь, к утру он будет здесь и этот треклятый остров останется далеко за кормой.

Можете себе представить, друзья мои, какие чувства меня охватили, когда я услышал все это. Я обнял отважного Фурно и заклинал его сказать скорее, чем я могу быть ему полезен.

– Мне придется предоставить все дело вам, – сказал он. – Я хотел бы первым засвидетельствовать императору свою преданность, но мне неразумно сейчас покидать судно. Барометр падает, надвигается шторм, а берег от нас с подветренной стороны. Кроме того, близ острова стоят три английских крейсера, которые в любой миг могут нас обнаружить. Так что я должен оберегать судно, а вы – привезти на борт императора.

Эти слова привели меня в восторг.

– Приказывайте! – воскликнул я.

– Я могу дать вам в помощь только одного человека, ведь мы и так едва справляемся со снастями, – сказал он. – Шлюпка спущена на воду,

матрос доставит вас на берег и будет ждать. Свет, который вы видите, горит в Лонгвуде. В доме все друзья, и на них можно положиться, они помогут императору бежать. Правда, там есть английский кордон, но не очень близко от дома. Проникнув в дом, вы откроете наши планы императору, проводите его к шлюпке и привезете на борт.

Сам император не мог бы дать более короткие и ясные указания. Нельзя было терять ни секунды. Шлюпка с матросом ждала у борта. Я спустился в нее, и мы оттолкнулись от корабля. Наша лодчонка плясала на темных волнах, но огонек Лонгвуда все время светил мне в глаза, то был свет императора, звезда надежды. Наконец шлюпка задела килем каменистое дно. Бухта была отдаленная, и караульные нас не заметили. Я оставил матроса в шлюпке и полез вверх на крутой берег.

Тропа, протоптанная дикими козами, петляла среди скал, и я без труда находил дорогу. Само собой разумеется, все пути на Святой Елене вели к императору. Я подошел к воротам. Часового возле них не было, и я беспрепятственно вошел. Еще ворота, и опять нет часового! Я недоумевал, куда подевалась охрана, о которой говорил Фурно. Я уже достиг цели, потому что прямо передо мной, не угасая, горел огонь. Я спрятался и хорошенько огляделся, но никаких признаков врага не заметил. Тогда я подошел к дому и осмотрел его – он был длинный, низкий, с верандой. По дорожке прогуливался человек. Я подкрался ближе и взглянул на него. Возможно, это проклятый Гудзон Лоу. Вот было бы славно, если б я не только спас императора, но и отомстил врагу! Но, вероятнее всего, это был просто английский часовой. Я подкрался еще ближе, а он остановился у освещенного окна, и тут я его разглядел как следует. Нет, то был не солдат, а священник. Я удивился. Что он здесь делает в два часа ночи? Француз он или англичанин? Если он здесь живет, я могу ему открыться. А если это англичанин, тогда все мои планы рухнут. Я приблизился почти вплотную, но в этот миг он отошел от окна и скрылся в доме, из распахнутой двери хлынул поток света. Теперь мне все было ясно, я понял, что медлить нельзя ни секунды. Низко пригнувшись, я бросился к освещенному окну, выпрямился и заглянул внутрь... Император лежал предо мной мертвый.

Ах, друзья мои, я упал на дорожку за смертью, словно пуля пробилась мне голову. Удар был так ужасен, что не знаю, как я его выдержал. И все же через полчаса я, пошатываясь, встал на ноги – я дрожал всем телом, зубы у меня стучали, и я безумными глазами снова заглянул в эту обитель смерти.

Он лежал в гробу посреди комнаты, спокойный, бесстрастный, величественный, черты его лица были полны той скрытой силы, которая некогда воспламеняла наши сердца на битву. На его бледных губах застыла

слабая улыбка, глаза были приоткрыты – словно смотрели на меня. Он показался мне полнее, чем при Ватерлоо, а лицо смягчилось, чего я никогда не видел у него при жизни. По обе стороны гроба горели свечи, их свет, как маяк, звал нас издали, это он указывал мне путь, и его я приветствовал как звезду надежды. Я смутно видел, что в комнате много людей – все они стояли, преклонив колени; это был его скромный двор, мужчины и женщины, разделившие с ним его судьбу, – Бертран с женой, священник, Монтолон. Я тоже помолился бы за него, но сердце мое окаменело, и я не мог молиться. Нужно было уходить, но я не мог покинуть его, не подав о себе знака. Не заботясь о том, что меня могут увидеть, я вытянулся во фронт перед своим умершим вождем, щелкнул каблуками и поднял руку в прощальном приветствии. Потом повернулся и поспешил прочь, во тьму, а перед моим взором все стояли бледные улыбающиеся губы и застывшие серые глаза.

Мне казалось, будто я отсутствовал совсем недолго, но, по словам матроса, прошло уже много часов. И только теперь я заметил, что ветер с моря почти перешел в шторм и волны с ревом набегают на берег. Мы дважды пытались отчалить на своей маленькой шлюпке, но волны отбрасывали нас назад. В третий раз огромная волна захлестнула шлюпку и пробила дно. Беспомощные, мы дождались около нее рассвета и увидели вокруг лишь бушующее море да брызги пены. «Черного лебедя» не было. Мы залезли на скалу и огляделись, но нигде среди бушующего простора океана не мелькал парус. Наш корабль исчез. Затонул ли он, или английские матросы снова захватили его, или же ему была уготована какая-то иная, неведомая нам судьба, – не знаю. Никогда больше я не видел капитана Фурно и не мог рассказать ему, как мне не удалось выполнить его поручение. Сам я сдался англичанам – мы с матросом сказали, будто спаслись вдвоем с погибшего корабля, и, право, нам не пришлось притворяться. Английские офицеры, как всегда, оказали мне самое щедрое гостеприимство, но прошло много долгих месяцев, прежде чем мне удалось вернуться на свою любимую родину, за пределами которой не может быть счастлив истый француз, каким я всегда был.

Этим вечером, друзья мои, я рассказал вам, как мне довелось проститься с моим повелителем, а теперь я прощаюсь с вами и благодарю вас за то, что вы так терпеливо слушали скучные рассказы старого, немощного солдата. Вы побывали вместе со мной всюду – в России, в Италии, в Германии, в Испании, в Португалии, в Англии, увидели моими, уже потускневшими глазами яркий блеск тех великих дней, я вызвал перед вами тени людей, чья поступь некогда сотрясала землю. Сохраните же все

это в душе и передайте своим детям, потому что память о той великой эпохе – самое драгоценное сокровище, какое только может быть у народа. Как дерево питается перегноем собственных палых листьев, так эти умершие люди и минувшие дни могут унавозить почву для новых славных героев, правителей и мудрецов. Я уезжаю в Гасконь, но слова мои останутся в вашей памяти и будут согревать сердца людей и укреплять их дух еще долго после того, как об Этьене Жераре забудут навсегда. Господа, старый солдат приветствует вас и желает вам всех благ.

notes

СНОСКИ

Гиды – личная охрана императора, состоявшая из ветеранов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Гунтер – особый тип лошади для конной охоты.

Ковильян – город в Португалии.

Барт – сокращенное «баронет».

Ударный состав – смесь для воспламенения пороха.

Ватье (Watier's) – английский клуб в Лондоне, существовавший в начале XIX в.

Адольф фон Лютцов – немецкий барон, возглавивший партизанскую войну в тылу армии Наполеона.

Габионы – плетеные корзины с землей, из которых сооружали стены для защиты от пуль и картечи противника.

Майкл Титиен – бригадир называет так великого итальянского живописца XVI в. Тициана Вечеллио. Ангелюс – очевидно, имеется в виду Анжелико, фра Джованни да Фьезоле (1387–1455).

Имеется в виду Гольдони.

Французская военная академия.

Молись за нас (*лат.*).

Тебя Бога славим (*лат.*).

О Боже мой! Боже мой! (*фр.*)

Охотничьему завтраку (*фр.*).

Намек на Трафальгарскую битву, во время которой ветер и волны мешали французскому флоту маневрировать.

Бог мой (*исп.*).

Спаги – кавалеристы из французской колониальной Африки.

В атаку! Вперед! Да здравствует император! (*фр.*)

В составе русской армии были гродненские гусары, а не драгуны.

Атаман Платов.

Счастливого пути (*фр.*).

Шеврон – нашивка на левом рукаве.

После реставрации Людовика XVIII маршал Ней был присужден к смертной казни и расстрелян.